

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ

**факты
тенденции
прогноз**

4(34) 2014

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
ТЕРРИТОРИЙ РАН

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И СОЦИАЛЬНЫЕ
ПЕРЕМЕНЫ:
ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ**

**Журнал выходит по решению руководителей экономических институтов РАН:
Северо-Западного федерального округа**

Институт экономики Карельского научного центра РАН (Республика Карелия)
Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского научного центра РАН (Мурманская область)
Институт социально-экономического развития территорий РАН (Вологодская область)

руководства

Санкт-Петербургского государственного экономического университета
Череповецкого государственного университета (Вологодская область)

других регионов РФ

Институт социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН (Республика Башкортостан)
Институт экономики Уральского отделения РАН (Свердловская область)

Решением Президиума
Высшей аттестационной
комиссии Минобрнауки
России от 19 февраля
2010 года №6/6
журнал включён
в Перечень ведущих
научных изданий,
рекомендуемых для
публикации основных
результатов
диссертаций
на соискание учёной
степени доктора
и кандидата наук.

Журнал включён в базы
данных ВИНИТИ РАН,
Ulrich's Periodicals
Directory, Index
Copernicus International,
EBSCOhost, Proquest,
а также в Российский
индекс научного
цитирования и
представлен в открытом
доступе на платформе
Научной электронной
библиотеки
(<http://www.elibrary.ru>).

С 2014 года Германская
национальная
экономическая
библиотека
включила журнал
в свой фонд.

Журнал также
направляется в
Библиотеку Конгресса
США.

Редакционный совет:

Макаров В.Л., академик РАН, директор Центрального экономико-математического института РАН (Москва, Россия)
Ивантер В.В., академик РАН, директор Института народнохозяйственного прогнозирования РАН (Москва, Россия)
Окрепилов В.В., академик РАН, генеральный директор Центра испытаний и сертификации (ТЕСТ-Санкт-Петербург, Россия)
Татаркин А.И., академик РАН, директор Института экономики УРО РАН (Екатеринбург, Россия)
Витязь П.А., академик, руководитель Аппарата НАН Беларуси (Минск, Беларусь)
Никитенко П.Г., академик НАН Беларуси (Минск, Беларусь)
Лаженцев В.Н., член-корреспондент РАН, советник РАН, гл.н.с. Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УРО РАН (Сыктывкар, Россия)
Сапир Ж., проф., директор Высшей школы социальных наук (EHSS), Центра исследований индустриализации (CEMI) (Париж, Франция)
Валентей С.Д., д.э.н., проф., научный руководитель Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова (Москва, Россия)
Гайнанов Д.А., д.э.н., проф., директор Института социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН (Уфа, Россия)
Дайнеко А.Е., д.э.н., проф., директор Института экономики НАН Беларуси (Минск, Беларусь)
Ильин В.А., д.э.н., проф., директор Института социально-экономического развития территорий РАН (Вологда, Россия)
Кивинен М., проф., директор Александровского института Хельсинского университета (Хельсинки, Финляндия)
Котляров И.В., д.с.н., проф., директор Института социологии НАН Беларуси (Минск, Беларусь)
Кузнецов С.В., д.э.н., проф., директор Института проблем региональной экономики РАН (Санкт-Петербург, Россия)
Ларичкин Ф.Д., д.э.н., проф., директор Института экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского научного центра РАН (Апатиты, Россия)
Максимцев И.А. – д.э.н., профессор, ректор Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Санкт-Петербург, Россия)
Путилов А.В., д.т.н., проф., декан факультета управления и экономики высоких технологий Научно-исследовательского ядерного университета МИФИ (Москва, Россия)
Чукреев Ю.Я., д.т.н., директор Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УРО РАН (Сыктывкар, Россия)
Шишкин А.И., д.т.н., проф., гл. н. с. Института экономики Карельского научного центра РАН (Петрозаводск, Россия)
Штомпка Пётр, профессор, декан факультета теоретической социологии Ягеллонского университета (Краков, Польша)
Чжан Шухуа, доктор, проф., зам. начальника научного центра информации и документации Китайской академии общественных наук (Пекин, Китай)
У Энюань, проф., Институт российских, восточно-европейских и центрально-азиатских исследований Китайской академии общественных наук (Пекин, Китай)
Афанасьев Д.В., к.с.н., доцент, ректор Череповецкого государственного университета (Череповец, Россия)

Главный редактор – В.А. Ильин

Редакционная коллегия:

д.э.н., проф. Л.А. Аносова, д.э.н., проф. А.Г. Воробьев,
д.э.н., проф. Е.С. Губанова, к.э.н. К.А. Задумкин,
д.э.н. К.А. Гулин (зам. главного редактора), к.э.н. М.Ф. Сычев (зам. главного редактора),
к.филол.н. О.В. Третьякова (зам. главного редактора, отв. секретарь),
д.э.н. Т.В. Ускова, д.э.н. А.А. Шабунова, к.э.н. Г.В. Леонидова, к.э.н. С.В. Теребова

*Высказанные в статьях мнения и суждения могут не совпадать с точкой зрения редакции.
Ответственность за подбор и изложение материалов несут авторы публикаций.*

THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF TERRITORIES OF RAS

**ECONOMIC
AND SOCIAL
CHANGES:
FACTS, TRENDS, FORECAST**

4 (34) 2014

The journal is published according to the decision of RAS economic institutions' administration in the North-West Federal District

Institute of Economics of Karelian Scientific Centre of RAS (Karelia Republic)
G.P. Luzin Institute of Economic Problems of Kola Scientific Centre of RAS (the Murmansk Oblast)
Institute of Socio-Economic Development of Territories of RAS (the Vologda Oblast)

and according to the decision of the administration of

Saint Petersburg State University of Economics and Finance
Cherepovets State University (the Vologda Oblast)

and RAS institutions of other RF regions

Institute of Social and Economic Research of Ufa Science Centre of RAS (Bashkortostan Republic)
Institute of Economics of the Ural RAS Department (the Sverdlovsk Oblast)

The decision of Presidium of the Higher Attestation Commission of the Russian MES (No.6/6, dated 19.02.2010) the journal is included in the list of leading scientific editions, recommended for publication of the main results of dissertations for the degree of Doctor and Candidate of Sciences.

The journal is included into databases: VINITI RAS, Ulrich's Periodicals Directory, Index Copernicus International, EBSCOhost, Proquest, and also into the Russian Science Citation Index, and is presented in the open access on the platform of the Scientific e-Library (<http://www.elibrary.ru>).

In 2014 the German National Library of Economics included the Journal into its fund.

The journal is also sent to the Library of Congress, the USA.

Editorial Council:

Makarov V.L., RAS Academician, Director of the Central Economic Mathematical Institute of the RAS (Moscow, Russia)
Ivanter V.V., RAS Academician, Director of the Institute of Economic Forecasting of the RAS (Moscow, Russia)
Okrepilov V.V., RAS Academician, General Director of State Regional Center for Standardization, Metrology and Testing (St. Petersburg, Russia)
Tatarkin A.I., RAS Academician, Director of the Institute of Economics, Ural Branch of the RAS (Yekaterinburg, Russia)
Vityaz P.A., Academician, Head of Academy Staff of the NASB (Minsk, Belarus)
Nikitenko P.G., Academician of the NASB (Minsk, Belarus)
Lazhentsev V.N., RAS Corresponding Member, RAS Advisor, Senior Research Associate of the Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of the RAS (Syktyvkar, Russia)
Sapir J., Professor, Director of Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales (EHESS), Head of the Centre d'Etude des Modes d'Industrialisation (CEMI-EHESS) (Paris, France)
Valentey S.D., Doctor of Economics, Professor, Supervisor of Plekhanov Russian University of Economics (Moscow, Russia)
Gaynanov D.A., Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute for Social and Economic Research, Ufa Scientific Center of the RAS (Ufa, Russia)
Dayneko A.E., Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Economics of the NASB (Minsk, Belarus)
Ilyin V.A., Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Socio-Economic Development of Territories of the RAS (Vologda, Russia)
Kivinen M., Professor, Director of the Aleksanteri Institute of the University of Helsinki (Helsinki, Finland)
Kotlyarov I.V., Doctor of Sociology, Professor, Director of the Institute of Sociology of NASB (Minsk, Belarus)
Kuznetsov S.V., Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Problems of Regional Economics (St. Petersburg, Russia)
Larichkin F.D., Doctor of Economics, Professor, Director of Luzin Institute of Economic Problems of Kola Scientific Centre of the RAS (Apatity, Russia)
Maksimtsev I.A., Doctor of Economics, Professor, Rector of the Saint Petersburg State University of Economics (St. Petersburg, Russia)
Putilov A.V., Doctor of Technical Sciences, Professor, Dean at the Department of Management and Economics of High Technologies of National Research Nuclear University MEPhI (Moscow, Russia)
Chukreev Yu.Ya., Doctor of Technical Sciences, Director of the Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of the RAS (Syktyvkar, Russia)
Shishkin A.I., Doctor of Technical Sciences, Professor, Chief Research Associate of the Institute of Economics of Karelian Scientific Centre of the RAS (Petrozavodsk, Russia)
Sztompka, P., Professor, Dean at the Department of Theoretical Sociology of the Jagiellonian University (Kraków, Poland)
Zhang Shuhua, Doctor, Professor (Beijing, China), Deputy Director of the Center for Documentary and Information of the Chinese Academy of Social Sciences
Wu Enyuan (Beijing, China), Professor, the Institute of Russian, Eastern European & Central Asian Studies of the Chinese Academy of Social Sciences
Afanasyev D.V., Ph.D. in Sociology, Associate Professor, Rector of Cherepovets State University (Cherepovets, Russia)

Chief Editor - V.A. Ilyin

Editorial Board:

Doctor of Economics, Professor L.A. Anosova, Doctor of Economics, Professor A.G. Vorobyov,
Doctor of Economics, Professor E.S. Gubanova, Ph.D. in Economics K.A. Zadumkin,
Doctor of Economics K.A. Gulin (Deputy Chief Editor), Ph.D. in Economics M.F. Sychev (Deputy Chief Editor),
Ph.D. in Philology O.V. Tretyakova (Deputy Chief Editor, Executive Editor),
Doctor of Economics T.V. Uskova, Doctor of Economics A.A. Shabunova,
Ph.D. in Economics G.V. Leonidova, Ph.D. in Economics S.V. Terebova

*Opinions presented in the articles can differ from the editorial board's point of view.
Authors of the articles are responsible for the material selected and stated.*

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

- Ильин В.А.* Научный анализ глобальных вызовов для России (о статье академика С.Ю. Глазьева «Как не проиграть в войне») 9
- Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества 16

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

- Осипов Г.В.* Политический шантаж – преддверие глобальной катастрофы 24
- Тощенко Ж.Т.* Экономическое сознание и поведение: состояние и тенденции (1990–2012) 36

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ

- Румянцев А.А.* Постиндустриальный технологический способ производства: время зарождения 48
- Ускова Т.В., Чекавинский А.Н.* Закон о стратегическом планировании в Российской Федерации: достоинства и нерешенные вопросы (экспертная оценка) 63
- Батчаев А.Р., Жихаревич Б.С.* Санкт-Петербург в постсоветский период: экономические стратегии и развитие 68
- Дидык В.В., Рябова Л.А.* Моногорода российской Арктики: стратегии развития (на примере Мурманской области) 84

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

- Татаркин Д.А., Сидорова Е.Н.* Оценка влияния процесса социального воспроизводства на экономическое развитие региона (на примере Свердловской области) 100
- Соловьева Т.С., Шабунова А.А.* Средний класс в регионах СЗФО: возможности расширенного воспроизводства 113
- Попова Л.А., Барашкова А.С.* Развитие брачно-семейных отношений в северных регионах России 130
- Базуева Е.В.* Трансформация диспозиции гендерной власти в современных семьях как фактор институциональных изменений 148
- Кочешкова Л.О.* Оценка профессиональной деятельности руководителя организации социальной сферы 165

КРУГЛЫЙ СТОЛ: ОБЩЕСТВО И СОЦИОЛОГИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

<i>Морев М.В.</i> Актуальность социологического знания на современном этапе развития российского общества.....	179
<i>Лавренюк Н.М.</i> Возможности социологического знания в снятии ограничений интеллектуального развития региона: опыт практического применения в Башкортостане.....	186
<i>Гужавина Т.А.</i> Доверие в контексте неэкономических факторов модернизационного развития	190
<i>Ирназаров Р.И.</i> Социологические исследования в советское время в Республике Башкортостан.....	195

ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

<i>Рохчин В.Е., Усков В.С.</i> Пути увеличения экономического оборота плодово-ягодной продукции в регионе	198
<i>Советов П.М., Волкова С.А., Советова Н.П.</i> Условия и факторы движения сельхозтоваропроизводителей по инновационному пути развития	212
<i>Чекавинский А.Н., Селименков Р.Ю.</i> Моделирование продовольственной безопасности региона	226
<i>Смиренникова Е.В., Кармакулова А.В.</i> Оценка проработанности стратегических и программных документов, регулирующих вопросы развития туризма в северных регионах России.....	236

МОДЕЛИРОВАНИЕ И ИНФОРМАТИКА

<i>Скородумов П.В.</i> Моделирование экономических систем с помощью аппарата сетей Петри	253
--	-----

ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ

Письмо из Библиотеки Конгресса США	260
Требования к оформлению статей.....	261
Информация о подписке	266

CONTENT

FROM THE CHIEF EDITOR

- Ilyin V.A.* Scientific analysis of global challenges for Russia (on the article
“How not to lose in the war” by Academician S.Y. Glazyev) 9
- Public opinion monitoring of the state of the Russian society..... 16

THEORETICAL ISSUES

- Osipov G.V.* Political blackmail – the eve of the global catastrophe 24
- Toshchenko J.T.* Economic consciousness and behavior: state and trends (1990–2012) 36

DEVELOPMENT STRATEGY

- Rumyantsev A.A.* Postindustrial technological way of production: time of emergence 48
- Uskova T.V., Chekavinskii A.N.* Law on strategic planning in the Russian Federation:
advantages and unresolved issues (expert evaluation) 63
- Batchaev A.R., Zhikharevich B.S.* Saint Petersburg in the post-Soviet time:
economic strategies and development 68
- Didyk V.V., Ryabova L.A.* Single-industry towns of the Russian Arctic: development
strategy on the case study of the cities/towns in the Murmansk Oblast 84

SOCIAL DEVELOPMENT

- Tatarkin D.A., Sidorova E.N.* Assessment of the impact of the social reproduction
process on economic development of the region (case study of
the Sverdlovsk Oblast) 100
- Solov'eva T.S., Shabunova A.A.* Middle class in the regions of the Northwestern
Federal District: expanded reproduction capabilities 113
- Popova L.A., Barashkova A.S.* Development of marriage and family relationships
in the northern regions of Russia 130
- Bazueva E.V.* Transformation of gender power disposition in modern families
as a driving force of institutional changes 148
- Kocheshkova L.O.* Assessment of professional of the head of a socially-oriented
establishment 165

ROUND TABLE: SOCIETY AND SOCIOLOGY IN MODERN RUSSIA

<i>Morev M.V.</i> Importance of sociological knowledge at the present stage of development of the Russian society	179
<i>Lavrenyuk N.M.</i> Possibilities of sociological knowledge to promote intellectual development of the region: experience of practical application in the Republic of Bashkortostan	186
<i>Guzhavina T.A.</i> Trust in the context of non-economic factors in modernization development	190
<i>Irnazarov R.I.</i> Sociological research in the Soviet period in the Republic of Bashkortostan	195

BRANCH-WISE ECONOMY

<i>Rokhchin V.E., Uskov V.S.</i> Ways to enhance the economic turnover of fruit and berry production in the region	198
<i>Sovetov P.M., Volkova S.A., Sovetova N.P.</i> Conditions and factors promoting the movement of agricultural producers towards innovation-based development.....	212
<i>Chekavinskii A.N., Selimenkov R.Y.</i> Modelling of food security in the region	226
<i>Smirennikova E.V., Karmakulova A.V.</i> Estimation of elaboration of strategic and program policy documents regulating questions of tourism development in northern regions of Russia	236

MODELLING AND INFORMATICS

<i>Skorodumov P.V.</i> Modeling of economic systems with Petri nets	253
---	-----

FROM THE EDITOR'S MAILBOX

Letter from the Library of Congress, the USA	260
Requirements to manuscripts	261
Subscription information	266

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

**Владимир Александрович
ИЛЬИН**

д.э.н., профессор,
заслуженный деятель
науки РФ,
директор ИСЭРТ РАН
ilin@vscc.ac.ru

**Vladimir Aleksandrovich
ILYIN**

Doctor of Economics,
Professor, Honoured
Scientist of the Russian
Federation,
ISEDТ RAS Director
ilin@vscc.ac.ru

Научный анализ глобальных вызовов для России (о статье академика С.Ю. Глазьева «Как не проиграть в войне»)

Во вступительной статье, опубликованной в предыдущем номере нашего журнала¹, мы подробно остановились на актуальности для современной России идей, изложенных выдающимся отечественным ученым-экономистом академиком Дмитрием Семеновичем Львовым в работе «Экономический манифест – будущее российской экономики». Ключевым, все-сторонне обоснованным в этой работе является вывод о том, что Россия должна продвигаться по своему пути. Дмитрий Семенович убедительно показал, что современный капиталистический мир все больше раздвигается противоречиями, способствует возникновению социальных конфликтов, региональных столкновений и локальных войн. Как он подчеркнул, главные ставки будущего развития России должны быть сделаны на духовное наследие нашего народа, его стремление решать стержневые вопросы сообща, коллективно, на обеспечение социальной справедливости, усиление роли государства в управлении экономикой и социальной жизнью.

В нашей статье было особо подчеркнуто, что в отечественной науке в последние годы идеи Д.С. Львова все активнее развиваются его учениками и последователями. Среди них – академик Сергей Юрьевич Глазьев².

¹ См.: Ильин В.А. Россия должна продвигаться по своему пути // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – № 3. – С. 9-15.

² К настоящему времени С.Ю. Глазьевым опубликовано более 130 работ по экономическим, финансовым, социальным проблемам. В их числе: Теория долгосрочного технико-экономического развития. – М.: ВладДар, 1993; Благосостояние и справедливость. Как победить бедность в богатой стране. – Б.С.Г.-ПРЕСС, 2003; Выбор будущего. – М.: Алгоритм, 2005; Социалистический ответ либеральной глобализации. – АПН, 2006; Модернизация российской экономики на основе нового технологического уклада как ключевое направление антикризисной политики. Аналитический доклад по программе Российского гуманитарного научного фонда (проект № 09-02-95650. докл.). 2009; Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. – М.: Экономика, 2010; Уроки очередной российской революции. Крах либеральной утопии и шанс на экономическое чудо // Экономическая газета. – 2011; Политика экономического роста в условиях глобального кризиса: доклад (2012) и др.

В 2013 году под редакцией академиков А.Д. Некипелова, В.В. Ивантера, С.Ю. Глазьева подготовлен доклад РАН «Россия на пути к современной динамичной и эффективной экономике»³, который был представлен Президенту РФ В.В. Путину, в феврале 2014 года подробно обсужден на встрече главы государства с экспертной группой ученых-экономистов Российской академии наук⁴.

Экономическая и политическая эрудиция С.Ю. Глазьева, его постоянная включенность в научный анализ процессов, протекающих в нашей стране, с учетом её положения во всё более глобализирующемся мире, — с большой силой проявились в его недавней статье «Как не проиграть в войне»⁵, в которой анализируется украинский кризис в контексте глобальных экономических изменений, создающих объективные предпосылки эскалации военно-политической напряженности в международных отношениях, прогнозируются её последствия для современной России, излагается видение состава и содержания мер, направленных на преодоление их негативного влияния на будущее России.

На наш взгляд, это научно обоснованная постановка данных вопросов. В ней дается не только анализ текущего геополитического положения России, а сделан серьезный шаг в научном исследовании проблемы, названы своими именами многие вещи, которые до недавнего времени не принято было озвучивать. Но достоинство статьи этим не ограничивается. Она отличается развернутой аргументацией,

использованием классических и новейших теоретико-методологических подходов к проблеме, четкой структурой, применением инструментов современного научного анализа экономических, социальных и политических явлений.

Статья открывается обширным разделом, в котором характеризуются конфликтные поля украинского кризиса.

С.Ю. Глазьев считает, что первое конфликтное смысловое поле здесь касается внутривнутриполитического устройства Украины. Это поле изначально образовалось на фоне многолетних требований населения Донбасса и других районов Юго-Востока Украины о федерализации и признании государством русского языка.

Второе смысловое конфликтное поле — так называемый европейский выбор Украины. За него агитировали активисты Майдана и поддерживающие оппозиционеров европейские чиновники и политики.

Разрешение этих двух — как первого, так и второго — конфликтов не может решаться насилием. Не ради этого идет на Украине война. Глазьев доказывает, что идеологически она заквашена на нацизме. Пропаганда киевской хунты внушает общественному сознанию человеконенавистнические представления об оппонентах. По отношению к ним используются животные аналогии — они, дескать, «нелюди», недочеловеки. Им отказывают в праве на выражение своей позиции, их разрешается заживо сжигать и убивать. Именно нацистское смысловое поле генерирует основное напряжение конфликта и объясняет использование насилия для его разрешения.

Суть вопроса, по словам С.Ю. Глазьева, лежит в плоскости конфликтного поля, действующего уже многие столетия. Это поле агрессии Запада против России.

Знамя этой агрессии в настоящее время несут Соединенные Штаты Америки. Американцы всерьез убеждены в своем превос-

³ Россия на пути к современной динамичной и эффективной экономике / под редакцией академиков А.Д. Некипелова, В.В. Ивантера, С.Ю. Глазьева / Российская академия наук. — М., 2013. — 93 с.

⁴ Стенограмма встречи В.В. Путина с учеными-экономистами РАН 19 февраля 2014 года [Эл. рес.]. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/20291>

⁵ Полный текст статьи (её объём охватывает более 90 стандартных машинописных страниц) размещен в Интернете. — Режим доступа: http://www.glazev.ru/sodr_ssn/368/.

ходстве над всеми остальными народами планеты. Культ исключительности США служит основанием для американских властей наказывать любые другие народы, вплоть до их физического истребления, в случае нежелания подчиниться. Сам же смысл подчинения определяется экономическими интересами американского капитала, которые предусматривают полное открытие границ для американских товаров и капиталов, внедрение американских стандартов жизни, использование американского доллара в качестве резервной валюты и средства международных расчетов.

В полном соответствии с англосаксонской традицией «разделяй и властвуй» американские идеологи прививают украинским нацистам культ ненависти и превосходства над русскими, которых назначили виновниками за все беды и обиды украинского народа.

Европейская поддержка украинских националистов также индуцируется американскими интересами в обеспечении своего глобального доминирования, которое в настоящее время имеет место практически во всех возможных сферах — экономической, финансовой, военной, идеологической. С.Ю. Глазьев приводит обширные аналитические данные, неопровержимо доказывающие, что США — это единственная сила, которая извлекает пользу из эскалации украинского конфликта.

Объективной основой разрастания этого конфликта в фазу глобальной военно-политической напряженности являются проблемы, связанные с заменой структур прежнего технологического уклада и становлением структур нового. США рассчитывают при помощи организации большой войны в Европе успешно пережить кризис, накрывающий их в связи с угасанием эффективности доминирующего в настоящее время уклада, а потом выйти на новую длинную волну экономического роста.

При этом, по Глазьеву, относительно мировой экономики в целом речь может идти об одном из трех сценариев дальнейшего развертывания событий в среднесрочной перспективе.

Оптимистический сценарий предусматривает перевод кризиса в управляемый режим, позволяющий ведущим странам канализировать спад в устаревших секторах экономики и периферийных регионах и направить остающиеся ресурсы на подъем инновационной активности и форсированный рост нового технологического уклада.

Катастрофический сценарий — это коллапс существующей американоцентричной финансовой системы, формирование относительно самодостаточных региональных валютно-финансовых систем и уничтожение большей части международного капитала.

И наконец, при *инерционном сценарии* развития событий будет нарастать хаос и разрушение многих институтов как в ядре, так и на периферии мировой экономики, появятся новые центры экономического роста в странах, которые первыми оседлают новую длинную волну экономического роста. Этот сценарий наиболее интересен американским элитам.

Проделав масштабный анализ сущности и содержания стратегии и тактики американских политиков, С.Ю. Глазьев доказывает, что украинский кризис изначально организовывался США против России. Его непосредственной целью является отрыв Украины от России, который оформляется подчинением Украины Евросоюзу в виде ассоциации, посредством которой Украина отдает свои суверенные права в области регулирования внешнеэкономической деятельности, проведения внешней и оборонной политики и других проблем, включая социальные, — Брюсселю. По сути, это означает еврооккупацию Украины, а средством американской агрессии становится еврофашизм.

Происходящая сегодня антироссийская истерия украинских СМИ, поражающая своей оголтелостью, только поверхностному наблюдателю кажется реакцией на крымскую драму. На самом деле, подчеркивает С.Ю. Глазьев, происходит формирование украинской версии еврофашизма как главного орудия разжигания мировой войны против России.

Как объективный и ответственный ученый, главное место в статье С.Ю. Глазьев отводит вопросам о том, что делать, чтобы предотвратить войну с Россией, а если она случится, как победить в войне.

Чтобы предотвратить войну, считает академик, прежде всего необходимо подорвать разжигающие войну силы — экономические, информационные, политические и идеологические основы их влияния. В статье излагаются пути, методы и инструменты, которые могут способствовать размыванию этих основ.

С.Ю. Глазьев подчеркивает исключительную важность для успешного решения данной задачи формирования глобальной антивоенной коалиции, которая должна предложить понятные всем принципы упорядочения и гармонизации социально-культурных и экономических отношений в мире. Их фундамент складывается из ценностей, разделяемых основными культурно-цивилизированными обществами. В частности, таких, как принципы недискриминации (равенства людей, без разделения на «своих» и «чужих»), справедливости и ответственности, механизмы социальной защиты, юридические формы прав и свобод граждан. В своей статье С.Ю. Глазьев обозначает главные составные части антикризисной программы антивоенной коалиции. Она должна строиться исходя из принципов взаимной выгоды и добросовестной конкуренции в глобальных финансово-экономических отношениях, путем устранения монополизации функций

международного экономического обмена в чьих-либо частных или национальных интересах. Антивоенная коалиция должна выдвинуть свою мирную альтернативу гонке вооружений в стимулировании развития нового технологического уклада.

Вместе с тем С.Ю. Глазьев констатирует: «Даже если удастся предотвратить интернационализацию украинского конфликта и не допустить развязывания войны против России в Европе, риски ее разжигания будут оставаться до тех пор, пока руководство США не оставит претензии на глобальное доминирование. К мировой войне США подталкивают охарактеризованные выше объективные закономерности глобальной экономической и политической динамики. Их понимание позволяет прогнозировать военно-политическую активность на ближайшее десятилетие». Согласно прогнозам длинных циклов политической активности, излагаемым в рассматриваемой статье, пик международных военно-политических конфликтов приходится на 2016–2018 гг. По тем же прогнозам, самый опасный период для России наступит в начале 2020-х гг., когда начнется технологическое перевооружение развитых стран и Китая, а США и другие западные страны выйдут из депрессии 2008–2018 гг. и совершат новый технологический скачок. Чтобы избежать отставания России в этот опасный период (по Глазьеву — самого негативного сценария, ведущего к распаду страны), необходима системная внутренняя и внешняя политика укрепления национальной безопасности, обеспечения экономической самостоятельности, повышения международной конкурентоспособности и опережающего развития национальной экономики, мобилизации общества и модернизации военно-промышленного комплекса.

Все это представляет для нашей страны первостепенную важность в сложившейся обстановке: на Россию развернута скоор-

динированная масштабная атака США и их союзников. Под видом санкций против нас уже фактически развязана экономическая война. Цель этой войны — полная деструкция современной России. Для США критически важно, вломившись в зону жизненных интересов России, поддержать и ускорить реализацию стратегии элиты, захватившей власть в Киеве⁶.

Глазьевым приводятся стратегические и тактические меры, которые позволят нам победить в войне. В эти меры он включает следующие:

— доступ к разработке недр и другим стратегическим отраслям следует предоставлять только полностью российским компаниям;

— конечные владельцы системообразующих предприятий должны зарегистрировать свою собственность в России;

— находящиеся в офшорах компании должны платить налоги в полном объеме;

— каналы незаконного и полузаконного вывода денег за рубеж должны быть закрыты;

— должны быть введены налоги на финансовые спекуляции и вывоз капитала;

— долларовые активы должны быть переведены в золото и валюты дружественных стран;

⁶ В этой связи нельзя не согласиться с заключением руководителя фракции партии «Справедливая Россия» в Государственной Думе С.М. Миронова о том, что киевский режим готовится к большой войне. Под патронатом Соединенных Штатов Америки и руководством американских инструкторов он может пойти на любую силовую авантюру. См.: выступление С.М. Миронова на встрече В.В. Путина с членами фракций политических партий в Государственной Думе [Электронный ресурс] // Стенографический отчет о встрече. — Режим доступа: <http://news.kremlin.ru/transcripts/46451>

О реальности военных притязаний говорят многие другие известные эксперты, специалисты, обозреватели. Так, В. Шурыгин резюмирует: «Необходимо, наконец, отдавать себе отчет, что мы находимся в состоянии войны. Но не с Украиной, которая в её нынешней ипостаси не просуществовала бы и полгода, а против самой мощной державы мира — США, стоящей за её спиной» (Шурыгин В. Бойня № 4 // Завтра. — 2014. — № 32 (1081). — Август. — С. 2).

— экспорт углеводородов, металлов и другой продукции должен осуществляться только в рублях;

— госкорпорации должны перестать брать кредиты за рубежом.

Реализация перечисленных и других мер опережающего развития и модернизации отечественной экономики, отмечает автор, требует высокой согласованности действий и определенной солидарности основных социальных групп российских граждан. Это предполагает кардинальное снижение социального неравенства, порождающего антагонистическое и отчужденное отношение граждан к политике государства.

В этих целях, как считает С.Ю. Глазьев, необходимо:

— повышение прожиточного минимума до уровня реальной стоимости базовой потребительской корзины, а также пересмотр ее содержания с учетом фактической структуры потребления населения, потребностей в здравоохранении и образовании;

— повышение минимальной оплаты труда до уровня черты бедности;

— стимулирование создания новых рабочих мест, содействие развитию малого и среднего бизнеса;

— введение прогрессивной шкалы налогообложения доходов, наследства и предметов роскоши;

— создание необходимых условий для активизации человеческого капитала и улучшение нравственного климата в обществе на основе возрождения традиционных духовных ценностей. При этом в первоочередном нравственном оздоровлении нуждается сама система государственного управления.

Этот перечень сам по себе не нов — он обобщает видение основных направлений стратегии деятельности российских властей, отстаиваемых представителями отечественной науки и общественности, которые считают крайне опасным продолжение

курса на дальнейшую либерализацию экономической и социальной жизни страны. В этой связи заметим, что пути решения проблем, обозначенных С.Ю. Глазьевым, постоянно находились в центре внимания научной общественности страны⁷. Им посвящено содержание большинства выпусков нашего журнала⁸.

Со времени публикации статьи академика прошло больше месяца. Она полностью или в сокращенном виде размещена на многочисленных российских и зарубежных сайтах. Взгляд ученого активно поддерживается здравомыслящими людьми. Но первостепенную важность имеет то, что находит воплощение в текущей жизни нашей страны, в политике и практике её руководства.

Экспертное сообщество, парламентские партии отмечают, что В.В. Путин, находясь на высшей государственной должности, все активнее проводит поли-

тику реализма и она встречает поддержку большей части населения России — 85,3%, по данным ВЦИОМ⁹, что превышает уровень 2007 г. (80,8%).

Политика реализма была обозначена В.В. Путиным еще на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности в феврале 2007 года, когда он высказал свой взгляд на сущность политики США и всей Европы по отношению к России. Именно тогда он подчеркнул, что для современного мира однополярная модель не только не приемлема, но и вообще невозможна. Подверг резкой критике использование в международной политике США и их союзников двойных стандартов.

Политика реализма Президента проявилась и в задачах нового экономического курса нашей страны, четко сформулированных В.В. Путиным в его предвыборных статьях как кандидата в президенты России и майских указах 2012 года, подписанных в

⁷ Аганбегян А.Г. Социально-экономическое развитие России: анализ и прогноз // Проблемы прогнозирования. — 2014. — № 4; Амосов А. Об экономическом механизме нового индустриального развития // Экономист. — 2014. — № 2; Бобков В. О социальном измерении нового этапа развития // Экономист. — 2013. — № 5; Гурвич Е., Прилепский И. Как обеспечить внешнюю устойчивость российской экономики // Вопросы экономики. — 2013. — № 9; Делягин М. Крах оптимистических иллюзий и отправной пункт российского выздоровления // Российский экономический журнал. — 2014. — № 1; Новая экономическая политика — политика экономического роста / В.В. Ивантер, М.Н. Узиков, М.Ю. Ксенофонтов, А.А. Широков и др. // Проблемы прогнозирования. — 2013. — № 6; Идрисов Г., Синельников-Мурылёв. Бюджетная политика и экономический рост // Вопросы экономики. — 2013. — № 8; Квинт В.А., Окрепилов В.В. Качество жизни и ценности в национальных стратегиях развития // Вестник РАН. — 2014. — Т. 84. — № 5; Клейнер Г. Какая экономика нужна России и для чего (опыт системного исследования) // Вопросы экономики. — 2013. — № 10; Князев Ю. Перспективы российской экономики: шанс на ускорение // Общество и экономика. — 2014. — № 2-3; Комков Н.И. Комплексное прогнозирование научно-технического развития: опыт и уроки // Проблемы прогнозирования. — 2014. — № 3.

⁸ В номерах журнала, вышедших в 2012–2013 гг. и первой половине текущего года, эти проблемы, в частности, были предметом таких публикаций, как: Губанов С.С. *Неоиндустриальная модель развития и её системный алгоритм*. — 2014. — № 3; Локосов В.В. *Переход от экстенсивной к интенсивной демографической политике*. — 2014. — № 3; Шабунова А.А., Ласточкина М.А. *Преодоление социального неравенства как импульс к социокультурной модернизации*. — 2014. — № 3; Гусаков М.А. *Выявление направлений и путей трансформации научно-инновационного пространства регионов разного типа*. — 2014. — № 3; Ильин В.А., Шабунова А.А. *Социологическое измерение эффективности государственного управления*. — 2014. — № 1; Попова Л.А. *Оценка эффективности государственных демографических инициатив*. — 2014. — № 2; Лапин Н.И. *О стратегии интегрированной модернизации*. — 2014. — № 1; Ильин В.А. *Новая повестка дня и эффективность государственного управления*. — 2013. — № 5; Поварова А.И. *Региональный бюджет 2013–2015: стабильность или выживание?* — 2013. — № 1; Ускова Т.В. *О роли инвестиций в обеспечении устойчивого экономического роста*. — 2013. — № 6; Теребова С.В. *Малый бизнес как фактор повышения уровня занятости и доходов населения региона*. — 2013. — № 5; Поварова А.И. *Неэффективное администрирование НДС как угроза экономической безопасности России*. — 2013. — № 2; Селин В.С., Селин И.В. *Оценка возможностей и факторов инновационного развития региональной экономики*. — 2013. — № 4; Ильин В.А. *На трудном пути к сильному гражданскому обществу*. — 2012. — № 6 и др.

⁹ База данных Всероссийского Центра изучения общественного мнения [Эл. ресурс]. — Режим доступа: <http://www.wciom.ru>

день президентской инаугурации. Решение поставленных в них задач является важнейшим условием обеспечения национальной безопасности на ближайшее десятилетие.

Проявление реализма представляют также поднятые Президентом в выступлении на Валдайском форуме в сентябре 2013 года большие проблемы страны и их глубинные внутренние причины. Обеспечение стратегической безопасности и конкурентоспособности России в XIX веке **«невозможно без духовного, культурного, национального самоопределения, иначе мы не сможем противостоять внешним и внутренним вызовам, не сможем добиться успеха в условиях глобальной конкуренции»**. И для этого **«нужно быть сильным в военном, технологическом, экономическом отношении, но всё-таки главное, что будет определять успех, — это качество людей, качество общества интеллектуальное, духовное, моральное»**¹⁰.

В очередной раз политику реальных действий проявил Президент РФ после государственного переворота на Украине. За шесть дней были проведены все необходимые согласно Конституции РФ юридические процедуры по приему в состав Россий-

ской Федерации двух новых субъектов — Республики Крым и города Севастополя. 21 марта 2014 года соответствующий закон был подписан Президентом РФ. Тем самым В.В. Путин зафиксировал Российскую Федерацию в новом качестве — как страну, которая не только хочет, но и может отстаивать свои национальные интересы.

14 августа 2014 г. В.В. Путин, выступая в Ялте на встрече с членами фракций политических партий Государственной Думы Российской Федерации, снова акцентировал особое внимание на приоритетах решения текущих задач внутреннего развития страны: **«...Какой бы ни была внешняя политическая и экономическая конъюнктура, для нас сейчас главное, собственно, как всегда, — это наши внутренние с вами дела, наши цели, заботы, задачи, которые ставит перед нами народ России, граждане России. Мы должны сконцентрироваться на решении своих национальных проблем и задач. Наше будущее только в наших руках. Мы должны обеспечить высокое качество госуправления, работу политических и гражданских институтов. И самое главное — высокое качество жизни граждан в России»**¹¹.

Представляется, что научно обоснованный анализ международной, политической и экономической ситуации в стране и в мире, сделанный в статье академика С.Ю. Глазьева «Как не проиграть в войне», а также анализ возможных вариантов развития событий и их влияния на экономическую и политическую ситуацию в Российском государстве является хорошей базой для выработки дальнейшей четкой программы действий Президента РФ, политического руководства страны по нейтрализации явных и скрытых угроз, как внешних, так и внутренних, для национальной безопасности России.

¹⁰ Путин В.В. Речь на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» 19 сентября 2013 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.cremlin.ru/news/19243>

¹¹ Цитируется по тексту, размещенному на официальном сайте Президента России. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/46451>

Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества

Продолжая сложившуюся традицию нашего издания, приводим результаты мониторинговых оценок общественного мнения о состоянии российского общества, выполняемых ИСЭРТ РАН в Вологодской области¹.

Нижеследующие таблицы показывают динамику ряда параметров социального самочувствия и общественно-политических настроений населения Вологодской области в июне–августе 2014 г., а также в среднем за последние 6 опросов. Дается сопоставление их с данными за 2013 г., 2011 г. (когда шёл к окончанию срок пребывания в должности Президента РФ Д.А. Медведева), и за 2007 г. (когда завершался второй срок президентской деятельности В.В. Путина). Сравнений с 2012 г. не проведено, поскольку это был неполный год президентства В.В. Путина (инаугурация состоялась 7 мая 2012 г.).

Оценка деятельности власти

Несмотря на напряжённую международную политическую обстановку (кризис на Украине, двусторонние санкции России и стран ЕС и США), оценки деятельности федеральных и региональных органов государственной власти в июне–августе 2014 г. не изменились. На стабильно высоком уровне остается поддержка Президента РФ (66%) и Председателя Правительства РФ (55%). В целом по стране доля положительных оценок деятельности главы государства за последние два месяца также не изменилась и составила 85% (по данным ВЦИОМ).

Напомним, что с начала года рост поддержки Президента РФ шел стремительными темпами. В течение первой половины 2014 г. одобрение деятельности В. Путина на посту главы государства возросло на 22 п.п. в среднем по стране (с 64 до 86%) и на 11 п.п. в Вологодской области (с 56 до 67%). В 2007 г. поддержка главы государства в стране была выше, чем в регионе, на 6 п.п. (81 и 75% соответственно), а в августе 2014 г. – на 19 п.п. (85 и 66% соответственно). Во многом это связано с региональными особенностями – тяжелыми для области последствиями мирового финансового кризиса 2008 г., сменой руководства субъекта РФ в конце 2011 г.

¹ Опросы проводятся 6 раз в год в Вологде, Череповце и в восьми районах области (Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском и Шекснинском). Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Объем выборочной совокупности – 1500 человек в возрасте 18 лет и старше.

Выборка целенаправленная, квотная. Репрезентативность выборки обеспечена соблюдением пропорций между городским и сельским населением, пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города), половозрастной структуры взрослого населения области. Ошибка выборки не превышает 3%.

Более подробную информацию о результатах опросов, проводимых ИСЭРТ РАН, можно найти на сайте <http://www.vscs.ac.ru/>.

Несколько ниже уровень одобрения деятельности губернатора Вологодской области (39%). Следует отметить, что поддержка губернатора Вологодской области стабилизировалась после продолжительного снижения в период с октября 2013 по июнь 2014 г. (за это время доля положительных оценок снизилась с 46 до 39%). По-видимому, сохранение поддержки главы региона в августе 2014 г. на уровне июня связано с предстоящими выборами глав субъектов Федерации (единый день голосования пройдет в России 14 сентября 2014 г.), а также с заявлениями О. Кувшинникова о готовности экономики региона к эффективному функционированию в условиях санкций.

Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность...?
(в % от числа опрошенных)

Показатель	2007*	2011*	2013*	Окт. 2013	Дек. 2013	Фев. 2014	Апр. 2014	Июнь 2014	Авг. 2014	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-), последние 6 опросов по отношению к		
											2013	2011	2007
Президент РФ													
Одобряю	75,3	58,7	55,3	54,3	57,3	56,1	62,8	66,6	66,4	60,6	+5	+2	-15
Не одобряю	11,5	25,6	29,4	28,7	28,9	29,3	25,4	21,8	19,3	25,6	-4	0	+14
Председатель Правительства РФ*													
Одобряю	-	59,3	48,9	49,0	51,1	49,3	52,5	55,8	55,2	52,2	+3	-7	-
Не одобряю	-	24,7	32,8	30,6	32,5	32,9	30,9	26,4	26,8	30,0	-3	+5	-
Губернатор													
Одобряю	55,8	45,7	44,4	45,9	44,1	42,8	41,6	38,5	38,8	42,0	-2	-4	-14
Не одобряю	22,2	30,5	33,2	32,4	35,3	36,9	39,0	40,9	40,1	37,4	+4	+7	+15

* Вопрос задается с 2008 г.

За последние два месяца несколько снизилась доля жителей области, считающих успешными действия Президента РФ по укреплению международных позиций России (с 54 до 51%), наведению порядка в стране (с 50 до 48%), защите демократии и укреплению свобод граждан (с 40 до 38%). Уровень одобрения работы главы государства по подъему экономики и росту благосостояния граждан в июне—августе 2014 гг. существенно не изменился (35—36%). Отсутствие позитивных изменений в оценке деятельности Президента РФ по решению ключевых проблем страны отмечается впервые с начала года. Однако следует отметить, что, несмотря на напряженную политическую ситуацию в стране и за ее пределами, существенного ухудшения общественного мнения не происходит.

Насколько успешно, на Ваш взгляд, Президент РФ справляется с проблемами..? *
(в % от числа опрошенных)

Показатель	2007	2011	2013	Окт. 2013	Дек. 2013	Фев. 2014	Апр. 2014	Июнь 2014	Авг. 2014	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-), последние 6 опросов по отношению к		
											2013	2011	2007
Укрепление международных позиций России													
Успешно	58,4	46,2	45,7	47,7	47,5	45,9	48,6	53,7	50,9	49,1	+3	+3	-9
Не успешно	24,9	33,7	36,2	33,7	35,8	35,7	35,5	31,7	30,0	33,7	-3	0	+9
<i>Индекс успешности</i>	<i>133,5</i>	<i>112,5</i>	<i>109,5</i>	<i>114,0</i>	<i>111,7</i>	<i>110,2</i>	<i>113,1</i>	<i>122,0</i>	<i>120,9</i>	<i>115,3</i>	<i>+6</i>	<i>+3</i>	<i>-18</i>
Наведение порядка в стране													
Успешно	53,2	36,6	39,4	41,7	44,5	42,7	46,7	49,5	47,5	45,4	+6	+9	-8
Не успешно	34,0	50,0	47,5	46,7	45,5	43,7	40,9	39,5	37,8	42,4	-5	-8	+8
<i>Индекс успешности</i>	<i>119,2</i>	<i>86,6</i>	<i>91,9</i>	<i>95,0</i>	<i>99,0</i>	<i>99,0</i>	<i>105,8</i>	<i>110,0</i>	<i>109,7</i>	<i>103,1</i>	<i>+11</i>	<i>+17</i>	<i>-16</i>
Защита демократии и укрепление свобод граждан													
Успешно	44,4	32,4	31,8	33,5	32,8	32,3	36,3	40,1	37,6	35,4	+4	+3	-9
Не успешно	37,0	48,3	51,0	50,9	51,6	50,1	48,7	43,9	43,7	48,2	-3	0	+11
<i>Индекс успешности</i>	<i>107,4</i>	<i>84,1</i>	<i>80,8</i>	<i>82,6</i>	<i>81,2</i>	<i>82,2</i>	<i>87,6</i>	<i>96,2</i>	<i>93,9</i>	<i>87,3</i>	<i>+7</i>	<i>+3</i>	<i>-20</i>
Подъём экономики, рост благосостояния граждан													
Успешно	47,2	30,7	31,3	31,9	32,6	31,5	34,9	35,8	35,1	33,6	+2	+3	-14
Не успешно	39,1	56,1	56,8	57,7	59,7	57,1	54,3	53,5	50,2	55,4	-1	-1	+16
<i>Индекс успешности</i>	<i>108,1</i>	<i>74,6</i>	<i>74,5</i>	<i>74,2</i>	<i>72,9</i>	<i>74,4</i>	<i>80,6</i>	<i>82,3</i>	<i>84,9</i>	<i>78,2</i>	<i>+4</i>	<i>+4</i>	<i>-30</i>

* Ранжировано по среднему значению индекса успешности за последние 6 опросов.

В партийно-политических предпочтениях населения ведущую роль сохраняет партия «Единая Россия». В июне–августе уровень ее поддержки существенно не изменился (33–34%). Стабильны также позиции остальных партий: КПРФ – 9%, ЛДПР – 7%, «Справедливая Россия» – 4%. За последние два месяца практически не изменилась доля жителей области, затруднившихся с выбором политической силы, наиболее соответствующей их интересам (11–12%).

В течение 2014 года наблюдается устойчивая тенденция увеличения поддержки «Единой России» (с февраля по июнь – с 28 до 34%). Позиции остальных партий с начала года не изменяются.

Какая партия выражает Ваши интересы? (в % от числа опрошенных)

Партия	2007	Выборы в ГД РФ 2007 г., факт	2011	Выборы в ГД РФ 2011 г., факт	2013	Окт. 2013	Дек. 2013	Фев. 2014	Апр. 2014	Июнь 2014	Авг. 2014	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-), последние 6 опросов по отношению к		
													2013	2011	2007
Единая Россия	30,2	60,5	31,1	33,4	29,4	26,9	29,5	28,3	29,5	32,7	34,3	30,2	+1	-1	0
КПРФ	7,0	9,3	10,3	16,8	11,3	11,9	11,8	10,9	10,7	9,8	9,1	10,7	-1	0	+4
ЛДПР	7,5	11,0	7,8	15,4	7,2	8,4	8,1	8,9	8,3	6,2	6,9	7,8	+1	0	0
Справедливая Россия	7,8	8,8	5,6	27,2	4,6	4,0	4,4	3,5	3,3	3,3	3,7	3,7	-1	-2	-4
Другая	1,8	–	1,9	–	0,6	1,0	0,8	0,4	0,2	0,1	0,1	0,4	0	-2	-1
Никакая	17,8	–	29,4	–	34,9	37,3	34,4	35,2	34,8	36,0	35,0	35,5	+1	+6	+18
Затрудняюсь ответить	21,2	–	13,2	–	10,2	10,5	10,9	12,7	13,1	11,8	10,9	11,7	+2	-2	-10

Показатели социального состояния остаются стабильными с апреля 2014 г.: доля положительных оценок социального настроения составляет 71%, запаса терпения – 81–83%.

С декабря 2013 г. существенно не изменяется социальная самоидентификация населения: доля жителей области, считающих себя «людьми среднего достатка», составляет 42–44%, удельный вес тех, кто относит себя к «бедным и нищим», – 47–50%.

В то же время, несмотря на стабильные оценки социального состояния населения, в августе 2014 г. по сравнению с июнем заметно уменьшился индекс потребительских настроений (с 91 до 87 п.), что свидетельствует о снижении потребительской активности жителей региона. Скорее всего, на это влияет напряженная экономическая ситуация в регионе, связанная с долговой нагрузкой регионального бюджета, а также неуверенность населения в том, какие последствия для потребительского рынка будут иметь санкции России по запрету на поставку ряда ключевых продуктов питания (говядины, свинины, овощей, фруктов, мяса птицы, рыбы, морепродуктов, сыров, молока и молочных продуктов) из Австралии, Канады, Норвегии, США и стран Евросоюза.

Оценка социального состояния (в % от числа опрошенных)

Показатель	2007	2011	2013	Окт. 2013	Дек. 2013	Фев. 2014	Апр. 2014	Июнь 2014	Авг. 2014	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-), последние 6 опросов по отношению к		
											2013	2011	2007
Настроение													
Нормальное состояние, прекрасное настроение	63,6	63,1	68,6	71,5	69,6	65,1	69,3	71,1	70,5	69,5	+1	+6	+6
Испытываю напряжение, раздражение, страх, тоску	27,8	28,9	26,2	24,0	26,2	27,1	24,9	23,7	25,1	25,2	-1	-4	-3
Запас терпения													
Всё не так плохо и жить можно; жить трудно, но можно терпеть	74,1	74,8	79,3	81,6	83,1	79,8	81,3	81,0	82,5	81,6	+2	+7	+8
Терпеть наше бедственное положение невозможно	13,6	15,3	14,2	12,3	12,0	12,3	11,1	13,4	12,8	12,3	-2	-3	-1
Социальная самоидентификация													
Доля считающих себя людьми среднего достатка	48,2	43,1	43,9	45,7	43,7	44,2	43,1	42,0	44,1	43,8	0	+1	-4
Доля считающих себя бедными и нищими	42,4	44,3	46,9	45,4	46,7	46,9	49,1	48,4	49,6	47,7	+1	+3	+5
Индекс потребительских настроений													
Значение индекса, в пунктах	105,9	89,6	90,3	90,4	87,9	91,5	90,3	90,5	87,1	89,6	-1	0	-16

Оценка развития событий на Украине

Большинство жителей Вологодской области поддерживают политику России по отношению к событиям на Украине. В июне–августе 2014 г. их доля незначительно увеличилась (с 65 до 67%). Противоположной точки зрения придерживается 10% населения области.

За два последних месяца поддержка политики России по отношению к событиям на Украине увеличилась в большинстве социально-демографических групп населения. Особенно среди женщин (с 64 до 69%), людей в возрасте до 30 лет (с 61 до 67%), лиц со средним специальным образованием (с 60 до 69%), 20% наименее обеспеченных (с 43 до 48%), жителей Череповца (с 73 до 77%).

Поддерживаете ли Вы политику России по отношению к событиям на Украине?
(в % от числа опрошенных)

Категории населения	Поддерживаю		Не поддерживаю	
	Июнь 2014 г.	Август 2014 г.	Июнь 2014 г.	Август 2014 г.
Пол				
Мужской	66,4	64,0	11,0	13,0
Женский	63,8	68,5	9,2	8,2
Возраст				
До 30 лет	61,0	67,0	6,9	8,5
30-55 лет	65,2	66,3	10,6	11,2
Старше 55 лет	67,5	66,4	11,3	10,3
Образование				
Среднее и н/среднее	61,5	58,5	9,2	12,7
Среднее специальное	59,6	68,9	12,1	10,6
Высшее и н/высшее	74,0	72,7	8,9	7,5
Доходные группы				
20% наименее обеспеченных	42,5	47,8	18,7	16,4
60% среднеобеспеченных	68,1	69,3	8,9	10,3
20% наиболее обеспеченных	83,9	80,2	5,1	5,6
Территории				
Вологда	72,6	71,9	5,5	9,0
Череповец	72,9	77,0	8,5	7,1
Районы	56,5	57,6	13,2	12,8
Область	65,0	66,5	10,0	10,3

За последние два месяца доля людей, узнающих об украинских событиях из телепередач, увеличилась с 80 до 87% в Вологодской области и с 91 до 94% – в среднем по стране. 29% жителей региона получают информацию о развитии украинского конфликта от друзей, родных и соседей. Это выше, чем в июне (24%), и в целом соответствует среднероссийскому уровню (27%).

По-прежнему жители региона значительно чаще, чем в среднем по стране, получают информацию о событиях на Украине из газет и социальных сетей Интернета (в Вологодской области – 22%, в России – 11%).

Удельный вес жителей области, не интересующихся развитием ситуации на Украине, за период с июня по август 2014 г. заметно снизился (с 14 до 8%), однако остается более высоким, чем в среднем по России (1%).

Откуда Вы в основном узнаете о событиях на Украине, в Крыму?*

(несколько вариантов ответа; в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	ИСЭРТ РАН		Левада-Центр	
	Июнь 2014	Август 2014	Июнь 2014	Июль 2014
Телевидение	79,5	87,0	91	94
Друзья, родные, соседи	24,0	28,5	26	27
Газеты	27,9	21,8	9	11
Социальные сети Интернета	24,1	21,5	10	11
Интернет-издания (газеты, журналы, информационные порталы)	13,6	14,7	17	18
Радио	14,9	11,9	11	15
Журналы	4,5	2,6	2	2
Другое	0,1	0,3	1	1
Не интересуюсь этим	13,9	7,5	1	1

* В порядке распространённости в Вологодской области по данным на август 2014 г.

По сравнению с июнем в августе незначительно увеличилась доля жителей области, считающих, что федеральные СМИ объективно освещают события на Украине (с 56 до 58%). В среднем по стране удельный вес разделяющих это мнение несколько снизился (с 79 до 74%).

Более половины жителей региона полагают, что зарубежные СМИ дают необъективную информацию о развитии украинского конфликта. Доля придерживающихся этого мнения увеличилась в июне–августе 2014 г. с 52 до 60%. В целом по стране (по данным на июль 2014 г.) эту точку зрения разделяет 64% населения.

Как Вы считаете, насколько объективно освещают события на Украине, в Крыму..?

(в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	ИСЭРТ РАН		Левада-Центр	
	Июнь 2014	Август 2014	Июнь 2014	Июль 2014
Федеральные российские СМИ				
В целом и по большей части объективно	56,2	57,6	79	74
Не слишком объективно, совершенно не объективно	26,8	25,4	14	17
<i>Индекс, в пунктах</i>	129,4	132,2	165	157
Затрудняюсь ответить	17,0	17,0	7	10
Зарубежные СМИ*				
В целом и по большей части объективно	22,4	18,1	18	н.д.
Не слишком объективно, совершенно не объективно	52,3	59,7	64	н.д.
<i>Индекс, в пунктах</i>	70,1	58,4	54	н.д.
Затрудняюсь ответить	25,3	22,2	18	н.д.

* В июле 2014 г. вопрос о том, насколько объективно зарубежные СМИ освещают события на Украине, Левада-Центром не задавался.

Заключение

Результаты опросов, проведенных в августе 2014 г., показывают, что высокий уровень одобрения деятельности Президента РФ (66%) и федеральных органов государственной власти сохраняется, несмотря на напряженную обстановку на международной политической арене. Даже в условиях двусторонних санкций неэкономические факторы по-прежнему играют ключевую роль в формировании общественного мнения (так, по данным ВЦИОМ, 95% россиян не ощущают на себе влияние санкций, хотя не слышали о них только 13% населения).

На региональном уровне продолжает расти одобрение политики России по отношению к событиям на Украине (65–67%), а также поддержка федеральных СМИ в освещении вопросов, связанных с развитием «украинского конфликта» (56–58%). Оценка деятельности губернатора за последние два месяца не изменилась (уровень одобрения составляет 39%), что, по-видимому, связано с предстоящими 14 сентября выборами глав регионов.

В августе 2014 г. по сравнению с июнем несколько снизилась потребительская активность населения (индекс уменьшился с 91 до 87 п.), однако это не повлияло на положительные оценки социального настроения (71%) и запаса терпения (83%), которые, как и ранее, преобладают над отрицательными суждениями (25 и 13% соответственно).

Политический шантаж — преддверие глобальной катастрофы

**Геннадий Васильевич
ОСИПОВ**

академик РАН, директор Института социально-политических исследований Российской академии наук (119991, г. Москва, Ленинский пр., д. 32а)

Аннотация. В статье ведущего российского социолога и политолога, на протяжении десятилетий исследующего состояние российско-американских отношений, поднимается актуальная проблема безотлагательного прекращения конфронтации между США и Россией и перехода к совместному контролю за мировыми процессами и построению многополярной модели мирового сообщества. На многочисленных примерах взаимодействия сверхдержав с вновь образованными государствами, вчерашними союзными республиками СССР, показано, что особую опасность представляют попытки квазигосударств постсоветского пространства в своих корыстных целях привести РФ и США к конфронтации. Особенно наглядно такая политика проявилась в действиях «майданных» властей Украины, которые решились на вооруженный террор против своего народа на Востоке страны в угоду интересам США и подконтрольного им военного блока НАТО. Как считает автор, ответная реакция России на такого рода недружественные действия США и их украинских протеже должна быть адекватной; сдержанной и миротворческой, но в случае если перейдена «красная» черта — жесткой и непреклонной.

В связи со сложившейся ситуацией актуализируется, по мнению автора, проблема мифоборчества. Следует решительнее пересматривать не соответствующие реальности мифы, в частности, о «нерушимом славянском единстве». Историческая память о межнациональных отношениях русских со своими соседями должна быть восстановлена в полном объеме, без изъятия «неудобных» для мифологии фактов. России пора отказаться (хотя бы на время) от миссионерства и бессребрничества в отношениях с соседями по Восточной Европе, строя отношения эти исключительно на взаимовыгодной основе и соблюдении обоюдных обязательств.

Ключевые слова: глобализация, конфронтация, межгосударственные отношения, угроза миру, катастрофа, мифология, шантаж, сверхдержавы, самодостаточность, изоляция, санкции, агрессия, партнерство, развитие, конвергенция, мессианство, благополучие, традиции, культура, парадигма.

На стыке XX—XXI веков человеческая цивилизация претерпела *качественные* изменения, не совместимые со *старой системой управления*. Управление современным обществом, как в национальном, так и глобальном масштабах, на основе метода проб и ошибок чревато непредсказуемыми социальными, экономическими, политическими и геополитическими последствиями. Эти последствия, по заключению ученых, могут быть *необратимыми* для современной цивилизации. В сложившихся условиях любые эксперименты над странами и народами должны быть *категорически исключены*.

От кого исходит угроза миру и международной безопасности?

Соединенные Штаты Америки, по данным опроса Gallup International WIN, проведенного в ноябре—декабре 2013 г., опасной страной считают 54% россиян, 24% жителей Земли солидарны с ними. Страны, обозначенные мировыми идеологами как «очаги зла и угрозы», по мнению мировой общественности, куда как менее опасны. Только 8% респондентов считают, что угрозу миру представляет Пакистан, еще 6% называют в этом качестве Китай. По 5% получили Иран, Израиль, Афганистан и Северная Корея. Россия по общемировым оценкам набрала 2% голосов как страна, которая представляет угрозу.

В странах Западной Европы опасной страной считают США 15% граждан. В Азии — 25%, а на Ближнем Востоке — 33%. Наибольшее число жителей, считающих США опасной страной, выявлено в Пакистане (44%), Сербии (45%), Турции (45%), Аргентине (46%), Боснии (49%), Китае (49%).

Комментируя данный опрос, **Андрей Милехин**, президент исследовательского холдинга РОМИР, директор-координатор ассоциации Gallup International WIN по России, СНГ и Восточной Европе, счи-

тает, что его данные отражают реальную ситуацию, складывающуюся в последние годы в мире.

«Безусловно, Запад сохраняет (пока!) преимущество в экономической сфере и в вооружениях. Однако процесс регионализации мира набирает обороты. “Единый центр управления миром” показал свою неэффективность и угрозу человечеству. Он неизбежно уступит место многополярности» [ИА REGNUM. 12.08.14].

Естественно, уступит мирным, неконфронтационным путем. Любой серьезный конфликт между двумя мировыми сверхдержавами таит опасность вступления человечества в третью мировую войну.

Не меньшую опасность миру и серьезную проблему во взаимоотношениях между Соединенными Штатами Америки и Российской Федерацией представляет их шантаж со стороны третьих стран. Этот шантаж без преувеличения можно обозначить как путь к *глобальной катастрофе*.

Суть проблемы в следующем. В результате величайшей геополитической катастрофы, спланированной западными спецслужбами, развалился СССР. С претензиями на руководство ставшим монополярным миром выступили Соединенные Штаты Америки. При этом руководители этого государства игнорируют два аспекта современной международной реальности.

С одной стороны, наличие огромных запасов оружия массового поражения, достаточных для уничтожения всего живого на планете. С другой стороны, все растущие претензии как старых, так и новых возникающих государств на высокий уровень качества жизни, соответствующий или, по крайней мере, приближающийся к социально-экономическим реалиям так называемых развивающихся государств.

Но есть ли у новых государств объективные основания для такого рода претензий? Опыт показывает, что из более чем 190

государственных образований, которые, являясь на настоящий момент членами ООН, составляют современную цивилизацию, по-настоящему самодостаточными можно назвать лишь единицы. Страны-лидеры, к которым мы справедливо относим Россию и США, стали таковыми не только по причине наличия на их территориях жизненно необходимых ресурсов: углеводородов, природного газа, руды металлов, коксующегося угля, минеральных удобрений и т.п., но и высокого уровня технико-экономического развития. Страны, не являющиеся самодостаточными экономически, а значит и политически, самостоятельно свою жизнедеятельность обеспечить не могут. В той или иной мере они вынуждены ориентироваться на лидеров развития. Эта ситуация порождает новые сложные проблемы для самих ведущих стран.

Во многом негативный процесс противостояния великих держав провоцируют те самые до конца не состоявшиеся страны, которые на рынке мирового разделения труда и торговли способны предложить лишь политические услуги одной из сверхдержав в ее противостоянии с другой сверхдержавой.

Это относится не только к бывшим союзным республикам бывшего СССР, но и целому ряду других стран Европы, Африки, Латинской Америки и Азии.

За годы советской власти союзные республики СССР, за исключением Белоруссии и Азербайджана, дотировались в значительной степени за счет России, и теперь от этой привычки им, ставшим самостоятельными государствами, трудно отказаться. Поэтому продолжается давление на Россию как со стороны стран-членов СНГ, так и стороны бывших союзников по Варшавскому договору. России угрожают размещением на своих территориях баз НАТО и даже откровенной агрессией, как это

было во время вооруженного вторжения Грузии в Южную Осетию, когда вместе с осетинами гибли российские миротворцы, чья неприкосновенность подтверждалась мандатом Совбеза ООН.

Шантажируются и США бесконечными демагогическими просьбами защитить «молодые демократии» от «руки Москвы», требованиями поставок современных наступательных вооружений и «гуманитарной помощи». Появилась и новая, поражающая беспардонным цинизмом форма построения отношений «независимых» стран со сверхдержавами — Россией и США, когда у заокеанского патрона выпрашиваются политическая и даже военная защита и, одновременно с этим, у России — экономические преференции в обмен на сомнительные обещания снизить темп дрейфа в сторону совокупного Запада, повременить со вступлением в НАТО, поддержать в международных организациях по мало-значимым второстепенным вопросам и т.п.

Проблемы в отношении международной безопасности, которые раз за разом создают мировому сообществу восточноевропейские и другие «независимые» страны, вполне сравнимы с последствиями ширящегося в мире религиозного экстремизма, в первую очередь исламского фундаментализма.

Шантаж России и США может привести к военному конфликту между сверхдержавами и, как следствие, к геополитической катастрофе. В случае военного конфликта США и РФ победителей не будет, так как боевые действия сверхдержав уничтожат все живое на Земле и среду обитания не только людей, но и простейших организмов. **Политический шантаж — преддверие глобальной катастрофы. Политический шантаж должен быть поставлен вне закона.**

Настало время России и США пересмотреть свои взаимоотношения и те принципы, те методы управления, которыми они

руководствовались во внутренней национальной политике и на международном уровне, и выстроить новые четкие, соответствующие обоюдным интересам и современному миропониманию.

Прежде всего, следует отказаться от практики поощрения и даже принуждения своих союзников к конфронтации с геополитическим соперником. Не нужно впредь США разыгрывать в глобальной политической игре с Россией карты под названием «Польша», «Чехия», «Грузия», «Сирия», «страны Прибалтики» и т.д. Но и России следует аккуратнее и корректнее выстраивать свои партнерские и союзнические отношения. В частности, с рядом стран Карибского бассейна, государствами-лидерами Латинской Америки, которые хотя и расположены в непосредственной близости с естественной зоной национальных интересов США, проявляют близкую к агрессивности строптивость в отношении северного соседа. Пока что строптивость вербальную, но хорошо известно, что словесная перепалка часто провоцирует горячие конфликты.

Какие-то начальные штрихи новой дорожной карты дипломатических взаимоотношений России и США уже нанесены на чистый лист, и, чтобы успешно продолжать эту крайне необходимую миру «картографию», следует с уважением отнестись к тем шагам навстречу нашей стране, которые в свое время были совершены администрацией президента Б. Обамы.

Нисколько не умаляя заслуг российской дипломатии и лично Президента РФ В.В. Путина, благодаря которым удалось предотвратить внешнюю агрессию стран НАТО по отношению к Сирии, заключить долгожданные договоренности с Ираном, которые не только снизили порог ядерной опасности на Ближнем и Среднем Востоке, но и вывели ведущую ближневосточную державу — Иран — из унижительной для нее

и разорительной для иранской экономики изоляции, опять же, справедливости ради, скажу, что в процессе этом имела место если и не определенная поддержка мирных инициатив России со стороны США, то, по крайней мере, разумная готовность свернуть с тропы силового конфликта, не идти до трагического финала в геополитическом противостоянии великих держав.

Еще недавно все дипломатические действия и силовые акции США в ближневосточном регионе совершались исключительно в интересах Государства Израиль и верных Америке Саудовской Аравии и Катара. Теперь же администрация Обамы все чаще дает понять арабскому большинству в регионе, что будет учитывать и его интересы. «Известно куда ведет дорога, вымощенная благими пожеланиями», — наверняка возразят мне скептики. На что отвечу: «Дорогу, тяжелую и опасную, осилит лишь идущий, тот, кто вступил на нее и готовится совершить первый шаг».

Прекрасно отдаю себе отчет в том, что те изменения политической партитуры США, чаще даже не сами по себе изменения, а туманно заявленная *предрасположенность* к ним, столь ограничены во всем и завуалированы от своих внутренних и мировых «ястребов», что различимы, пожалуй, лишь такими ветеранами американской политологии, каковым является ваш покорный слуга. Соглашусь и с тем, что геополитические микроуступки, о которых я веду речь, продиктованы во многом затяжными кризисными явлениями в экономике США, в их финансовой сфере.

Как бы там ни было, для нас важно, что осознанно либо под давлением обстоятельств американский истеблишмент пусть и с явным раздражением, но начинает осознавать, что положение единственного мирового центра силы и развития, который объективно заняли США после ухода с мировой арены СССР, все в большей мере

становится не по средствам первой державе мира. Да, мировой кризис коснулся всех без исключения государств, так что появления второй супердержавы в обозримом будущем не предвидится. Но и Китай с завидным ростом основных экономических показателей, и Российская Федерация, настойчиво и успешно восстанавливающая свою уникальную силовую компоненту, с неизбежностью потеснят Америку на мировом Олимпе. (Как не вспомнить в этой связи о серии совещаний, которые провел 28–29 ноября 2013 г. в Сочи Президент РФ В.В. Путин с разработчиками и изготовителями нового сверхточного оружия, которым жестко и однозначно была поставлена задача в ближайшие сроки обеспечить поступление в Вооруженные Силы России достаточного количества вооружений, которые сделают Россию неуязвимой от любой агрессии.) А на подходе — Индия, Бразилия, Индонезия, та же Япония, с удивительной стойкостью и благородством пережившая фантазмагорические природные катаклизмы.

Мировое сообщество медленно, с остановками и откатами на предыдущие позиции, но движется по направлению к многополярному миру. К ситуации, когда перманентный диалог, а не силовое давление становится главной формой решения планетарных проблем. И хотя путь этот не близок, но уже сейчас мы должны готовить себя к новой всемирной политической конфигурации.

Переход к качественно новому партнерству двух великих держав, научное обоснование необходимости которого дал великий американский социолог русского происхождения Питирим Сорокин в труде «Взаимная конвергенция Соединенных Штатов и СССР в смешанный социокультурный тип» [*Pitirim A. Sorokin. 1961*], ни в коей мере не направлен против третьих стран. Более

того, доверительные отношения между ними объективно являются серьезным стимулом для конструктивного решения многими странами своих социально-политических проблем на основе свободного демократического выбора рыночных отношений и реальных возможностей.

Однако, несмотря на предпринимаемые Президентом РФ Владимиром Путиным усилия по смягчению противостояния России и Соединенных Штатов Америки на международной арене, реально это противостояние если и не усиливается, то существенно и не смягчается. Вслед за шагом навстречу наш американский партнер Барак Обама, как правило, совершает два шага назад или в сторону от магистрали. Характерный пример тому — гражданская война на Украине, которую подготовили, спровоцировали и поддерживают США и, хотя и со скрипом, часто «через не хочу», глобально зависимые от них страны Единой Европы. Поддерживают не в интересах самой Украины, не в интересах Европы, а исключительно для того, чтобы досадить России. Порядочно ли это?

Заметим, что прямое противостояние США и Российской Федерации наблюдается нечасто, ибо серьезные геополитические причины его практически отсутствуют. Россия и Соединенные Штаты в географическом плане «разведены» на разные континенты и не имеют общих сухопутных границ. Обе страны полностью самодостаточны и экономики их не зависят от уровня импортно-экспортных взаимоотношений. У нас нет претензий друг к другу в ретроспективном плане; напротив, история взаимоотношений наших стран и народов — это история эффективного сотрудничества и боевого братства в критические для мирового сообщества периоды. Достаточно вспомнить, что и в Первой мировой войне (Великой, как называют ее

на Западе), и во Второй мировой Российской Империя и СССР, с одной стороны, и Соединенные Штаты Америки – с другой, являлись союзниками.

Народам России и американцам присущи схожие черты: дружелюбие, открытость миру, патриотизм, соединяющиеся порой весьма причудливо, с мессианскими устремлениями.

Ситуация неопределенности и повышенной расположенности к конфликтам сложилась, напомним, в первую очередь, потому, что новые т.н. «развивающиеся страны», по крайней мере, многие из них пытаются построить свое благополучие, играя на противоречиях между США и Россией.

Можно понять логику Грузии, стремящейся всеми способами удержать в составе единого государства Абхазию. Создав на черноморском побережье Абхазии рекреационный и туристический кластеры, грузины могут жить, практически не работая, за счет средств, поступающих от туристов из стран Европы. Но почему грузины должны благоденствовать за счет территории, принадлежащей абхазскому народу? Тем более что не Абхазия исторически входила в состав Грузии, а Грузия была частью великого Государства Абхазского. По такой же «логике» можно понять и Украину.

В реальности не стоит забывать, что Киев никогда не был украинским городом, а Запорожская Сечь добровольно вошла в состав России, ища в ней заступницу перед завоевателями с Юга и Запада, из мусульманских и католических государств.

Центральная и западная Украина длительное время была оккупирована Польшей и, скорее всего, оставалась бы под этим гнетом до сих пор, если бы не заступничество России.

Украина в нынешнем своем виде была очерчена Брестским мирным договором.

Туда даже входили частично Воронежская и Курская области России. После денонсации Брестского договора В.И. Ленин решил, что это ничем не обоснованное расширение пределов Украины следует сохранить. Таким образом, Юг, Восток и в значительной мере Запад Украины никогда, за исключением смутного времени конца Первой мировой войны и большевистских манипуляций с границами бывшей Российской Империи, Украиной не являлись. И несмотря на это, РФ поддерживает целостность Украинского государства. Но она не может игнорировать коренные интересы 11 млн. русского населения Украины и относиться безучастно к попыткам бандеровцев лишить наших соплеменников их суверенных прав. Их *традиции, культура и язык* должны быть сохранены!

Никакой, даже отдаленной логики не просматривается в передаче Крыма Украинской ССР. Это было волюнтаристское решение Н.С. Хрущева, заигрывавшего с партийной организацией Украины, чтобы получить от нее поддержку в борьбе за власть в Москве. Поведение в данном случае руководителей США и их сателлитов напоминает поведение известного персонажа из книги Ильфа и Петрова, «которому было очень стыдно красть, но он продолжать красть».

Хорошо известно, что политические идеи руководства Украины в новейший период состояли в том, что Россия обеспечивает почти бесплатным газом промышленность и 30 млн. населения Украины. В противном случае аренда города русской славы Севастополя будет предоставлена не российскому, а американскому флоту. И тут просматриваются не столько экономические выгоды (прагматичные американцы не переплатят своим союзникам ни цента), но очередные попытки унижить, оскорбить русский народ.

Большинство украинцев понимают, что рано или поздно вопрос о незаконно присвоенных территориях актуализируется, поэтому для удержания пространства их лидеры настойчиво разжигают в народной среде, прежде всего среди молодежи, русофобские настроения. Одновременно делается все, чтобы вступить в НАТО и укрепить свои захватнические поползновения силовой компонентой этого агрессивного военно-политического блока.

Можно понять и Соединенные Штаты Америки. Они претерпели от нас унижения, когда СССР размещал на Кубе ракеты с атомными боеголовками, когда небезуспешно поддерживал антиамериканские режимы в Никарагуа и других государствах Латинской Америки, северной и центральной Африки. Обиды эти они нам запомнили и сейчас пытаются отомстить.

Одновременно с этим США переживают период кардинальной смены поколения вооружений. С кем собираются они воевать новейшим оружием? Только не с Россией! Но и отказаться от производства вооружений они не могут. Военно-промышленный комплекс является в США мощнейшим промышленно-экономическим фактором, важнейшей социальной компонентой американской экономики. Не то чтобы остановка производства вооружений, но даже хотя бы его частичное сокращение приведут страну к серьезной безработице, к потере темпов экономического развития, к стагнации и неизбежному кризису, который больно ударит по наименее защищенным слоям населения. Таким образом продолжается эта преступная гонка вооружений, дорога в никуда.

Речь не идет о резкой остановке мчащегося под всеми парами поезда американского ВПК. Речь идет о том, чтобы помочь нашим американским партнерам перестроить свой мощнейший экономический потенциал с задачи на уничтожение на задачу созидания.

Взять хотя бы участие американских корпораций в создании предложенного Россией т.н. «коридора развития», идея которого и первоначальные прогнозные расчеты и обоснования подготовлены в РАН. Этот глобальный транспортный коридор, дополненный мощными линиями оптико-волоконной связи, развитой инфраструктурой, способен буквально пронизать евразийский и североамериканский (с перспективой продолжиться в Южной Америке) континенты живительной артерией скоростной коммуникации, современной логистики, современных информационных систем. Для его создания и последующего развития и обслуживания потребуются миллионы высококвалифицированных и, следовательно, высокооплачиваемых рабочих мест. «Коридор развития» на десятилетия загрузит гарантированными заказами экономики России и США, а также привлеченных ими к деловому партнерству государств.

А ведь помимо сухопутного «коридора развития» через всю Россию, на очереди для нашей страны разработка не менее важного в стратегическом плане проекта возобновления на качественно новом технологическом и материально-техническом уровнях Северного морского пути. Проект этот откроет ворота в самую богатую и перспективную кладовую мировых запасов углеводородов — в русскую Арктику.

Он также сделает существенно короче и значительно менее затратным водный транспортный переход из Европы в Азию. Если по самому выгодному на сегодняшний день пути из портов европейской Балтии в Тихоокеанский регион через Суэцкий канал потребуются более полутора месяцев, то по Северному морскому пути этот же маршрут займет всего 21 день!

Очень важно понять всем нашим партнерам и оппонентам в мировом сообществе, что Россия принципиально не при-

емлет конфронтации с ведущей державой планеты — США. Да, мы противостоям стремлению американского истеблишмента навязать всем остальным странам политику постмодернизации, основанную на ограниченном суверенитете, резком сокращении экономической деятельности государств, детерриторизации и отказе от самостоятельной внешней политики. Россия не может согласиться с настойчивыми попытками США форсировать переход к монополюсному миру в целях установления своего мирового господства, подчинения своему неконтролируемому диктату остальных стран и народов. Американизация современного мира, которая объявлена дипломатией США важнейшей глобальной тенденцией мирового развития, не находит и никогда не найдет у Российской Федерации поддержки.

Но для нас также неприемлема и иная крайность — антиамериканизм, получивший свое наиболее яркое выражение в высказывании А. Парфреу: «Где бы вы ни были, захватит вас смерть, даже если бы вы были в воздвигнутых башнях» [*Парфреу Адам. 2003*]. Эта экстремистская тенденция рассматривается российской внешней политикой в качестве серьезной угрозы мировой безопасности, угрозы, приобретающей в ряде случаев драматический, античеловеческий характер.

Союзнический статус во Второй мировой войне сблизил народы Советского Союза и Соединенных Штатов Америки. Наше «сегодня» берет начало в победном для нас 1945 году. Об этом ни в коем случае нельзя забывать ни простым гражданам, ни истеблишменту двух наших стран.

У России с американскими партнерами существует множество точек соприкосновения, множество схожих проблем, требующих немедленного решения. Взять только глобальную проблему *нераспространения*,

будь то ядерные вооружения или новейшие традиционные военные системы, опасные формы биологических изысканий (клонирование человека, генномодифицированные продукты питания), терроризм и расовый экстремизм, агрессивные формы религии (ваххабиты, талибы, тоталитарные секты), наркотрафик, морально-нравственные извращения (порнография, содомия, проституция, подпольная торговля человеческими органами, изъятыми криминальным способом) и др. **Комплекс этих проблем в принципе способны решить только Россия и США целенаправленными совместными усилиями.** Ни у кого более на планете нет на то ни политических, ни экономических, ни силовых возможностей. **Понимание сложившейся ситуации должно усилить ответственность двух стран за судьбу мира.**

Российская Федерация и Соединенные Штаты Америки являются не только силовыми центрами земной цивилизации, но и ведущими странами в области научных исследований. Именно наука как основа современного мировоззрения, как весомый, наряду с религией и искусством, источник развития морально-нравственного императива способна достойно ответить на все более ширящиеся и углубляющиеся вызовы современности.

Времени, чтобы проявить ее, отпущено историей немного. Поэтому призываю сторонников и помощников нового кардинального сближения России и США, к которым отношу и себя, к активным реальным действиям в национальных интересах России и США, в интересах всего человечества.

Российская Федерация готова и открыта к такого рода сотрудничеству, о чем неоднократно свидетельствовали высказывания и четко сформулированные инициативы Президента РФ В.В. Путина,

заявления главы МИДа РФ С.В. Лаврова и других высокопоставленных руководителей Российской Федерации. Но готовы ли поддержать нас в этом благородном стремлении американские партнеры? Как можем убедиться, чаще всего — не готовы. Эгоистические интересы американского бизнеса, желание «пригнуть» Россию, заставить ее смириться с ролью ведомого в международной политической конфигурации то и дело побеждают здравомыслие и готовность к неконфронтационному развитию отношений со своими естественными партнерами.

С особой наглядностью такая позиция США проявилась в отношении кризиса на Украине, который подавляющее большинство граждан России переживают с саднящей душевной болью. Для них трагедия соседнего братского народа, веками пребывающего с русскими и другими народами России в дружбе и единении, — личная трагедия.

Руководители Запада, спровоцировав гражданскую войну на Юго-Востоке Украины, в очередной раз и навсегда попытались противопоставить славянские народы. Об этом хорошо в свое время написал Достоевский: «Начнут же они (*славяне*. — Г.О.) свою новую жизнь именно с того, что выпросят себе у Европы, у Англии и Германии, например, ручательство и покровительство их свободе, и хоть в концерте европейских держав будет и Россия, но они именно в защиту от России это и делают. Начнут они непременно с того, что внутри себя, если не прямо вслух, объявят себя и убедят себя в том, что России они не обязаны ни малейшею благодарностью, напротив, что от властолюбия России они едва спаслись при заключении мира вмешательством европейского концерта...» [*Достоевский Ф.М.* 1877].

Заокеанские политики видят в перспективе для обьятой пламенем гражданской войны Украины роль некой буферной территории, тотальной военной базы НАТО, сырьевого придатка и поставщика дешевой рабочей силы для объединенной Европы. Вот потому американцы совместно с европейцами и привели в Киеве к власти правительство, исповедующее идеологию неофашизма в его наиболее мерзком бандеровском варианте. Вот почему упорно не желают видеть зверства боевиков киевской хунты в Одессе, Краматорске, Славянске и других городах и населенных пунктах Юго-Востока Украины. Вот почему игнорируют убедительные доводы современных и эффективных российских средств слежения за боевыми действиями в Новороссии, которые ясно и однозначно указывают в качестве виновных в гибели малазийского пассажирского «Боинга 777» воинов армии Украины. Вот почему вину за содеянные злодеяния пытаются, используя весь арсенал политической демагогии, шантажа, запугивания мирных граждан, давление на СМИ, свалить на Россию, не имея на то ни малейших доказательств.

Как поступать в такой ситуации российскому руководству и обществу? Ответ может быть только один: адекватно. Если США не поймут и не учтут позиции России по Украине и иным сложным политическим, экономическим, оборонным проблемам, Российская Федерация должна будет жестко и принципиально начать выстраивать свою тотальную независимость от влияния третьих стран, даже если среди них и такой колосс, как США. Всячески избегая конфронтации, РФ должна будет строить свои отношения со всем миром исключительно на принципах рыночных отношений и рациональности. Без воинственной риторики и тем более

угроз, страна наша должна хотя бы на время отказаться от исторической мессианской роли, от благотворительности, односторонней помощи тем странам-партнерам, кто уже выказывал нашей стране неуважение и даже враждебность. В ответ на санкции США и их сателлитов она принимает свои санкции, последствия которых могут очень негативно сказаться на экономике Запада.

Заняв такую жесткую позицию по отношению к внешнему миру, и прежде всего лидеру западной, атлантистской идеологии – США, Россия должна неотлагательно и самым серьезнейшим образом заняться своей экономикой, своими финансами, своим сельским хозяйством, поставив целью скорейшее и радикальное улучшение социального положения населения.

Успех нашего дальнейшего развития невозможен без смены его парадигмы. Прежде всего, руководству России следует решительно устранить все еще действующие в стране факторы нацеленности реформ на разрушение.

В новейшей истории постсоветского периода Россия не раз уступала давлению США и совокупного Запада и каждый раз были обман и ложь. Стоит только напомнить высказывание М. Горбачева: «Я верю канцлеру Колю: расширения НАТО на Восток не будет». В результате Россия была вынуждена отступать из-за того плачевного состояния, в которое ее привели необдуманные радикальные реформы неолибералов, инспирированные политиками США и Запада.

Теперь Россия не та, что была 20 лет назад. Россия поднялась с колен! И чтобы вновь не рухнуть на колени надолго, а то и навсегда, ни в коем случае нельзя уступить сейчас по вопросу главных принципиальных позиций.

Политика Кремля, заявления Президента РФ В.В. Путина и в этом отношении обнадеживают и вдохновляют.

«На протяжении многих веков Россия выступала за крепкие и доверительные отношения между государствами. Так было и накануне Первой мировой, когда Россия сделала всё, чтобы убедить Европу мирно, бескровно решить конфликт между Сербией и Австро-Венгрией. **Но Россия не была услышана, и ей пришлось ответить на вызов, защищая братский славянский народ, ограждая себя, своих граждан от внешней угрозы. Россия выполнила свой союзнический долг (выделено мной. – Г.О.)** Её наступления в Пруссии и в Галиции сорвали планы противника, позволили союзникам удержать фронт и защитить Париж, заставили врага бросить на восток, где отчаянно бились русские полки, значительную часть своих сил. Россия смогла сдержать этот натиск, а затем перейти в наступление. И весь мир услышал о легендарном Брусиловском прорыве» [В.В. Путин. 03.08.14].

Неужели найдется хоть кто-нибудь на постсоветском пространстве, кому следовало бы растолковать эту историческую аллегория? Быть такого не может!

Как всегда сдержанно, уважительно, неагрессивно Президент РФ В.В. Путин напомнил позабывшим уроки истории. Россия выполнила свои союзнические обязательства.

Пришло время, пока еще не пройдена красная черта, прекратить конфронтацию, в каких бы формах она ни осуществлялась между США и Россией. Шантаж во внешнеполитической деятельности должен быть остановлен усилиями США и России, которые совместно обязаны перед человечеством выработать новую парадигму мирового порядка и управления, отвечающие современным социальным реалиям.

Источники

1. *ИА REGNUM* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/polit/1781607.html#ixzz3AGCm8j1w>. Последнее посещение 12.08.14.
2. Как не вспомнить в этой связи о серии совещаний, которые провел 28–29 ноября 2013 г. в Сочи Президент РФ В.В. Путин с разработчиками и изготовителями нового сверхточного оружия, на которых жестко и однозначно была поставлена задача в ближайшие сроки обеспечить поступление в Вооруженные Силы России достаточного количества вооружений, которые сделают Россию неуязвимой от любой агрессии.
3. *Pitirim A. Sorokin*. Harvard University. Mutual convergence of the United States and the U.S.S.R. To the mixed sociocultural type. Memoire du XIXe Congres International de Sociologie. Vol. II. Mexico D.F. 1961 / пер. с англ. Энгельгардта Г.Н., Шумиловой Т.И.; ред. И.Б. Орлова.
4. *Парфреу Адам*. Аллах не любит Америку. – М., 2003.
5. *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя. Запись за сентябрь–декабрь 1877.
6. Речь В.В. Путина на открытии памятника героям Великой войны 3 августа 2014, г. Москва, Поклонная Гора.

Osipov G.V.

Political blackmail – the eve of the global catastrophe

Gennadii Vasil'evich Osipov – RAS Academician, Director of the Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences (32A, Leninsky Avenue, Moscow, 119991, Russia)

Abstract. The article by the leading Russian sociologist and political scientist, who has been studying Russia-U.S. relations for decades, raises an acute issue concerning the necessity of immediate cessation of confrontation between the U.S. and Russia and transition to joint control over the processes going on in the world, and establishment of the multipolar model of the global community.

The author provides numerous examples of interaction between the superpowers and the newly emerged countries, former Soviet republics; he shows that particular threat comes from the quasi-states of the former USSR, who seek to fuel the U.S.-Russian confrontation for their own selfish purposes. This policy was manifested especially clearly in the actions of the “Maidan” authorities in Ukraine, who launched the armed terror against its own people in the East of the country to accommodate the U.S. interests and the NATO alliance controlled by this country. The author believes that the response of Russia to such hostile actions of the USA and their Ukrainian proteges should be adequate; it should be composed and peacekeeping, but when the “red” line is crossed – hard and adamant.

The author believes that, in connection with the existing situation, the issue of myth-making is coming to the fore. One should be more resolute in reviewing the myths that have nothing to do with the truth, in particular, those concerning the “unbreakable Slavic unity”. The historical memory of inter-ethnic relations between the Russians and their neighbors should be restored in full, without ignoring the facts that are “inconvenient” for the mythology. It is time for Russia to abandon (at least temporarily) its missionary work and selflessness in its relations with Eastern European neighbors, and start building these relations solely on the basis of mutual benefit and respect of mutual obligations.

Key words: globalization, confrontation, intergovernmental relations, threat to the world, catastrophe, mythology, blackmail, superpowers, self-sufficiency, sanctions, aggression, partnership development, convergence, messianism, well-being, tradition, culture, paradigm.

References

1. *IA REGNUM*. Available at: <http://www.regnum.ru/news/polit/1781607.html#ixzz3AGCm8j1w>. Poslednee poseshchenie 12.08.14.
2. In this connection we should recall the series of meetings that were held November 28–29, 2013 in Sochi by Russian President V.V. Putin and the developers and manufacturers of extremely-precise weapons. They set a clear task to ensure supply of a sufficient number of weapons in the Armed Forces as soon as possible, which would make Russia invulnerable to any aggression.
3. Sorokin P.A. *Harvard University. Mutual convergence of the United States and the U.S.S.R. To the mixed sociocultural type. Memoire du XIXe Congres International de Sociologie*. Translated from English by G.N. Engelhardt, T.I. Shumilina. Edited by I.B. Orlov. Mexico D.F., 1961. Vol. II.
4. Parfrey A. *Allakh ne lyubit Ameriku* [Allah Does not Love America]. Moscow, 2003.
5. Dostoyevsky F.M. *Dnevnik pisatelya. Zapis' za sentyabr'—dekabr' 1877* [A Writer's Diary. Article of September–December 1877].
6. *The Speech of V.V. Putin at the Opening of the Monument to the Heroes of the Great War, August 3, 2014, Moscow, Poklonnaya Hill*.

Экономическое сознание и поведение: состояние и тенденции (1990–2012)*

**Жан Терентьевич
ТОЩЕНКО**

член-корреспондент Российской академии наук, доктор философских наук, профессор, главный редактор журнала РАН «Социологические исследования», декан, зав. кафедрой теории и истории социологии социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета (zhantosch@mail.ru)

Основные индикаторы и показатели экономического сознания и поведения. В Советском Союзе согласно идеологическим установкам была провозглашена политика реализации социального равенства, социальной справедливости, социальной защиты. Ряд положений этой программы был реализован. Вместе с тем к 1970–1980 гг. стало все очевиднее вырисовываться парадоксальное явление: говорилось одно, реализовывалось совсем другое. Причем это противоречие усугублялось, росло, стало приобретать все большее воздействие на сознание и поведение людей. И что бы ни говорила официальная пропаганда, как бы на словах ни убеждали людей в преимуществах социалистического образа жизни, в сознании советских людей укреплялось

Главное отличие ушедшей эпохи от нынешней люди видят в том, что раньше было плохо, но шли вперед, а сейчас топчемся на месте и еще взятки за это топтание берем.

С. Лесков, публицист (Известия, 24.12.2003)

мнение, что «так жить нельзя» (С. Говорухин). К этому добавлялось сравнение, что на Западе люди живут богаче, лучше, точнее, имеют возможность пользоваться таким количеством благ и услуг, которые виделись лишь в далекой перспективе или не виделись вообще. Это было обусловлено тем, что новизна, новаторский дух провозглашенных в СССР положений, а также боязнь революций заставили лидеров западных стран учесть потребности времени и осуществить многие мероприятия по обеспечению населения широким набором социальных услуг. Все это привело к тому, что в сознании советских людей все труднее уживались эти противоположные устремления — официальное, декларативное и личное, индивидуальное, что в конечном

* Работа выполнена в рамках научного проекта РФФИ № 12-06-00155.

счете проявило себя в безразличии к судьбам социализма в начале 1990-х гг.

Поэтому к ведущему показателю экономического сознания, на наш взгляд, следует отнести такой феномен, который проявил себя как результат многолетнего соревнования капиталистической (западной) и социалистической (советской) модели развития: у инициаторов социалистических программ многие прогрессивные идеи остались словами, декларациями, а у их оппонентов на деле они были реализованы, будучи зафиксированы в их социальных программах (подробнее см.: Тощенко, 2009).

Но обнаружение слабостей и просчетов советского строя и склонность приветствовать достижения западных стран вскоре обернулись осознанием того, что ожидание позитивных перемен не состоялось или, по крайней мере, потребовало еще одного поворота в понимании происходящих изменений.

По данным всесоюзного/всероссийского исследования оценок экономического положения людей почти за четверть века (рук. Ж.Т. Тощенко, В.Э. Бойков), люди скептически оценивают происшедшие изменения (табл. 1).

Анализ этих данных показывает, что резко возросли оценки негативного характера, хотя данные конца 1980-х – начала 1990-х годов регистрировали оптимистические ожидания, надежды на кардинальное улучшение своего благополучия. Люди оценивали не провозглашенные обещания и посулы, а достигнутые результаты. Экономическое сознание людей достаточно четко фиксировало/фиксирует реально сложившуюся ситуацию и улавливало/улавливает главные характеристики функционирования хозяйственного механизма, что ставит людей в парадоксальное положение – отвержение отдельных пороков одного из строев не компенсирует происшедшие изменения, которые принесли не меньшие, если не большие пороки и издержки.

Но парадокс остался парадоксом: одни действовали словами, другие – делами. И как не раз подтверждала история, в том числе и марксистская доктрина, именно за делами остается последнее слово.

Одновременно на фоне этого глобального противоречия развивались, появлялись, обострялись существующие противоречия, рождая новые специфические парадоксы,

Таблица 1. Какие следствия вызвал переход к рыночным отношениям?
(в % к числу опрошенных)

Варианты ответов	1990	2012
Снизился уровень благосостояния	33	47,9
Усилилась несправедливость в оплате труда	12	45,5
Усилилось расхищение трудовых ресурсов	13	54,5
Усилилась инфляция	17	52,9
Увеличилось число экономических преступлений	18	56,4
Выиграли только богатые	27	47,9

Примечание. Исследование было проведено 24–31 мая 1990 г., опрошено 1525 человек в 17 регионах СССР (Архангельск, Ашхабад, Баку, Волгоград, Гродно, Запорожье, Иркутск, Кишинев, Москва, Московская область, Орел, Рига, Ростов-на-Дону, Семипалатинск, Тбилиси, Челябинск, Якутск). Исследование проводилось 5–10 октября 2012 г., опрошено 1201 человек в возрасте 18 лет и старше в 12 субъектах Российской Федерации (в Красноярском, Ставропольском, Хабаровском краях, Волгоградской, Воронежской, Иркутской, Нижегородской, Самарской, Свердловской, Челябинской областях, гг. Москва и Санкт-Петербург) по выборке, репрезентирующей работников основных видов экономической деятельности, занятых на предприятиях различных форм собственности.

присущие как советскому, так и постсоветскому периоду. Что касается советского, *то в Советском Союзе субъект собственности был предельно обезличен*: он представлял нечто аморфное и всеохватывающее — государство и общество, что не оставляло ниши никакому особенному интересу. И сколько бы ни говорили о чувстве хозяина, о том, что каждый советский человек — владелец и распорядитель национального богатства, осознание приобщенности к решению основополагающих проблем бытия не прибавляло ничего к этой декларации. В период растущей отчужденности от социалистической собственности, которая, как ни удивительно, увеличивалась по мере возрастания усилий официальной пропаганды о прогрессе развитого социализма, в 1970–1980 гг. была распространена горькая шутка: «Чувство хозяина есть, а хозяина — нет».

Советская экономика так и не смогла реализовать идею Ленина о том, что социализм может победить только в результате преимуществ в росте производительности труда. А эта производительность в период «развитого социализма» стагнировала и даже стала сдавать позиции практически во всех отраслях народного хозяйства. На последнем этапе развития социалистической экономики стало очевидным фактом (при всех недостатках и искажениях официальной статистики) отставание в производительности труда в промышленности в полтора-два раза, в сельском хозяйстве — почти в 3–5 раз. В современной России этот разрыв не только не сократился, но и увеличился: производительность труда в промышленности составляет 20–25% от мировых показателей, а в сельском хозяйстве — примерно 15% (данные Минэкономразвития, 2014). Парадоксом стала ситуация, которая достаточно ярко схвачена в ироническом двустишии: «Мы не сеем, не пашем, не строим — мы гордимся общественным

строим». А эта «гордость» без основательной материальной базы не могла привести ни к чему иному, как к появлению в общественном сознании разочарования, горечи, недоверия и такого противоречивого умонастроения советских людей, как: «У нас строй лучше, но лучше живут они».

В условиях рыночной экономики появились парадоксы, которые приобрели массовидный характер. *Одним из таких парадоксов является отношение к рыночной экономике и ее основным, ведущим субъектам — банкирам, предпринимателям, крупным собственникам и т.д.*

Но сначала немного истории. Когда идеи рынка стали проникать в общественное сознание, многих людей не пришлось долго убеждать — это делала сама жизнь. Сначала в годы перестройки, с середины 1980-х гг., надежды большинства людей были связаны с верой в возможность резкого рывка в развитии народного хозяйства. Но уже к началу 1990-х гг. население было озабочено другим: оценив бесполезность экономических потуг инициаторов перестройки, люди стали обращать внимание на возможно иные меры, в частности те, которые использовали страны с высоким уровнем развития и стандартом жизни (Душацкий, 1998; Ильичев, 2005).

Если задним числом взглянуть на динамику изменений общественного мнения по отношению к рынку, введению частной собственности на землю и некоторые другие рыночные проблемы, то сначала эти идеи разделяли немногие. К концу 1989 — началу 1990 г. в общественном сознании произошел серьезный сдвиг. Всероссийское исследование под руководством автора в мае 1990 г. показало, что к введению рынка (полностью или частично) положительно относились 43% коммунистов и 28% населения. К марту 1991 г. сторонников рыночных отношений было уже 57%. Осень 1991 и 1992 гг. принесли доказательства еще большей поддержки рынка — приемлемым

Таблица 2. Как Вам кажется, начиная с августа 1991 г. страна пошла в правильном направлении?, %

Варианты ответов	2003	2005	2007	2011, октябрь
В правильном направлении	30	25	28	42
В неправильном направлении	47	50	37	39
Затрудняюсь ответить	23	25	35	19

Источник: Общественное мнение-2008 [Электронный ресурс]. – М.: Левада-центр, 2008. – С. 177. – Режим доступа: www.Levada.ru/press/2009072202.html

его для своей жизни признавали от 70 до 80% работающего населения страны.

Однако рост тягот в связи с гайдаровской шоковой терапией привел большинство людей к негативной оценке рыночных реформ (до 80% отрицательно оценивают экономическое положение России). Это разочаровало и поколебало веру людей в необходимость рыночных преобразований (табл. 2).

Таким образом, ориентация на рынок как основное средство преобразования экономики и образа жизни еще не стала ведущим лейтмотивом в общественной и личной жизни. Людями сопоставляются не только «ухабы» и просчеты российского опыта, но и опыт стран, устойчиво и плодотворно работающих в условиях рынка. **Раскол в понимании возможностей рынка продолжает существовать, несмотря на некоторый рост позитивных оценок его форм и методов.** Поэтому абсурдной и претенциозной выглядит позиция либерал-демократов, ранее сторонников «Демократического выбора России», а теперь «Правого дела» и его наследников, пытающихся представить себя единственными носителями рыночных преобразований, а остальных — их противниками.

Реальная ситуация иная: все политические силы, от либералов до коммунистов, от аграриев до национал-патриотов, сориентированы на рынок. Спор — и очень острый — ведется вокруг того, какую цену должны заплатить люди за переход к новым хозяйственным и организационным формам функционирования производства, за какой период времени и с какими издержками. Но, к сожалению, в этой поле-

мике продолжают господствовать старые привычки — «если ты не согласен со мной во всем без исключения, значит, ты против меня, моей программы, моих идей и представлений». Но народ живет не по законам (часто и надуманным, и вздорным) политической борьбы, не по предпочтениям и нравоучениям политических партий и движений, не в соответствии с социально-экономическими концепциями и теориями, а исходя из того, что человека окружает в реальной жизни, что на него воздействует больше всего. И в силу этого он попадает в исключительно противоречивую, парадоксальную ситуацию, не позволяющую ему принять правильное решение, сориентироваться в обстановке, разобраться в противоречивой ситуации, толкающей его на взаимоисключающие поступки.

В общественном сознании людей господствуют не политэкономические категории, будь они монетаристского, фискального или социально-ориентированного толка. В повседневной жизни люди задают вопрос — и себе, и окружающим: «А кто повинен и ответствен за наше бедственное положение, за отсутствие социальной и правовой защиты и поддержки?»

Люди часто винят в бедах тех, кто держит власть в руках: президента, правительство, Государственную Думу, чиновничество в целом. Но это абстрактная критика, ибо в высших эшелонах власти обстановка часто меняется и претензии к власти предержавшим все труднее приписать конкретному лицу — слишком неопределенна ситуация с так называемой элитой, со стагнацией или чехардой руководящих временщиков.

Таблица 3. Какие из следующих обстоятельств, на Ваш взгляд, мешают экономическому развитию в нашей стране? (Сумма ответов не равна 100%, так как по методике опроса можно было выбрать несколько вариантов. Ответы приведены в порядке убывания количества ответивших, в % к числу ответивших)

Варианты ответов	2012	1990
Круговая порука и коррупция	48,4	46
Безнаказанность нарушителей законов	36,8	-
Ошибки в экономической политике	34,9	62
Бесхозность	30,4	-
Административный произвол властей в управлении экономикой	24,6	30
Нехватка квалифицированных руководителей	18,7	-
Отсутствие условий для свободного предпринимательства	14,2	23
Монополизм производителей товаров и услуг	10,4	34
Уравниловка в оплате труда работников, занятых по найму	7,8	44
Влияние преступных группировок на экономику	7,4	-
Зависимость экономики от политических и идеологических догм	7,3	28
Превращение производства и сферы услуг в «богадельню» для лентяев	4,8	34
Другое	0,7	-
Затруднились ответить	3,2	-

Примечание. Знак (–) означает, что этот вопрос в 1990 г. не задавался.

Необычность ситуации заключается в том, что, не отвергая идей рыночной экономики, люди начинают искать тех, кто загнал их в этот социальный тупик, и пытаются найти выход, в том числе и принять меры по прекращению своего униженного положения, положения попрошайки, нахлебника. У людей есть желание трудиться, ясная голова и работающие руки, при помощи которых они вправе претендовать на достойную жизнь. Но кто не дает этого добиться?

Поэтому не удивительно, что *недовольство начинает сосредотачиваться на тех лицах, которые на самом деле олицетворяют рыночные отношения, а именно: на бизнесменах, банкирах, предпринимателях и на всех акторах нового экономического театра*, которые связаны с ними и которых часто называют «новыми русскими». Если исходить из сути дела, то они прокладывают путь новым экономическим отношениям, олицетворяют торжество новых реалий.

Но так как становление их как полномочных представителей рынка зачастую

замешано на самых беспардонных и криминальных формах наживы и «прихватизации», международной и внутренней спекуляции, отмывания теневого капитала, в общественном сознании эти люди ассоциируются с преступниками, что, кстати, не всегда далеко от истины. По мнению экспертов, в цивилизованной форме бизнес ведут 25% опрошенных менеджеров и предпринимателей. По данным Левада-центра, в 2005 г. почти половина граждан (44%) считала бизнесменов вредителями, что их деятельность идет во вред России. Эта ситуация мало изменилась и в настоящее время.

Анализ социологических данных позволяет вскрыть причины такой оценки экономической ситуации в стране и соответственно понять, почему доверие к субъектам (акторам) экономической деятельности падает или подвергается серьезному сомнению (табл. 3).

Анализ данных этой таблицы показывает, что если в 1990 г. на первое место (62%) вышло недоверие к экономической

политике государства, т.е. винили в этом руководство страны, то в 2012 г. на первое место вышла оценка механизма функционирования экономики — коррупция, круговая порука, существование мафиозных групп в управлении и торговле. При этом стоит отметить, что оценка такого порока, как в коррупция, на первый взгляд мало отличается от данных 1990 г. Однако, если учесть, что безнаказанность нарушителей закона в исследовании 2012 г. оценивается высоко — об этом заявили почти 35% опрошенных, то это не что иное, как та же круговая порука и коррупция. Такой вывод позволяет утверждать, что коррупция в разных формах своего проявления увеличилась почти вдвое в глазах общества. В современной России людей продолжает волновать административный произвол, оценки которого незначительно различаются за последние 25 лет — 30% в 1990 г. и 24,6% в 2012 г.

Общественное сознание не может усвоить и примириться с такими представлениями об облике новых хозяев жизни, который отнюдь не украшает ни российское общество, ни наши представления о чести и достоинстве. Людей выводят из себя показательные презентации, кичливость богатства, неумеренность и нахрапистость новых богачей, беспардонность поведения в сочетании с отсутствием всякого вкуса и этических понятий. Как ни объясняй эти факты, но результат получается определенный: в общественном сознании сложилась крайне негативная оценка этих носителей рыночных отношений: от 40 до 60% населения об их деятельности отзываются крайне отрицательно. В 1999 г., по данным ВЦИОМ, негативные чувства вызывали разбогатевшие банкиры и предприниматели у 55% опрошенных. В 2006 г., по данным этого же исследовательского центра, 84% населения положительно

реагировали на заведение уголовных дел против инициаторов экономических преступлений (Комс. правда, 2006, 9 июня). Атак как, по мнению населения, эти деятели ответственны за развал экономики, за нищету в стране, им отказывается в праве не только на уважение, поддержку, но и на существование, а часть людей выступают за применение к ним репрессивных мер. Очень часто при опросах при возможности высказаться письменно социологи на своих опросных листах встречали надписи: «их надо повесить», «посадить в тюрьму», «сослать в Сибирь» и т.д.

Иначе говоря, *парадокс заключается в том, что общественное сознание, поддерживая рыночные преобразования, в значительной степени категорично и безапелляционно настроено против субъектов этих преобразований, против тех, кто реально и на деле олицетворяет изменения экономической жизни в России*. А разве оно могло быть иным, если, говоря словами К. Штайльманна, никто не видит в российском бизнесмене «самоосуществление национального принципа, национальных задач или национального призвания. Часть в нем видят сочетание худших, осуждаемых человеческих грехов: мздоимства и прохиндейства, жадности, хамства, «крутой мафиозности» (Штайльманн, 1999).

Далее, *парадоксальность сознания и поведения людей проявилась в связи с официальной ориентацией на то, чтобы «капитализировать» сознание — сделать частный интерес основным, ведущим*. Но жизнь показала, что такая ориентация не принесла желаемых результатов. С одной стороны, мотив «трудится на общее благо, ради пользы общества» практически забыт, померк в общественном сознании, хотя общинные, коллективистские начала, пусть и в деформированном виде, продолжают существовать. Кстати, этот фактор нередко игнорируется теми исследователями,

которые видят единственный пример для России в следовании меняющимся тенденциям в индустриально развитых странах Запада. С другой стороны, по данным фонда «Общественное мнение», невысоки показатели таких «капиталистических» мотивов, как приобретение собственности (на это ориентируется 13%), на акции и «деньги в дело», — по 5%.

В связи с проблемой «капитализации» сознания стоит обратить внимание на распространенность такого парадоксального мнения, как сопоставление и сравнение роли и значимости частной собственности с другими формами собственности. В общественной и личной жизни людей, в прессе, в обыденной жизни, а порой и в научной литературе широко распространен упрощенческий, комплиментарный подход к частной собственности.

Социологическая же информация, в частности данные российско-канадского исследования «Путь России к рынку» (1992–1997) (рук. Дж. Де Бардалебен, Ж.Т. Тощенко, В.Э. Бойков), не выявила значительных расхождений в отношении людей к трудовым процессам, к эффективности производства, к повышению результативности труда в зависимости от форм собственности (Тощенко, Бойков, 1990). И особенно наглядно это проявляется при оценке деятельности акционерных обществ, в которых большинство работающих продолжают строить свои взаимоотношения на производстве в том же ключе, как и в условиях государственной собственности, в том числе и в советский период функционирования экономики. Не об этом ли свидетельствуют акции протестного движения на ряде предприятий, когда весь пафос борьбы обращается против государства, а не против своих руководителей, являющихся ответственными за управляемые ими предприятия с их специфической формой собственности?

Анализируя данную парадоксальную ситуацию, некоторые исследователи утверждают, что в условиях неопределенности, неясности, непредсказуемости экономического развития большинство акционеров готовы передать бразды правления собственному тем, кто обеспечивает стабильную и высокую зарплату и решение социальных проблем на предприятии. Но на деле это означает, что люди готовы отказаться от права собственности, в обладании которой они не видят никакого прока (Гринберг, 2012).

Не менее показателен и такой парадокс, который связан с противостоянием в сознании и поведении людей социальных качеств потребителя и работника. В настоящее время они действуют прямо в противоположном направлении, хотя общеизвестно, что только тогда, когда они согласованы между собой, можно говорить о рациональном функционировании не только экономики, но и экономического поведения, образа жизни людей. Но реальная жизнь такова, что вектор усилий в этих двух ипостасях взаимно исключает друг друга.

Как потребитель человек стремится максимально эффективно и качественно удовлетворять свои материальные и духовные потребности, иметь перспективу по их более полному обогащению и обновлению. Однако как работник человек сталкивается с иной ситуацией. Не всегда оплачивается его труд, а если оплачивается, то не адекватно изменяющейся социально-экономической обстановке. Продукция, в производстве которой он участвует, по тем или иным причинам часто не востребована. Результаты труда нередко оказываются ненужными, обесцененными. Нынешняя экономическая ситуация такова, что все больше людей — и рабочих, и крестьян, и специалистов — убеждаются в том, что сейчас ни ум, ни талант, ни умелые руки не

являются залогом успеха. Более того, престиж труда, участие в создании материальных благ и духовных ценностей из рук вон плохо поощряется и не поддерживается государством.

Сегодня это мнение разделяют миллионы. Ибо не добросовестная работа, не безукоризненное и творческое выполнение обязанностей определяют благополучие и уверенность людей. Косвенным показателем падения значимости труда служат следующие данные (табл. 4).

Таблица 4. Если Вы будете работать с большей отдачей, Ваш заработок увеличится? (в % к числу ответивших)

Варианты ответов	1990	2012
Да, значительно	6	17,4
Немного увеличится	26	24,1
Нет/затрудняюсь ответить	68	58,5
Источник: данные Института социальных исследований.		

Анализ данной позиции позволяет утверждать, что мы наблюдаем определенный, но все же не решающий сдвиг с точки зрения оценки своего положения как работника. С самой большой вероятностью можно предположить, что рост утверждающих это и позитивно оценивающих перспективу получать большее вознаграждение за труд произошел за счет тех, кто получил возможность трудиться на основе частной инициативы или в организациях частных форм собственности.

Не менее «эффективным» средством в поддержании этого противоречия-парадокса стало налоговое бремя, которое сводит на нет всякую производственную инициативу. Продавать, перепродавать товары стало более выгодным делом, чем заниматься производством. Стало легче и доступнее, не обременительнее и дешевле закупить и дороже перепродать товары, используя «ножницы» цен между госу-

дарственным сектором и частным, между регионами. А еще лучше спекулировать товарами из других стран, в том числе при помощи челночных рейсов, поставляя в родные края все, что приносит прибыль — даже за счет выбракованной и залежалой, утратившей срок хранения продукции. Этот массовый переход к торговле во всех ее мыслимых и криминальных формах не является злым намерением, напастью или порочным умыслом — просто делать это стало выгоднее, чем заниматься производством товаров. Такая ситуация привела к тому, что сфера обмена стала чрезмерно гипертрофированной в ущерб сфере как производства, так и распределения.

Особую группу парадоксов во взаимодействии «производитель-потребитель» образует широко распространившееся противоречие между патриотично ориентированным желанием поддерживать отечественных производителей посредством покупки российских товаров и изделий и реальным конкретным поведением этих людей при решении конкретных потребностей — в основном личных и семейных. Его суть заключается в том, что отечественные товары уступают дорогу более качественным, более привлекательным товарам западных производителей. Декларируемые желания и утверждения вступают в противоречие с реальным поведением при решении конкретных жизненных ситуаций. И такое поведение характерно не просто для одного человека или незначительных групп населения — это реальное поведение многих российских потребителей, когда желание и намерение не совпадает с фактической деятельностью.

Правда, в последние годы наметился некоторый сдвиг доверия к товарам отечественных производителей, что особенно наглядно проявилось в ситуации, касающейся продовольственных товаров и

товаров легкой промышленности. Однако в целом российские товары по многим параметрам или совсем отсутствуют, или не доходят до потребителей, или все же уступают товарам западных и восточных фирм по тем или иным показателям.

Не менее значительный парадокс существует между призывом соответствовать рыночной демократии и ориентацией в повседневной жизни на убогие и примитивные запросы, связанные с одним: как выжить. Тем более что это осуществляется в условиях, когда восхваляется и поднимается на щит умение делать деньги любым путем, способность урвать от конъюнктуры и просто шанс облапошить других людей при помощи банков, фондов и просто любителей нажиться всеми доступными, в том числе и несправедливыми, методами.

В августе 1998 г. состоялось очередное ограбление людей — дефолт, который в очередной раз подорвал доверие к государству и заодно к рыночным отношениям. Не менее шокирующим для людей оказался и кризис 2008 г., который тоже серьезно повлиял на благополучие и уверенность людей. Поэтому вполне естественно, что после многолетнего процесса обнищания у людей все больше крепнет желание пересмотреть итоги приватизации, когда за бесценок огромные богатства достались людям, сумевшим урвать от общего пирога то, что принадлежало всему обществу. А если учесть, что продолжается гигантская спекуляция землей (и это до введения института купли-продажи), расхищение редких и уникальных сырьевых ресурсов, остатков государственной собственности, то все это подводит людей к мысли о беспределе и хаосе в экономической жизни страны.

Еще один парадокс заключается в том, что многие люди (50–60%) ориентируются на возможность потерпеть, приспособиться к ухудшившейся ситуации, несмотря на

то, что они недовольны своим экономическим положением, оценивая его как плохое и очень плохое (до 70%). Здесь, как в случае с парадоксами в теории, имеет место противоречие между миром мыслимого и миром реального опыта, которые нередко противоречат или противостоят друг другу. Иначе как объяснить, что огромная неудовлетворенность сложившейся в обществе социально-экономической ситуацией продолжает сосуществовать с позитивной или сдержанной оценкой личного реального положения. Конечно, можно говорить о начавшемся процессе примитивизации потребностей, о вытеснении высших форм удовлетворения потребностей низшими, о стремлении к выживанию в экстремальной ситуации, но это не отменяет факта: люди надеются, что эти проблемы можно решить мирным способом, но при определенном раскладе политических сил. Ведь до сих пор у людей сохранилась крайне неблагоприятная историческая память, которая настойчиво напоминает о тех колоссальных издержках для всех и каждого, если разрешение противоречия между реальным и желаемым пойдет насильственным путем (Горшков, 2011).

Особо следует остановиться на таком парадоксе, который складывается в общественном сознании при оценке современного экономического положения — лично своего и всей страны. Если в советские времена было принято говорить, что «мы живем скромно, зато страна наша богатеет день ото дня», то сейчас люди склонны оценивать положение страны хуже, чем свое собственное. Эта тенденция прослеживается в опросах практически все 90-е годы (табл. 5).

В общественном сознании все больше и больше стали проявлять себя реальные, а не экзальтированные представления о рынке. Все большее количество людей

Таблица 5. Как Вы оцениваете экономическое положение (в % к числу опрошенных, N=1600)

Вариант ответа	В стране	В стране	В стране	В стране	В семье	В семье	В семье	В семье
	1997	2000	2006	2012	1997	2000	2006	2012
Очень хорошее и хорошее	0,7	2,2	9	13	3,8	5,5	9,0	18,0
Среднее	19,5	26	45	52	44,4	48,4	56	50
Плохое и очень плохое	69,4	61,0	35	28	50,9	44,1	33,0	22,0
Затруд. ответить	10,0	10,8	11,0	7,0	0,8	1,9	2,0	10,0

Источники: Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2000. – №4. – С. 48; Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. – 2006. – №6. – С. 66; Общественное мнение-2012. – М., Левада-Центр, 2013. – С. 38, 47.

убеждается, что рынок не обеспечивает социальную защиту, не ликвидирует безработицу и нищету, не предотвращает, а, наоборот, усугубляет социальное расслоение. Что касается специалистов, участвующих в экономических преобразованиях, то многие из них от восторженных славословий перешли к критическим и даже негативным отзывам, ибо стало очевидным, что сам по себе рынок не может осуществить рациональные структурные сдвиги в долгосрочной перспективе, не способен быть социально эффективным (обеспечить социальные услуги, общественные потребности), не предотвращает процесс монополизации производства и ценообразования. На эти процессы общественное сознание не может не реагировать, не может оставаться в стороне. В результате происходит «излечение», т.е. избавление от несостоявшихся ожиданий и надежд и возвращение на реальную почву должного и сущего.

* * *

Провозглашенное преимущество рыночных отношений не может само по себе пробить дорогу. Если они не будут социально ориентированы, людей ждут (вернее значительную часть населения) и нищета, и обездоленность, и отчаяние. А это в свою очередь сопряжено с возможными соци-

альными катаклизмами, хотелось бы этого кому-нибудь или нет. Так что в российском обществе есть очень небольшой выбор: или дорога первоначального (кровавого, мерзкого и очень длительного) накопления капитала с надеждой на светлое будущее через неведомое время, или регулирование рыночных отношений, пересмотр форм и методов экономической политики. И если к первой дороге не надо прикладывать руки (мол, сама история выведет нас на путь зажиточной жизни), то для второй следовало бы приложить немало усилий, чтобы вырулить на путь, достойный человека XXI века (подробнее см.: Гринберг, 2012).

Таким образом, в основе экономических парадоксов лежат огромные сдвиги, которые произошли как в обществе в целом, так и в жизни каждого человека. В современных условиях российского общества коренным образом изменилась ситуация, базирующаяся на отношениях собственности и производных от нее отношений владения, пользования и распоряжения. На наших глазах происходит изменение сущностных черт экономического сознания и поведения, которые за годы советской власти были не только нормативными требованиями, но и стали традицией, стереотипами мышления и

деятельности многих миллионов людей. Этот разрыв между мнимым и сущим, между официальной политикой и социально-экономическими реалиями, между ориентациями и результатами произошедших изменений и лежит в основе той парадоксальности, которую мы наблюдаем в сегодняшней жизни.

Стоит отметить, что значительный вклад в эту парадоксальную сумятицу происходящего внесли сумбурные, противоречивые концепции ученых, представляющих различные догматические, популистские или слепо копирующие чужой опыт идеи. Опыт хозяйствования в России в 1990-х гг. убедительно доказал, что, во-первых, нельзя, даже руководствуясь самыми благими намерениями, ускорять

ход преобразований, игнорировать уроки мирового опыта, отрывать от жизни. Во-вторых, научный и политический экстремизм, основанный на абсолютизации монетаристских методов и не учитывающий всего спектра современных воззрений, не может привести к успеху.

Следовательно, парадоксальность нынешней и завтрашней социально-экономической ситуации, а соответственно экономического сознания и поведения людей, состоит в том, что объективные и субъективные силы исторического процесса действуют в разных, а иногда в прямо противоположных направлениях, что не придает стабильности и уверенности в скором решении насущных проблем российского общества.

Литература

1. Горшков, М.К. Реформы в зеркале общественного мнения / М.К. Горшков // Социологические исследования. – 2011. – № 10. – С. 6.
2. Гринберг, Р.С. Свобода и справедливость. Российские соблазны ложного выбора / Р.С. Гринберг. – М., 2012.
3. Душацкий, Л.Е. Ценностно-мотивационные доминанты российских предпринимателей / Л.Е. Душацкий // Социологические исследования. – 1999. – № 7.
4. Ильичев, Г. Почти половина россиян считает бизнесменов вредителями / Г. Ильичев // Известия. – 2005. – 14 июля.
5. Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 1999. – № 6. – С. 40.
6. Тощенко, Ж.Т. Парадоксальный человек / Ж.Т. Тощенко. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009.
7. Тощенко, Ж.Т. Экономическое сознание: состояние и тенденции / Ж.Т. Тощенко, В.Э. Бойков (ред.). – М.: АОН при ЦК КПСС, 1990.
8. Штайльманн, К. Новая философия бизнеса: в 3 т. / К. Штайльманн. – Т. 1. – М. – Берлин, 1998.

Toshchenko J.T.

Economic consciousness and behavior: state and trends (1990–2012)

Toshchenko Jean Terent'evich – Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Editor of the journal of the Russian Academy of Sciences “Sociological Studies”, Dean and Head of the Department of Theory and History of Sociology at the Division for Sociology of Russian State University for the Humanities (zhantosch@mail.ru)

References

1. Gorshkov M.K. Reformy v zerkale obshchestvennogo mneniya [Reforms in the Mirror of Public Opinion]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2011, no. 10, p. 6.

2. Grinberg R.S. *Svoboda i spravedlivost'. Rossiiskie soblazny lozhnogo vybora* [Freedom and Justice. Russian Temptations of False Choice]. Moscow, 2012.
3. Dushatskii L.E. Tsennostno-motivatsionnye dominanty rossiiskikh predprinimatelei [Value-Motivation Dominance of Russian Entrepreneurs]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 1999, no. 7.
4. П'ичев G. Pochti polovina rossiyan schitaet biznesmenov vreditelyami [Almost Half of the Russians Consider Businessmen as Enemies]. *Izvestiya* [News], 2005. July 14.
5. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. 1999, no. 6, p. 40.
6. Toshchenko J.T. *Paradoksal'nyi chelovek* [Man of Paradox]. Moscow: UNITI-DANA, 2009.
7. Toshchenko J.T. *Ekonomicheskoe soznanie: sostoyanie i tendentsii* [Economic Consciousness: State and Trends]. Under editorship of V.E. Boikov. Moscow: AON pri TsK KPSS, 1990.
8. Stahlmann K. *Novaya filosofiya biznesa: v 3 t. Tom 1* [New Business Philosophy: in 3 Volumes. Volume 1]. Moscow – Berlin, 1998.

Постиндустриальный технологический способ производства: время зарождения

**Алексей Александрович
РУМЯНЦЕВ**

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт проблем региональной экономики Российской академии наук (190013, г. Санкт-Петербург, ул. Серпуховская, д. 38, aarum1@yandex.ru)

Аннотация. В статье характеризуется постиндустриальный технологический способ производства, критерий, совокупность технологий, связь с доиндустриальным и индустриальным технологическими способами производства. Развитие шестого технологического уклада трактуется как начало формирования постиндустриального технологического способа производства. Показаны возможности и перспективы постиндустриальных технологий. Хотя в ближайшие десятилетия ведущим в мире будет индустриальное производство, многие страны разворачивают исследования и работы по применению постиндустриальных технологий. Обращено внимание на усиление мер по развитию в нашей стране постиндустриальных технологий.

Ключевые слова: технологический способ производства, доиндустриальный, индустриальный, постиндустриальный, критерий, технология, перспектива.

В среде исследователей-экономистов то возникает, то затухает дискуссия о базовых направлениях развития российской экономики – неоиндустриализации и постиндустриализма.

Приверженцы постиндустриального развития считают, что «в современном раннем постиндустриальном обществе высокий уровень концентрации отраслей, являющихся предметом гордости индустриальной эпохи, оказывается уже тяжелым бременем (как экономическим, так и

социальным), а на передний план выходят показатели, характеризующие развитие высоких технологий, темпы обновления производства, уровень развития социальной сферы (особенно образования и здравоохранения) и вообще сферы услуг» [16].

Сторонники первого направления экономической мысли подвергли резкой критике идеи постиндустриального общества, называя их ложными ориентирами, которые «пускаются в ход затем, чтобы оправдывать деиндустриализацию

отечественной экономики». Индустрия в эпоху становления неоиндустриального общества, по их мнению, превращается в автоматизированную, роботизированную, «оцифрованную» [30].

Парадокс в том, что у альтернативных концепций общим является исходное основание — достижения науки и техники, применение «интеллектуальной технологии». Почему же тогда кардинально расходятся выводы о направленности экономического развития? Думается, причина кроется в различиях выбора приоритетов экономического развития. Не случайно в публикациях по этой теме фигурируют понятия «неоиндустриальное общество», «постиндустриальное общество». С другой стороны, высказывается мнение о том, что «четкие научные критерии постиндустриальной экономики в отличие от индустриальной пока не выработаны» [15].

Д. Белл, основоположник концептуальной схемы постиндустриального общества, подчеркивал: «Термин «постиндустриализм» относится, прежде всего, к изменениям в социальной структуре (техно-экономическом строе) общества» [2].

Д. Белл, опираясь на анализ достижений в области информационных технологий индустриального производства XX века (появление электронных систем, миниатюризации, преобразование информации в цифровую форму, программное обеспечение) и рассматривая их как возможности и инструменты социальных изменений, дал социальный прогноз постиндустриального общества. Однако у него и его сторонников характеристика постиндустриального общества никак не связывается с формированием постиндустриального технологического способа производства. Поэтому может быть поставлен вопрос о подходах к раскрытию технологического базиса постиндустриального производства, который, наряду с социальными особенностями,

может иметь присущие ему технологии, способ производства, отличные в своей основе от индустриального.

Чтобы выявить существенные черты постиндустриализма, в настоящей статье за основу анализа предлагается, во-первых, принять корневое понятие экономики «производство» в технологическом аспекте¹ и, во-вторых, осуществить попытку обосновать критерий, на основании которого можно было бы проанализировать структуру и состояние постиндустриального производства. Тем более, что в отношении его имеются факты, подтверждающие появление совокупности технологий вне рамок индустриальных методов производства продукции и услуг². Постановку вопроса о постиндустриальном производстве можно рассматривать не как законченную о его природе, составе, а как объект научного анализа, обоснования и дополнения предварительных результатов.

Критерии технологических эпох

Постиндустриализм как эпоха, следующая за индустриальным обществом, признается многими учеными. Однако его характеристика как технологической общности неоднозначна, неконкретна³. Если доиндустриальная и индустриальная технологические эпохи различаются неким типовым составом применяемых способов производства продуктов, то выделить технологии постиндустриального производства в отличие от индустриального затруднительно. Нередко их относят то к индустриальному, то к постиндустриальному

¹ Под технологическим способом производства понимается единство техники и ее технологической заданности [23].

² В статье объект исследования ограничен лишь технологическими особенностями производства продукции и услуг и никак не связывается с его общественной формой.

³ «Постиндустриальный [сектор] является *обрабатывающим*. Здесь обмен информацией и знаниями происходит в основном при помощи телекоммуникаций и компьютеров». «Постиндустриальное общество формируется под воздействием *технологии интеллектуальной*» [2].

способам производства. Не ясно, почему предлагаемые иногда постиндустриальные технологии не могут быть причислены к индустриальным.

Таким образом, речь может идти о критериях выделения технологических эпох⁴. Очевидно, методологическим подходом к их установлению может быть *рассмотрение технологии как способа производственного отношения человека к природе с целью получения продуктов потребления, обеспечивающих жизнедеятельность людей*. Именно различие способов обмена человека с природной средой может быть основанием для идентификации технологической эпохи и присущей ей совокупности технологий.

При применении сформулированного подхода к анализу исторического пути зарождения и развития технологий могут быть выдвинуты следующие возможные критерии способов обмена человека с природной средой. Первый — использование готовых плодов природы. Второй — использование открытых законов природы и создание на их основе «второй, преобразованной природы» — системы машин (машинной индустрии) для производства и потребления необходимых для жизнедеятельности людей продуктов и услуг. Третий — использование процессов, протекающих в самой природе, когда продукты и услуги получают путем управления природными процессами.

По первому критерию идентифицируется технологическая эпоха собирательства.

⁴ Традиционно смена технологических способов производства рассматривается в связи с разграничением цивилизационных этапов общественного развития. Наиболее принятые их различия характеризуются в соответствии со способом использования технических средств: простейшие ручные и орудийные технологии (Дикость и Варварство), сложные орудийные технологии (Космогенная цивилизация), машинные технологии (Техногенная цивилизация), информационные технологии (Антропогенная цивилизация) [23]. Такого рода разграничения характеризуют связь общественных эпох с исторически сложившейся технологией, тогда как наша задача состоит в рассмотрении развития самой технологии.

Её базовые технологии — сбор плодов, охота, рыболовство, зачатки ремесел, затем появились технологии земледелия, скотоводства, использования энергии ветра и водных потоков (мельницы) — зародышей базовых технологий других эпох. Совокупность перечисленных технологий может быть квалифицирована как технологический базис доиндустриального производства.

В соответствии со вторым критерием могут быть охарактеризованы технологии, относящиеся к индустриальному производству. Его характерные черты: 1) применение систем оборудования, машин, механизмов, аппаратов и 2) функционирование крупных промышленных комплексов: металлургических, химических комбинатов, гигантов машиностроения и других предприятий, ориентированных на серийный и массовый выпуск продукции. Индустриальное производство — это переработка предоставляемых природой ресурсов: древесины, углеводородного сырья, рудных и нерудных полезных ископаемых и в конечном счете уничтожение (потребление) их в процессе производства продукции. Индустриальный тип производства сопровождается огромным объемом отходов (до 50% от массы природного сырья), наступлением критического для жизни людей загрязнения окружающей среды, приближением к пределу роста производительности труда традиционных индустриальных технологий и необходимой в связи с этим модернизации их на новых технологических принципах. Считается, что эпоха индустриального способа производства — применения системы машин — началась вместе с доминированием паровой машины в середине XIX века.

По третьему критерию способов обмена с природной средой могут быть выделены технологии постиндустриального (последующего индустриального) типа производства,

основанные на использовании процессов, протекающих в самой природе, когда продукты и услуги для жизнедеятельности людей получают из управляемых природных процессов.

В качестве примера могут быть упомянуты технологии получения возобновляемой энергии, атомно-молекулярные технологии, технологии лазерной обработки материалов, в том числе выращивание изделий из порошкообразного металла по компьютерной модели, исключаящие промышленные технологии резки, фрезеровки и сварки материалов. Сегодня вряд ли еще можно охарактеризовать совокупность технологий, образующих технологический базис постиндустриального производства. Однако «трудности и ограничения, налагаемые сегодняшним состоянием знания (точнее, незнания) природы постиндустриального общества, не следует рассматривать как фрагменты в пользу отказа от его изучения» [16].

Хотелось бы обратить внимание на то, что развитие новейших технологий относятся, хотя и не часто, к наступлению постиндустриального производства. Отмечается, что наиболее фундаментальные перемены, связанные с биотехнологией, геной и клеточной инженерией, нанотехнологией, компьютерным конструированием молекул вещества, интегрируются в основание нового *постиндустриального производства* [10].

Имеющиеся факты позволяют, на наш взгляд, утверждать, что использование внутренне происходящих природных процессов в производстве продуктов и услуг может трактоваться как исходное положение, выражающее качественную основу постиндустриального производства. Характерным становится не воздействие человека на вещество природы с помощью созданных им механических орудий производства, а управление им природными про-

цессами с целью получения необходимых продуктов и услуг. Таким образом, можно заключить, что постиндустриальное производство, следующее за индустриальным, есть производство благ с использованием естественных, природных процессов.

Следуя этому подходу, трудно согласиться с утверждениями о том, что в ведущих странах Запада уже сложилось постиндустриальное общество [2, 12].

С точки зрения технологического аспекта в мире продолжает господствовать индустриальный способ производства.

По данным Европейского статистического ведомства Eurostat, доля энергии, получаемой из возобновляемых источников в общем энергопотреблении Евросоюза, составляет 10,3% (по данным на 2008 год). К 2020 году предусматривается достижение 20%-ного вклада возобновляемых источников. По разным странам Евросоюза эти показатели существенно дифференцируются: например, в Великобритании – от 2,5% в 2008 году до 15% в 2020 году. В стране-лидере по использованию возобновляемой энергии – Швеции – соответственно от 44,4 до 49% [21]. В США доля энергии, получаемой за счет возобновляемых источников, согласно планам президента Барака Обамы, должна достичь к 2025 году 25% [13]. По прогнозу Международного энергетического агентства, при сохранении современных тенденций в мировой энергетике до 2020 г. доля углеводородных видов топлива в структуре мировой энергетики к этому времени должна сократиться до 83% и к 2050 году – до 64% [19]. Основным источником энергии на ближайшие десятилетия останется углеводородное сырье – запасы солнечной энергии, отложенные в земной коре миллионы лет назад.

Атомно-молекулярные технологии, нанотехнологии, находятся в начале пути научных исследований, проектирования,

создания лабораторных образцов, выпуска малых серий продукции. Западные эксперты отмечают еще неготовность их к широкому промышленному применению⁵.

Аналогичное состояние на Западе переживают технологии лазерного выращивания изделий из порошкообразного металла по компьютерной модели, полностью элиминирующие финишную обработку.

Первые шаги по освоению в ведущих странах Запады технологий постиндустриального производства не дают основания для вывода о том, что в них уже сложился технологический базис постиндустриального общества. Речь может идти о новой технологической волне (она у нас именуется шестым технологическим укладом), которую можно отнести к технологиям формирования постиндустриального производства.

Наступление нового (шестого) технологического уклада связывается с нанотехнологиями, биомолекулярными технологиями, информационно-коммуникационными технологиями [6]. По мнению К. Переса, исследователя длинных волн технико-экономического развития, «на роль основных драйверов зарождающейся новой волны будут в той или иной комбинации претендовать биотехнологии, нанотехнологии, новая энергетика, новые материалы, биоэлектроника и так далее» [24]. Шестой технологический уклад идентифицируется с постиндустриальным технологическим способом производства: «шестой технологический уклад будет в полной мере адекватен постиндустриальному обществу» [10].

⁵ «Время промышленного освоения построения конструкции «атом за атомом» на основе самоорганизации вещества, в котором компоненты приобретут структуру в силу своего естественного процесса, еще не пришло» [28]. В статье [15], наряду с признанием быстрого развития и роста влияния нанотехнологии как в науке, так и в промышленности, приводятся лишь некоторые конкретные области применения нанотехнологий в ближайшем будущем.

Хотя технологии шестого технологического уклада относятся к постиндустриальной технологической эпохе, тем не менее первые прикладные достижения в этой сфере ориентируются на индустриальный способ производства. Они в той или иной степени становятся прорывными технологиями в неоиндустриализации отечественной экономики. Масштабное развитие их до уровня ведущего технологического базиса будет уже соответствовать постиндустриальному способу производства.

Приведенные выше характеристики технологических эпох — технологических способов производства — являются их стержневыми признаками, технологическим ядром. Вместе с ними применяются технологии других эпох, которые не обособлены друг от друга. Так, в составе постиндустриального производства могут быть сегменты индустриальных технологий, участвующих в оснащении постиндустриальных технологических процессов. В определенной мере «постиндустриальное общество (перефразируем на «постиндустриальное производство») есть продолжение тенденций, вытекающих из индустриального» [2]. С другой стороны, принцип постиндустриального производства — использование природных процессов присуще в той или иной мере разным технологическим эпохам. Так, сельское хозяйство, базирующееся на относительно неистощимом ресурсе — земле, на протяжении тысячелетий является базовым сектором хозяйства, а крупная гидроэнергетика, основанная на использовании энергии водного потока, наряду с другими отраслями, определяет облик индустриального производства.

Переход к постиндустриальному способу производства

Забываясь о настоящем, о неоиндустриализации экономики, не следует упускать из виду зарождение и развитие технологий

постиндустриальной эпохи. В мире интенсивно ведутся работы в этой области. Важно и нашей стране не отставать в формировании нового технологического базиса. Если в научном плане есть обнадеживающие результаты, то в создании новых промышленных производств и в организации выпуска нанопродуктов намечается отставание. К сожалению, в этой области назревает проблема догоняющего развития. Фактор времени становится все более значимым в научно-технологической гонке. Нельзя допустить повторения отставания, какое произошло, например, с микроэлектроникой, которое приходится преодолевать и в наше время из-за того, что Россия своевременно не включилась в мировую систему развития микроэлектроники.

Технологии постиндустриального способа производства, основанные на открытых к настоящему времени методах использования возобновляемой энергии, манипулирования с нанометрическими частицами вещества, атомно-молекулярными структурами, преобразят, как прогнозируют специалисты, базовые отрасли народного хозяйства: энергетику, металлургию, машиностроение, транспорт, сельское хозяйство, а также окружающую среду, условия жизни человека. С технологиями постиндустриальной эпохи связываются надежды на отдаление срока истощения экономически приемлемых ресурсов углеводородного сырья, на кардинальное оздоровление окружающей среды, уход от крупных предприятий и ряда производств, переход на технологии, приближенные к природным процессам, появление потенциала роста производительности труда.

Основные постиндустриальные технологии (за исключением крупной гидроэнергетики, атомной промышленности, информационных технологий, получивших развитие в индустриальную эпоху) находятся у нас в начале пути своего становления.

Текущее производство электроэнергии из возобновляемых источников составляет менее 1% от общего энергобаланса страны. Целевой показатель на 2020 год установлен в размере 4,5%. Однако, учитывая запланированный рост генерирующих мощностей на основе возобновляемых источников энергии, отметим, что доля возобновляемой энергии в энергобалансе страны к 2020 году может быть увеличена лишь до 2,5%. Для сравнения: на Украине к 2020 году прогнозируется увеличить долю электроэнергии из возобновляемых источников энергии до 12%, к 2030 году – до 15% [34].

В нашей стране, не испытывающей дефицит в энергоносителях, развитие технологий возобновляемой энергетики позволит улучшить качество жизни людей в отдаленных от сетевой электроэнергетики районах, которые составляют свыше $\frac{1}{2}$ территории страны, а также оптимизировать структуру производства электроэнергии. Преимущества возобновляемой энергии довольно основательно проработаны [3, 19], однако реализация их в настоящее время сдерживается повышенными затратами на ее производство по сравнению с углеводородной энергетикой. Подсчитано, что энергия от энергосистем из-за дешевого топлива стоит в полтора раза меньше энергии за счет использования ветра, солнца и биомассы на юге России, в центральной же ее части возобновляемые энергоресурсы на 20–40% дороже, чем на юге [17]. Вековой опыт свидетельствует, что качественно новые технологические принципы, как правило, сначала менее эффективны, чем старые.

В России, как и в других странах, интенсивно ведутся научно-технологические и производственные разработки нового поколения солнечных батарей, ветрогенераторов, в том числе закрытого типа, в направлении расширения эксплуатационных свойств энергоустановок, сопряженности с действующими сетями энергетики,

повышения КПД энергетических объектов, снижения себестоимости энергии в расчете на единицу мощности.

За рубежом отмечается устойчивая тенденция снижения затрат по возобновляемым источникам энергии. Так, удельные капитальные вложения в ветроэнергетические установки снизились с 4000 долл./кВт в 1980 году до 900 долл./кВт в 1999 году. За этот же период удельная стоимость фотоэлектрических модулей снизилась с 50 тыс. долларов до 4–5 тыс. долларов. Одновременно наблюдаются высокие темпы развития мощностей возобновляемой энергии. Промышленно развитые страны планируют в первой половине XXI века увеличить долю возобновляемой энергии в общем энергобалансе до 20–50%. США и Япония планируют создание космических солнечных электростанций с передачей электроэнергии с помощью микроволнового луча. Ватикан намерен создать фотоэнергетическую установку, которая полностью обеспечит энергетические потребности за счет солнечной энергии.

Эксперты выражают опасение, что интенсивное развитие возобновляемых источников энергии может лишить Россию фундамента ее развития – экспорта нефти и газа и оставить ее наедине с запасами углеводородных энергоресурсов [7]. Кроме того, «продолжительность торговли нефтью и газом зависит больше не от действий России, а от реакции западных стран на рыночную ситуацию» [25].

Развитие возобновляемых источников энергии обычно связывается со стремлением европейских государств снизить свою углеводородную зависимость от России и стран ОПЕК, диверсифицировать источники энергии. Одновременно с решением этой задачи формируется новая индустрия по производству высокотехнологичного оборудования с освоением новых технологий, приобретением опыта и профес-

сиональных компетенций в этой области. Создается глобальное технологическое превосходство группы стран. Их высокотехнологичные компании при интенсивной государственной поддержке становятся лидерами нового энергетического машиностроения, захватывая рынки развивающихся стран. Богатейшие страны мира способны направить гигантские субсидии на поддержку своих высокотехнологичных компаний [20].

В настоящее время, например, немецкие компании завоевали прочные лидирующие позиции на мировом рынке солнечной энергетики. Почти 40% солнечных батарей, производимых в Германии, идет на экспорт. Ежегодный оборот составляет несколько миллиардов евро. Германия является мировым лидером по количеству построенных ветроэнергетических станций [7]. Концерн «Siemens» установил более 6400 ветровых турбин в мире. Он производит оборудование для малой гидроэнергетики, установки для преобразования солнечной энергии, которые работают на всех континентах. Компания «Vintec» (Германия) и NIBE AB (Швеция) являются лидерами в производстве тепловых насосов на рынках Восточной Европы и Скандинавских стран. В России доля зарубежного оборудования в части развития возобновляемых источников энергии составляет 70% [7].

Для нашей страны, не испытывающей дефицит в углеводородном сырье, развитие технологий и производства оборудования по использованию возобновляемой энергии актуально не только для решения текущих задач энергообеспечения населения, но и в достижении технологической независимости в создании новой энергии на базе ВИЭ. По оценке акад. А. Коротеева, главная проблема энергетики состоит в крайней отсталости отечественного энергетического машиностроения [7].

Как считают эксперты, для России, обладающей огромным потенциалом возобновляемой энергии самых разных видов, оставаться в стороне от мировых тенденций в определенной степени опасно. «Однобокая опора на базовую, традиционную энергетику грозит нам даже не экономическими, а военно-политическими проблемами... Россия радикально отстает от мира по разработке ВИЭ». В аналитической справке Комитета по энергетике, транспорту и связи ГД РФ отмечается: «В связи с истощением месторождений нефти и природного газа российская энергетика в течение XXI века обязана претерпеть существенные структурные изменения» [7].

Считается, что для России в ближайшем будущем наиболее эффективными и значимыми направлениями развития возобновляемой энергетики при использовании принципа природно-технических систем будет устойчивое взаимодействие гидроэнергетических объектов и природной среды, а также атомная и ветроэнергетика [18, 19, 33].

Второй базисный компонент постиндустриальных технологий – нанотехнологии, являясь передовым краем современных исследований в естественных науках, уже сегодня обещают принципиальные достижения в создании материалов с уникальными свойствами для многих видов продукции, услуг, в том числе для возобновляемых источников энергии. Особенностью наночастиц является их высокая активность, способность как присоединяться, так и присоединять частицы различных материалов. Эти свойства эффективно используются для создания новых материалов, обладающих крайне важными характеристиками [14]. Например, полимеры, созданные из наноконпонентов, обладают суперсвойствами: они тверже алмаза и в 100 раз превосходят по твердости сталь, обладают большей гладкостью, чем

тефлоновые покрытия, сверхлегкостью и сверхэластичностью и даже большей, чем у меди, тепло- и электропроводимостью [28]. Постиндустриальные технологии реализуют управляемый синтез атомно-молекулярных структур, который призван обеспечить получение объектов любого назначения не из обычных сырьевых ресурсов, а непосредственно из атомов и молекул с помощью машин-сборщиков.

Машины, способные делать необходимые операции с атомами, уже создаются. Закладываются основы технологий атомной и молекулярной сборки для использования в электронике, связи, оптике, робототехнике [27]. Технологии манипулирования с мельчайшими частицами вещества до 100 нм могут практически неограниченно применяться в разных отраслях промышленности, сельского хозяйства, медицины, в информационных системах.

Так, по разработкам ЦНИИ КМ «Прометей» (Санкт-Петербург) получены металлургические заготовки, в которых структура стали измельчена вплоть до наноуровня. Из таких материалов построены морская ледостойкая платформа «Приразломная», буровая платформа «Арктическая». Здесь же разработан метод изготовления деталей из порошкообразного металла путем его спекания лазерным излучением, управляемым компьютером, исключаящий индустриальные технологии механической обработки и сварки материалов.

По данной технологии были изготовлены детали сложной конфигурации для ОАО «Климов» и ОАО «Калужский турбинный завод». «Развитие ряда новых прорывных технологий может ограничить, а затем и закрыть классическую металлургию, включая добычу руды, производства кокса, доменную металлургию, конверторные процессы» [8]. По оценке специалистов, в стране создан солидный задел для дальнейшего развития исследований

по нанотехнологиям [1]. Однако освоение разработок нанотехнологий у нас развивается медленнее, чем за рубежом. Одна из причин — пока еще малый спрос на нанопродукцию и продукцию, созданную на основе нанотехнологий, за исключением спроса стратегически важных отраслей, контролируемых государством (примером могут служить авиация, космонавтика, атомная энергетика) [11].

Развитие спроса непосредственно связано с преодолением технологической отсталости значительной части производственного аппарата, проведением масштабной неоиндустриализации, в том числе путем использования нанотехнологических компонентов в технологических процессах. Остается малоисследованной проблема экологии и влияние на человека новых технологий. С одной стороны, постиндустриальные технологии устраняют загрязнения, свойственные промышленным методам производства, с другой — нуждаются в исследовании возможных последствий применения новых технологических принципов.

Основные направления нанотехнологий находятся пока на стадии научных исследований или лабораторных образцов. В технологически развитых странах по этой тематике расходуются огромные средства. Так, в США объем бюджетного финансирования на нанотехнологические исследования вышел на стационарный уровень, немногим превышающий 1 млрд. долларов в год [32].

В России компанией «Роснано» для финансирования нанопроектов выделено 64 млрд. руб. и 180 млрд. руб. госгарантий под заимствования. Главная проблема — выявление возможности и осуществление перевода лабораторных нанотехнологических разработок в промышленные технологии, которое потребует наличия высокотехнологических промышленных

производств. Отсутствие их вызывает опасение у отечественных исследователей в реализации достижений нанонауки. Так, «инициаторы производства солнечных преобразователей сталкиваются с проблемой полного отсутствия в стране материалов для этого» [26]. Поэтому актуальным становится развертывание процессов неоиндустриализации в нашей стране и в аспекте перехода к постиндустриальным технологиям.

Постиндустриальная технологическая линия в экономике России обусловлена не только внутренними, но и внешними факторами. Ученые предупреждают, что ведущие страны рассматривают нанотехнологии как рычаг для приобретения мирового экономического, финансового, политического и военного господства [9].

Создание постиндустриального облика производства связано с большим объемом исследований в разных областях науки. Нужны немалые финансовые ресурсы. Подсчитано, что только для продолжения исследований по нанотехнологиям в физике твердого тела в системе Российской академии наук необходимо свыше 40 млрд. рублей [1]. Значительные суммы потребуются для их производственного освоения. Неоиндустриализация и забота о будущем технологическом базисе производства ставит задачу о накоплении и распределении средств на ближайшую перспективу (неоиндустриализацию) и стратегические направления постиндустриальных технологий. Решение ее в экономике с ограниченными бюджетными инвестициями весьма затруднительно.

Биотехнология как технология постиндустриальной технологической эпохи начинает проникать во все сферы современной жизни. Опираясь на методы геномной инженерии, она становится одним из ключевых направлений развития мировой экономики [29].

Отмечаются ее успехи в исследовании биологических систем (белков, микроорганизмов), биомолекулярных явлений (идентификации ДНК и биологических процессов), других проблем, включая создание молекулярного компьютера, а также — в создании лекарств, доставки лекарств, хирургических методов, биосовместимости, диагностики, имплантатах, протезировании.

«Ученые осознали, что им подвластны те процессы, на которые были затрачены усилия Творца и миллионы лет эволюции. В их силах теперь создание и корректировка генетических программ, начертанных природой» [29]. Вместе с тем в их среде ставится проблема биоэтики, ответственности за последствия использования новых разработок, технологий, недопущения необратимых негативных эффектов [22].

Научные успехи свидетельствуют о возможных в будущем кардинальных изменениях в технологии получения продуктов, необходимых для жизнедеятельности людей. Еще сорок лет назад американский социолог Э.Тоффлер писал: «На наших глазах появляется новая наука, основанная на принципах управления развитием микроорганизмов, которая обещает изменить саму природу индустрии, какую мы знаем» [31].

В развитии неоиндустриальных и постиндустриальных технологий все большую прагматичную роль играют информационные технологии. Их функции непрерывно расширяются. Теперь они становятся частью технологии материального производства. Информационные технологии встраиваются в технологические процессы индустриального производства, участвуют в создании сложных объектов, например моделировании обтекания воздухом реального самолета с помощью суперкомпьютерной технологии.

Характерно, что в США, наряду с альтернативными источниками энергии и нанотехнологиями, приоритетными направлениями названы супервычисления. В России существует компьютерная сеть на академической базе. Она связывает основные центры в одно целое. В Российской академии наук работает суперкомпьютер с пиковой производительностью 94 млн. операций в секунду, в Московском государственном университете — 47 млн. операций в секунду. В системе образования установлены, по крайней мере, шесть довольно крупных суперкомпьютеров. В стране созданы предпосылки для решения реальных практических задач. В мире с помощью суперкомпьютеров решаются задачи взаимодействия веществ на атомарном уровне [4].

Постиндустриальные технологии будут все более основаны на информационных технологиях. Поэтому вряд ли правомерно микроэлектронику связывать лишь с пятым технологическим укладом. И в постиндустриальную эпоху применение информационных производственных технологий потребует создания все новых микроэлектронных устройств.

Нано-, био-, информационным технологиям, провозглашенным в качестве ключевых направлений шестого технологического уклада, предназначают стать определяющими в геополитической конкуренции до середины XXI века [5]. В этой роли они могут участвовать как в неоиндустриализации, преобразуя индустриальные отрасли, так и в формировании самостоятельного сегмента постиндустриального производства — получения продукции на базе атомно-молекулярных технологий. Постепенно его рост в будущем вместе с доминированием возобновляемой энергии будет означать переход от индустриального к постиндустриальному производству.

Развитие и смена технологических эпох рассматривается в статье с позиции эволюции способов обмена человека с природной средой с целью получения продуктов потребления. С использованием этого признака могут быть выделены критерии доиндустриального, индустриального и постиндустриального технологических способов производства. В широко распространенной концепции постиндустриального общества не отражается свойственный ему технологический базис, технологический способ производства, отличный от индустриального. Переход от индустриального производства к постиндустриальному знаменует применение в качестве базовых технологий использование природных процессов путем их управления.

Приоритетным для России остается неоиндустриализация как необходимость преодоления технологического отставания, приближения к мировому технологическому уровню и как условие создание

материальных предпосылок зарождения постиндустриальных технологий. Тем не менее уже сейчас нельзя допустить отставание в образовании научно-технологической базы постиндустриального производства. Недостающее по мировым меркам государственное финансирование научных исследований и формирования сектора постиндустриальных производств может поставить в недалеком будущем перманентную задачу догоняющего развития. Речь может идти о координации исследований, ведущихся в этой области в учреждениях Российской академии наук, вузах, отраслевых организациях, а также исследований, поддерживаемых ОАО «Роснано», Научным центром «Сколково», инвестиционными фондами. Комплекс мер, принимаемый на федеральном уровне, призван не допустить отставания нашей страны в научной разработке и создании материальной базы будущего постиндустриального производства.

Литература

1. Алферов, Ж.И. О Программе Российской академии наук в области нанотехнологий / Ж.И. Алферов // Вестник Российской академии наук. — 2008. — № 5. — С. 427-434.
2. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования / Д. Белл. — М.: Academia, 2004. — 458 с.
3. Варфоломеев, С.Д. Энергоносители из возобновляемого сырья / С.Д. Варфоломеев, И.И. Моисеев, Б.Ф. Мясоедов // Вестник Российской академии наук. — 2009. — № 7. — С. 595-603.
4. Велихов, Е.П. Перспективы технологического перевооружения промышленности, науки и образования России на основе массовых суперкомпьютерных технологий / Е.П. Велихов // Вестник Российской академии наук. — 2009. — № 3. — С. 237-242.
5. Глазьев, С. Какая модернизация нужна России / С. Глазьев // Экономист. — 2010. — № 8. — С. 3-17.
6. Глазьев, С. Сесть на гребень новой волны / С. Глазьев // Однако. — 2011. — № 32. — С. 21-24.
7. Гореванов, А.М. ВИЭ — качественный этап развития глобализации экономики. Зачем России необходимо развивать ВИЭ? / А.М. Гореванов // Третий инновационный форум «ВИЭ — 2010» (12–13 мая 2010 г.): сб. материалов (тезисы и доклады). — СПб., 2010. — С. 42-60.
8. Горынин, И.В. Наука о материалах — взгляд в будущее / И.В. Горынин // Наука и общество. Экономика и социология в XXI веке. V Петербургская встреча лауреатов Нобелевской премии (18–22 окт. 2010 г.): тезисы пленарных докладов. — СПб., 2010. — С. 27-29.
9. Горынин, И.В. Исследования и разработки ФГУП ЦНИИ КМ «Прометей» в области конструкционных материалов / И.В. Горынин // Российские нанотехнологии. — 2007. — Т. 2. — № 3-4. — С. 36-56.
10. Думаревский, Д.Б. Технологические формы соотношения общества и природы: логико-исторический аспект / Д.Б. Думаревский // История взаимодействия общества и природы: факты и концепции: тезисы. — Ч. 1. — М., 1990. — С. 101-102.

11. Инновационная политика. Россия и Мир. 2002–2010. – М.: Наука, 2011. – 449 с.
12. Иноземцев, В.Л. За пределами экономического общества / В.Л. Иноземцев. – М.: Academia – Наука, 1998. – 640 с.
13. Кириллов, Н.Г. Основные мировые тенденции развития альтернативной и малой энергетики / Н.Г. Кириллов // Третий инновационный форум «ВИЭ-2010» (12–13 мая 2010 г.): сб. материалов (тезисы и доклады). – СПб., 2010. – С. 6-8.
14. Княжицкая, О.И. Где есть инновации – там есть успех. Роль нанотехнологий / О.И. Княжицкая // Стратегия инновационного развития регионов Северо-Запада России: опыт и проблемы. IV межд. науч.-практ. конф. «Управление инновационным развитием регионов и корпоративных структур»: сб. науч. трудов. – Ч. 1. – СПб., 2009. – С. 406-410.
15. Ландре, Э. Общие направления развития нанотехнологии до 2020 г. / Э. Ландре // Российские нанотехнологии. – 2007. – Т. 2. – № 3-4. – С. 8-15.
16. Мау, В. Посткоммунистическая Россия в постиндустриальном мире / В. Мау // Вопросы экономики. – 2002. – № 7. – С. 4-25.
17. Макаров, А.А. Научно-технологические прогнозы и проблемы развития энергетики России до 2030 года / А.А. Макаров // Вестник Российской академии наук. – 2009. – №3. – С. 206-215.
18. Макаров, А.А. Перспективы развития энергетики России / А.А. Макаров // Вестник Российской академии наук. – 2009. – № 4. – С. 291-300.
19. Мусамбеков, К. Неоиндустриальный тип развития и возобновляемые источники энергии / К. Мусамбеков // Экономист. – 2011. – № 5. – С. 37-46.
20. Насонов, С. Зеленый комфорт / С. Насонов // Эксперт. – 2011. – № 127. – С. 80.
21. Однако. – 2010. – № 28. – С. 34.
22. Осипов, Ю.С. Заключительное слово на научной сессии Общего собрания РАН / Ю.С. Осипов // Вестник Российской академии наук. – 2009. – № 3. – С. 258.
23. Основы современной философии. – СПб.: Лань, 2001. – 382 с.
24. Перес, К. (2012). За двадцать лет до бума. Интервью / К. Перес // Эксперт. – 2012. – № 2. – С. 37.
25. Пивнюк, В.А. Проблемные вопросы участия бизнеса в крупномасштабных инновационных проектах / В.А. Пивнюк // Инновации. – 2008. – № 4. – С. 11-15.
26. Пивнюк, В.А. Новая технология для будущей энергетики. Обсуждение научного сообщения / В.А. Пивнюк // Вестник Российской академии наук. – 2008. – № 9. – С. 787-791.
27. Попова, Е.В. Возможные направления инновационного развития оборонно-промышленного комплекса / Е.В. Попова // Инновации. – 2007. – № 12. – С. 30-36.
28. Ромменс, Э. Нанотехнологии. Атомно-молекулярная революция / Э. Ромменс // The Angelinvestor. – 2008. – № 1. – С. 62.
29. Скрыбин, К.Г. Фундаментальная и прикладная биотехнология – ответ на вызов XXI века / К.Г. Скрыбин // Вестник Российской академии наук. – 2009. – № 3. – С. 242-245.
30. Сухарев, О. Интеллектуальный потенциал и его неоиндустриальное производство / О. Сухарев, А. Нешиной // Экономист. – 2011. – № 10. – С. 3-11.
31. Тоффлер, Э. Шок будущего / Э. Тоффлер. – М.: Изд-во АСТ, 2002. – С. 217.
32. Третьяков, Ю.Д. Проблемы развития нанотехнологий в России и за рубежом / Ю.Д. Третьяков // Вестник Российской академии наук. – 2007. – № 1. – С. 3-10.
33. Федоров, М.П. Природно-технические системы в энергетике / М.П. Федоров // Наука и общество. Экономика и социология в XXI веке. V Петербургская встреча лауреатов Нобелевской премии: тезисы пленарных докладов. – СПб., 2010. – С. 79-83.
34. Фортов, В.Е. Возобновляемые источники энергии в мире и в России / В.Е. Фортов, О.С. Поппель // Материалы Первого межд. форума «Возобновляемая энергетика. Пути повышения энергетической и экономической эффективности» (REENFOR – 2013 22–23 окт. 2013 г.). – М., 2013. – С. 12-22.
35. Черковец, В.Н. Модернизация производительных сил и коррекция экономической модели – актуальные проблемы современной России / В.Н. Черковец // Инновационное развитие экономики России: роль университетов: сб. статей III Межд. науч. конф. – М., 2010. – Т. 1. – С. 35-42.

Rumyantsev A.A.

Postindustrial technological way of production: time of emergence

Aleksei Aleksandrovich Rumyantsev – Doctor of Economics, Professor, Chief Research Associate, Federal State-Financed Scientific Institution the Institute of Regional Economy of the Russian Academy of Sciences (38, Serpukhovskaya Street, Saint Petersburg, 190013, Russia, aarum1@yandex.ru)

Abstract. The article characterizes a postindustrial technological way of production, an indicator, a set of technologies and connection with the pre-industrial and industrial technological methods of production. The development of the sixth technological mode is treated as the beginning of formation of the postindustrial technological way of production. The author reveals possibilities and prospects of post-industrial technologies. Many countries are conducting research on the application of post-industrial technologies despite industrial production, leading in the world. The article draws attention to the strengthening of measures on development of post-industrial technologies in our country.

Key words: technological mode of production, pre-industrial, industrial, post-industrial, indicator, technology, prospect.

References

1. Alferov J. I. O programme Rossiiskoy akademii nauk v oblasti nanotekhnologii [About the Program of the Russian Academy of Sciences in the Field of Nanotechnologies]. *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk* [Herald of the Russian Academy of Sciences], 2008, no. 5, pp. 427-434.
2. Bell D. *Gryadushchee postindustrial'noe obshchestvo: opyt sotsial'nogo prognozirovaniya* [The Coming of Post-Industrial Society: A Venture of Social Forecasting]. Moscow: Academia, 2004, 458p.
3. Varfolomeev S. D., Moiseev I. I., Myasoedov B. F. Energonositeli iz vozobnovlyаемого syr'ya. [Energy Carriers from Renewable Raw Materials]. *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk* [Herald of the Russian Academy of Sciences], 2009, no. 7, pp.595-603.
4. Velihov E. P. Perspektivy tehnologicheskogo perevoorzheniya promyshlennosti, nauki i obrazovaniya Rossii na osnove massovykh superkomp'uternykh tekhnologiy [Prospects for Technological Modernization of the Industry, Science and Education of Russia on the Basis of Mass Supercomputer Technologies]. *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk* [Herald of the Russian Academy of Sciences], 2009, no 3, pp. 237-242.
5. Glaziev S. Kakaya modernizatsiya nuzhna Rossii [What Modernization is Necessary to Russia]. *Ekonomist* [The Economist], 2010, no. 8, pp. 3-17.
6. Glaziev S. Sest' na greben' novoy volny [To Sit Down on a Crest of a New Wave]. *Odnako* [To the Contrary], 2011, no. 32, pp. 21-24.
7. Gorevanov A. M. *VIE – kachestvennyi etap razvitiya globalizatsii ekonomiki. Zachem Rossii neobkhodimo razvivat' VIE?* [RSE is a Qualitative Stage of Development of Globalization of Economy. Why Russia Needs to Develop RSE?]. *Tretii innovatsionnyi forum "RES– 2010" (12–13 maya 2010 g.): sb. materialov (tezisy i doklady)* [Third Innovative Forum "RES – 2010" (May 12–13, 2010): Collection of Materials (Theses and Reports)], Saint Petersburg, 2010, pp. 42-60.
8. Gorynin I. V. Nauka o materialakh – vzglyad v budushchee. [Science about Materials – Prospection]. *Nauka i obshchestvo. Ekonomika i sotsiologiya v XXI veke. V Peterburgskaya vstrecha laureatov Nobelevskoi premii (18–22 okt. 2010 g.): tezisy plenarnykh dokladov* [Science and Society. Economy and Sociology in the 21st Century. The V Petersburg Meeting of Nobel Prize Laureates (18–22 October, 2010): Theses of Plenary Reports], Saint Petersburg, 2010, pp. 27-29.
9. Gorynin I. V. Issledovaniya i razrabotki FGUP TsNII KM "Prometei" v oblasti konstruksionnykh materialov [Researches and Development of FGUP CNII KM "Prometei" in the Field of Constructional Materials]. *Rossiiskie nanotekhnologii* [Russian Nanotechnologies], 2007, vol. 2, no. 3–4, pp. 36-56.

10. Dumarevskii D. B. Tekhnologicheskie formy sootnosheniya obshchestva i prirody: logiko-istoricheskii aspekt [Technological Forms of a Ratio of Society and Nature: Logic-Historical Aspect]. *Istoriya vzaimodeistviya obshchestva i prirody: fakty i kontseptsii: tezisy* [History of Society-Nature Interaction: Facts and Concepts: Theses], Moscow, 1990, pp. 101-102.
11. *Innovatsionnaya politika. Rossiya i Mir. 2002–2010* [Innovation Policy. Russia and the World. 2002–2010]. Moscow: Nauka, 2011. 449 p.
12. Inozemtsev V. L. *Za predelami ekonomicheskogo obshchestva* [Outside Economic Society]. Moscow: Academia – Nauka, 1998. 640 p.
13. Kirillov N. G. Osnovnye mirovye tendentsii razvitiya al'ternativnoi i maloi energetiki [Main World Tendencies to Develop an Alternative and Small-Scale Power Generation]. *Tretii innovatsionnyi forum "RES – 2010" (12–13 maya 2010 g.): sb. materialov (tezisy i doklady)* [Third Innovative Forum "RES – 2010" (May 12-13, 2010): Collection of Materials (Theses and Reports)], Saint Petersburg, 2010, pp. 6-8.
14. Knyazhitskaya O. I. Gde est' innovatsii – tam est' uspekhi. Rol' nanotekhnologii [Where There are Innovations – There is Success. Role of Nanotechnologies]. *Strategiya innovatsionnogo razvitiya regionov Severo-Zapada Rossii: opyt i problemy. IV mezhd. nauch.-prakt. konf. "Upravlenie innovatsionnym razvitiem regionov i korporativnykh struktur": sb. nauch. trudov* [Strategy for Innovative Development of Regions of the Northwest of Russia: Experience and Problems. The IV International Research-to-Practice Conference "Management of Innovative Development of Regions and Corporate Structures": Collection of Scientific Works]. Saint Petersburg, 2009, pp. 406-410.
15. Landree E. Obshchie napravleniya razvitiya nanotekhnologii do 2020 g. [General Directions of Nanotechnology Development to 2020]. *Rossiiskie nanotekhnologii* [Russian Nanotechnologies], 2007, vol. 2, no. 3–4, pp. 8-15.
16. Mau V. Postkommunisticheskaya Rossiya v postindustrial'nom mire [Postcommunist Russia in the Postindustrial World]. *Voprosy ekonomiki* [Issues of Economy], 2002, no.7, pp. 4-25.
17. Makarov A. A. Nauchno-tekhnologicheskie prognozy i problemy razvitiya energetiki Rossii do 2030 goda [Scientific and Technological Forecasts and Problems of Development of Power Industry of Russia till 2030]. *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk* [Herald of the Russian Academy of Sciences], 2009, no. 3, pp. 206-215.
18. Makarov A. A. Perspektivy razvitiya energetiki Rossii [Prospects of Development of Power Engineering of Russia]. *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk* [Herald of the Russian Academy of Sciences], 2009, no. 4, pp. 291-300.
19. Musambekov K. Neoundustrial'nyi tip razvitiya i vozobnovlyaemye istochniki energii [Neoundustrial Type of Development and Renewable Energy Sources]. *Ekonomist* [The Economist], 2011, no. 5, pp. 37-46.
20. Nasonov S. Zelenyi komfort [Green Comfort]. *Ekspert* [Expert], 2011, no. 127, p. 80.
21. *Odnako* [To the Contrary], 2010, 28, p. 34.
22. Osipov Yu.S. Zaklyuchitel'noe slovo na nauchnoi sessii Obshchego sobraniya RAN [Concluding Remarks at the Scientific Session of the General Meeting of the Russian Academy of Science]. *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk* [Herald of the Russian Academy of Sciences], 2009, no.3, p. 258.
23. *Osnovy sovremennoi filosofii* [Fundamentals of Modern Philosophy]. Saint-Petersburg: Lan', 2001. 382 p.
24. Pérez C. Za dvadtsat' let do buma. Interv'yū [In Twenty Years Prior to Boom. Interview]. *Ekspert* [Expert], 2012, no. 2, p. 37.
25. Pivnyuk V. A. Problemnye voprosy uchastiya biznesa v krupnomasshtabnykh innovatsionnykh proektakh [Problem Issues of Business Participation in Large-Scale Innovative Projects]. *Innovatsii* [Innovations], 2008, no. 4, pp. 11-15.
26. Pivnyuk V. A. Novaya tekhnologiya dlya budushchei energetiki. Obsuzhdenie nauchnogo soobshcheniya [New Technology for Future Power Engineering. Discussion of Scientific Community]. *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk* [Herald of the Russian Academy of Sciences], 2008, no. 9, pp. 787-791.
27. Popova E. V. Vozmozhnye napravleniya innovatsionnogo razvitiya oboronno-promyshlennogo kompleksa [Possible Directions of Innovative Development of the Military-Industrial Complex]. *Innovatsii* [Innovations], 2007, no. 12, pp. 30-36.
28. Rommens A. Nanotekhnologii. Atomno-molekulyarnaya revolyutsiya [Nanotechnology. Atomic-Molecular Revolution]. *The Angelinvestor*, 2008, no. 1, p. 62.
29. Skryabin K. G. Fundamental'naya i prikladnaya biotekhnologiya – otvet na vyzov XXI veka [Fundamental and Applied Biotechnology is an Answer to the Challenge of the 21st Century]. *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk* [Herald of the Russian Academy of Sciences], 2009, no. 3, pp. 242-245.

30. Sukharev O., Neshitov A. Intellektual'nyi potentsial i ego neoindustrial'noe proizvodstvo [Intellectual Potential and its Neo-Industrial Production]. *Ekonomist* [The Economist], 2011, no. 10, pp. 3-11.
31. Toffler A. *Shok budushchego* [Future Shock]. Moscow: Izd-vo AST, 2002, p. 217.
32. Tret'yakov Yu. D. Problemy razvitiya nanotekhnologii v Rossii i za rubezhom [Problems of Nanotechnology Development in Russia and Abroad]. *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk* [Herald of the Russian Academy of Sciences], 2007, no.1, pp. 3-10.
33. Fedorov M. P. Prirodno-tekhnicheskie sistemy v energetike [Natural-Technological Systems in Power Engineering]. *Nauka i obshchestvo. Ekonomika i sotsiologiya v XXI veke. V Peterburgskaya vstrecha laureatov Nobelevskoi premii. Tezisy plenarnykh dokladov* [Science and Society. Economy and Sociology in the 21st Century. The V Petersburg Meeting of Nobel Prize Laureates (18–22 October, 2010): Theses of Plenary Reports], Saint Petersburg, 2010, pp. 79-83.
34. Fortov V. E., Poppel O. S. *Vozobnovlyaemye istochniki energii v mire i v Rossii: materialy Pervogo mezhd. foruma "Vozobnovlyaemaya energetika. Puti povysheniya energeticheskoi i ekonomicheskoi effektivnosti" (REENFOR – 2013 22–23 okt. 2013 g.)* [Renewable Energy Sources in the World and in Russia: Proceedings of the First International Forum “Renewable energy. Towards Raising Energy and Economic Efficiencies” (REENFOR – 2013 October, 22–23, 2013)]. Moscow, 2013, pp. 12-22.
35. Cherkovets V. N. Modernizatsiya proizvoditel'nykh sil i korrektsiya ekonomicheskoi modeli – aktual'nye problemy sovremennoi Rossii [Modernization of the Productive Forces and Upgrade of the Economic Model – Critical Issues of Modern Russia]. *Innovatsionnoe razvitie ekonomiki Rossii: rol' universitetov: sb. statei III Mezhd. nauch. konf.* [Innovative Development of the Russian Economy: the Role of Universities: Collection of Articles of the III International Research Conference]. Moscow, 2010, vol. 1, pp. 35-42.

Закон о стратегическом планировании в Российской Федерации: достоинства и нерешенные вопросы (экспертная оценка)

**Тамара Витальевна
УСКОВА**

доктор экономических наук, заместитель директора, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, tvu@vscc.ac.ru)

**Александр Николаевич
ЧЕКАВИНСКИЙ**

научный сотрудник, и.о. заведующего лабораторией, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, Chan@bk.ru)

Аннотация. В статье обосновывается необходимость принятия Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ, характеризуются его достоинства. Вместе с тем фиксируется внимание на ряде не решенных в этом законе вопросов стратегического планирования в стране, даются предложения по дальнейшему совершенствованию законодательства, связанного с организацией стратегического планирования.

Ключевые слова: стратегическое планирование, законодательные положения, механизмы реализации.

1. Общие положения

В настоящее время не во всех регионах и муниципалитетах России приняты стратегии долгосрочного социально-экономического развития. Во многих случаях между различными плановыми документами

(стратегии, концепции, программы и т.п.) не наблюдается взаимоувязки и координации, что приводит к срыву их исполнения и негативно отражается на эффективности управления территориями. Требуется четко определить общие векторы развития обо-

ронной, социальной, технологической и экономической сфер страны на долгосрочный период.

В связи с вышеуказанными обстоятельствами принятие Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ (далее ФЗ № 172) является необходимым шагом для формирования единой системы стратегического планирования, охватывающей федеральный, региональный и муниципальный уровни.

О целесообразности введения в нормативно-правовую базу данного закона высказались и некоторые российские ученые-экономисты. Так, заместитель директора Института экономики Карельского научного центра РАН Е.В. Жирнель отметил, что «закон вообще меняет положение дел в государственном и муниципальном управлении. Если раньше территориальное стратегическое планирование носило хаотичный характер по принципу «кто во что горазд», то в ближайшие годы в стране будет сформирована новая система стратегического планирования. Стратегии всех уровней будут увязаны между собой»¹.

Доктор экономических наук, профессор Института экономики РАН О.С. Сухарев считает, что с принятием ФЗ № 127 появляется возможность «для воссоздания и эффективного функционирования системы планирования»². При этом он обращает внимание на то, что позитивное влияние закона в перспективе определяется тем, как он будет реализовываться. По мнению О.С. Сухарева, формирование пропорций и структуры социально-экономической

системы по ее элементам и направлениям предполагает участие в этом процессе аналитиков, экономистов, модельщиков, математиков, ученых и т.д. И если организовать такую работу, то это будет способствовать развитию экономики России.

Как полагает политический консультант А. Вассерман, в России, в случае исполнения ФЗ № 127 всеми уровнями власти, возможно обеспечить повышение эффективности хозяйствования. На его взгляд, это обусловлено тем, что «единый план» содержит сведения о процессах, происходящих во всей технологической цепочке. Поэтому определение плановых ориентиров позволяет управленцу принимать обоснованные решения с меньшей затратой сил и большей точностью³. Однако А. Вассерман делает акцент на том, что для «жесткого планирования у государства недостаточно ресурсов». В настоящее время, когда производственные мощности в основном разделены между очень многими собственниками и государство напрямую контролирует лишь незначительную их часть, обеспечить уровень планирования, который был, например, в СССР, невозможно. Следовательно, нет уверенности в выполнении плана. Данную точку зрения поддерживает и директор Института проблем глобализации М. Делягин, одобряющий сам факт утверждения В.В. Путиным ФЗ № 127. В то же время, по мнению эксперта, без соответствующей организационной работы повысить эффективность экономики будет невозможно, а закон останется благом пожеланием, которых было уже много⁴.

Скепсис ряда экспертов относительно участия бизнес-структур в реализации стратегии, на наш взгляд, не вполне оправдан. Речь идет об индикативной форме

¹ Жирнель Е. Условий для инвестиционного бума в Карелии нет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vesti.karelia.ru/kapit/uslovij_dlya_investicionnogo_buma_v_karelii_net/

² Ермакова А., Игнатова К. Выполнять и перевыполнять: вернется ли правительство к «пятилеткам»? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rosinform.ru/2014/07/12/vypolnyat-i-perevopolnyat-pravitelstvo-vozvrachaetsya-k-pyatiletkam/>

³ Все идет по плану [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nakanune.ru/articles/19178>

⁴ Там же.

стратегического планирования, практика использования которого передовыми западными странами (Япония, Южная Корея, Франция и др.) доказала его эффективность. В отличие от свойственных централизованному хозяйствованию плановых директив, идущих сверху, индикативные планы не содержат обязательных заданий хозяйствующим субъектам и разрабатываются с участием и учетом предложений деловых кругов и научного сообщества.

Сама процедура подготовки плана преследует цель формирования общенационального консенсуса в отношении приоритетов социально-экономического развития страны и опирается на функционирование институтов социального партнерства. Индикативные планы не препятствуют свободному целеполаганию самостоятельно хозяйствующих субъектов, а выполняют для них функцию «маяков, высвечивающих перспективные направления экономической конъюнктуры и политики государства»⁵.

Кроме того, настоятельная необходимость создания в стране системы стратегического планирования, пронизывающей все уровни власти, многократно доказывалась ведущими отечественными учеными-экономистами (С.А. Глазьев, П.А. Минакир и др.)⁶.

2. Краткое содержание принятого закона

ФЗ № 127 устанавливает в России правовые нормы стратегического планирования, координации государственного и муниципального стратегического управ-

ления и бюджетной политики. Он определяет полномочия федеральных и региональных органов государственной власти, органов местного самоуправления, виды документов стратегического планирования и требования к их содержанию.

Предлагаемый законом подход к формированию системы государственного стратегического планирования можно признать удачным с точки зрения детального регулирования процесса утверждения перечня документов государственного стратегического планирования, согласования документов федерального и регионального уровней, распределения полномочий участников этого процесса, проведения контроля.

Безусловным достоинством проекта является закрепление статуса отраслевых документов стратегического планирования (ст. 11 гл. 3), к которым до этого времени в действующем законодательстве не было разработано единых требований.

Важно, что ФЗ № 127 предусмотрены нормы, согласно которым проекты документов государственного стратегического планирования подлежат общественному обсуждению и размещению в сети Интернет (ст. 13 гл. 3). Тем самым в разработке данных документов повышается роль общественных и научных организаций, объединений работодателей и профсоюзов, а также других активных участников гражданского общества.

3. Предложения по совершенствованию закона

Отдельные положения анализируемого документа, на наш взгляд, требуют уточнения и доработки.

- Считаю необходимым в ст. 3 гл. 1 уточнить понятие стратегии социально-экономического развития Российской Федерации (субъекта РФ, муниципального управления), определив ее как документ

⁵ Глазьев С.Ю. Состоится ли в 1999-м переход к политике роста? // Российский экономический журнал. — 1999. — № 1. — С. 22–39; № 2. — С. 14–32.

⁶ Глазьев С.Ю. О стратегии модернизации и развития экономики России в условиях глобальной депрессии // Экономика региона. — 2011. — № 2. — С. 14–27; Минакир П.А. Мифы и реальность пространственных экономических диспропорций // Федерализм. — 2011. — № 1. — С. 43–56.

стратегического планирования, в котором отражены не только приоритеты, цель и задачи управления, но еще и *механизмы и направления деятельности по их достижению*.

- Целесообразно **расширить полномочия органов государственной власти субъектов РФ** в сфере стратегического планирования в части обеспечения согласованности и сбалансированности документов стратегического планирования, разрабатываемых как на региональном, *так и на муниципальном уровне* (ст. 5 гл. 2). Иначе нарушаются базовые принципы разработки единой системы планирования.

- Желательно **пояснить, что разработчики ФЗ № 127 понимают под социально-экономической политикой и социально-экономическим развитием**, поскольку в ст. 8 гл. 3 данные категории разведены.

- Считаем необходимым **устранить «размытость» полномочий высшего исполнительного органа исполнительной власти субъекта РФ**, указав, *в чем конкретно заключается его участие в обеспечении реализации единой государственной политики* в сфере стратегического планирования (ст. 10 гл. 3).

- Важно в тексте закона **указать, что представляет собой схема развития** отраслей экономики (ст. 19 гл. 5) **и какую информацию должен содержать** данный документ.

- Для соблюдения принципа единства и целостности системы документов стратегического планирования полагаем необходимым **внести изменения** в ст. 28 гл. 7 ФЗ № 127, *четко определив период, на который принимаются государственные программы РФ*. Считаем также целесообразным **расширить перечень** документов стратегического

планирования, разрабатываемых на уровне субъекта РФ, *включив в него отраслевые документы стратегического планирования*.

- На наш взгляд, требуется **устранить противоречие**, заключающееся в том, что краткосрочные документы (ежегодное послание Президента РФ) в соответствии со ст. 15 гл. 4 являются основой для определения стратегических целей и приоритетов социально-экономического развития.

- Считаем необходимым **привести в соответствие содержание ст. 11 гл. 3 с положениями гл. 11**. В частности, в п. 5 ст. 11 гл. 3 ФЗ № 127 указано, что к документам стратегического планирования, разрабатываемым на уровне муниципального образования, относятся стратегия социально-экономического развития, план мероприятий по ее реализации, прогноз социально-экономического развития на средне- и долгосрочный период, бюджетный прогноз и муниципальная программа. Вместе с тем в гл. 11 упоминаются лишь первые два вида вышеперечисленных документов. О содержании, порядке разработки и утверждения остальных информация отсутствует.

4. Выводы

Принятие Федерального закона № 127, устанавливающего правовые основы стратегического планирования в России и обеспечивающего координацию государственного и муниципального управления и бюджетной политики, — требование времени. Вместе с тем, как мы полагаем, доработка закона с целью устранения выявленных недостатков будет способствовать повышению эффективности функционирования системы стратегического планирования Российской Федерации.

Uskova T.V., Chekavinskii A.N.

Law on strategic planning in the Russian Federation: advantages and unresolved issues (expert evaluation)

Tamara Vitalyevna Uskova – Doctor of Economics, Deputy Director, Federal State-Financed Scientific Institution the Institute of Socio-Economic Development of Territories of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russia, tvu@vscc.ac.ru)

Aleksandr Nikolaevich Chekavinskii – Research Associate, Acting Head of the Laboratory, Federal State-Financed Scientific Institution the Institute of Socio-Economic Development of Territories of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russia, Chan@bk.ru)

Abstract. The article substantiates the necessity to adopt the federal law “On strategic planning in the Russian Federation” as of June 28, 2014, no. 172-FZ and reveals its advantages. At the same time, it draws attention to a number of strategic planning issues, not stipulated by the law, and suggests measures for further improvement of the legislation.

Key words: strategic planning, legislation, implementation mechanisms

УДК 338(470.23-25), ББК 65.9(2-2СП6)

© Батчаев А.Р., Жихаревич Б.С.

Санкт-Петербург в постсоветский период: экономические стратегии и развитие

**Артур Русланович
БАТЧАЕВ**

кандидат экономических наук, начальник отдела территориального стратегического планирования, МЦСЭИ «Леонтьевский центр» (190005, г. Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25, artur@leontief.ru)

**Борис Савельевич
ЖИХАРЕВИЧ**

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт проблем региональной экономики РАН, директор Ресурсного центра по стратегическому планированию при МЦСЭИ «Леонтьевский центр» (190005, г. Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25, zhikh@leontief.ru)

Аннотация. Работа посвящена изучению основных результатов и особенностей развития экономики Санкт-Петербурга в постсоветский период. Целью работы являлось определение степени влияния городского планирования на результаты развития Санкт-Петербурга в этот период. Метод работы заключался в обработке большого массива статистических и информационно-аналитических материалов, а также нормативно-правовой базы и выявлении взаимных зависимостей между достигнутыми результатами и реализацией программно-плановых документов, определявших цели, приоритеты и задачи социально-экономического развития Санкт-Петербурга.

В ходе выполнения работы выделены семь ключевых этапов в развитии экономики города за последние 22 года и шесть периодов развития системы социально-экономического планирования. Изучение особенностей функционирования экономики Санкт-Петербурга позволило увидеть, что решающее влияние на результаты его экономического развития оказывают внешние условия, а именно состояние мировой и российской экономик, а также особенности государственной социально-экономической политики.

Результаты могут применяться в рамках деятельности по совершенствованию практики государственного и муниципального управления, в том числе при осуществлении социально-экономического планирования развития регионов и городов. По итогам исследования сделан вывод о

том, что циклы обновления программно-плановых документов и изменения подходов к государственному планированию задаются в Санкт-Петербурге скорее извне и связаны с изменениями внешних условий развития. Разработка городских стратегических, концептуальных и иных программно-плановых документов оказывает на развитие города пока не очень большое влияние.

Ключевые слова: экономическое развитие, Санкт-Петербург, долгосрочное планирование, реформы, стратегия, структура экономики.

С 1991 г. — момента краха социалистической экономики, распада Советского Союза и начала проведения радикальных экономических реформ — минуло немногим более 20 лет. По меркам 310-летней истории Санкт-Петербурга это не такой уж большой срок. Однако за этот период произошли революционные изменения в политической системе, экономике и социальной сфере, на которые многие страны мира тратили не одно столетие. Демонополитизация экономики и поддержка конкуренции способствовали появлению большого числа новых предприятий, в том числе относящихся к малому и среднему бизнесу. Экономика города быстрыми темпами интегрировалась в мировую хозяйственную систему. Появились и активно развиваются рынки недвижимости, ценных бумаг и финансово-банковских услуг.

За два прошедших десятилетия коренным образом изменилась структура экономики Санкт-Петербурга. Она стала в большей степени схожа со структурами экономик аналогичных по масштабам городов развитых стран мира. В самом начале 1990-х гг. более половины экономического потенциала города было сосредоточено в тяжелой промышленности, главным образом в отраслях военно-промышленного комплекса. Теперь ведущую роль в экономике Санкт-Петербурга играет сектор услуг, представленный в основном организациями торговли, транспорта, строительства, управления недвижимостью, туризма, банковской и страховой деятельности. Сработали

законы рынка, и более эффективные в условиях крупного города отрасли вытеснили менее эффективные.

Изменения в экономике повлекли за собой кардинальные перемены в облике города и укладе жизни петербуржцев. Исторический центр города стал в большей степени использоваться как зона туризма, коммерческо-деловой и административно-управленческой деятельности, проведения досуга и культурных мероприятий. Существенно увеличились масштабы строительства жилья и объектов общественно-делового назначения. Значительным градостроительным преобразованиям подверглись пригородные территории, где созданы новые производственные и общественно-деловые объекты, зоны отдыха населения и кварталы малоэтажного жилья. Во всех районах города сформировались и функционируют по нескольку крупных зон розничной торговли, представленных магазинами современного формата. Рост валютного эквивалента доходов населения и доступность потребительского кредитования позволили петербуржцам приобретать качественные импортные товары, в том числе длительного пользования, выезжать на отдых за границу.

Однако реформы не привели к улучшению ситуации во всех направлениях жизнедеятельности города. Сохранились или даже обострились проблемы в сферах жилищно-коммунального хозяйства, общественной и личной безопасности, организации дорожного движения. Понижился уровень доступности бесплатных

услуг, оказываемых населению учреждениями здравоохранения, образования, культуры, социального обслуживания, физической культуры и спорта. Произошли многократное финансово-имущественное расслоение жителей, снижение научно-технического потенциала и уровня продовольственной безопасности. Бурная застройка городской территории привела к сокращению площади общественных пространств.

Какова роль городского планирования в этих драматических переменах? Было ли это планирование разумным, можно ли было добиться большего? Оказывало ли вообще планирование городского уровня какое-то влияние на разбухшие реформами рыночные силы? Попробуем дать ответы на эти вопросы, сопоставив хронологически динамику развития экономики и планирования в Санкт-Петербурге.

В экономическом развитии Санкт-Петербурга за последние 22 года можно выделить несколько ключевых этапов (*рисунок*). **Первый этап охватывает 1992–1996 гг.** Это самый сложный и противоречивый период в новейшей истории Санкт-Петербурга и всей России. В эти годы осуществлялись либерализация цен и внешнеэкономической деятельности, массовая приватизация, демонополизация, поддержка развития конкуренции и предпринимательства. Реформы носили болезненный характер и сопровождались глубокими кризисными явлениями: ростом безработицы, падением доходов населения, экономическим спадом, политической нестабильностью, гиперинфляцией, разгулом преступности.

Масштабы кризиса можно увидеть, если сравнить статистические данные за 1996 г. с аналогичными показателями за дореформенный 1991 год. В Санкт-Петербурге объем промышленного производства сократился почти на 70%. Уменьшилось потребление основных продуктов питания

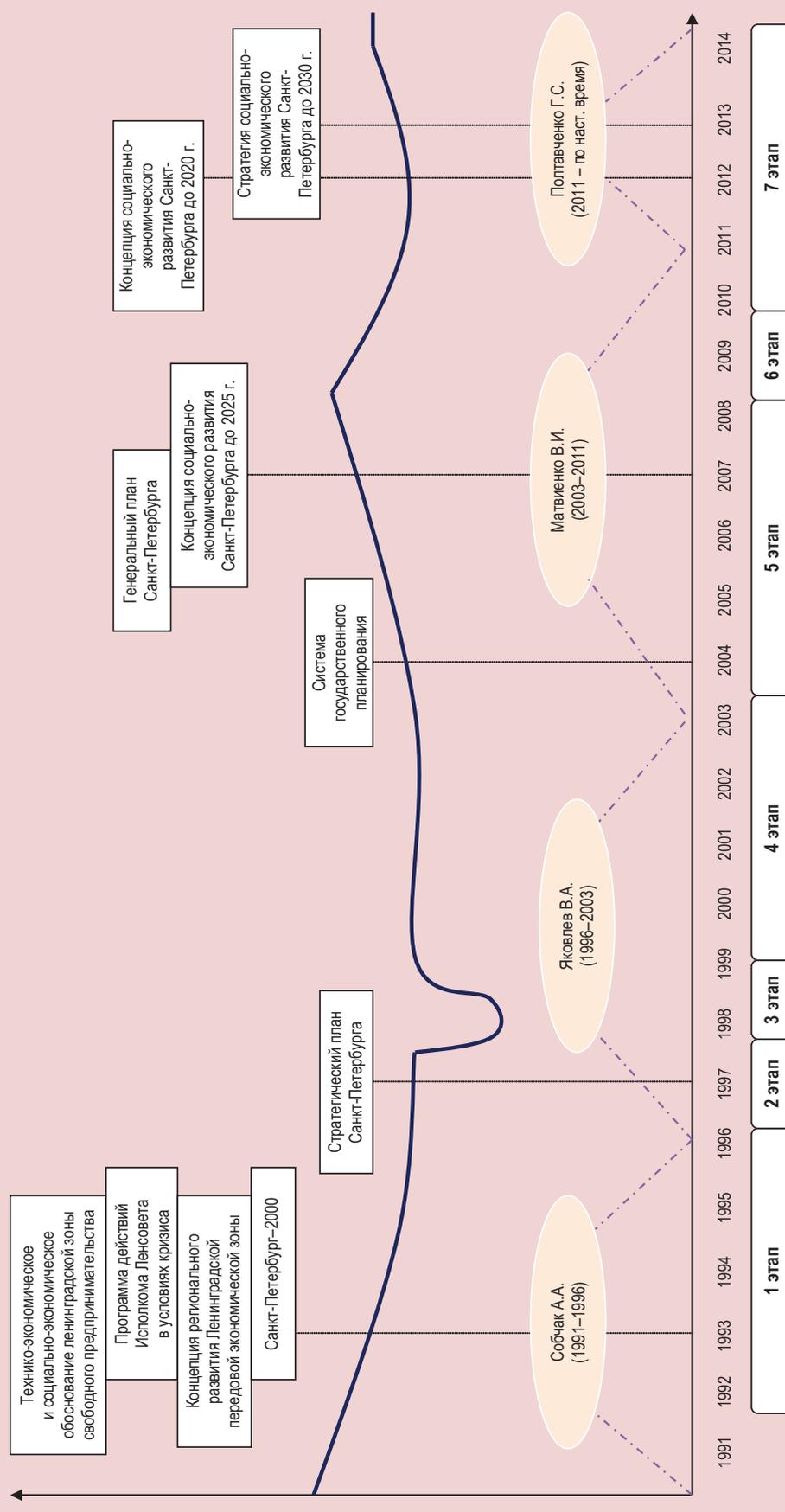
в расчете на 1 жителя: например, мяса и мясопродуктов – с 78 кг до 56 кг, молока и молочных продуктов – с 419 кг до 217 кг. Численность постоянного населения Санкт-Петербурга сократилась с 4 971 тыс. чел. (конец 1991 г.) до 4 746 тыс. чел. (конец 1996 г.) [1, с. 46, 47]¹. В связи с падением уровня жизни население стало приобретать меньше товаров потребительского назначения, отдавая приоритет продуктам питания. Все это вызывало негативную реакцию со стороны немалой части населения, связывавшего свое бедственное положение с проводившимися экономическими реформами.

Несмотря на все трудности, Санкт-Петербург стал главным идеологическим центром экономического реформирования и лидером по темпам их осуществления. Например, быстрая структурная перестройка экономики помогла справиться с массовым сокращением персонала на промышленных предприятиях и в бюджетных организациях. Часть высвобожденных работников смогла трудоустроиться в бурно растущем секторе коммерческой деловой активности, в том числе в сфере малого бизнеса. В результате приватизации были созданы рынки ценных бумаг и недвижимости. В экономический оборот вовлекалось имущество огромного числа приватизированных предприятий.

На экономическое развитие этого периода повлияли документы, разработанные в начале 1990-х гг. Среди них были документы общего характера, посвященные социально-экономическому развитию города в целом. К ним можно отнести «Программу действий Исполкома Ленсовета в условиях кризиса» и программу «Санкт-Петербург-2000».

¹ Здесь и далее по тексту численность постоянного населения до 2010 г. указывается на основании данных Петростата, рассчитанных на основании методики, действовавшей на тот период времени.

Этапы экономического развития г. Санкт-Петербурга в постсоветский период

Помимо этого разрабатывались документы по отдельным направлениям реформ, например Программа приватизации государственных и муниципальных предприятий.

Второй этап охватывает 1997 г. и первую половину 1998 г. Он характеризуется стабилизацией положения, невысокой инфляцией, незначительным улучшением ряда других экономических показателей. Например, впервые за весь период реформ в 1997 г. выросло промышленное производство — на 7%. Объем валового регионального продукта (ВРП) сократился всего на 1,4%². Улучшились показатели привлечения инвестиций, в том числе иностранных. Объем инвестиций в основной капитал возрос на 17%. Индекс потребительских цен вырос всего на 13%, что значительно ниже, чем в предшествующие периоды 1990-х гг. (для сравнения: в 1992 г. потребительские цены выросли в Санкт-Петербурге в 21,8 раза, в 1996 г. — на 25,2%) [1, с. 46-48]. Эти позитивные тенденции продолжили свое действие и в первой половине 1998 г.

Стабилизация положения и некоторое улучшение экономических показателей создали благоприятные условия для возобновления плановых подходов к развитию Санкт-Петербурга, в том числе на долгосрочную перспективу. В январе 1997 г. Правительством города принимается Программа действий Администрации по стабилизации и дальнейшему развитию экономики Санкт-Петербурга в 1997–2000 гг. В конце 1997 г. была завершена длившаяся год работа над Стратегическим планом Санкт-Петербурга. Санкт-Петербург стал первым российским городом, где был принят стратегический план.

² Здесь и далее по тексту данные об изменениях стоимостных показателей приводятся в сопоставимых ценах, если не указано иное.

Из наиболее негативных тенденций, действовавших в экономике в рассматриваемый период, следует выделить рост внутреннего и внешнего долга. В середине 1990-х гг. были расширены полномочия территорий по осуществлению заимствований. Такой возможностью активно пользовались власти Санкт-Петербурга. В этот период наблюдался рост масштабов выпуска региональных и муниципальных ценных бумаг. По состоянию на конец 1996 г. в Санкт-Петербурге был выпущен самый крупный в российских регионах объем государственных облигаций (на сумму 6 трлн. руб.)³. Рост объемов заимствований на государственном уровне, превышавший возможности их погашения, стал одной из главных причин возникновения глубокого финансового кризиса в августе 1998 г.

Период кризиса 1998 г. можно считать третьим этапом экономического развития Санкт-Петербурга. Наступление финансового кризиса характеризовалось обвальным ухудшением экономического положения города. По итогам 1998 г. объем ВРП сократился на 5,3%, промышленное производство упало на 1,5%, индекс потребительских цен возрос на 78% [2, с. 353-899]. Сложная ситуация потребовала от властей принятия неотложных антикризисных мер. В сентябре 1998 г. принимается Программа Правительства Санкт-Петербурга по преодолению финансово-экономического кризиса и нормализации положения в экономике и социальной сфере города. Принятые меры помогли предотвратить развитие событий по самому негативному сценарию. Многократная девальвация рубля, с одной стороны, рассматривавшаяся, как сугубо отрицательное явление, следствием которого явилось падение уровня жизни населения, разбаланси-

³ Неденоминированных рублей.

вание внешней торговли и системы государственных финансов, с другой стороны, создала важные предпосылки для выхода из кризиса.

Четвертый этап экономического развития Санкт-Петербурга охватывает 1999–2003 гг.

Данный этап характеризуется переходом к устойчивому экономическому росту, вызванному эффектом девальвации рубля. В 1999–2000 гг. происходила адаптация предприятий к новым условиям хозяйствования, вызванным многократной девальвацией рубля, высокой инфляцией и резким снижением объемов импорта. Именно в эти годы начинается оживление экономики и переход к экономическому росту. Вымывание из торговли импортных товаров привело к росту объемов производства на петербургских предприятиях, впервые с начала реформ в структуре ВРП Санкт-Петербурга стала расти доля производства товаров. Складывается тенденция снижения темпов роста цен. Если по итогам 1999 г. индекс потребительских цен возрос на 41,1%, то в 2003 г. – всего на 12,2% [2, с. 899]. За период 1999–2003 гг. наблюдался значительный рост таких макроэкономических показателей, как ВРП – в 1,56 раза, инвестиции в основной капитал – в 2,39 раза, промышленное производство – в 1,9 раза⁴.

Позитивно влияла на улучшение ситуации в экономике ответственная финансовая политика властей Санкт-Петербурга. В течение нескольких лет в городе принимался бездефицитный бюджет, выполнялись все внутренние и международные обязательства по возврату кредитов и погашению облигаций. Сокращение задолженности по заработной плате и социальным выплатам способствовало расширению

⁴ Расчеты авторов на основе данных статистического сборника «Регионы России. Социально-экономические показатели. 2005»: стат. сб. / Росстат. – М., 2006. – 982 с.

платежеспособного спроса на потребительском рынке. Весомый вклад в улучшение экономической ситуации внесла подготовка к празднованию 300-летия основания города, с которой были связаны серьезные инвестиции из федерального бюджета на улучшение инфраструктуры. Основным долгосрочным планом в этот период оставался Стратегический план Санкт-Петербурга 1997 г. Позитивная динамика экономического роста, достигнутая в 1999–2003 гг., создала основу для перехода к принципиально новому этапу развития Санкт-Петербурга.

Пятый этап экономического развития города (2004–2008 гг.) стал самым успешным в его новейшей истории. После исчерпания эффекта девальвации рубля основным катализатором экономического роста в Санкт-Петербурге стали потребительский спрос и значительный приток инвестиционных ресурсов. За период 2004–2008 гг. ВРП возрос в 1,55 раза, инвестиции в основной капитал – в 1,64 раза, доходы консолидированного бюджета – в 3,6 раза⁵. Произошло расширение масштабов интеграции Санкт-Петербурга в мировую хозяйственную систему. Если в 1992 г. внешнеторговый оборот составлял всего 0,4 млрд. долл. (в том числе экспорт – 0,2 млрд. долл.), то в 2008 г. – 49,4 млрд. долл. (в том числе: экспорт – 23,7 млрд. долл., импорт – 25,7 млрд. долл.). Объем иностранных инвестиций, вкладываемых в экономику Санкт-Петербурга, возрос со 175,2 млн. долл. в 1996 г. до 5927,5 млн. долл. (в том числе прямых – 1373,7 млн. долл.) в 2008 году [2, с. 894; 3, с. 16; 4, с. 949-984].

⁵ Расчеты авторов на основе данных статистического сборника «Регионы России. Социально-экономические показатели. 2010»: стат. сб. / Росстат. – М., 2010. – 996 с. Здесь и далее рост доходов консолидированного бюджета приведен в текущих ценах (ценах соответствующих лет).

Большое влияние на рост масштабов потребительской активности горожан оказали существенный рост валютного эквивалента денежных доходов и увеличение масштабов кредитования. В 1995 г. валютный эквивалент среднедушевых денежных доходов населения Санкт-Петербурга составлял около 160 долл. в месяц, в 2007 г. — уже 661,8 доллара⁶. В связи с повышением уровня жизни населения доля продуктов питания в общих расходах домохозяйств начинает уменьшаться. В 2007 г. она составила 24,6%. Для сравнения: в 1990 г. — 37,8%, в 1995 г. — 59,5%. Объемы строительства жилья начинают в разы превосходить значения, достигнутые в последние годы дореформенного периода. Так, если в 1985 г. в городе было введено в действие 1172 тыс. кв. м общей площади жилья, в 1990 г. — 1064 тыс. кв. м, в 1991 г. — 1047 тыс. кв. м, то в 2005 г. — 2273 тыс. кв. м, а в 2008 г. — 3212 тыс. кв. м. В 2008 г. произошел перелом в тенденции депопуляции. Впервые за 17 лет численность постоянного населения Санкт-Петербурга увеличилась на 14 тыс. чел. за счет положительного сальдо миграции [1, с. 46-47; 4, с. 60-634].

Большое позитивное влияние на ход развития города оказали выполнение им новых международных и общегосударственных функций, а также усилия по формированию благоприятного хозяйственного климата, поддержка предпринимательства и первые результаты бюджетной и административной реформ. С 2004 г. в Санкт-Петербурге функционирует система государственного планирования. Административно-политические факторы обеспечили размещение в Санкт-Петербурге Конституционного суда Российской Федерации, головных офисов целого ряда крупнейших российских компаний общегосударственного значения. В 2006 г. в

⁶ Расчеты авторов на основе данных государственной статистики и официального курса Банка России.

Санкт-Петербурге была проведена встреча глав государств «Большой восьмерки». Санкт-Петербург вошел в число крупнейших центров международного сотрудничества в регионе Балтийского моря.

Успешное развитие Санкт-Петербурга было прервано в результате мирового финансово-экономического кризиса, наложившего отпечаток на **шестой этап развития**. По итогам 2009 г. произошло снижение значений основных показателей социально-экономического развития. Объем ВРП сократился на 5,7%, доходы консолидированного бюджета — на 6,8%, промышленное производство — на 16,6%, инвестиции в основной капитал — на 16,7% [5, с. 119-191]. Санкт-Петербург, в силу значительной интеграции в мировые хозяйственные связи и выполнения общегосударственных федеральных функций, в большей степени, нежели другие российские регионы, испытал на себе влияние глобального финансово-экономического кризиса.

С начала 2000-х гг. Санкт-Петербург сумел сделать мощный экономический задел, который способствовал нивелированию негативных проявлений кризиса. Определенную позитивную роль сыграла оперативная реализация комплекса антикризисных мер. В апреле 2009 г. началось выполнение Основных мероприятий по преодолению последствий экономического и финансового кризиса (утверждены Правительством Санкт-Петербурга).

С 2010 г. Санкт-Петербург вступил в **седьмой этап развития**. Его главными чертами являются преодоление последствий глобального кризиса и постепенное восстановление темпов роста экономики и уровня жизни населения. По итогам 2010 г. промышленное производство выросло на 9,4%, доходы консолидированного бюджета — на 9,9%, инвестиции в основной капитал — на 6,4% [5, с. 139-191].

Выходу на устойчивую траекторию развития способствует хороший потенциал, накопленный в период крайне благоприятных внешних условий развития города. За счет этого, в сравнении с 1990-ми гг. и началом 2000-х гг., удалось сделать ощутимый шаг вперед в деле привлечения инвестиций и интеграции в международную экономику. Однако, в результате влияния последствий глобального финансово-экономического кризиса, в 2009–2010 гг. целый ряд важнейших параметров развития экономики оказался намного хуже, чем в докризисный период 2000–2008 гг.

Отдельные последствия кризиса все еще продолжают ощущаться. В 2011–2013 гг. произошло резкое замедление темпов развития города. В 2011 г. ВРП Санкт-Петербурга возрос на 8,3%, в 2012 г. – только на 4,3%. Если в 2011 г. индекс промышленного производства увеличился на 13,3%, то в 2012 г. – на 4,1%. По итогам 2013 г. объем промышленного производства сократился в сравнении с 2012 г. (по предварительной оценке) на 1,2%. Инвестиции в основной капитал сократились в 2011 г. на 13%, а в 2012 г. – на 7% [5, с. 139-191; 7].

В ближайшие годы Санкт-Петербург вряд ли сможет выйти на такие же высокие темпы экономического роста, как в 2001–2008 гг. Главное внимание в этот период следовало бы уделить технологической модернизации, структурной перестройке экономики и достижению весомых качественных результатов развития города. Необходимы давно назревшие переход на инновационный путь развития и существенный рост показателей человеческого капитала, регулярно отмечаемые как цели развития в городских плановых документах.

Рассмотренная периодизация социально-экономического развития Санкт-Петербурга позволяет более четко сопоставить этапы развития города с периодами действия тех

или иных плановых документов и в целом с эволюцией системы планирования Санкт-Петербурга в постсоветский период. Оказывало ли планирование влияние на развитие города или оно шло под воздействием более мощных факторов?

В качестве *первого периода* можно выделить *разнонаправленные планы 1990–1994 гг.* Первая постсоветская концепция развития Санкт-Петербурга зарождалась еще в конце советского периода и была опубликована в виде рабочего документа Комитета по экономической реформе Исполкома Ленсовета в начале 1991 г. под заголовком «**Технико-экономическое и социально-экономическое обоснование Ленинградской зоны свободного предпринимательства**». Документ содержал анализ состояния городского хозяйства и альтернативных возможностей его развития с оценкой перспектив на период до 2000 г.

В качестве альтернатив рассматривались три стратегии социально-экономического развития города, различавшиеся по степени интеграции во внешний рынок: от открытой, ориентированной на экспорт, до практически закрытой. Авторы убедительно показали, что именно степень открытости является определяющим фактором формирования отраслевой структуры экономики и глубины и характера необходимых городу реформ. В документе делался выбор в пользу открытой стратегии. Она открывала определенные возможности для некоторых отраслей промышленности, туризма, развития города как крупного транспортного центра и сопутствующего возникновения современного торгово-складского хозяйства, систем связи и информационного обслуживания, финансовых и консультационных услуг, создающих базу для современной экономики.

Документ стал предметом широких общественных дискуссий, характерных для того периода. Это была, по сути, программа экономической политики избранного в 1990 г. руководства города, что и было зафиксировано в документе **«Программа действий Исполкома Ленсовета в условиях кризиса»**. Документ ориентировал на развитие внешнеэкономических связей и частного бизнеса. Необходимым условием благополучного развития экономики города признавалось преобладание частного сектора, для чего предполагалось проведение приватизации. Главной задачей считалось формирование стабильной и мощной налоговой базы, привлечение частных, в том числе зарубежных, инвестиций в сектора, традиционно финансируемые государством, содействие развитию трудоемких отраслей в сфере услуг. Предусматривалось проведение целевых социальных программ.

Проблематика экономического развития города прорабатывалась и в ряде независимых исследований. В частности, в апреле 1991 г. был представлен отчет французского «Банка братьев Лазар» **«Концепция регионального развития Ленинградской передовой экономической зоны»**. В ноябре–декабре 1991 г. британская фирма «Куперс энд Лайбранд» и «Леонтьевский центр» с участием Шотландского регионального агентства по развитию провели исследование, итогом которого стала публикация **«Бизнес-плана зоны свободного предпринимательства Санкт-Петербурга»**. Эти работы интересны как пример вовлечения западных специалистов в процесс выработки стратегии Санкт-Петербурга. Они дополнили, развили и сформулировали новые идеи развития города.

Реализация разрабатываемых городом стратегических программ теснейшим образом зависела от политики федеральных

властей. Поэтому, когда в 1992 г. рыночные реформы в России затормозились, надежды на быструю реализацию правильных, отвечающих интересам горожан планов и замыслов городских властей растаяли. Они не могли осуществиться как из-за слабой политической влиятельности приверженцев радикальных реформ, а следовательно, отсутствия необходимой законодательной базы и проинфляционной селективной экономической политики, так и по причине общей политической нестабильности и непредсказуемости политики центрального правительства вообще.

Следующая сопоставимая по масштабу и значимости попытка сформулировать перспективы развития города была принята Комитетом экономического развития мэрии Санкт-Петербурга в 1993 г. и завершилась выпуском для служебного пользования объемной (400 с.) программы **«Санкт-Петербург–2000»**.

Данная программа создавалась с целью выработки пакета антикризисных мер, определения стратегических направлений развития города и конкретных задач городской политики до 2000 г. При этом авторы ориентировались на проведение городской администрацией активной экономической политики и сильное государственное регулирование. В качестве приоритетных отраслей развития города назывались промышленность, транспорт, связь и информация, культура, наука и образование, туризм, финансовый сектор. В целом программа оказалась громоздкой и неоднородной. Заявленные в преамбуле либерально-рыночные формулировки в основных разделах не раскрывались. Предлагавшийся механизм реализации оказался неработоспособным. В силу реорганизационных процессов внутри мэрии работа над программой осталась неоконченной.

В 1993 г. на этапе разработки концепции этой программы в работе участвовал «Леонтьевский центр», выпустивший отчет «**Разработка программы социально-экономического развития Санкт-Петербурга до 2000 г.**». Здесь более четко и последовательно были проведены идеи либерализации городской экономики, активизации частного сектора, сужения сферы прямого вмешательства властей в хозяйственную жизнь.

Проведенный анализ разработок начала 1990-х гг. позволяет констатировать, что власти Санкт-Петербурга хорошо понимали важность стратегического видения будущего города. Осуществлению стратегических замыслов городских властей мешала неотлаженность отношений с центральными властями. Развитие Санкт-Петербурга неотделимо от страны в целом и вынужденно не свободно от зигзагов федеральной политики. Реализация кардинальных вариантов перестройки отношений с центром в рамках стратегии создания свободной зоны оказалась невозможной, а затем и ненужной. Основными недостатками стратегических разработок того периода являлись: нечеткость представлений о целях разработки и механизме использования стратегии в системе управления городом, недостаточная открытость для городского сообщества, незавершенность. Эти недостатки удалось преодолеть в следующий период.

В качестве *второго периода* можно выделить *1996–1998 годы*, когда осуществлялись разработка и начальный этап реализации «*Стратегического плана Санкт-Петербурга*». Его подготовка стала первым полномасштабным опытом применения новой технологии коммуникативного территориального планирования в России. Работа велась в 1996–1997 гг. при методическом руководстве «Леонтьевского центра». Акцент был сделан на двух аспектах. Во-первых, отказ от традиционной для советского планирования количественной

детализации и комплексности в пользу концентрации на главном для выживания, адаптации и устойчивого развития города в конкурентной рыночной среде. Во-вторых, включение в процесс планирования стейкхолдеров и организация поиска договоренности между ними по поводу будущего города в рамках многостороннего и конструктивного диалога бизнеса, власти и общества.

Для формирования плана была образована специальная организационная структура, опирающаяся на 14 тематических комиссий. В состав комиссий входили сотрудники городской администрации, представители бизнеса, научных институтов и общественных организаций.

За время подготовки Стратегического плана было проведено три репрезентативных опроса горожан, более 50 совещаний, 15 открытых заседаний тематических комиссий и Экспертного совета, три общегородские конференции, в которых приняли участие почти две тысячи человек. Постоянно действовал и обновлялся интернет-сайт проекта. План содержал минимум количественных ориентиров – около десяти интегральных показателей.

Срок действия плана определен не был, так как предполагалась его регулярная актуализация. Первым временным рубежом был обозначен 2003 год – трехсотлетия Санкт-Петербурга. Стратегический план Санкт-Петербурга не имел статуса правового акта, а был принят в форме договора общественного согласия, под ним подписались 144 члена специально созданного Генерального совета, который возглавлял губернатор города [8, с. 16–18].

В 2002 г. были подведены итоги пяти лет реализации Стратегического плана Санкт-Петербурга, которые показали, что 75% из намеченных планом мер достаточно успешно реализуются. Создание Стратегического плана принесло безусловные выгоды городу.

План улучшил деловой имидж Санкт-Петербурга, способствовал получению кредитов Всемирного банка и грантов технической помощи. План изменил культуру управления, помог создать пространство для открытых дискуссий власти и общества по вопросам стратегической значимости, определил направления, которых стремились придерживаться и администрация города, и ее основные партнеры и которые воплотились в реальных масштабных проектах. К числу таких проектов относятся: строительство кольцевой автодороги, развитие Большого порта Санкт-Петербурга, реконструкция исторического центра, подготовка к трехсотлетию города и др.

Третий период, охвативший 2002–2003 гг., был связан с разработкой Концепции социально-экономического развития Санкт-Петербурга до 2025 г. В 2002 г. началась работа по синхронной подготовке долгосрочной Концепции социально-экономического развития и нового Генерального плана Санкт-Петербурга. Концепция должна была прийти на смену Стратегическому плану Санкт-Петербурга. Генеральный план был призван заменить утвержденный еще в 1987 г. одноименный документ в отношении Ленинграда и Ленинградской области на период до 2005 г. Впервые в новейшей истории города разработка двух важнейших документов социально-экономического и градостроительного планирования велась в синхронном режиме с использованием согласованных организационно-методических подходов и единой информационно-аналитической основы.

Подготовка проекта долгосрочной Концепции завершилась во второй половине 2003 г. К этому моменту также были готовы долгосрочный прогноз и Основные положения концепции генерального плана

Санкт-Петербурга. Данные документы были согласованы органами государственной власти Санкт-Петербурга и прошли процедуру общественных обсуждений. В силу ряда организационных причин Концепция сразу не получила статус правового акта (она была утверждена решением Правительства Санкт-Петербурга только в июле 2007 г.). Тем не менее и Концепция, и прогноз использовались в повседневной работе органов государственной власти, научного и экспертного сообщества Санкт-Петербурга.

Четвертый период – 2004–2007 гг. – ознаменовался формированием системы государственного планирования Санкт-Петербурга. В конце 2003 г. было решено создать систему государственного планирования, включающую несколько взаимоувязанных программно-плановых документов, определяющих количественные параметры развития города. В марте 2004 г. городское Правительство утвердило «Положение об организации деятельности исполнительных органов Санкт-Петербурга в сфере государственного планирования». Положение определило государственное планирование как комплекс мероприятий, направленный на разработку, принятие и выполнение программно-плановых правовых актов в целях обеспечения устойчивого социально-экономического развития Санкт-Петербурга.

Сформировавшаяся система планирования получилась громоздкой и внутренне противоречивой. Трудности с ее воплощением на практике возникли сразу после принятия. В 2004 г. началась работа по подготовке «Программы социально-экономического развития Санкт-Петербурга на 2005–2007 гг.», «Временного перечня стандартов проживания», «Целей, задач, основных мероприятий и показателей эффективности деятельности исполни-

тельных органов государственной власти Санкт-Петербурга, направленных на обеспечение нормативов стандартов проживания». Согласно первоначальным представлениям, Программа на 2005–2007 гг. виделась как объемный документ, содержащий развернутый анализ ситуации, итогов, тенденций, проблем и перспектив развития, изложение основных целей и задач, средств их достижения и ожидаемых результатов.

Однако такую Программу оказалось крайне трудно согласовать со всеми заинтересованными органами государственной власти Санкт-Петербурга. В итоге она подверглась решительным сокращениям и была представлена на рассмотрение и утверждение в виде очень краткого документа (5 страниц). В нем содержались формулировка главной цели, задач, целевых ориентиров и их значений. В процессе доработки срок реализации Программы был продлен на 1 год (до 2008 г.).

Уже в 2006 г. началась работа по модификации системы государственного планирования, а также по актуализации долгосрочной Концепции и приданию ей статуса правового акта. В итоге система государственного планирования претерпела значительные изменения в сторону упрощения и большей адаптации к существующим реалиям, что было нормативно закреплено утверждением Концепции и нового положения о государственном планировании (постановления Правительства Санкт-Петербурга от 20.07.2007 № 884 и № 885). Состав документов системы планирования сократился до пяти. Два из них (Концепция и Генеральный план) принимаются на долгосрочный период, два других (Программа и Закон о бюджете) – на среднесрочный и один (Ежегодное послание Губернатора Законодательному собранию) – на краткосрочный.

Даже после названных модификаций сформировавшаяся в 2004–2007 гг. в Санкт-Петербурге схема планирования несла на себе «родимые пятна социализма». Работа по планированию и отчетности во многом становится самоцелью, занимая существенную часть рабочего времени чиновников. Обоснованность количественных показателей остается сомнительной, прогнозирование сводится к экстраполяции, связь мероприятий с целями далеко не очевидна. Процесс планирования становится более закрытым, диалог с общественностью минимизируется.

Пятый период (2008–2012 гг.) был связан с попытками модернизации системы государственного планирования. В связи с выполнением Программы социально-экономического развития на 2005–2008 гг. была подготовлена и в 2008 г. утверждена «Программа социально-экономического развития Санкт-Петербурга на 2008–2011 гг.», сохранившая действующий формат. В конце 2011 г. вновь модифицировался набор документов государственного планирования. Теперь он включал: прогноз социально-экономического развития; программу социально-экономического развития; основные направления деятельности Правительства Санкт-Петербурга; перечень показателей социально-экономического развития Санкт-Петербурга, в который входят задачи, индикаторы выполнения задач, стандарты проживания.

Из списка документов исчезли и концепция, и стратегический план. Тем не менее работа по актуализации Концепции продолжилась. С 2008 г. начались попытки ее обновления в связи с указанием Президента России всем субъектам федерации иметь документы, увязанные с Концепцией долгосрочного развития России до 2020 г. и рассчитанные на тот же срок (до 2020 г.).

Подготовленный и прошедший процедуру общественных обсуждений в 2009 г. проект обновленной Концепции, содержащий необходимые поправки при сохранении формата и идеологии документа, был остановлен на этапе согласований. Это было связано с очередной сменой руководства городского комитета, отвечающего за экономическое развитие. Новый руководитель предложил резко изменить формат Концепции, взяв за основу западные образцы, сделать документ коротким, ориентированным на небольшое количество приоритетов, ярким по форме.

Новая Концепция разрабатывалась более двух лет, прошла ряд формальных и неформальных обсуждений и была одобрена Правительством города в марте 2012 г. За время разработки Концепция существенно модифицировалась, в том числе под влиянием итогов интернет-голосований. При этом удалось сохранить ее основные параметры: краткость и ограниченное количество приоритетов. К числу последних отнесены: городская среда и транспорт, образование, здравоохранение, благоустройство, культура. Важно, что на первый план в документе выдвинулись вопросы качества проживания в городе, а не его экономической специализации.

Шестой период эволюции системы государственного планирования Санкт-Петербурга начался в 2013 г. Его начальная стадия ознаменовалось созданием в структуре исполнительных органов государственной власти Санкт-Петербурга Комитета по экономической политике и стратегическому планированию. В 2013 г. в рамках деятельности этого Комитета были подготовлены предложения по совершенствованию системы государственного планирования и разработан проект «Стратегия Санкт-Петербурга: приоритеты и цели экономического и социального развития до 2030 г.» (далее – Стратегия).

Общественные обсуждения проекта проходили при активном участии научных и образовательных учреждений, отраслевых объединений (ассоциаций) хозяйствующих субъектов, общественных организаций Санкт-Петербурга.

Содержание Стратегии включает основные выводы из анализа развития Санкт-Петербурга, характеристику приоритетных направлений развития города, миссию, функции, видение будущего, ресурсное обеспечение, систему целей и механизм реализации. В качестве главной цели определено стабильное улучшение качества жизни горожан и повышение глобальной конкурентоспособности Санкт-Петербурга на основе реализации национальных приоритетов развития, обеспечения устойчивого экономического роста и использования результатов инновационно-технологической деятельности. Разработанную Стратегию планируется наделить не только статусом документа государственного планирования (после утверждения Правительством Санкт-Петербурга), но и сделать своего рода договором общественного согласия (после подписания всеми заинтересованными сторонами соответствующего соглашения). Таким образом, этот документ позволит улучшить взаимопонимание между властью, с одной стороны, и бизнесом, общественными организациями и населением, с другой стороны.

Стратегия станет центральным звеном системы государственного планирования. Помимо нее в состав документов государственного планирования Санкт-Петербурга предлагается включить Основные направления действий по реализации Стратегии (экономическую политику), Программу социально-экономического развития, Комплексный план по реализации Программы, Отраслевые концепции и государственные программы.

Изучение особенностей функционирования экономики Санкт-Петербурга и эволюции системы его государственного планирования позволило увидеть, что решающее влияние на результаты развития города оказывают внешние условия. К ним, прежде всего, относится состояние мировой и российской экономик, а также особенности государственной социально-экономической политики. Эти параметры задают основные векторы развития Санкт-Петербурга. Разработка городских стратегических, концептуальных и иных программно-плановых документов оказывает на развитие города пока не очень большое влияние.

Циклы обновления программно-плановых документов и изменения подходов к планированию задаются в Санкт-Петербурге скорее извне и связаны с изменениями внешних условий. Обострение (улучшение) ситуации в экономике страны или новые веяния в государственной политике России вызывают ответную реакцию на уровне управления социально-экономическим развитием Санкт-Петербурга. Составной частью этой реакции становятся перемены в подходах к стратегическому планированию. Содержательная канва и базовые подходы к планированию в Санкт-Петербурге меняются сообразно внешней обстановке. Резкое обострение кризисных явлений (начало осени 1998 г. и 2008 г.) сопровождается разработкой планов и программ чрезвычайного характера. Стабилизация ситуации и улучшение положения дел в российской экономике способствуют переходу к более долгосрочному, обстоятельному планированию. Например, начало проведения в России административной и бюджетной реформ способствовало организации в 2004 г. работы по формированию в Санкт-Петербурге системы государственного пла-

нирования. Отрезвившийся рьяных плановиков мировой финансово-экономический кризис стал фактором упрощения системы государственного планирования в Санкт-Петербурге в 2011–2012 гг. и стимулом к большему общественному участию в разработке перспективных планов.

Эти внешние факторы дополняются внутренними, среди которых на первом месте стоит назвать политические циклы и смену руководителей города или комитетов, отвечающих за экономическое развитие, что подтверждает хронология изменений плановых документов и плановой системы Санкт-Петербурга в период 1992–2011 гг.

Причины и поводы к изменению планов и зигзагам в подходах к планированию в Санкт-Петербурге не отличались, по сути, от очевидного набора факторов, стимулирующих административную деятельность:

- амбиции и воля руководителя города, амбиции и карьерные планы руководителя экономического подразделения администрации;

- стремление «освоить» бюджетные средства, подогреваемое консультационными фирмами, специализирующимися на услугах по планированию;

- давление сверху в форме прямых или косвенных (семинары, методические рекомендации) схем подталкивания властей города к разработке планов тех или иных типов со стороны профильных министерств (Минэкономразвития России, Минрегион России);

- информация о наличии подобных документов у городов-конкурентов в России и за рубежом.

Многолетний опыт наблюдений за практикой стратегического планирования в различных городах подводит к выводу о том, что основная ценность планирования заключается в открытости этого процесса.

Засилье бюрократии, превращение плана в самоцель, отсекание от процесса бизнеса и общества делают планирование пустой тратой времени, оправданием существования чиновников и обслуживающих их консультантов.

Бессмысленно пытаться сделать всеобъемлющий и до мелочей количественно определенный план городского развития. Важнее превратить стратегическое планирование в общественный институт,

позволяющий за счет многостороннего диалога вовлекать в процесс планирования экспертов и общество, добиваться улучшений в хозяйственном климате, возрастания кооперационного капитала города, повышения квалификации управленцев. Такое планирование оказывает большее позитивное влияние на развитие, чем административная борьба чиновников за влияние и финансы, интересная только им самим.

Источники

1. Основные показатели социально-экономического положения Северо-Западного федерального округа в 1985–1999 годах / Государственный комитет Российской Федерации по статистике. – Москва, 2001. – 48 с.
2. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2005: стат. сб. / Росстат. – М., 2006. – 982 с.
3. Народное хозяйство Санкт-Петербурга и Ленинградской области в 1993 году: стат. сб. / Петербургкомстат. – Санкт-Петербург, 1994. – 174 с.
4. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2009: стат. сб. / Росстат. – М., 2009. – 990 с.
5. Санкт-Петербург в 2012 году / Петростат. – СПб, 2013. – 226 с.
6. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2010: стат. сб. / Росстат. – М., 2010. – 996 с.
7. Санкт-Петербург. Индексы физического объема валового регионального продукта по видам экономической деятельности в 2005–2012 гг. [Электронный ресурс] / Петростат. – URL: http://petrostat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/petrostat/resources/58cc7e804f0a97d5bbddb22524f7e0f/SPB12.pdf (дата обращения: 17.03.2014).
8. Жихаревич, Б.С. Опыт разработки и мониторинга Стратегического плана Санкт-Петербурга / Б.С. Жихаревич, Л.Э. Лимонов // Проблемы городов переходных экономик. – М., 2000. – С. 16–18.

Batchaev A.R., Zhikharevich B.S.

Saint Petersburg in the post-Soviet time: economic strategies and development

Artur Ruslanovich Batchaev – Ph.D. in Economics, Head of the Department for Territorial Strategic Planning of ICSEER “Leontief Centre” (25, 7th Krasoarmeyskaya Street, Saint Petersburg, 190005, Russia, artur@leontief.ru)

Boris Savelievich Zhikharevich – Doctor of Economics, Professor, Chief Research Associate at the Institute of Regional Economy of RAS, Director of the Resource Center for Strategic Planning under ICSEER “Leontief Centre” (25, 7th Krasoarmeyskaya Street, Saint Petersburg, 190005, Russia, zhikh@leontief.ru)

Abstract. This paper studies the main features and results of economic development of Saint Petersburg in the post-Soviet period. The purpose was to determine the extent of influence of urban development on the results of development of Saint Petersburg during this period. The method used in this study consists in the processing of a large array of statistical and analytical materials and regulatory framework; determination of the mutual relationship between the achieved results and the implementation of the program-planning documents that define the objectives, priorities and tasks of socio-economic development of Saint Petersburg.

In the course of work the authors highlighted seven key stages in the development of the city's economy for the past 22 years, and six stages of development of the socio-economic planning system. The research into the specifics of Saint Petersburg economy within these stages shows that external conditions have a decisive influence on the results of its economic development.

The results of this work can be used for improving the practice of state and municipal management, including the implementation of socio-economic development planning of regions and cities of Russia. The study concluded that the cycles of updating of the program-planning documents and changing approaches to public planning are set in Saint Petersburg rather from the outside, and they are connected with changes in the external conditions for development. The elaboration of urban strategic, conceptual and other program-planning documents has an insignificant impact on the development of the city.

Key words: economic development, Saint Petersburg, long-term planning, reforms, strategy, economic structure.

References

1. *Osnovnye pokazateli sotsial'no-ekonomicheskogo polozheniya Severo-Zapadnogo federal'nogo okruga v 1985–1999 godakh* [Main Indicators of Socio-Economic Situation in the Northwestern Federal District in 1985–1999]. Gosudarstvennyi komitet Rossiiskoi Federatsii po statistike [State Committee of the Russian Federation on Statistics]. Moscow, 2001. 48 p.
2. *Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli. 2005: stat. sb.* [Regions of Russia. Socio-Economic Indicators. 2005: Statistical Digest]. Rosstat. Moscow, 2006. 982 p.
3. *Narodnoe khozyaistvo Sankt-Peterburga i Leningradskoi oblasti v 1993 godu: stat. sb.* [The Economy of Saint Petersburg and the Leningrad Oblast in 1993: Statistical Digest]. Peterburgkomstat. Saint Peterburg, 1994. 174 p.
4. *Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli. 2009: stat. sb.* [Regions of Russia. Socio-Economic Indicators. 2009: Statistical Digest]. Rosstat. Moscow, 2009. 990 p.
5. *Sankt-Peterburg v 2012 godu* [Saint Petersburg in 2012]. Petrostat. Saint Petersburg, 2013. 226 p.
6. *Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli. 2010: stat. sb.* [Regions of Russia. Socio-Economic Indicators. 2010: Statistical Digest]. Rosstat. Moscow, 2010. 996 p.
7. *Sankt-Peterburg. Indeksy fizicheskogo ob"ema valovogo regional'nogo produkta po vidam ekonomicheskoi deyatel'nosti v 2005–2012 gg.* [Saint Petersburg. Indices of Physical Volume of Gross Regional Product by Types of Economic Activity in 2005–2012]. Petrostat. Available at: http://petrostat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/petrostat/resources/58cc7e804f0a97d5bbddb22524f7e0f/SPB12.pdf (data obrashcheniya: 17.03.2014).
8. Zhikharevich B.S., Limonov L.E. Opyt razrabotki i monitoringa Strategicheskogo plana Sankt-Peterburga. *Problemy gorodov perekhodnykh ekonomik* [Issues of Cities with Transition Economy]. Moscow, 2000. Pp. 16-18.

Моногорода российской Арктики: стратегии развития (на примере Мурманской области)*

**Владимир Всеволодович
ДИДЫК**

кандидат экономических наук, доцент, заместитель директора по научной работе, зав. сектором, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского научного центра Российской академии наук (184209, Мурманская область, г. Апатиты, ул. Ферсмана, д. 24а, didyk@iep.kolasc.net.ru)

**Лариса Александровна
РЯБОВА**

кандидат экономических наук, доцент, зав. отделом, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского научного центра Российской академии наук (184209, Мурманская область, г. Апатиты, ул. Ферсмана, д. 24а, larissar@iep.kolasc.net.ru)

Аннотация. Статья посвящена проблемам стратегического управления развитием моногородов российской Арктики. Дается краткая характеристика политики государства по отношению к моногородам Российской Федерации в целом и в особенности к тем, что находятся в ее Арктической зоне. На примере моногородов Мурманской области исследуются стратегии развития арктических моногородов страны, выявляются и анализируются типичные проблемы формирования и реализации стратегических планов их развития.

Ключевые слова: моногорода, российская Арктика, проблемы развития, градообразующие предприятия, стратегическое планирование, комплексные инвестиционные планы.

Введение. Одной из особенностей российской Арктики является высокая доля городских поселений с доминирующим положением одного или нескольких технологически связанных предприятий, т.е. с

монопрофильной структурой экономики – моногородов.

В условиях рыночной экономики и процессов глобализации, характеризующихся сильными колебаниями рыночной конъюнктуры,

* Исследование проведено в рамках проекта № 12-32-06001 «Российская Арктика: современная парадигма развития», грант целевого конкурса РГНФ «Россия в Арктике: история, современность, перспективы».

юнктуры и периодическими кризисами, затрагивающими целые отрасли и страны, риски в отношении устойчивого социально-экономического развития моногородов особенно возрастают. Это в полной мере проявилось в России в период мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 годов. Именно в связи с усугубившимся в этот период кризисным положением многих российских моногородов на данную проблему впервые обратили по-настоящему серьезное внимание федеральные органы власти. В 2009 г. в рамках антикризисной программы Правительством РФ был предпринят ряд мер, направленных на решение социально-экономических проблем моногородов: создана специальная межведомственная комиссия, определены критерии и составлен официальный перечень монопрофильных поселений, которым может быть оказана государственная поддержка, определен список наиболее проблемных моногородов (их число составило 27), требующих первоочередных мер поддержки [2, с. 13].

В рамках мер федерального правительства также было принято решение о необходимости разработки моногородами, претендующими на получение финансовой помощи из федерального бюджета, комплексных инвестиционных планов (КИП) модернизации этих городов. Тем самым был дан мощный внешний стимул для внедрения стратегического планирования в городах такого типа.

В данной статье дается краткая характеристика моногородов России и ее Арктической зоны, общей ситуации в них, проводится краткий анализ политики государства по отношению к моногородам в Российской Федерации в целом и особенно к тем, что находятся в ее арктических регионах. На примере моногородов Мурманской области методом кейс-стади исследуются стратегии развития арктических моногородов РФ, выявляются и

анализируются основные типичные проблемы формирования и реализации стратегических планов долгосрочного развития моногородов российской Арктики.

Моногорода России, её Арктической зоны и политика государства по отношению к ним

С позиций государственной политики Российской Федерации по отношению к моногородам, предполагающей в т.ч. предоставление им целевой государственной финансовой поддержки, ключевое значение имеют критерии отнесения поселений к категории монопрофильных. Критерии, впервые принятые Министерством регионального развития России (далее – Минрегион) в 2009 г., предусматривали соответствие поселения одному из следующих параметров: (1) доля работающих на одном градообразующем предприятии или группе предприятий, связанных единой технологической цепочкой, составляет не менее 25% экономически активного населения; (2) объем производства такого предприятия или группы предприятий составляет не менее 50% в объеме отгруженной продукции данного поселения [6].

Отметим, что решением Правительства РФ, принятым в декабре 2013 г., полномочия в части координации деятельности по развитию моногородов возложены на Министерство экономического развития РФ. В настоящее время Министерство намеревается изменить критерии отнесения поселений к монопрофильным, которым может быть оказана федеральная поддержка. В частности, в качестве главного предполагается оставить лишь критерий занятости, что приведет к существенному сокращению числа моногородов, подлежащих включению в официальный перечень [1]. Однако к моменту написания настоящей статьи (май 2014 г.) новые критерии не приняты.

В соответствии с указанными критериями Минрегионом России в 2009 г. впервые был составлен Перечень моногородов РФ.

В него вошли 358 поселений. Последний вариант Перечня от 26 июля 2013 г. включает 342 населенных пункта [13]. Из этого списка 18 моногородов находятся в Арктической зоне РФ, новый состав которой недавно определен Указом Президента РФ от 2 мая 2014 года¹. Если учесть, что общее число городских поселений в российской Арктике составляет 71, то доля монопрофильных в них – 25,4%, в то время как в среднем по стране – 14,1%². То есть в российской Арктике доля монопоселений почти в 2 раза выше, чем в среднем по стране. Это говорит о высокой актуальности проблематики моногородов для данного макрорегиона РФ [14, с. 35]. По региональному размещению больше всего моногородов Арктической зоны России находится в Мурманской области – 8, или почти половина их общего числа.

Риски развития, характерные для всех моногородов РФ, в условиях Арктики усугубляются дополнительными неблагоприятными факторами. Это экстремальный климат, удаленность от экономических центров, неразвитость транспортной, инженерной и социальной инфраструктуры. Действие этих факторов удорожает стоимость жизни и затраты местных бюджетов, обостряет социальные проблемы, ограничивает возможности развития предпринимательства и внедрения инноваций [16, с. 21-24; 3, с. 58-59]. Для ресурсно-базированных моногородов Арктики одним из главных рисков развития является возможное истощение ресурсов, создающее угрозу закрытия основного предприятия, а за ним и города.

Одним из последствий действия указанных неблагоприятных факторов, а также индикатором наличия социально-эконо-

мических проблем является тенденция к существенному сокращению численности населения в большинстве моногородов российской Арктики. За период с начала рыночных реформ (с 1990 по 2013 год) численность населения в городах российской Арктики, входящих в Перечень моногородов России от 2013 г., сократилась почти на 30%, т.е. примерно на 300 тыс. чел. Исключением являются лишь моногорода Ямало-Ненецкого автономного округа, градообразующие предприятия которых относятся к нефтегазовой промышленности. Высокие доходы нефтегазовых компаний обеспечивают относительно лучшую социально-экономическую ситуацию в регионах и городах базирования предприятий. Более подробная характеристика современной социально-экономической ситуации, в особенности социальных проблем в моногородах российской Арктики, представлена в статье, опубликованной по результатам исследования, выполненного при участии авторов в 2013 г. [14].

Главным инструментом политики российского правительства по преодолению проблем моногородов, который начали применять в рамках антикризисной программы с 2009 г., было оказание финансовой поддержки реализации инвестиционных планов, представлявших на конкурсной основе моногородами-претендентами. Обязательным условием выделения целевых федеральных средств было наличие у города-претендента Комплексного инвестиционного плана (КИП) модернизации моногорода, разработанного в соответствии с методическими рекомендациями Минрегиона России. КИП является документом стратегического планирования, поскольку, в соответствии с указанными рекомендациями, должен охватывать период более 10 лет и включать углубленный анализ социально-экономического и финансового положения

¹ О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации: Указ Президента РФ от 02.05.2014 № 296. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/20895>

² Число городских поселений в РФ в 2009 г. составляло 2417 ед. [10].

моногорода с применением методологии SWOT-анализа, выработку системы целей и приоритетов будущего развития, а также механизма их реализации.

Почти все арктические моногорода РФ в 2010–2011 гг. обеспечили разработку КИПов, выполнив одно из главных условий для получения государственной поддержки их реализации. Но из 50 моногородов РФ, которым были выделены средства из федерального бюджета в 2010–2011 гг. (в 2010 г. – 35, в 2011 г. – 15 моногородов), лишь три арктических монопоселения получили поддержку: г. Ковдор, г.п. Ревда Мурманской области и г. Северодвинск Архангельской области [14].

Несмотря на вполне оправданный подход к условиям выделения средств государственной поддержки моногородам, предусматривающий необходимость основываться на принципах стратегического планирования и управления их развитием, организация процесса и практическая реализация планов в большинстве случаев не обеспечивали выполнение данных принципов. Имеются в виду следующие обстоятельства. Во-первых, внезапный, без необходимой подготовки, характер требований со стороны правительственных органов о предоставлении КИПов моногородами (особенно теми, что попали в список 27 особо проблемных, которым отводилось на это лишь 1–2 месяца). Очевидно, что в такой спешке невозможно было обеспечить надлежащее выполнение принципов вовлечения в процесс стратегического планирования всех заинтересованных сторон и широкого общественного участия, что должно быть важной частью процесса стратегирования.

Во-вторых, российские муниципалитеты, в силу сложившейся системы налогового и бюджетного регулирования в стране, весьма ограничены в своей экономической самостоятельности. Это не

позволяет им полноценно определять и реализовывать направления не только перспективного развития, но и в значительной степени текущего функционирования, поскольку часто более половины их бюджета формируется за счет государственных дотаций и субсидий.

В-третьих, в методических рекомендациях Минрегиона России по разработке КИП моногорода был применен избыточно теоретизированный подход (особенно в части расчета баланса денежных потоков и капитала моногорода), не вполне учитывавший реальную ситуацию на местах. Это обусловило технические трудности подготовки КИПов в связи с отсутствием необходимой информационной базы на муниципальном уровне и практики подобных расчетов. Из-за этого меньше возможностей оставалось для реализации других важнейших составляющих стратегического планирования – процедур согласования позиций заинтересованных сторон, общественного обсуждения и др.

В результате потенциально позитивный процесс внедрения стратегического планирования в российских моногородах, инициированный «сверху» в рамках реализации государственной политики по их поддержке, приобрел во многом формальный характер. Он состоял, в большинстве случаев, в нацеленности на подготовку самого документа и его представление в указанные сроки и в меньшей степени – на выработку всесторонне обоснованной, содержательной стратегии развития.

Кроме того, во многом процесс разработки КИПов приобрел характер «охоты» моногородов и региональных органов власти за возможным федеральным бюджетным финансированием. Тем не менее первый для многих моногородов опыт стратегического планирования принес определенную пользу. Он позволил проанализи-

Таблица 1. Моногорода Мурманской области (выписка из Перечня, одобренного приказом Минрегиона России от 26.07.2013 г. № 312)

№ п/п	Город	Численность населения (на 01.01.2013 г.)	Градообразующее предприятие
1.	г. Кировск	30484	ОАО «Апатит»
2.	г. Ковдор	20515	ОАО «Ковдорский горно-обогатительный комбинат»
3.	г. Мончегорск	47357	ОАО «Кольская горно-металлургическая компания»
4.	г. Полярные Зори	17506	Филиал ОАО «Концерн Росэнергоатом «Кольская АЭС»
5.	г.п. Туманный	681	Каскад Серебрянских ГЭС филиала «Кольский» ОАО «ТГК-1»
6.	г.п. Заполярный	15800	Структурные подразделения ОАО «Кольская горно-металлургическая компания»
7.	г.п. Ревда	8101	ОАО «Ловозерский горно-обогатительный комбинат»
8.	г.п. Никель	12750	ОАО «Кольская горно-металлургическая компания»

Источник: Официальный сайт Министерства регионального развития РФ. – URL: <http://www.minregion.ru/upload/documents/2013/08/160813-p-m-1.pdf>

ровать потенциалы развития моногородов, определить приоритеты дальнейшего развития, оценить потребность в ресурсах для осуществления намечаемых планов.

Стратегии развития моногородов Мурманской области: содержание и проблемы реализации.

В Мурманской области сконцентрировано наибольшее число моногородов российской Арктики – 8 из 18-ти, включенных в официальный Перечень (табл. 1). Два моногорода области – Ковдор и Ревда – в 2009 г. были включены в список 27 российских моногородов с наиболее сложной социально-экономической ситуацией. По ним в первоочередном порядке были разработаны комплексные инвестиционные планы для представления в межведомственную комиссию при Правительстве РФ, занимающуюся моногородами. Активное содействие муниципалитетам в подготовке этих документов оказало Министерство экономического развития Мурманской области с привлечением научных работников – специалистов Института экономических проблем Кольского научного центра РАН (г. Апатиты). КИПы моногородов Ковдор и Ревда успешно прошли конкурсный отбор, что позво-

лило получить финансовую поддержку из федерального бюджета для их реализации³. Все остальные моногорода Мурманской области в 2010–2011 гг. также разработали комплексные инвестиционные планы и представили их в комиссию при Правительстве РФ. Однако ни один из них не был поддержан на федеральном уровне.

Содержание стратегий развития моногородов Мурманской области, изложенных в КИПах, формировалось под влиянием требований «Методических рекомендаций по подготовке и реализации комплексных инвестиционных планов развития монопрофильных населенных пунктов» Минрегиона России [9]. В них предусматривалась необходимость разработки всего спектра элементов стратегического документа, включая глубокую диагностику социально-экономической ситуации; анализ рисков; разработку сценариев развития; системы целей с показателями, сроками их достижения и декомпозицией на подцели; комплекс мер (проектов), а также систему управления реализацией КИП.

³ Средства федерального бюджета выделялись, как правило, на объекты инженерной инфраструктуры, предусмотренные в КИПах. – URL: <http://asinfo.ru/se/article/37759>

Несмотря на теоретическую правильность рекомендаций, их практическое применение для муниципалитетов оказалось весьма проблематичным. Это обусловлено прежде всего избыточным акцентом, сделанным в рекомендациях на анализе финансовых потоков в диагностической части КИПа. А именно была предписана необходимость расчета сальдо платежей по каждой из 7-ми групп контрагентов моногорода (градообразующее предприятие, население, органы местного самоуправления и др.), динамики капитала моногорода, а также комбинирования результатов этих расчетов. Помимо технической сложности рекомендуемой методики анализа, практическая польза его результатов вызывает сомнения, поскольку достоверная исходная информация для таких расчетов практически недоступна муниципалитетам. В разработанных КИПах моногородов Мурманской области указанные рекомендации по анализу финансовых потоков были учтены в упрощенной форме, что не помешало на достаточно высоком уровне выполнить разделы целеполагания и планирования мер по их реализации.

Анализ стратегий развития моногородов Мурманской области, изложенных в их КИПах, показал, что, несмотря на их разнообразие, обусловленное особенностями каждого города, в них можно выделить общие, типичные черты. Во-первых, это нацеленность на снижение рисков зависимости города от экономической деятельности градообразующего предприятия за счет диверсификации экономики города. Наиболее распространенным направлением диверсификации моногородов области является развитие малого и среднего бизнеса, особенно в сфере туризма. Во-вторых, это наличие такого

направления, как модернизация и диверсификация деятельности самого градообразующего предприятия. В большинстве случаев КИПы включали планируемые градообразующими предприятиями проекты реконструкции и модернизации своих производственных мощностей, направленные на повышение их производительности, снижение издержек, освоение новых технологий и продукции. В некоторых случаях градообразующие предприятия выступили инициаторами проектов, направленных на диверсификацию не только своего основного производства, но и на развитие новых видов деятельности, способствуя таким образом диверсификации экономик городов. В-третьих, во всех планах заложено повышение комфортности городской среды, развитие социальной, инженерной и транспортной инфраструктуры города, повышение уровня и качества жизни местного населения.

Тем не менее в большинстве КИПов моногородов Мурманской области в планах на период до 2020 г. сохраняется доминирующая роль градообразующих предприятий в экономиках городов. Из всех городов области лишь в единственном — г. Ревда, являющемся одним из трех моногородов российской Арктики, получивших федеральную финансовую поддержку, стратегия развития нацелена на то, чтобы в обозримой перспективе город перестал быть монопрофильным. Стратегии развития в г. Ревда в запланировано, что к 2020 г. доля занятых на градообразующем предприятии (Ловозерский ГОК) в общей численности трудоспособного населения города снизится до 9% (с 13,9% в 2009 г.), а доля отгрузки продукции градообразующего предприятия в общегородском объеме — до 40% (с 60,2% в 2009 г.). Такие

результаты планируется достигнуть за счет развития малого и среднего бизнеса преимущественно в сфере туризма [8, с. 43].

С теми моногородами, что не получили поддержку из федерального бюджета, в Мурманской области была организована работа на региональном уровне. При областном правительстве была создана рабочая группа по модернизации монопрофильных поселений, которая координирует деятельность по реализации КИПов моногородов в пределах возможностей, имеющихся на региональном уровне. Это субсидирование инвестиционных проектов на конкурсной основе, содействие развитию малого и среднего бизнеса в моногородах и другие меры в рамках существующих региональных программ. Однако возможности влияния регионального правительства на реализацию КИПов моногородов весьма ограничены. Это обусловлено главным образом тем, что потребность в финансовых средствах на реализацию мероприятий, предусмотренных в КИПах, как правило, существенно превышает возможности регионального бюджета. В *таблице 2* приведены данные

о планировавшихся в КИПах объемах и структуре источников финансирования инвестиций по четырем моногородам Мурманской области.

Как видно из приведенных данных, объемы планировавшихся инвестиций по этим моногородам колебались от 1,6 млрд. руб. (в г.п. Ревда) до 37,7 млрд. руб. (в г. Мончегорск). При этом доля планировавшихся на эти цели средств из областного бюджета не превышала 8,6%, а из муниципального – 1,6% (г. Кировск) от необходимых объемов. Исходя из этого инвестиционные стратегии моногородов Мурманской области были ориентированы главным образом на привлечение внебюджетных источников (собственных средств организаций и кредитов банков). Их доля колеблется от 40% в г. Ковдор до 87,3% в г. Мончегорск. Большие ожидания моногородов были связаны также с финансированием из федерального бюджета. Доля этого источника колебалась от 10% (г. Мончегорск) до 56,5% (г. Ковдор). Как отмечалось выше, финансирование из федерального бюджета на реализацию КИПов получили лишь г. Ковдор и г.п. Ревда.

Таблица 2. Плановый объем и структура источников финансирования комплексных инвестиционных планов моногородов Мурманской области

Планируемые источники инвестиций	г. Ковдор		г.п. Ревда		г. Мончегорск		г. Кировск	
	Сумма, млн. руб.	Доля, % к итогу	Сумма, млн. руб.	Доля, % к итогу	Сумма, млн. руб.	Доля, % к итогу	Сумма, млн. руб.	Доля, % к итогу
Средства федерального бюджета	6721,9	56,5	242,5	14,6	3765,4	10,0	2325,8	34,4
Региональный бюджет	361,6	3,0	136,2	8,2	858,9	2,3	578,5	8,6
Муниципальный бюджет	45,3	0,4	25,2	1,5	166,4	0,4	107,9	1,6
Собственные средства организаций, кредиты и другие источники	4761,8	40,0	1254,0	75,6	32962,1	87,3	3752,8	55,4
Итого	11 890	100	1658,3	100	37752,8	100	6765,7	100

Источник: Комплексные инвестиционные планы моногородов, представленные на официальном сайте Министерства экономического развития Мурманской области. – Режим доступа: http://minec.gov-murman.ru/content/devel_city/sub06/sub04/

Таблица 3. Объем и структура источников финансирования мероприятий ДЦП Мурманской области по развитию моногородов Ревда и Ковдор

Источники финансирования	г. Ковдор		г.п. Ревда	
	В млн. руб.	В млн. руб.	В % к итогу	В % к итогу
Федеральный бюджет	541,92	205,05	13,0	10,6
Областной бюджет	40,16	95,68	6,1	0,8
Муниципальный бюджет	10,43	16,79	1,1	0,2
Собственные средства организаций	3392,74	1255,08	79,8	66,1
Кредиты банка	1150,00	-	-	22,4
<i>Итого</i>	<i>5135,25</i>	<i>1571,90</i>	<i>100</i>	<i>100</i>

Источники: Постановления Правительства Мурманской области «Об утверждении долгосрочной целевой программы «Развитие монопрофильного городского поселения Ревда Ловозерского района Мурманской области» на 2010–2015 годы» от 10.11.2010 №508-ПП и «Об утверждении долгосрочной целевой программы «Развитие монопрофильного города Ковдора городского округа Ковдорский район Мурманской области» на 2010–2015 годы» (в редакции Постановления Правительства Мурманской области о внесении изменений №506-ПП от 4 октября 2011 г.) от 10.11.2010 №509-ПП.

Кейс 1. Ковдор и Ревда: федеральная поддержка есть, но нужны и собственные усилия. После положительного решения о федеральной поддержке реализации КИП моногородов Ковдор и Ревда региональным Правительством в 2010 г. были разработаны и утверждены долгосрочные целевые программы (ДЦП) по развитию этих моногородов⁴. В них определены мероприятия и ресурсное обеспечение реализации программ развития данных моногородов с учетом всех источников финансирования (табл. 3).

Если сравнить показатели таблиц 3 и 2, можно заметить, что по г. Ковдор суммы, необходимые для реализации КИПа и предусмотренные к получению из федерального бюджета (табл. 2), почти на порядок меньше фактически выделенных (табл. 3), в то время как по моногороду Ревда они сопоставимы. Но с учетом того, что в первоначальных вариантах КИПа г. Ревда сумма запрашивавшегося городом финансирования из федерального бюджета, как и в случае с Ковдором, была значительно выше, чем впоследствии выде-

ленная, можно говорить о том, что средства государственной поддержки, как правило, далеко не полностью обеспечивают потребности моногородов для реализации намечаемых планов.

В период разработки стратегий развития и КИПов в более тяжелом положении из двух рассматриваемых городов находился моногород Ревда, градообразующее предприятие которого ООО «Ловозерский ГОК» занимается добычей и переработкой руд редких металлов. Из-за трудностей сбыта своей продукции и проблем в управлении, связанных со сменой собственников, предприятие оказалось в кризисном экономическом положении, что негативно отразилось на социально-экономической ситуации в городе. В г. Ковдор в глубоком кризисном положении находилось одно из двух предприятий, ранее являвшихся градообразующими, а именно ОАО «Ковдорслюда», в то время как другое предприятие – ОАО «Ковдорский ГОК», в целом благополучное, испытывало временные трудности из-за влияния мирового финансово-экономического кризиса.

Стратегии развития этих двух моногородов и, соответственно, мероприятия их КИПов предусматривали диверсификацию

⁴ При разработке ДЦП региональное правительство вносило корректировки в КИП в части состава реализуемых проектов и их финансирования.

как экономики городов, так и деятельности самих градообразующих предприятий. Наряду с этим перечень намеченных к реализации инвестиционных проектов на территории данных моногородов предусматривал строительство и реконструкцию объектов городской коммунальной инфраструктуры. Именно в этой части предусматривалось выделение средств федерального финансирования инвестиций.

В настоящее время идет реализация долгосрочных целевых программ и КИПов моногородов Ревда и Ковдор. Более успешно выполняются мероприятия ДЦП в Ковдоре. Здесь, например, в рамках программы проложен участок магистрального водовода протяженностью 3950 м, произведена замена и реконструкция канализационных очистных сооружений [11]. В Ревде в 2012 г. в рамках реализации КИПа была разработана проектно-сметная документация по объектам городской инфраструктуры, а также подготовлена конкурсная документация на реализацию проектов туристического комплекса «Русская Лапландия», предусматривавших строительство 7-ми туристских объектов («Саамская деревня», горнолыжный комплекс «Аллуайв» и др.) и создание 362 новых рабочих мест. Однако, несмотря на сильную информационную поддержку данного конкурса в местных и региональных СМИ, он не состоялся из-за отсутствия заявок инвесторов [12].

Помимо объективных трудностей, обусловивших срыв ряда намеченных программных мероприятий и проектов КИПа моногорода Ревда, имели место и недостатки в организации выполнения комплексного инвестиционного плана на уровне города. В результате Министерство экономического развития Мурманской области ходатайствовало о перенаправлении части федеральных средств, предусмотренных для моногорода Ревда (118,1 млн. руб.), на создание индустриального парка

в г. Мончегорск [12], однако к настоящему времени решение по этому поводу не принято.

Кейс 2. Мончегорск: федеральной поддержки нет, для реализации планов нужны инвестиции. Город Мончегорск является самым крупным по численности населения моногородом Мурманской области. Роль градообразующего предприятия здесь выполняет ОАО «Кольская горно-металлургическая компания», входящая в холдинговую группу компаний «Норильский Никель». Это предприятие одновременно является градообразующим для еще двух моногородов Мурманской области – городских поселений Заполярный и Никель, Печенгского района.

Основным документом, определяющим долгосрочную стратегию развития Мончегорска, является «Комплексный инвестиционный план модернизации моногорода Мончегорск Мурманской области» [7]. Первый его вариант был разработан и утвержден в 2010 г. В разработке КИПа, помимо Администрации города, участвовала Автономная некоммерческая организация «Кольский академический университет» (г. Апатиты). Впоследствии документ два раза актуализировался, а его новые редакции были утверждены в 2011 и в 2013 гг., что говорит о заинтересованности Администрации города в реализации намеченной стратегии развития.

В КИПе моногорода Мончегорск система целей включает главную цель и три подцели. В качестве главной цели установлено «стабильное социально-экономическое развитие территории, обеспечение занятости и повышение уровня жизни населения» [7]. Подцели предусматривают: (1) снижение монозависимости города; (2) повышение качества жизни населения и комфортности городской среды; (3) модернизацию деятельности градообразующего предприятия. Основные целевые

Таблица 4. Целевые показатели Комплексного инвестиционного плана модернизации моногорода Мончегорск

Показатель	Отчет					Прогноз	
	2009	2011		2012		2015	2020
		план	факт	план	факт		
Доля занятых на градообразующем предприятии в численности трудоспособного населения, %	25,4	25,2	н/д	24,8	н/д	19,5	17,5
Доля занятых на малых и средних предприятиях в численности трудоспособного населения, %	4,2*	17,1	9,9	18,8	8,5	19,4	20,2
Уровень зарегистрированной безработицы, %	4,8	2,4	2,6	2,3	2,3	1,3	1,1
Среднемесячная зарплата работников, руб.	26 133	31 607	32 623	36 212	36 664	46 018	66 140
Количество малых и средних предприятий, ед.	368	405	406	418	414	420	450

* Доля занятых на малых предприятиях (без средних предприятий).

показатели, предусмотренные КИПом, а также ход их выполнения, согласно данным Администрации города, представлены в *таблице 4*.

Как видно из данных таблицы 3, целевые показатели КИПа г. Мончегорск предусматривают уменьшение монопрофильности за счет развития малого и среднего предпринимательства. Уже к 2012 г. планировалось достигнуть значения показателя доли занятых на градообразующем предприятии ниже уровня, являющегося одним из критериев отнесения поселения к категории моногорода (25%), однако сведений о фактическом выполнении этого плана пока нет. В то же время по критерию «отгрузка продукции» предполагается, что роль Кольской ГМК как градообразующего предприятия сохранится практически неизменной: в 2010 г. соответствующая доля составляла 96,7%, а по прогнозу в КИПе к 2020 г. она снизится всего на 1,6 процентных пункта (до 95,1%)⁵. Показатель «доля работающих на малых и средних предприятиях» не только сильно

⁵ Указанные показатели приведены из последней редакции КИП, принятой в 2013 г. [13]. В предыдущих вариантах, в т.ч. опубликованном на сайте Минэкономразвития Мурманской области, доли по отгрузке градообразующего предприятия, очевидно, были рассчитаны ошибочно (на уровне около 50%).

отстает от плановых значений, но в 2012 г. даже снизился по сравнению с 2011 г. Это говорит о том, что стратегическая задача по снижению монопрофильности города за счет развития малого и среднего предпринимательства не выполняется.

В КИПе моногорода Мончегорск в качестве «якорных» проектов выступают: создание индустриального парка, строительство завода по производству мелющих шаров, комплекс объектов туристской индустрии.

Инициаторами проекта создания индустриального парка в г. Мончегорск были ОАО «Кольская ГМК» и Администрация города. Планируется, что реализация данного проекта принесет наибольший положительный мультипликативный эффект по сравнению с другими проектами КИП. Проект индустриального парка предусматривает создание на базе не используемых градообразующим предприятием инженерно-технологических объектов многофункциональной промышленной площадки для размещения 20–30 малых и средних предприятий.

Однако, несмотря на содействие по продвижению данного проекта со стороны Правительства Мурманской области, к настоящему времени его реализация

находится на стадии проектирования, а заявки на получение поддержки из федерального бюджета не были поддержаны. Недостаточную помощь в реализации проекта оказывает и один из его инициаторов — Кольская ГМК.

В целом, при довольно высоком качестве разработки КИПа как документа стратегического планирования, его реализация пока «пробуксовывает». Главные причины этого — отсутствие адекватной финансовой поддержки намеченных проектов со стороны как государственных (федеральных и областных), так и частных участников (прежде всего ОАО «Кольская ГМК»). Такая ситуация обусловила «прохладное» отношение руководства города к формированию первоначально намеченного организационного механизма реализации КИПа: не был образован совет по его реализации и другие органы организационной структуры управления и мониторинга выполнения планов.

Кейс 3. Кировск: инвестиционную поддержку оказывают региональное правительство и градообразующее предприятие. Город Кировск является вторым по численности населения моногородом в Мурманской области. Он был основан в начале 1930-х годов, в период советской индустриализации, в связи с освоением месторождений апатит-нефелиновых руд Хибинского горного массива. Добычу и первичную переработку руды осуществляло государственное предприятие «Апатит» (в настоящее время ОАО «Апатит», входящее в группу компаний «ФосАгро»), которое стало градообразующим для быстро росшего в то время города и прилегающих поселений.

Комплексный инвестиционный план модернизации моногорода Кировск был разработан в 2010 г., в числе первых в Мурманской области, и представлен в Минрегион России. Федеральная поддержка для его реализации получена не была. Главным

стратегическим направлением диверсификации экономики Кировска определено развитие туристической индустрии. Это обусловлено наличием хороших предпосылок для развития туризма, связанного прежде всего с зимними видами спорта. Горнолыжные комплексы Кировска известны в стране еще с советских времен. При условии их модернизации, расширения мощностей и обустройства современной инфраструктурой, а также развития новых видов туризма, в том числе всесезонного, может быть обеспечен серьезный импульс для устойчивого социально-экономического развития города. Именно эти направления диверсификации города составляют основу стратегии его развития, на них же базируется и КИП модернизации этого моногорода.

К настоящему времени, несмотря на отсутствие федеральной поддержки, достигнут определенный прогресс в реализации ряда намеченных проектов. Например, с участием в качестве учредителей Правительства Мурманской области и градообразующего предприятия ОАО «Апатит» создано ОАО «Канатная дорога», которое реализует проект строительства современного горнолыжного подъемника в окрестностях Кировска с объемом инвестиций 406 млн. руб. и сроком завершения в 2015 году⁶. Таким образом, градообразующее промышленное предприятие становится одним из локомотивов диверсификации города [15, с. 104].

Однако наряду с успехами в Кировске появились новые проблемы, связанные с осуществлением, начиная с апреля 2013 г., программы крупных изменений внутренней организационной струк-

⁶ Перечень инвестиционных проектов, планируемых к реализации в монопрофильных муниципальных образованиях Мурманской области. — URL: http://minrec.gov-murman.ru/opencms/export/sites/mineconomy/content/devel_city/sub06/6/1.pdf

туры в ОАО «Апатит». Реорганизация предусматривает высвобождение 2420 человек, работавших на предприятии⁷. С учетом этого решением Рабочей группы по модернизации моногородов при федеральной Правительственной комиссии по экономическому развитию и интеграции г. Кировск в 2013 г. включен в новый Перечень моногородов РФ с наиболее сложной социально-экономической ситуацией⁸.

Данные примеры показывают, что проблемы существуют и могут возникнуть в каждом монопрофильном поселении Мурманской области, включая те, где градообразующими являются вполне благополучные на сегодняшний день предприятия. Это подтверждает высокую актуальность применения стратегического подхода к управлению развитием таких городов. Стратегическое управление предусматривает гибкое реагирование на изменения факторов внешней среды, способствует нахождению своевременных ответов на новые вызовы и угрозы их развитию.

Вместе с тем для практической реализации стратегического управления в моногородах российской Арктики необходимы определенные экономические и институциональные условия, которые сегодня в большинстве случаев слабо развиты как в целом в России, так и в ее Арктической зоне. Институциональные проблемы реализации стратегий связаны с неразвитостью формальных и неформальных институтов, необходимых для успешной практики стратегического управления. Неразвитость формальных институтов проявляется в слабом нормативно-правовом и методическом обеспечении этого процесса.

⁷ Сведения о социально-экономическом состоянии монопрофильных территориальных образований Мурманской области (г. Кировск). – URL: http://minec.gov-murman.ru/content/devel_city/sub06/sub03/

⁸ Официальный сайт Минрегиона России. – URL: http://www.minregion.ru/uploads/attachment/documents/100913/100913_p_1.pdf

Например, проект Федерального закона «О государственном стратегическом планировании», обсуждение которого длится несколько лет, до настоящего времени не принят (в ноябре 2012 г. он был рассмотрен Государственной Думой в первом чтении). Неформальные институты, особенно в части наличия необходимых сетей сотрудничества муниципальных, государственных и предпринимательских структур, развиты недостаточно. Помимо институциональных факторов, важнейшую роль играет уровень развития человеческого потенциала (знания и опыт заинтересованных сторон, участвующих в формировании и реализации стратегий), который, как правило, недостаточно высок [см., напр., 4, 5].

Выводы.

Анализ практик стратегического планирования в моногородах российской Арктики на примере Мурманской области позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Начало процесса разработки стратегий развития моногородов российской Арктики было инициировано в 2009 г. федеральными органами власти, т.е. применен подход «сверху вниз». Факт обращения внимания федерального правительства к проблемам моногородов является весьма позитивным. Однако спешный характер кампании по организации разработки документов стратегического планирования моногородов (комплексных инвестиционных планов – КИПов) и несовершенство методических рекомендаций Минрегиона России по их разработке во многих случаях не способствовали подготовке стратегий высокого качества.

2. Хотя несомненно то, что в процессе разработки стратегических документов моногородов получена польза (проведение анализа потенциала их развития, определение приоритетов развития, оценка потребности в ресурсах для осуществления

планов), сегодня их реализация сдерживается рядом проблем экономического и институционального характера.

3. Экономические проблемы реализации стратегий моногородов российской Арктики связаны, во-первых, с низкой обеспеченностью муниципалитетов собственными (прежде всего – финансовыми) ресурсами, не позволяющей оказывать значимое влияние на перспективы их развития. Во-вторых, с недостаточным участием в осуществлении стратегических планов моногородов как государства (даже в случаях, когда помощь с его стороны оказывается), так и градообразующих предприятий.

4. Институциональные проблемы реализации стратегий связаны с неразвитостью как формальных, так и неформальных институтов, необходимых для успешного стратегического управления. Неразвитость формальных институтов проявляется в слабом законодательном и методическом обеспечении этого процесса. Неформальные институты (наличие сетей сотрудничества муниципальных, государственных и предпринимательских структур) развиты недостаточно. Кроме того, важнейшую роль играет уровень развития человеческого потенциала (знания и опыт сторон, участвующих в формировании и реализации стратегий), который, как правило, недостаточно высок.

5. Анализ стратегий развития моногородов Мурманской области, изложенных в их комплексных инвестиционных планах, показал, что типичными для них являются следующие цели. Это, во-первых, снижение рисков зависимости города от экономической деятельности градообразующего предприятия за счет диверсификации городской экономики. Самым распространенным направлением диверсификации моногородов области является развитие малого и среднего бизнеса, особенно в

сфере туризма. Во-вторых, – модернизация и диверсификация деятельности самого градообразующего предприятия. В большинстве случаев КИПы включают проекты реконструкции и модернизации производственных мощностей градообразующих предприятий, направленные на повышение их производительности, снижение издержек, освоение новых технологий и продукции. В некоторых случаях градообразующие предприятия выступают также инициаторами проектов, направленных на развитие новых для них видов деятельности, таким образом способствуя диверсификации экономик городов (как в случае с ОАО «Апатит», развивающего горнолыжный комплекс в г. Кировск). В-третьих, это повышение комфортности городской среды, развитие социальной, инженерной и транспортной инфраструктуры города, повышение уровня и качества жизни местного населения.

6. Несмотря на стратегическую нацеленность моногородов Мурманской области на диверсификацию, в их КИПах, за исключением г.п. Ревда, на период до 2020 г. прогнозируется сохранение монопрофильного характера экономики. Хорошая ресурсная база, достаточно стабильное экономическое положение большинства градообразующих предприятий и медленно идущие процессы диверсификации позволяют считать, что такие прогнозы во многом оправданны. В то же время, при условии последовательной реализации поставленных целей, степень монопрофильности городов в перспективе может быть заметно снижена, уменьшены риски развития, связанные с монопрофильным характером их экономик.

В заключение следует отметить, что для успешной реализации стратегий развития моногородов российской Арктики, их устойчивого социально-экономического развития ключевое значение имеет, наряду

с необходимостью преодоления рассмотренных выше проблем, умение органов местного самоуправления сплотить городское сообщество, скоординировать

и мобилизовать усилия представителей основных социальных групп города для достижения совместно выработанных целей.

Литература

1. Воскресенская, О. Моногород: ворота открываются. Определены подходы к поддержке монопрофильных городов [Электронный ресурс] / О. Воскресенская // Российская газета. – 2013. – 23 дек. – URL: <http://www.rg.ru/2013/12/23/monogoroda.html>
2. Дидык, В.В. Стратегии развития моногородов российской Арктики (на примере города Мончегорск, Мурманской области) / В.В. Дидык // Север и рынок: формирование экономического порядка. – 2014. – № 5 (42). – С. 13-16.
3. Дидык, В.В. Проблемы и перспективы развития местного самоуправления в муниципалитетах российского Севера и Арктики / В.В. Дидык, Л.А. Рябова // Труды Карельского научного центра Российской академии наук. Серия: Регион: экономика и управление. – 2013. – № 5. – С. 54-63.
4. Дидык, В.В. Исследование практики стратегического планирования и управления в муниципальных образованиях Севера России / В.В. Дидык // Региональная экономика: теория и практика. – 2012. – № 23. – С. 31-38.
5. Дидык, В.В. Стратегическое управление как инструмент преодоления проблем моногородов российского Севера / В.В. Дидык, Е.Е. Емельянова // Устойчивое социальное развитие северных территорий России: опыт, проблемы, перспективы. Сборник материалов межрегиональной научно-практической конференции, г. Мурманск, 7–9 ноября 2013 г. – Мурманск: МГГУ, 2013. – С. 205-210.
6. Журавлева, Н. Моногорода получили определение [Электронный ресурс] / Н. Журавлева // Взгляд. Деловая газета. – 2009. – 17 авг. – URL: <http://vz.ru/economy/2009/8/17/318084.html>.
7. Комплексный инвестиционный план модернизации моногорода Мончегорск Мурманской области. Приложение к постановлению администрации города от 03.06.2013 № 778 [Электронный ресурс]. – URL: http://monchegorsk.gov-murman.ru/opencms/export/sites/monchegorsk/monch-admin/monch-otd_economics/monch-otd_economics-norm_doks/2013_06_03_KIP.pdf
8. Комплексный инвестиционный план модернизации монопрофильного городского поселения Ревда Ловозерского района Мурманской области [Электронный ресурс]. – URL: http://mines.gov-murman.ru/content/devel_city/sub06/sub04/
9. Методические рекомендации по подготовке и реализации комплексных инвестиционных планов развития монопрофильных населенных пунктов [Электронный ресурс]. – URL: <http://gov.cap.ru/HOME/24/oip/17.doc>
10. Население и общество [Электронный ресурс] / Институт демографии ГУ-ВШЭ. – 2010. – № 407–408. – URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0407/barom02.php>
11. Отчет главы муниципального образования Ковдорский район за 2012 год [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kovadm.ru/Content/Default.aspx?CategoryId=2&ParentId=397>
12. Отчет главы администрации муниципального образования городское поселение Ревда Ловозерского района за 2012 год [Электронный ресурс]. – URL: http://www.revda51.ru/administraciya/administraciyaag/struktura_admini/163/
13. Перечень моногородов (по состоянию на 26 июля 2013 г.) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.minregion.ru/upload/documents/2013/08/160813-p-m-1.pdf>
14. Арктические моногорода Российской Федерации: социальные проблемы, пути их решения и роль ресурсных корпораций / Л.А. Рябова, В.В. Дидык, Е.А. Корчак, Е.П. Башмакова, Е.Е. Емельянова // Корпоративное управление и инновационное развитие Севера: Вестник научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. – 2013. – № 3. – С. 34-50.
15. Рябова, Л.А. Местные сообщества планетарного Севера: тренды и факторы социального развития / Л.А. Рябова // Север и рынок: формирование экономического порядка. – 2011. – № 2 (28). – С. 102-106.
16. Селин, В.С. Экономический кризис и устойчивое развитие северных территорий / В.С. Селин // Север и рынок: формирование экономического порядка. – 2010. – № 1 (25). – С. 20-25.

Didyk V.V., Ryabova L.A.

Single-industry towns of the Russian Arctic: development strategy on the case study of the cities/towns in the Murmansk Oblast

Vladimir Vsevolodovich Didyk— Ph.D. in Economics, Associate Professor, Deputy Director for Science, Head of the Sector, Federal State-Financed Scientific Institution G.P. Luzin Institute of Economic Problems of Kola Scientific Centre of RAS (24A, Fersman Street, Apatity, 184209, Russia, didyk@iep.kolasc.net.ru)

Larisa Aleksandrovna Ryabova— Ph.D. in Economics, Associate Professor, Head of the Department, Federal State-Financed Scientific Institution G.P. Luzin Institute of Economic Problems of Kola Scientific Centre of RAS (24A, Fersman Street, Apatity, 184209, Russia, larissar@iep.kolasc.net.ru)

Abstract. The article is devoted to the problems of strategic management of single-industry towns' development in the Russian Arctic. It presents brief characteristics of the government policies in relation to single-industry towns of the Russian Federation as a whole, and, particularly, of its Arctic zone. On the example of single-industry towns of the Murmansk Oblast it studies strategies of their development, typical problems to shape and implement strategic development plans.

Key words: single-industry towns, the Russian Arctic, development problems, city-forming enterprises, strategic planning, comprehensive investment plans.

References

1. Voskresenskaya O. Monogorod: vorota otkryvayutsya. Opredeleny podkhody k podderzhke monoprofil'nykh gorodov [A Single-Industry Town: the Gate Opens. Approaches to Support Single-Industry Towns Are Defined]. *Rossiiskaya gazeta* [Russian Newspaper], 2013. December 23. Available at: <http://www.rg.ru/2013/12/23/monogoroda.html>
2. Didyk V. V. Strategii razvitiya monogorodov rossiiskoi Arktiki (na primere goroda Monchegorsk, Murmanskoi oblasti) [Strategy to Develop Single-Industry Towns of the Russian Arctic (on the Example of the City of Monchegorsk, the Murmansk Oblast)]. *Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo poryadka* [The North and Market: Formation of Economic Order], 2014, no. 5 (42), pp. 13-16.
3. Didyk V. V., Ryabova L. A. Problemy i perspektivy razvitiya mestnogo samoupravleniya v munitsipalitetakh rossiiskogo Severa i Arktiki [Problems and Prospects of Development of Local Self-Government in the Municipalities of the Russian North and the Arctic]. *Trudy Karel'skogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk. Seriya: Region: ekonomika i upravlenie* [Transactions of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Science. The "Region: Economy and Management" Series], 2013, no. 5, pp. 54-63.
4. Didyk V. V. Issledovanie praktiki strategicheskogo planirovaniya i upravleniya v munitsipal'nykh obrazovaniyakh Severa Rossii [Study of the Practice of Strategic Planning and Management in the Municipalities of the North of Russia]. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika* [Regional Economy: Theory and Practice], 2012, no. 23, pp. 31-38.
5. Didyk V. V., Emel'yanova E. E. Strategicheskoe upravlenie kak instrument preodoleniya problem monogorodov rossiiskogo Severa [Strategic Management as a Tool to Overcome the Problems of Single-Industry Towns of the Russian North]. *Ustoichivoe sotsial'noe razvitie severnykh territorii Rossii: opyt, problemy, perspektivy: sbornik materialov mezhregional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii, g. Murmansk, 7-9 noyabrya 2013 g.* [Sustainable Social Development of Northern Territories of Russia: Experience, Problems, Prospects: Collection of Materials of the Interregional Research-to-Practice Conference, Murmansk, November 7-9, 2013]. Murmansk: MGGU, 2013. Pp. 205-210.
6. Zhuravleva N. Monogoroda poluchili opredelenie [Single-Industry Towns Got Definition]. *Vzglyad. Delovaya gazeta* [Point of View. Business Newspaper], 2009 August 17. Available at: <http://vz.ru/economy/2009/8/17/318084.html>.
7. *Kompleksnyi investitsionnyi plan modernizatsii monogoroda Monchegorsk Murmanskoi oblasti. Prilozhenie k postanovleniyu administratsii goroda ot 03.06.2013 № 778* [Comprehensive Investment Plan to Modernize the Single-Industry Town Monchegorsk, the Murmansk Oblast. Appendix to the City Administration Resolution

- of June 3, 2013, no. 778]. Available at: http://monchegorsk.gov-murman.ru/opencms/export/sites/monchegorsk/monch-admin/monch-otd_economics/monch-otd_economics-norm_doks/2013_06_03_KIP.pdf
8. *Kompleksnyi investitsionnyi plan modernizatsii monoprofil'nogo gorodskogo poseleniya Revda Lovozerskogo raiona Murmanskoi oblasti* [Comprehensive Investment Plan to Modernize the Single-Industry Urban-Type Settlement Revda, Lovozersky District of the Murmansk Oblast]. Available at: http://minec.gov-murman.ru/content/devel_city/sub06/sub04/
 9. *Metodicheskie rekomendatsii po podgotovke i realizatsii kompleksnykh investitsionnykh planov razvitiya monoprofil'nykh naseleennykh punktov* [Methodological Recommendations on the Preparation and Implementation of Comprehensive Investment Plans to Develop Single-Industry Settlements]. Available at: <http://gov.cap.ru/HOME/24/oip/17.doc>
 10. *Naselenie i obshchestvo* [Population and Society]. Institut demografii GU-VShE, 2010, pp. 407–408. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0407/barom02.php>
 11. *Otchet glavy munitsipal'nogo obrazovaniya Kovdorskii raion za 2012 god* [Report of the Head of the Municipal Entity Kovdorsky District for 2012]. Available at: <http://www.kovadm.ru/Content/Default.aspx?CategoryId=2&ParentId=397>
 12. *Otchet glavy administratsii munitsipal'nogo obrazovaniya gorodskoe poselenie Revda Lovozerskogo raiona za 2012 god* [Report of the Head of the Municipal Entity of the Single-Industry Urban-Type Settlement Revda of Lovozersky District for 2012]. Available at: http://www.revda51.ru/administraciya/administraciyaag/struktura_admini/163/
 13. *Perechen' monogorodov (po sostoyaniyu na 26 iyulya 2013 g.)* [List of Single-Industry Towns (as of July 26, 2013)]. Available at: <http://www.minregion.ru/upload/documents/2013/08/160813-p-m-1.pdf>
 14. Ryabova L. A., Didyk V. V., Korchak E. A., Bashmakova E. P., Emel'yanova E. E. Arkticheskie monogoroda Rossiiskoi Federatsii: sotsial'nye problemy, puti ikh resheniya i rol' resursnykh korporatsii [Arctic Towns of the Russian Federation: Social Problems, their Solutions and the Role of Resource Corporations]. *Korporativnoe upravlenie i innovatsionnoe razvitie Severa: Vestnik nauchno-issledovatel'skogo tsentra korporativnogo prava, upravleniya i venchurnogo investirovaniya Syktyvkarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Corporate Governance and Innovation Development of the North: the Bulletin of the Research Center for Corporate Law, Governance and Venture Investment of Syktyvkar State University], 2013, no. 3, pp. 34-50.
 15. Ryabova L. A. Mestnye soobshchestva planetarnogo Severa: trendy i faktory sotsial'nogo razvitiya [Local Communities of the Planetary North: Trends and Factors in Social Development]. *Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo poryadka* [The North and Market: Formation of Economic Order], 2011, no. 2 (28), pp. 102-106.
 16. Selin V. S. Ekonomicheskii krizis i ustoichivoe razvitie severnykh territorii [The Economic Crisis and Sustainable Development of the Northern Territories]. *Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo poryadka* [The North and Market: Formation of Economic Order], 2010, no. 1 (25), pp. 20-25.

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

От редакции. В этой и последующей рубриках продолжаем серию статей о роли социологического знания и его практического использования в развитии российского общества, посвященных Всероссийской научно-практической конференции «Общество и социология в современной России», которая состоится в ноябре 2014 года в г. Вологде.

УДК 332.14:336.13, ББК 65.9

© Татаркин Д.А., Сидорова Е.Н.

Оценка влияния процесса социального воспроизводства на экономическое развитие региона (на примере Свердловской области)*

**Денис Александрович
ТАТАРКИН**

кандидат экономических наук, научный сотрудник, заведующий сектором финансов, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29, tatarkin@mail.ru)

**Елена Николаевна
СИДОРОВА**

кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29, katelen@mail.ru)

Аннотация. Восприятие человеческой личности не только как главного фактора, но и как цели общественного развития позволяет осознать, что наиболее ценные для общества качественные сдвиги в воспроизводственном процессе происходят не в материальной сфере, а в сфере, связанной с развитием человека и удовлетворением его потребностей. Уяснение этого основополагающего постулата дает возможность правильно расставить акценты и определить цели экономического развития. Экономический рост без обеспечения социального воспроизводства лишает смысла экономическое развитие, так как рост экономики, который не влечет за собой повышение уровня и качества жизни человека, противоречит своей главной цели.

Финансирование социального воспроизводства населения является не вынужденным отвлечением финансовых ресурсов из производственного процесса, а социальными инвестициями,

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ, проект № 12-02-00266а «Управление финансовыми ресурсами в системе обеспечения социально-экономической привлекательности территорий».

которые повышают качество жизни населения, обеспечивают привлечение на территорию высококвалифицированной рабочей силы. Повышение уровня заработной платы экономически активного населения положительно скажется на формировании доходной части бюджета территорий, что служит необходимым условием их экономического и социального развития на более современной инновационной основе. Принципиальное значение при этом имеет определение оптимального соотношения финансовых ресурсов, направляемых на социальное развитие и в сферу производства.

Одним из факторов отставания социального развития Российской Федерации является неумение оценить финансовые последствия наращивания объемов социального сектора. Происходит это, в том числе, и из-за сложности измерения социально-экономической эффективности инвестиций в данную отрасль с учетом сопряженных эффектов во всех секторах производственной и социальной сферы. Социальная сфера органично встроена в экономическую систему страны. Ее развитие, как и развитие любой другой производственной отрасли, напрямую влияет на экономику страны и регионов.

Методология системы национальных счетов (СНС) позволяет проводить комплексную оценку влияния социальных бюджетных расходов на экономику территории. Использование инструментария СНС дает возможность рассматривать финансовое содержание социальных процессов с самых разных сторон: исходя из динамики денежных доходов и структуры потребления населением товаров и услуг, включая социальные; с позиции влияния социальных процессов на экономическое развитие регионов; с позиции эффективности социально ориентированных бюджетных расходов.

Авторами были проведены исследования влияния социальных бюджетных расходов на формирование ВРП Свердловской области на основе данных за 2011 год. Бюджетные расходы включали в себя финансирование бюджетных учреждений социальной сферы из федерального, регионального и местных бюджетов. В результате было выявлено, что в Свердловской области в 2011 году один рубль социальных бюджетных расходов из всех источников (федеральных, региональных и муниципальных) создает 65 копеек ВРП. Таким образом, проведенное исследование наглядно показало, что бюджетные расходы на социальную сферу оказывают не только социальное, но и значительное экономическое влияние на развитие региона.

Ключевые слова: социальное воспроизводство, социальный эффект, мультипликативный экономический эффект, система национальных счетов, денежные доходы, социальные бюджетные расходы, валовой региональный продукт.

Реформирование и модернизация российской экономики, ее интеграция в мировое хозяйство предопределили необходимость пересмотра подхода к выбору новых факторов поступательного развития. Построение эффективной модели экономического развития России должно строиться исходя из общемировой тенденции формирования устойчивых социально ориентированных саморазвивающихся территориальных систем, в которых создаются условия для социальной стабильности и экономического благополучия населения.

На современном этапе развития общества формируется понимание того, что основным богатством любой страны является ее человеческий потенциал. Признается и тот факт, что наиболее важные, значительные по своим последствиям и наиболее ценные для общества качественные сдвиги в воспроизводственном процессе лидирующих в экономическом отношении стран мира происходят не в материальной сфере, а в сфере, связанной с развитием человека и удовлетворением его потребностей. Данное утверждение нашло

отражение в необходимости выделения такого понятия, как «социальная ориентация экономики регионов», и разработки механизма финансового обеспечения развития человеческого потенциала. Однако из-за сложности проблемы до настоящего времени остаются открытыми вопросы наличия взаимосвязи между финансово-экономическим развитием и эффективностью процесса социального воспроизводства. Зачастую расходы на социальное развитие территорий рассматриваются как вынужденное отвлечение финансовых ресурсов из сферы производства. Не удивительно, что в условиях экономической нестабильности и роста бюджетного дефицита во многих развитых странах особенно остро обсуждаются вопросы оценки эффективности социальных бюджетных расходов.

Финансовое содержание системы социального воспроизводства представляет собой совокупность финансовых потоков территории, связанных с формированием денежных доходов населения, потреблением социальных услуг населением, финансированием текущих и инвестиционных расходов в социальной сфере из бюджетных и внебюджетных источников (*рис. 1*).

Повышение качества жизни, положительные процессы, происходящие в социальной сфере, обеспечивают привлечение на территорию высококвалифицированной рабочей силы. Приток экономически активного населения, повышение уровня заработной платы положительно отражается на формировании доходной части бюджета территорий, что является необходимым условием экономического развития на более современной инновационной основе.

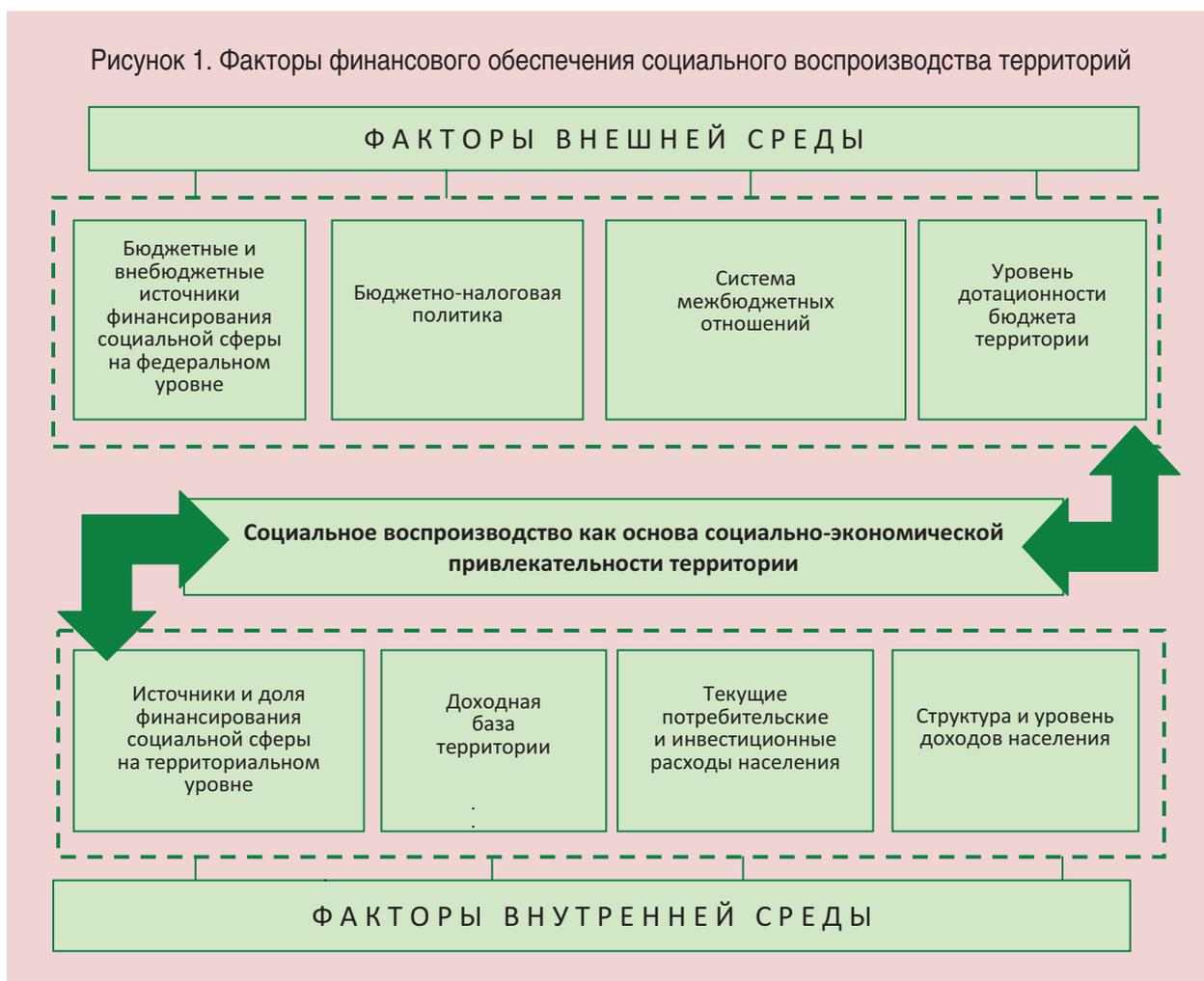
Неотъемлемыми элементами процесса социального воспроизводства выступают потребление населением социальных благ и услуг, а также финансовое обеспечение функционирования социальной сферы, включая образование, здравоохранение,

культуру, окружающую среду, коммунальное хозяйство. Важной характеристикой процесса социального воспроизводства является уровень конечного потребления товаров и услуг населения, включая социальные, и уровень валового накопления основного капитала. По структуре распределения долей этих показателей в целом можно судить о реализуемой в стране стратегии развития: 1) либо ориентированной на человека и стимулирование внутреннего потребления населением товаров и услуг; 2) либо ориентированной на развитие производства и рост инвестиций за счет высокой нормы сбережения населением.

Кроме того, принципиальным моментом является соотношение роли государства и частного бизнеса в процессе предоставления социальных услуг.

На современном этапе социальная сфера России развивается преимущественно на государственной основе. Вместе с тем все более заметную роль в социальной политике начинает играть предпринимательский сектор. Формируется двухуровневая система производства и распределения социальных услуг. Государство гарантирует обусловленные конкретной ситуацией минимальные социальные стандарты, к которым относятся: минимальная заработная плата, минимальные размеры пенсий, нормативы бюджетного финансирования расходов на здравоохранение, нормы питания, нормы и нормативы льготного обеспечения лекарственными препаратами, нормы общей площади жилого помещения и пр. Частные структуры предлагают дополнительные услуги на платной основе.

Несмотря на позитивные перемены в области финансирования социальной сферы, Россия на сегодняшний день значительно отстает от западных стран и, как следствие, имеет неконкурентный уровень социального воспроизводства населения. Оценка социального развития Российской

Федерации в сравнении с экономически развитыми странами выявила ее значительное отставание. По уровню потребления социальных услуг Россия находится на последнем месте, отставая даже от бывших советских республик. При этом расходы из государственного бюджета на предоставление социальных услуг у нас достаточно высокие – 17% ВВП. Россия находится на предпоследнем месте по развитости сферы платных социальных услуг – 3,3% к ВВП, опережая по этому показателю только Республику Беларусь (2,7% ВВП). От западных стран по этому показателю мы отстаем в 2 – 3 и более раз: Япония – 6,9% ВВП, Германия – 7,4%, Канада – 7,6%, США – 20,7% [6, с. 128; 7, с. 256; 9; 10].

Для оценки ситуации представляет интерес такой показатель, как доля социальных расходов в общей сумме бюджетных расходов. По России он находится в пределах 60%. Значительно большая часть бюджетных средств на финансирование социальных расходов выделяется странами ЕС. За последние годы в среднем по 25 странам доля социальных расходов в общей сумме бюджетных расходов составила более 70%.

Учитывая крайне низкий уровень ВВП на душу населения, самые низкие социальные показатели в ВВП и их неудовлетворительную динамику, можно сделать вывод об отсутствии в нашей стране четко выработанной социально-ориентированной экономической политики. Повышение

возможностей России в части социального воспроизводства населения, сближения с развитыми странами требует значительного наращивания темпов социального развития.

Одним из факторов отставания социального развития страны является неумение оценить финансовые последствия наращивания объемов социального сектора. Происходит это, в том числе, и из-за сложности измерения социально-экономической эффективности текущих расходов и инвестиций в данную отрасль с учетом сопряженных эффектов во всех секторах производственной и социальной сферы. Отсутствие единого мнения относительно сущности и меры эффективности обусловлено сложностью и многогранностью восприятия данной категории.

Функционирование отраслей социальной сферы оказывает двойное воздействие: с одной стороны, связано с выполнением социальных функций, с другой – является фактором экономического роста. Социальный эффект заключается в удовлетворении потребностей общества в важнейших социальных услугах – образовании, здравоохранении, культуре и т.д. Экономический эффект проявляется посредством увеличения валового продукта, а также через изменение важнейших экономических показателей. Социальная сфера как основа социального воспроизводства человеческого потенциала обеспечивает воспроизводство квалифицированной рабочей силы, сохранение здоровья населения, повышение интеллектуального потенциала общества, тем самым оказывая качественное влияние на социально-экономическое развитие общества. Кроме того, социальная сфера органично встроена в экономическую систему страны, где работают люди, выплачивается заработная плата, создается прибыль, осуществляются инвестиции, начисляются налоги. Ее развитие, как и

развитие любой другой производственной отрасли, напрямую влияет на экономику страны и регионов.

Методология системы национальных счетов (СНС) позволяет проводить комплексную оценку влияния социальных бюджетных расходов на экономику территории. Использование инструментария СНС дает возможность рассматривать финансовое содержание социальных процессов с самых разных сторон: исходя из динамики денежных доходов и структуры потребления населением товаров и услуг, включая социальные; с позиции влияния социальных процессов на экономическое развитие регионов; с позиции эффективности социально ориентированных бюджетных расходов.

Бюджетные расходы имеют две основные формы влияния на экономику региона и создают мультипликативный эффект при формировании ВРП:

- 1) они участвуют в формировании денежных доходов населения (работников бюджетной сферы) через выплату заработной платы и социальных пособий, которые в дальнейшем расходуются домохозяйствами на конечное потребление и сбережения;
- 2) финансирование бюджетных расходов обеспечивает спрос на работы и услуги в некоторых отраслях экономики.

Осуществляя расходы на содержание и развитие имущественного комплекса, органы власти увеличивают спрос, а следовательно, выпуск ряда отраслей, прежде всего жилищно-коммунального хозяйства, строительства и ряда других.

Авторами были проведены расчеты влияния социальных бюджетных расходов на формирование ВРП Свердловской области на основе данных за 2011 год. Бюджетные расходы включали в себя финансирование бюджетных учреждений социальной сферы из федерального, регионального и местных бюджетов.

На первом этапе исследования, с использованием функциональной классификации бюджетных расходов, были выделены статьи, направленные на выполнение социальных функций государства. К таким статьям были отнесены: образование, культура, здравоохранение, социальная политика и спорт. Далее соответствующие статьи функциональной классификации затрат были дополнительно разделены в соответствии с классификацией операций государственного сектора.

В 2011 году расходы бюджетов всех уровней на территории Свердловской области составили 257,4 млрд. рублей, в том числе 67,5 млрд. из федерального бюджета. Следует отметить, что в данном исследовании под затратами федерального бюджета подразумеваются расходы на содержание и ведение деятельности учреждений, находящихся в ведении федерального центра, но осуществляющих свою деятельность на территории области. При этом расходы на социальную сферу составили 141,2 млрд. рублей или 54,8%. Большую часть из этой суммы составили расходы на образование (61,6 млрд. рублей – 43% от общих расходов на социальную сферу), здравоохранение (35,8 млрд. рублей – 25,3%) и социальную политику (33,4 млрд. рублей – 23,6%). Затраты на культуру и кино, физкультуру и спорт составили соответственно 5,9 (4,1%) и 4,5 (3,1%) млрд. рублей [3; 4].

Далее было проведено деление бюджетных расходов в соответствии с классификацией операций сектора государственного управления. В качестве наиболее значимых статей расходов были выделены следующие: заработная плата и начисления на оплату труда – 110,7 млрд. рублей (43% от общих бюджетных расходов); увеличение стоимости основных средств – 29,5 млрд. рублей (12%); пособия по социальной помощи – 24,3 млрд. рублей (9%); содержание имущества – 19 млрд. рублей (7%).

При более детальном рассмотрении отдельных направлений бюджетных расходов полученная структура значительно меняется. Например, преобладание расходов на оплату труда сохранилось в образовании (63,2%), культуре (53,2%) и здравоохранении (44,9%), в то время как по статьям «социальная политика», «физкультура и спорт» доля данных затрат составила 12,4 и 12,2%. Большая часть расходов в социальной политике приходится на статью «пособия по социальной помощи» (67,8%). В расходах на физкультуру и спорт преобладают затраты на увеличение стоимости основных средств – 49% [3; 4].

Из проведенного анализа видно, что структура бюджетных расходов в соответствии с операциями сектора государственного управления значительно различается в зависимости от того, на какую сферу приходятся данные расходы. Соответственно, можно предположить, что изменения финансирования различных направлений социальных расходов будут по-разному влиять на ВРП региона.

Для определения степени влияния бюджетных расходов на экономику региона прежде всего необходимо было выяснить, каким образом в конечном итоге распределяются средства. Для этого на втором этапе исследования была произведена группировка бюджетных расходов. В первую группу были отнесены расходы, которые в виде выручки попадают в распоряжение предприятий, обслуживающих государственный сектор (увеличение выпуска смежных отраслей), а следовательно, являются источником добавленной стоимости. Во вторую группу были включены расходы, которые напрямую увеличивают располагаемые денежные доходы населения. Кроме этого, была выделена группа расходов, влияние которой на экономику региона невозможно оценить, т.к. фактическое конечное направление этих расходов

нельзя определить с достаточной степенью вероятности. При этом на первую группу приходится 21,8% всех бюджетных затрат на социальную сферу, на вторую группу — 61,5%, а на третью — 16,7%. Каждая из этих групп по-разному оказывает влияние на экономику региона.

В первую группу были отнесены следующие статьи бюджетных расходов: на услуги связи; затраты на транспорт; оплата коммунальных услуг; арендная плата за пользование имуществом; оплата работ, услуг по содержанию имущества; прочие работы и услуги; увеличение стоимости основных средств.

Для того чтобы определить влияние бюджетных расходов на конкретные отрасли, требовалось сопоставить статьи бюджетных расходов с видами экономической деятельности. Так, например, бюджетные расходы на транспорт и связь формируют определённую долю выпуска вида экономической деятельности «транспорт и связь». Расходы на коммунальные услуги формируют долю выпуска вида деятельности «производство и распределение газа и воды» и т.д. В результате было получено следующее распределение бюджетных расходов по видам экономической деятельности:

- транспорт и связь — 563,4 млн. руб.;
- производство и распределение электроэнергии, газа и воды — 6129 млн. руб.;
- операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг — 12 052 млн. руб.;
- строительство — 8414 млн. руб.

Отдельно стоит сказать об отнесении затрат на увеличение стоимости основных средств к сектору строительства. Очевидно, что данная статья расходов включает в себя помимо строительства еще ряд других направлений вложений — машины и оборудование, транспортные средства и т.д.

Поэтому в рамках исследования было сделано допущение, что только 70% затрат на увеличение стоимости основных средств направлялись на строительство и капитальный ремонт зданий.

Осуществляя бюджетные расходы в определённой отрасли экономики, органы власти формируют часть валового выпуска этой отрасли. В соответствии с СНС валовой выпуск состоит из двух компонентов: добавленной стоимости и промежуточного потребления. Кроме того, в соответствии с положениями СНС добавленная стоимость, в свою очередь, состоит из оплаты труда, прибыли и других налогов на производство. Дальнейший анализ проводился исходя из существующих в экономике региона пропорций (таблица). Например, в секторе «производство и распределение электроэнергии, газа и воды» сложилось следующее соотношение: доля добавленной стоимости в валовом выпуске составляет 31,7%. При этом добавленная стоимость в этой отрасли на 43% состоит из оплаты труда, на 53,6% — из прибыли организаций и на 3,4% — из других налогов на производство.

Результаты расчётов, основанных на данных таблицы, показали, что за счёт бюджетных расходов были получены следующие объёмы валовой добавленной стоимости в смежных секторах:

- транспорт и связь — 336,8 млн. руб.;
- производство и распределение электроэнергии, газа и воды — 1943,2 млн. руб.;
- операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг — 7583,3 млн. руб.;
- строительство — 4004 млн. руб.

Таким образом, суммарный прирост валовой добавленной стоимости (ВДС) в смежных отраслях, сформированной в результате финансирования социальной сферы из бюджетов всех уровней, составил **13867,3** млн. рублей.

Структура валовой добавленной стоимости в Свердловской области в 2011 году*

Вид экономической деятельности	Валовой выпуск, млн. руб.	Валовая добавленная стоимость (ВДС), млн. руб.	Доля ВДС в валовом выпуске, %	Структура ВДС в %		
				Оплата труда	Другие налоги на производство	Валовая прибыль
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	69308	39643	57,2	27,2	0,5	72,3
Рыболовство, рыбоводство	68	43	63,2	26,9	1	72,1
Добыча полезных ископаемых	98901	51894	52,5	27,6	3,8	68,6
Обрабатывающие производства	1137397	359934	31,6	44	2,5	53,5
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	190508	60402	31,7	43	3,4	53,6
Строительство	162936	77535	47,6	48,3	0,5	51,1
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	381261	246177	64,6	29,1	1,7	69,3
Гостиницы и рестораны	36346	15922	43,8	33,9	1,1	65
Транспорт и связь	245019	146482	59,8	27,5	2,6	69,9
Финансовая деятельность	11133	7093	63,7	40,8	0,1	59,1
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	165318	104069	63,0	39,6	1,1	59,3
Государственное управление и обеспечение военной безопасности, обязательное социальное обеспечение	77993	52464	67,3	97,7	0,2	2,1
Образование	52331	39370	75,2	91,8	0,7	7,5
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	81317	52838	65,0	92	0,3	7,8
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	19806	11815	59,7	77,8	0,6	21,6

* Рассчитано по: Национальные счета России в 2004–2011 годах: стат. сб. / Росстат. – М., 2011. – С. 251-259.

При использовании данных о структуре ВДС из таблицы были рассчитаны также объёмы оплаты труда, валовой прибыли и других налогов на производство, сформированные за счёт спроса со стороны государственного бюджета. В результате объём оплаты труда, сформированный за счёт бюджетных расходов по всем четырём секторам, составил 5866 млн. руб.; валовой прибыли – 7822 млн. руб.; других налогов на производство – 178 млн. руб. Из общей суммы оплаты труда была рассчитана сумма

реальных доходов населения, сформированная за счёт финансирования бюджетных расходов.

В соответствии с методологией СНС показатель «оплата труда» включает в себя налоги на доходы и другие выплаты, которые подлежат уплате наемными работниками, даже если они фактически удерживаются нанимателями в административных интересах или по иным причинам и выплачиваются непосредственно в государственные социальные внебюджетные

фонды, налоговым службам от лица наемного работника. Таким образом, оплата труда наемных работников состоит из двух компонентов: а) заработной платы; б) отчислений работодателей в государственные социальные внебюджетные фонды. Поэтому чтобы рассчитать объём средств, который реально поступает в распоряжение наёмных работников, необходимо из имеющегося значения выделить сумму обязательных социальных платежей и налог на доходы физических лиц.

Проведённые расчёты показали, что сумма реальных денежных доходов наёмных работников составила 3809 млн. рублей. В дальнейшем домашние хозяйства направят часть указанной суммы на сбережения, а другую часть – на потребительские расходы. В результате будет сформирован платежеспособный спрос на продовольственные и непродовольственные товары, а также услуги домашним хозяйствам. Иными словами, в терминах СНС выплата заработной платы обеспечивает на территории региона выпуск предприятий и организаций, продающих товары и оказывающих услуги населению. В данных отраслях будет формироваться и добавленная стоимость, т.е. будет создан мультипликативный эффект. Имеющаяся статистика позволяет частично его учесть.

Необходимо отметить, что прибыль, получаемая предприятиями отраслей, обслуживающих госсектор, тоже будет создавать мультипликативный эффект, т.к. часть этих сумм в результате распределения прибыли или выплаты дивидендов попадает в распоряжение собственников предприятия. В то время как другая часть может быть направлена на инвестиции. К сожалению, имеющаяся статистика не позволяет каким-либо образом учесть данный эффект.

Третьим этапом исследования являлся расчет влияния на экономику региона второй группы статей бюджетных расходов, включающих оплату труда, пособия по

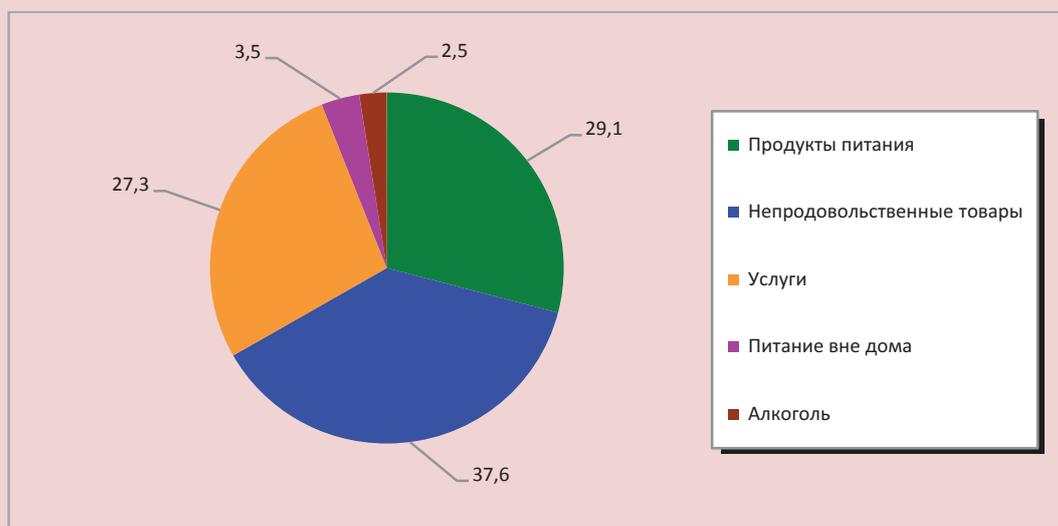
социальной помощи и т.д. Как было отмечено выше, основной эффект этих отраслей связан с формированием денежных доходов населения, которые в дальнейшем используются на потребление и накопление. После необходимых расчётов было определено следующее значение реальных денежных доходов, получаемых домохозяйствами в результате осуществления бюджетных расходов, – **68571** млн. рублей (с учетом денежных доходов работников организаций, обслуживающих государственный сектор).

Поскольку домохозяйства расходуют лишь часть располагаемого дохода на конечное потребление, а другую часть оставляют в качестве сбережений, потребовалось рассчитать предельную склонность к потреблению (*marginal propensity to consume* – МРС) в Свердловской области в 2011 году. Для этого были соотнесены потребительские расходы и денежные доходы населения. В качестве исходных данных были взяты результаты выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств, ежеквартально проводимого органами статистики во всех регионах Российской Федерации. В частности, в Свердловской области в рамках данного наблюдения обследуются около 1000 домохозяйств с различным уровнем дохода, места проживания и т.д. [1, с. 126; 8].

Проведённые расчёты показали, что МРС в Свердловской области в 2011 году составила 0,706, т.е. в среднем домохозяйства расходуют на потребление 70,6% располагаемого денежного дохода. Таким образом, сумма реальных денежных доходов, направленных на потребительские расходы, составила **48411** млн. рублей.

Далее требовалось рассчитать структуру потребления домашних хозяйств. На основе данных того же наблюдения были выделены основные статьи расходов домашних хозяйств (*рис. 2*).

Рисунок 2. Структура потребительских расходов населения Свердловской области в 2011 г., %

Источник: Структура использования денежных доходов населения в Свердловской области [Электронный ресурс]: аналитический материал Росстата по Свердловской области. – Режим доступа: <http://www.fedstat.ru/indicator/data.do?id=31502&referrerType=0&referrerId=1292867>

Как видно из диаграммы, практически все потребительские расходы составляют три группы: покупка продуктов питания, покупка непродовольственных товаров и оплата услуг, – которые в сумме составляют 94% всех расходов. Расходы на питание вне дома и приобретение алкогольной продукции составляют оставшиеся 6%.

С учётом имеющихся данных о предельной склонности к потреблению и структуре потребительских расходов в Свердловской области на покупку продовольственных товаров было направлено 14 087 млн. руб.; на покупку непродовольственных товаров – 18 202,5 млн. руб.; оплату услуг – 13 216,2 млн. руб.; питание вне дома – 1694,3 млн. руб. и приобретение алкогольных напитков – 1210,2 млн. рублей.

Каждая из этих групп дополнительно разделяется на более конкретные элементы. Например, в оплату услуг входят следующие статьи: услуги ЖКХ – 8,3% (от общих потребительских расходов), бытовые услуги – 3,4%, культура – 4,5%, образование –

1,1%, медицина – 2,3%, санаторно-оздоровительные услуги – 0,5%, пассажирский транспорт – 2,4%, связь – 3,2% и прочие услуги – 1,4% [8].

Приобретение продовольственных, непродовольственных товаров и алкогольных напитков происходит через сеть торговых учреждений, поэтому затраты домашних хозяйств на эти товары рассматриваются как выручка отрасли оптовой и розничной торговли. Затраты на питание вне дома рассматриваются как выпуск отрасли «гостиницы и рестораны» и т.д. После сопоставления данных таблицы и рисунка 2 о структуре потребления домашних хозяйств был рассчитан объём валовой добавленной стоимости, сформированной за счёт денежных доходов домашних хозяйств, полученных в ходе финансирования социальных бюджетных расходов, – 15 675 млн. рублей, из которых 6311 млн. руб. – оплата труда наёмных работников, 9112 млн. руб. – валовая прибыль организаций и 259 млн. рублей – другие налоги на производство.

Из полученного значения оплаты труда мы снова можем рассчитать повторный прирост реальных денежных доходов — 4098 млрд. рублей.

Четвертый, заключительный, этап исследования включал в себя расчет совокупного мультипликативного эффекта от бюджетного финансирования социальных отраслей. Для этого необходимо было сложить добавленную стоимость в смежных отраслях, рассчитанную на втором этапе исследования, и добавленную стоимость, которая была сформирована за счёт денежных доходов домашних хозяйств и получена на третьем этапе. Общая сумма составила **29 542** млрд. рублей.

Чтобы получить более чёткое представление о размере мультипликативного эффекта, необходимо соотнести его с общим объёмом средств, направленных из бюджетов всех уровней на финансирование социальной сферы. Для этого сначала требуется рассчитать объём валового регионального продукта, сформированного за счёт бюджетных расходов.

Как известно, ВРП может быть рассчитан тремя методами: производственным, методом использования доходов и методом формирования ВВП по источникам доходов. Для целей исследования расчет строился на оценке прямого эффекта от финансирования социальных бюджетных расходов, равного бюджетным затратам на оплату труда работников государственных и муниципальных учреждений.

Такой подход наиболее приближен к расчёту ВРП методом формирования источников доходов. В этом случае ВРП в части бюджетных расходов формировался из оплаты труда наемных работников (ре-

зидентов и нерезидентов), валовой прибыли всех отраслей или институциональных секторов и чистых налогов на производство и импорт. В результате прямой эффект от финансирования социальных бюджетных расходов был оценен в размере **62 831** млн. рублей добавленной стоимости.

Таким образом, сложив прямой и косвенный эффект, получили, что в Свердловской области в 2011 году за счёт бюджетных расходов на социальную сферу было создано **92 373** млн. рублей добавленной стоимости. Соотнеся суммарный эффект с суммарными бюджетными расходами на социальную сферу в размере 141 258,4 млн. рублей, установили значение мультипликатора равно **0,65**. Т.е. один рубль социальных бюджетных расходов из всех источников (федеральных, региональных и муниципальных) на территории Свердловской области создает 65 копеек ВРП.

Итак, проведенное исследование наглядно показало, что бюджетные расходы на социальную сферу оказывают не только социальное, но и значительное экономическое влияние на развитие региона.

Следует отметить, что предложенный в статье подход не в полной мере отражает влияние бюджетных расходов на формирование ВРП региона. Основной причиной этого является недостаток статистической информации и научных исследований в области структуры затрат на производство продукции и оказания услуг, распределения прибыли, а также потребительских предпочтений различных групп населения. Однако можно предположить, что в случае доработки этого подхода итоговое значение мультипликатора окажется даже выше.

Литература

1. Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств в 2012 году: стат. сб. / Росстат. — М., 2013.
2. Национальные счета России в 2004–2011 годах: стат. сб. / Росстат. — М., 2011. — 344 с.

3. Отчёт о кассовом поступлении и выбытии бюджетных средств на 1.01.2012 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sverdlovsk.roskazna.ru/file/fs/39066.0503124.ARJ>
4. Отчёт об исполнении консолидированного бюджета субъекта Российской Федерации и Территориального внебюджетного фонда на 1.01.2012 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.roskazna.ru/byudzheto-subektov-rf-i-mestnykh-byudzheto/doc/reports_file807.zip
5. Российский статистический ежегодник. 2011: стат. сб. / Росстат. – М., 2011. – 795 с.
6. Россия и страны мира. 2011: стат. сб. / Росстат. – М., 2012. – 372 с.
7. Сидорова, Е.Н. Финансовый потенциал регионов и их социально-экономическая привлекательность / Е.Н. Сидорова, Д.А. Татаркин. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2013. – 385 с.
8. Структура использования денежных доходов населения в Свердловской области [Электронный ресурс]: аналитический материал Росстата по Свердловской области. – Режим доступа: <http://www.fedstat.ru/indicator/data.do?id=31502&referrerType=0&referrerId=1292867>
9. Society at a Glance 2011. OECD Social Indicators [Электронный ресурс]: аналитический материал ОЭСР. – Режим доступа: <http://www.oecd.org/els/soc/societyataglance2011.htm>
10. Society at a Glance 2014. OECD Social Indicators. The crisis and its aftermath [Электронный ресурс]: аналитический материал ОЭСР. – Режим доступа: <http://www.oecd-ilibrary.org/docserver/download/8113171e.pdf?expires=1403171952&id=id&accname=guest&checksum=7357A8CE8F69299C776EEE5D1AF10B2C>

Tatarkin D.A., Sidorova E.N.

Assessment of the impact of the social reproduction process on economic development of the region (case study of the Sverdlovsk Oblast)

Denis Aleksandrovich Tatarkin – Ph.D. in Economics, Research Associate, Head of the Finance Sector, Federal State-Financed Scientific Institution Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, Ekaterinburg, 620014, Russia, tatarkin@mail.ru)

Elena Nikolaevna Sidorova – Ph.D. in Economics, Associate Professor, Senior Research Associate, Federal State-Financed Scientific Institution Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, Ekaterinburg, 620014, Russia, katelen@mail.ru)

Abstract. When a human person is perceived not only as a key factor in social development, but also as its objective, there appears the understanding that the qualitative shifts in the reproductive process, most valuable for the society, occurs not in the material sphere, but in the sphere associated with the development of a person and satisfaction of his/her needs. This fundamental postulate helps to prioritize the goals of economic development. Economic growth without social reproduction defeats the purpose of economic development, as economic growth, which does not enhance the level and quality of life, contradicts its primary purpose.

Financing of social reproduction of the population is not forced diversion of financial resources from the production process, but social investment that improves the quality of life and attracts skilled workforce to the region. The rise in salary of the economically active population has a positive effect on the formation of a profitable part of the budget, which is a prerequisite for its economic and social development on a more innovative base. It is of fundamental importance to identify the optimal ratio of financial resources allocated to social and production spheres.

Social development in the Russian Federation is partly caused by the inability to assess financial implications of the increasing social sector. This occurs, in particular, due to the difficulty to measure socio-economic efficiency of investments. The impact on all sectors of production and social spheres is taken into account. The social sphere is embedded in the economic system of the country. Its development, like the development of any other manufacturing industry, directly affects the economy of the country and its regions.

The methodology of the system of national accounts (SNA) provides an opportunity for a comprehensive assessment of the impact of social budget expenditures on the regional economy. On the basis of SNA tools the financial maintenance of social processes can be considered from different sides: from the perspective of revenue dynamics and patterns of goods and services consumption, including social; from the perspective of the influence of social processes on the economic development of the region; from the perspective of the efficiency of socially oriented budget expenditures.

The authors have studied the effect of social expenditures on GRP of the Sverdlovsk Oblast on the basis of the 2011 data. Budget expenditures include financing of budgetary institutions of the social sphere from federal, regional and local budgets. The research has revealed that in the Sverdlovsk Oblast in 2011 one ruble of social budget expenditures from all sources (federal, regional and municipal) was equal to 65 kopecks of GRP. Thus, the study has clearly showed that budget expenditures on social services have not only a social, but also significant economic impact on the region's development.

Key words: Social reproduction, social impact, multiplier economic effect, system of national accounts, revenue, social budget expenditure, gross regional product.

References

1. *Dokhody, raskhody i potreblenie domashnikh khozyaistv v 2012 godu: stat. sb.* [Revenues, Expenditures and Consumption of Households in 2012: Statistics Digest]. Rosstat, Moscow, 2013.
2. *Natsional'nye scheta Rossii v 2004–2011 godakh: stat. sb.* [National Accounts of Russia in 2004–2011: Statistics Digest]. Rosstat, Moscow, 2011. 344 p.
3. *Otchet o kassovom postuplenii i vybytii byudzhethnykh sredstv na 1.01.2012 g.* [Report on Cash Receipt and Replacement of Budgetary Funds as of January 1, 2012]. Available at: <http://sverdlovsk.roskazna.ru/file/fs/39066.0503124.ARJ>
4. *Otchet ob ispolnenii konsolidirovannogo byudzhetna sub"ekta Rossiiskoi Federatsii i Territorial'nogo vnebyudzhethnogo fonda na 1.01.2012 g.* [Report on the Execution of the Consolidated Budget of the Russian Federation Subject and the Territorial Extra-Budgetary Fund as of January 1, 2012]. Available at: http://www.roskazna.ru/byudzhetrov-subektov-rf-i-mestnykh-byudzhetrov/doc/reports_file807.zip
5. *Rossiiskii statisticheskii ezhegodnik. 2011: stat. sb.* [The 2011 Russian Statistical Yearbook: Statistic Digest]. Moscow, 2011. 795 p.
6. *Rossiya i strany mira. 2011: stat. sb.* [Russia and the World Countries in 2011: Statistic Digest]. Rosstat, Moscow, 2012. 372 p.
7. Sidorova E. N., Tatarkin D. A. *Finansovyi potentsial regionov i ikh sotsial'no-ekonomicheskaya privilekatel'nost'* [Financial Potential of the Regions and Their Socio-Economic Attractiveness]. Ekaterinburg: Institut ekonomiki UrO RAN, 2013. 385 p.
8. *Struktura ispol'zovaniya denezhnykh dokhodov naseleniya v Sverdlovskoi oblasti: analiticheskii material Rosstata po Sverdlovskoi oblasti* [Structure of the Use of the Population Income in the Sverdlovsk Oblast: Analytical Material of Russian Statistics of the Sverdlovsk Oblast]. Available at: <http://www.fedstat.ru/indicator/data.do?id=31502&referrerType=0&referrerId=1292867>
9. *Society at a Glance 2011. OECD Social Indicators: Analytical Material of OECD.* Available at: <http://www.oecd.org/els/soc/societyataglance2011.htm>
10. *Society at a Glance 2014. OECD Social Indicators. The Crisis and Its Aftermath Analytical Material of OECD.* Available at: <http://www.oecd-ilibrary.org/docserver/download/8113171e.pdf?expires=1403171952&id=id&acname=guest&checksum=7357A8CE8F69299C776EEE5D1AF10B2C>

УДК 316.342(470.12) ББК 60.541.4(2Рос-4Вол)

© Соловьева Т.С., Шабунова А.А.

Средний класс в регионах СЗФО: возможности расширенного воспроизводства*

**Татьяна Сергеевна
СОЛОВЬЕВА**

младший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, sonnnata@bk.ru)

**Александра Анатольевна
ШАБУНОВА**

доктор экономических наук, доцент, заместитель директора, заведующий отделом, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, aas@vscc.ac.ru)

Аннотация. В современной экономической и социальной ситуации приоритетной задачей государства является поддержание постоянного инновационного развития всех сфер жизнедеятельности общества, вследствие чего особенно актуальным видится формирование среднего класса как гаранта стабильности общества за счёт таких качеств его представителей, как ответственность, высокая социальная активность, сознательность. Поэтому в изучении численности и структуры среднего класса в настоящее время состоит одна из основных целей современной социологии.

В данной статье на материалах социологических опросов населения Вологодской области и СЗФО 2008–2013 гг. проведено исследование среднего класса региона, рассмотрены подходы к его изучению и оценке масштабов, в соответствии с которыми предпринята попытка опреде-

* Работа выполнена в рамках проекта 4.9 «Вызовы модернизации: социокультурная стратификация и мобильность в регионах» ПФИ Президиума РАН №31 «Роль пространства в модернизации России: природный и социально-экономический потенциал».

ления его численности. Предложена внутренняя структура среднего класса региона, составлен портрет типичного представителя данной категории. Выявлено, что, вследствие ряда социально-экономических причин, социальная мобильность среднего класса региона является низкой, что ставит под угрозу достижение показателей его численности, определенных Стратегией социально-экономического развития Вологодской области на период до 2020 года.

Ключевые слова: социальная структура, средний класс, самоидентификация, социальная мобильность.

Социальное расслоение является одной из наиболее обсуждаемых и значимых проблем современной экономики. Социум представляет собой иерархично выстроенную структуру в виде пирамиды, состоящей из групп с более высокими статусами на вершине и более низкими статусами у основания. В обобщенном виде можно выделить три социальных слоя — верхний, средний и нижний, из которых средний видится наиболее значимым для развития общества и государства.

Многие исследователи придерживаются мнения, что именно средний класс может стать основой для продвижения (осуществления) модернизационных преобразований [6, 7, 9, 17], так как люди, его составляющие, обладают значительным креативным потенциалом, высокой социальной активностью, то есть характеристиками, играющими важную роль в формировании высококачественного человеческого капитала, необходимого для становления инновационной экономики. Средний класс объединяет в себе высококвалифицированные кадры, отличающиеся профессионализмом, имеющие стабильный доход, который они тратят на приобретение наилучших по соотношению цена/качество товаров и услуг, тем самым формируя своим спросом рынок и стимулируя развитие промышленности и сферы услуг. В то же время средний класс «является основным производителем и потребителем массовой, городской культуры, представляющей собой основу национальной культуры» [5].

Эксперты подчеркивают, что в основу формирования и развития сильного гражданского общества должна быть положена «государственная политика, связанная с укреплением позиций среднего класса, способного выступить гарантом стабильного и поступательного развития России, а также носителем ее инновационного потенциала. Темп экономических, политических, социальных преобразований в значительной мере будет зависеть и от возможно быстрого формирования основы любого развитого современного государства — среднего класса» [13].

Постоянное увеличение численности среднего класса, представительство которого к 2020 г. должно составить не менее 55–60% населения РФ, является одним из важных целевых ориентиров Концепции долгосрочного социально-экономического развития России до 2020 г. [12, с. 7]. На пути к модернизации российского общества актуальность исследований среднего класса определяется его возможностью выступить в качестве основы стабильного развития России и наращивания ее инновационного потенциала.

Обоснование необходимости формирования среднего класса многократно отмечалось в посланиях Президента России Федеральному Собранию РФ начиная с 1998 г. (табл. 1). В. Путин в своей программной статье, опубликованной перед выборами Президента РФ в 2012 г., указывал на то, что в России средний класс «должен расти дальше, стать большинством в обществе,

Таблица 1. Задачи и значение среднего класса в посланиях Президента России Федеральному Собранию РФ

Президент	Понимание важности формирования среднего класса
Б.Н. Ельцин	Масштабный и устойчивый средний класс – это основа гражданского общества и стабильности конституционного строя; задачи подъема страны и формирования среднего класса теснейшим образом взаимосвязаны, именно он в состоянии стать опорой и двигателем подъема российской экономики [Послание 1998].
В.В. Путин	Необходимо формирование среднего класса за счет роста малого и среднего бизнеса, который нуждается в государственной поддержке [Послание 2007].
Д.А. Медведев	«Идеальный» представитель среднего класса (имеется в виду идеал, к которому, по мнению Д.А. Медведева, необходимо стремиться в будущем), во многом схожий с представителем западного среднего класса. Это талантливый, критически мыслящий, проявляющий гражданскую активность, интеллектуально свободный, ответственный гражданин, который ценит общественную стабильность и уважает закон, может брать на себя ответственность за положение дел в своем поселке, городе, понимает, что только активная позиция приводит в движение тяжелую машину государственной бюрократии [Послание, 2009].
Источники: Послание Президента России Б.Н. Ельцина Федеральному Собранию РФ «Общими силами – к подъему России». 1998 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.intelros.org/lib/elzin/1998.htm (дата обращения: 24.03.2014); Послание Президента России В.В. Путина Федеральному Собранию РФ. 2007 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rg.ru/2007/04/27/poslanie.html (дата обращения: 24.03.2014); Послание Президента России Д.А. Медведева Федеральному Собранию РФ. 2009 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rg.ru/2009/11/13/poslanie-tekst.html (дата обращения: 24.03.2014).	

пополниться за счет тех, кто тащит на себе страну: врачей, учителей, инженеров, квалифицированных рабочих» [16].

Понимание важности среднего слоя, забота о его благополучии во многих развитых странах является приоритетным направлением государственной политики. В Послании 2013 г. Конгрессу США Б. Обама подчеркнул, что «главная долгосрочная задача нынешнего правительства США – это восстановление роли среднего класса как двигателя американской экономики» [21].

Президент Франции Ф. Олланд в своей предвыборной платформе предлагал «поднять Францию на ноги» путём создания инвестиционного общественного банка, финансирующего развитие малых и средних предприятий, содействующего экологической и энергетической конверсии промышленности, превращения малых и средних предприятий в экономический приоритет для Франции, оказания помощи новым технологиям и «цифровой экономики» [8], делая основную ставку на укрепление позиций среднего класса в стране.

Признание важной роли и понимание необходимости формирования и поддержки среднего класса, тем не менее, не помогло разработать четкий теоретико-методологический подход к оценке его масштабов.

Обратимся к сущности категории «средний класс». Формирование понятия «средний класс» имеет долгую историю, однако смысл, вкладываемый в него на разных этапах развития научного знания, менялся в зависимости от социально-экономических условий жизнедеятельности общества. Уже у Аристотеля можно обнаружить деление общества на три части, к которым он отнес богатых, неимущих и тех, кто посередине между ними. Он отмечал, что «то государство, где средний класс более многочислен и силен, чем другие два класса вместе взятые, наиболее стабильно и лучше управляемо» [2, с. 148-151]. Основные подходы к пониманию данной категории представлены в *таблице 2*.

Не менее сложной является задача идентификации данной страты. Существует несколько вариантов определения чис-

Таблица 2. Основные подходы к трактовке термина «средний класс»

Автор	Средний класс – это...
К. Маркс, В.И. Ленин, М.И. Туган-Барановский и др.	Социальная прослойка, находящаяся между двумя основными противоборствующими классами (буржуазией и пролетариатом).
М. Вебер	Статусная группа, формируемая жизненными шансами индивидов: их индивидуальными способностями (образованием, квалификацией, мировоззрением) и характеристиками образа жизни, способа получения образования и профессии.
Л. Уорнер, К. Дэвис, У. Мур, П. Сорокин	Элемент социальной структуры, выполняющий заданные этой структурой социальные функции (функции социального стабилизатора, проводника социальной мобильности, основного потребителя товаров и услуг, интегратора общественных интересов и пр.).
Дж. Голдторп, Д. Локвуд, Д. Груски	«Служебный класс» (профессионалы, менеджеры, администраторы), основными характеристиками которого являются умственный труд и доверие в служебных отношениях, а источниками его пополнения – шансы социальной мобильности и личные качества индивидов.
Е.М. Аврамова	Социальная группа, расположенная на пересечении основных идентификационных признаков, к которым относятся: материальное благосостояние, наличие высшего профессионального образования и социальной идентификации со средним слоем.
М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова, С.В. Мареева	Класс, для которого характерны «высокие социальные установки и практики потребления».
Источники: Маркс К., Энгельс Ф. Рабочий парламент // Сочинения. – 2-е изд. – 1958. – Т. 10. – С. 124; Вебер М. Основные понятия стратификации // Социологические исследования. – 1994. – № 5. – С. 169-183; Средний класс в современной России / отв. ред.: М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова; Ин-т социологии РАН. – М., 2008. – 320 с.; Warner L. What is Social Class in America. – New York, NY: Irvington Publishers, 1949; Тихонова Н.Е., Мареева С.В. Средний класс: теория и реальность. – М.: Альфа-М, 2009. – 320 с.; Средний класс в России: количественные и качественные оценки / авт. коллектив: Е.М. Аврамова, Л.М. Григорьев, Т.П. Космарская, Т.М. Малева (руководитель), М.В. Михайлюк, Л.Н. Овчарова, В.В. Радаев, М.Ю. Урнов // БЭА. – М.: ТЕИС, 2000. – 286 с.; Дэвис К., Мур У. Некоторые принципы стратификации // Социальная стратификация / отв. ред. С.А. Белановский. – Вып. 1. – М., 1992. – С. 160-177; Goldthorpe J., McKnight A. The economic basis of social class. – Sociology Working Papers. University of Oxford, 2003. – 245 p.	

ленности среднего класса, отличающихся содержанием используемых для оценки критериев. В разных странах эксперты идентифицируют средний класс по разным признакам, хотя во многом и схожим (табл. 3). На панельной сессии «Средний класс стран БРИКС набирает силу», проведенной в рамках Петербургского международного экономического форума-2013, главный экономист инвестиционной группы «Renaissance Capital» Чарльз Робертсон отметил, что «для представителей среднего класса независимо от страны их проживания характерно стремление к лучшим стандартам образования и здравоохранения. Кроме того, средний класс заинтересован в прозрачности отношений бизнеса и власти, а значит в борьбе с коррупцией» [19].

Таким образом, понятие «средний класс» характеризуется довольно широким

набором критериев, однако основой для отнесения индивида к определенной страте служит его материальное положение, уровень образования. Вместе с тем представители среднего класса должны обладать высокой степенью вовлеченности в общественную и культурную жизнь.

По нашему мнению, под средним классом следует понимать занятое, социально активное население с высшим и средним специальным образованием, отождествляющее себя со средним классом, обладающее существенным культурным капиталом и стабильным доходом, позволяющим удовлетворять широкий спектр потребностей.

Численность среднего класса в России в оценках экспертов колеблется в пределах от 3% («идеальный средний класс») до 30–60% («перспективный средний класс») в зависимости от метода оценки [1, с. 28–36].

Таблица 3. Сравнение критериев выделения среднего класса

Страна	Критерии выделения среднего класса	Количественные значения
Россия	<i>Высокий уровень профессионального образования</i> <i>Уровень дохода</i> Образцы (уровень) потребления Стиль жизни <i>Уровень самоидентификации</i>	> 6 прожиточных минимумов
Украина	<i>Уровень самоидентификации</i> <i>Уровень образования</i> <i>Материальное самочувствие</i> Характер занятости	1000 долл. в месяц
Белоруссия	Наличие собственности <i>Уровень дохода</i> <i>Уровень образования</i> Престиж профессии <i>Уровень самоидентификации</i> Образ жизни Система ценностей и менталитет	2–3 минимальных потребительских бюджета
Германия	<i>Уровень дохода</i> <i>Уровень образования</i> Профессиональная принадлежность	1130–2420 евро в месяц
Китай	<i>Уровень образования</i> <i>Уровень дохода</i> Профессиональная принадлежность	10–100 тыс. юаней
США	<i>Уровень дохода</i> <i>Уровень образования</i> <i>Уровень самоидентификации</i> Использование кредита	25–100 тыс. долл. в месяц

Источники: Соколова Г. Состояние и возможности развития среднего класса в Беларуси // Общество и экономика. – 2010. – № 7-8. – С. 199-218; Добрава Т.Г. Средний класс в Украине: субъективное восприятие и реальность // Вестник ОНУ им. И.И. Мечникова. – 2012. – Т. 17. – Вып. 2. – С. 67-75; Чжоу Сяохун. Чжунго чжунчань цзеци: сяньши ихо гоусян // Тяньцзинь шэжуй кэсюэ. – Тяньцзинь, 2006. – № 2. – С. 60-66; Григорьев Л., Салмина А., Кузина О. Российский средний класс: анализ структуры и финансового поведения. – М.: ЭконИнформ, 2009. – 148 с.; Доля среднего класса в Германии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.dw.de/dw/article/0,14772101.html (дата обращения: 24.03.2014); Who is the Middle Class? Retrieved on 2006-07-25 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pbs.org/now/politics/middleclassoverview.html> (дата обращения: 24.03.2014).

Наиболее часто для идентификации данной категории специалисты используют следующие критерии: материальное положение (доход, сбережения, собственность), уровень образования, профессиональный статус, культурные ценности и т.д.

За последние 10 лет доля среднего класса в составе населения России выросла с 29 до 42%. Исследователи Института социологии РАН в докладе «Средний класс в современной России: 10 лет спустя» отмечают, что почти две трети его составляют женщины, а основой являются чиновники. Средний класс в России можно считать сравнительно молодым и городским, так как в большинстве своем это люди в воз-

расте до 40 лет (60% его численности), проживающие в городах и мегаполисах. Представители среднего класса более уверенно чувствуют себя на рынке труда, однако их готовность инвестировать в свое образование и квалификацию в течение последних лет сокращается, что является общероссийской тенденцией [18]. Увеличение численности среднего класса (особенно той его части, которую составляет чиновничество) становится объяснимым, если учесть, что последние годы зарплата чиновников росла втрое быстрее, чем у остального населения. В итоге общий разрыв в доходах госслужащих и среднего россиянина стал почти трехкратным [11].

Поскольку одним из важных источников информации о среднем классе служат социологические исследования в регионах, дальнейшие рассуждения и выводы мы будем строить на результатах таких исследований, проведенных Институтом социально-экономического развития территорий РАН в Северо-Западном федеральном округе и в Вологодской области¹.

По данным опроса, выполненного ИСЭРТ РАН в 2013 году, значительная часть жителей регионов СЗФО относит себя к среднему слою (табл. 4). В масштабе «город/село → регион → страна» происходит заметное снижение удельного веса населения, соотносящего себя со средним слоем (от 42 до 59%), и увеличение значений показателей, характеризующих идентификацию населения с низшими слоями общества (от 5 до 13%).

Наиболее представительный для своей местности средний слой отмечен в республиках Коми (70%) и Карелия (67%), наименее – в Мурманской области (52%). В Вологодской области размер среднего слоя примерно равен среднеокружному –

56–58%. Представительство верхних социальных слоев (верхнего и выше среднего) наиболее широкое в Ленинградской области и г. Санкт-Петербурге (15–22%).

Следует также отметить, что доля не определившихся с отнесением себя к той или иной категории возрастает пропорционально размеру территории, в рамках которой производится самоидентификация (от 7% для своего населенного пункта до 15% в масштабе страны) [20].

Более точным представляется выделение среднего класса на основе пересечения нескольких критериев, например, по методике Л.А. Беляевой², с помощью данных о материальном достатке, самоидентификации, о профессиональном статусе и образовательном уровне населения (рис. 1).

В целом по СЗФО масштабы среднего класса составляют порядка 30%. Из общего ряда выбиваются Республика Карелия (около 40%), г. Санкт-Петербург (35%) и Псковская область (17%). Это обусловлено более высокими самооценкой материального положения и уровнем самоиден-

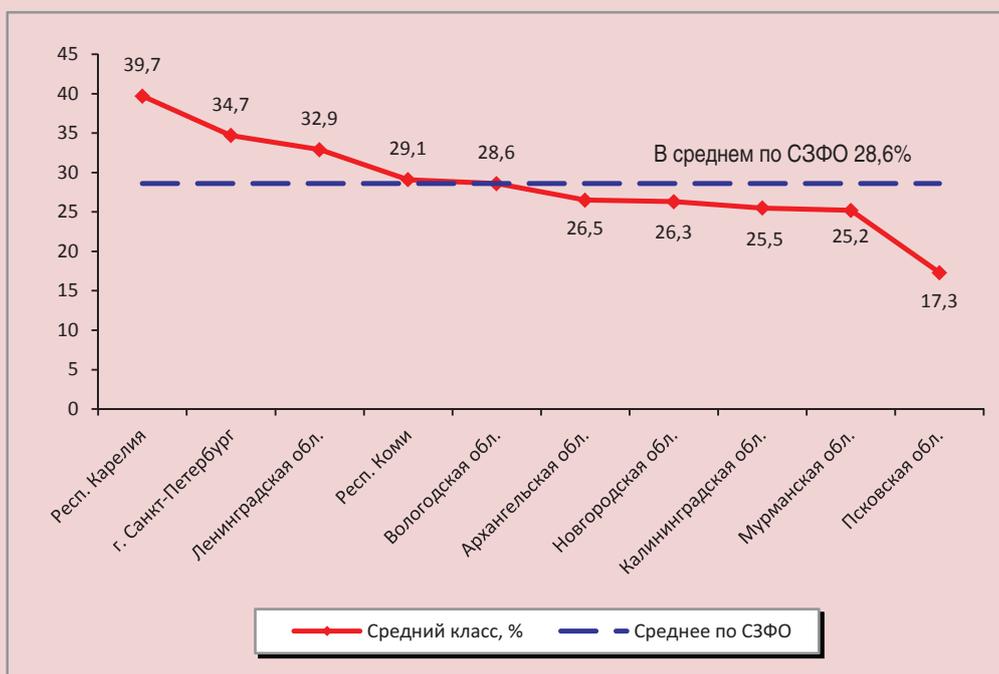
Таблица 4. Распределение ответов на вопрос: «К каким социальным слоям Вы относите себя: в своём городе (селе), в регионе и в масштабе своей страны?», СЗФО (в % от числа опрошенных)

Варианты ответов	В своём городе/ селе	В регионе	В стране
Верхний слой	1,7	0,9	0,9
Слой выше среднего	9,4	6,5	4,7
Средний слой	58,8	51,7	42,2
Слой ниже среднего	17,9	22,6	24,5
Нижний слой	5,0	6,9	13,2
Затрудняюсь ответить	7,2	11,5	14,6

¹ Выборочная совокупность – более 5000 человек в десяти регионах Северо-Западного федерального округа (Архангельская, Вологодская, Калининградская, Ленинградская, Мурманская, Новгородская, Псковская области, республики Карелия и Коми, г. Санкт-Петербург). Объем выборки по каждому региону составляет не менее 400 респондентов, что позволяет с высокой степенью достоверности (ошибка выборки не более 5% при доверительном интервале 95%) судить о ситуации в отдельно взятом регионе и осуществлять межрегиональные сопоставления.

² Согласно методике Л.А. Беляевой, для определения границ среднего класса и его размера в регионе используются три критерия: 1) самоидентификация со средним слоем общества; 2) материальный достаток на уровне обеспеченных и зажиточных; 3) уровень образования не ниже среднего специального. **Пересечение этих критериев позволяет выделить группу, которая может быть идентифицирована как средний класс.** Подробнее см.: Лапин Н.И., Беляева Л.А. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2010); Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: ИФРАН, 2010. – С. 60-61.

Рисунок 1. Представительство среднего класса в регионах СЗФО в 2013 г.

тификации со средним слоем в Карелии и Санкт-Петербурге и, соответственно, более низкими показателями в Псковской области.

Используя различные методологические подходы, каждый из которых предполагает определенный набор критериев, более подробно рассмотрим численность среднего класса на примере Вологодской области (табл. 5). Для расчётов были использованы данные опросов населения Вологодской области, проведенные ИСЭРТ РАН в 2010–2013 годах³.

³ Опросы проводятся ежегодно в городах Вологде, Череповце и 8 районах Вологодской области (Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском и Шекснинском). Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Объём выборочной совокупности составляет 1500 человек в возрасте 18 лет и старше. Выборка целенаправленная, квотная. Репрезентативность выборки обеспечена соблюдением следующих условий: пропорций между городским и сельским населением; пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города); половозрастной структуры взрослого населения области. Ошибка выборки не превышает 3%.

В зависимости от применяемой методики наполняемость среднего класса Вологодской области составляет от 0,1 до 50%, что в целом отвечает общероссийским данным [6]. В соответствии с первым подходом (отнесение себя к тому или иному социальному слою) около половины населения Вологодской области относит себя к среднему слою. Причем в масштабе «город/ село → регион → страна» происходит сокращение доли населения, соотносящего себя со средним слоем, и увеличение удельного веса населения, идентифицирующего себя с низшими слоями общества (табл. 6).

Показатели, полученные на основе мнения населения, как правило, имеют высокие значения, так как на достаточно сложный процесс социальной идентификации личности накладываются отпечаток социально-экономические условия жизни индивида. Большинство людей соотносят себя не столько со средним классом в классическом его понимании, сколько со средним экономическим слоем.

Таблица 5. Доля среднего класса в Вологодской области в соответствии с различными подходами (в % от числа опрошенных)

Подходы к оценке среднего класса и их критерии	Доля в %*		
	2010 г.	2012 г.	2013 г.
I. Критерий самоидентификации населения со средним классом	51	54	50
II. Критерии методики Л.А. Беляевой 1. Самоидентификация 2. Материальный достаток 3. Уровень образования (не ниже среднего специального)	30	25	29
III. Критерии Фонда Бюро экономического анализа (БЭА) 1. Материально-имущественное положение 2. Образовательно-профессиональный статус 3. Самоидентификация человека со средним классом	3,2	н.д.	3,5
IV. Критерии Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации 1. Среднедушевой доход свыше 6 прожиточных минимумов 2. Наличие автомобиля 3. Банковские сбережения 4. Возможность регулярного отдыха за границей	1	н.д.	1
V. Критерии Всероссийского центра уровня жизни 1. Высшее образование 2. Благоустроенное жилище двух видов (в городе и за городом) 3. Автомобиль 4. Половина дохода направляется на сбережение 5. Здоровый образ жизни 6. Возможность обеспечить детям высшее образование, необходимое лечение, стартовый капитал для приобретения жилья	0,1	н.д.	0,1
* Здесь и далее расчёты выполнены инженером-исследователем ИСЭРТ РАН А.Н. Гордиевской.			

Таблица 6. Распределение ответов на вопрос: «К каким социальным слоям Вы относите себя: в своём городе (селе), в регионе и в масштабе своей страны?», 2014 г. (в % от числа опрошенных)

Варианты ответов	Город / село	Регион	Страна
Верхний слой	0,7	0,5	0,7
Слой выше среднего	7,3	5,1	3,7
Средний слой	55,8	50,9	41,7
Слой ниже среднего	20,1	23,9	24,8
Нижний слой	6,1	6,3	12,7
Затрудняюсь ответить	10,1	13,2	16,5

Увеличив число индикаторов до трёх, а это самоидентификация, материальный достаток, уровень образования (не ниже среднего специального), получим численность среднего класса в Вологодской области: в масштабах населенного пункта – 29% населения, в масштабах региона – 27%; в масштабах страны – 21% (табл. 7). То есть с расширением масштабов от своего населенного пункта до

страны у людей уменьшается самоидентификация со средним слоем. Однако на протяжении последних пяти лет данный показатель в рамках каждой территории постоянно увеличивался, за исключением 2010 года, когда произошло резкое снижение самоидентификации населения со средним слоем в связи с последствиями мирового финансово-экономического кризиса.

Таблица 7. Динамика численности среднего класса в Вологодской области
(в % от числа опрошенных)

Год	Показатель		
	Город/село	Регион	Страна
2010	13,7	11,6	8,5
2012	24,5	23,5	17,7
2013	28,6	26,5	20,7

Таблица 8. Социально-демографические характеристики среднего класса
Вологодской области, 2008–2013 гг. (в % от числа опрошенных)

Социально-демографические характеристики	Средний класс			
	2008 г.	2010 г.	2012 г.	2013 г.
	21,1	13,7	24,5	28,6
Пол/возраст				
Мужчины до 30 лет	13,3	11,7	11,2	11,7
от 30 до 60 лет	26,6	25,4	22,4	23,8
старше 60 лет	4,4	4,4	7,3	6,1
Женщины до 30 лет	15,5	14,1	11,6	12,6
от 30 до 55 лет	32,0	33,7	31,7	28,7
старше 55 лет	8,2	10,7	15,8	17,2
Образование				
Среднее специальное (техникум и др.)	40,5	55,6	48,3	33,3
Незаконченное высшее (не менее 3 курсов вуза)	15,5	7,8	7,3	7,0
Высшее	41,5	35,1	42,1	59,7
Послевузовское (второе высшее, аспирантура и др.)	2,5	1,5	2,3	–
Тип поселения				
Город	83,0	74,2	72,2	83,0
Село	17,1	25,9	27,8	17,0

Расчёты по методикам, в которых учитывались более узкие критерии (наличие сбережений, автомобиля, образование не ниже высшего и т.д.), показали, что доля среднего класса в регионе не превышает 3%. Основным фактором, ограничивающим расширение данной категории, является низкий уровень доходов населения, что влечёт за собой низкий уровень сбережений и обеспеченности материальными благами, невозможность в полной мере удовлетворять потребности в отдыхе, развлечениях.

Средний класс в Вологодской области, в рамках своего населенного пункта, чаще представлен женщинами (табл. 8). Возрастной интервал соответствует 30–55 годам. Образование в основном высшее и послевузовское. Среди представителей среднего класса, как правило, больше семейных людей, большинство из которых живет в городах. Основной костяк среднего класса составляют люди «обеспеченные», не имеющие властного ресурса, получившие среднее и высшее профессиональное образование, удовлетворенные своей жизнью.

В целом полученный «социальный портрет» совпадает с данными Института социологии РАН, по оценкам которого типичный представитель российского среднего класса — это «молодая женщина-профессионал из крупного города, с высшим образованием, работающая по специальности, удовлетворенная своим социальным положением, доходом, карьерой и ростом возможностей для предпринимательства. Впрочем, доля предпринимателей среди российского среднего класса небольшая (как и в целом в стране)» [15].

За период 2008–2013 гг. в социально-демографической структуре среднего класса Вологодской области отмечены некоторые изменения (см. табл. 8). Во-первых, заметно увеличилась доля пенсионеров (2008 г. — 15%; 2013 г. — 23%), особенно женщин пенсионного возраста (в два раза). Во-вторых, в 1,5 раза увеличилась доля людей, имеющих высшее образование, и, соответственно, снизилось представительство лиц со средним специальным и незаконченным высшим образованием (в 1,2 и 2,2 раза).

В 2010 г. в ИСЭРТ РАН был разработан собственный алгоритм выявления пред-

ставителей среднего класса, включающий следующие критерии:

— среднемесячный доход 2,5 прожиточного минимума в расчёте на 1 человека (более 20 тыс. рублей для Вологодской области в VI квартале 2013 г.);

— самооценка доходов («денег достаточно для приобретения необходимых продуктов и одежды», «покупка товаров длительного пользования не вызывает трудностей»);

— уровень образования не ниже среднего специального;

— должностной статус (рабочий, специалист, руководитель) [10, с. 51].

Для определения состава среднего класса применен кластерный анализ методом К-средних, исключая итерации. В соответствии со всеми критериями из всего массива населения была выделена категория, составившая порядка 10% населения Вологодской области, разбитая на три подгруппы, схожих по определенным признакам, не выходящим за границы значений критерия, отделяющие один кластер от другого. В итоге образовались кластерные центры, показывающие преобладающие черты представителей каждой группы (табл. 9).

Таблица 9. Численность страт среднего класса и их кластерные центры в Вологодской области, 2008–2013 гг.

Критерий	Страты среднего класса		
	Нижний слой, «труженики»: 2008 г. — 33%; 2010 г. — 19,8%; 2013 г. — 28,2%	Средний слой, «интеллектуалы»: 2008 г. — 48%; 2010 г. — 69,3%; 2013 г. — 61,6%	Высший слой, «организаторы»: 2008 г. — 19%; 2010 г. — 10,9%; 2013 г. — 10,2%
1. Среднемесячный доход на 1 чел., руб.	20 – 25 тыс.	25 – 35 тыс.	35 – 65 тыс.
2. Оценка собственных доходов	Денег достаточно для приобретения необходимых продуктов и одежды	Покупка товаров длительного пользования не вызывает трудностей	Покупка товаров длительного пользования не вызывает трудностей
3. Уровень образования	Среднее специальное	Высшее	Высшее
4. Должностной статус	Рабочий	Специалист	Руководитель

Методика позволяет выделить в структуре среднего класса три страты:

1. Верхняя страта — «организаторы», составляющие около 10% от общей численности среднего класса. Представители данной группы имеют высшее образование, доход порядка 35–65 тыс. руб. на 1 человека, занимают руководящие должности. Как правило, это предприниматели, мужчины 30–60 лет, имеющие свое дело.

2. Самая представительная — средняя страта — «интеллектуалы» (62%), имеющие высшее образование, доход 25–35 тыс. руб., с достаточно высокой покупательной способностью. В основном это высококвалифицированные специалисты социальной сферы (врачи, учителя, журналисты и др.), инженерно-технические работники.

3. Нижняя страта, включающая в себя 28% населения, — «труженики». В её состав входят люди, имеющие среднее специальное образование, доход 20–25 тыс. руб., занятые преимущественно на производстве либо в сфере обслуживания.

В случае резкого ухудшения материального положения представители среднего класса в два раза чаще, чем все население в целом, выражают готовность больше работать. Кроме того, обеспеченность материальными благами у данной категории значительно выше, чем у населения в целом: в 2 раза больше людей имеют дачные участки и недвижимость, которой они могут распоряжаться, автомобили иностранного производства, а также сбережения. Для людей среднего класса характерен более высокий культурный капитал: они в 2–3 раза чаще посещают музеи, выставки, театры. Они регулярно занимаются спортом, поддерживают сбалансированное питание, в 2 раза чаще отдыхают за границей.

Как видно из таблицы 9, в Вологодской области под влиянием последствий мирового финансово-экономического кризиса произошло сокращение представитель-

ства верхнего слоя среднего класса (19% в 2008 г. против 10% в 2013 г.), увеличение наполнения слоя «интеллектуалов» (с 48% в 2008 г. до 62% в 2013 г.) при одновременном резком снижении численности «тружеников» (с 33% в 2008 г. до 20% в 2010 г.) и последующем ее росте в посткризисную фазу (до 28% в 2013 г.).

Исходя из вышеприведенного нами понимания категории «средний класс», заметим, что материальный достаток людей, входящих в него, должен позволять удовлетворять их насущные потребности, поэтому в число критериев оценки численности среднего класса мы добавили материальную возможность покупать продукты питания и оплачивать услуги. Однако включение данных критериев существенно не изменило внутреннюю структуру среднего класса Вологодской области.

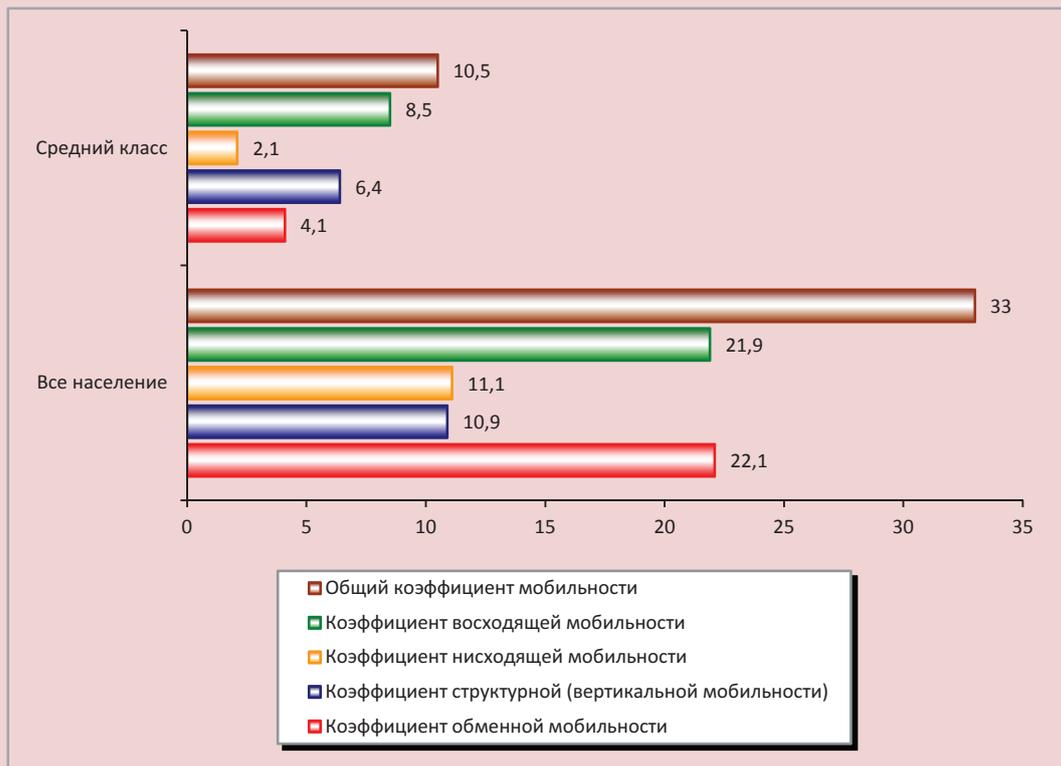
Таким образом, применение большего количества критериев значительно снижает представительство среднего класса в регионе — с 30% при использовании трёх параметров до 0,1% при увеличении количества характеристик до шести.

Социально-экономическая дифференциация нарушает однородность среднего класса, который дробится на отдельные подклассы в зависимости от материального уровня и социального положения индивидов. Высокий уровень неравенства эксперты часто связывают с более широкими возможностями социальной мобильности. В связи с этим оценивать масштабы среднего класса «необходимо в совокупности с показателями социальной мобильности, то есть возможностями перехода из одного класса в другой. Уменьшение проницаемости социальных границ является одной из первостепенных причин ухудшения положения среднего класса, поскольку иначе, сокращаясь, он не способен воспроизводиться за счет притока в него бедных слоев населения» [6, с. 19–28].

В 2013–2014 гг. в ИСЭРТ РАН было проведено исследование социальной стратификации и социальной мобильности населения СЗФО⁴, по результатам которого

видно, что уровень мобильности всего населения в три раза превосходит мобильность категории, относящейся к среднему классу (рис. 2).

Рисунок 2. Коэффициенты социальной мобильности населения Вологодской области

⁴ Исследование проводилось на материалах опроса населения регионов СЗФО во II квартале 2013 г. Объем выборочной совокупности составил 5113 человек.

Расчет общего коэффициента мобильности и вытекающих из него показателей производился по вопросу: «Отметьте изменения, произошедшие с Вашим социальным положением в обществе» (стало выше/ниже, не изменилось). Для измерения социальной мобильности применялась система следующих показателей:

1. Общий коэффициент мобильности равен отношению числа лиц, совершивших переходы к общей численности совокупности:

$$Q_0 = n_0 / N_0 * 100\%.$$

2. Показатель восходящей мобильности равен доле лиц, совершающих переходы с повышением социального статуса:

$$VP = \sum \sum N_{ij} / N_0; (i < j).$$

3. Показатель нисходящей мобильности равен доле лиц, совершивших переходы с понижением социального статуса:

$$Vn = \sum \sum N_{ij} / N_0; (i > j).$$

4. Показатель структурной (вертикальной) мобильности равен разности между показателями восходящей и нисходящей мобильности:

$$Cv = Vp - Vn.$$

5. Коэффициент обменной мобильности равен разности между общим коэффициентом мобильности и коэффициентом структурной (вертикальной) мобильности:

$$P_0 = Q_0 - Cv.$$

В целом стоит отметить, что социальная мобильность населения Вологодской области составляет 33%, что в среднем на 5–10% ниже, чем в большинстве регионов СЗФО (лидер – Республика Карелия – 47%). Для среднего класса Вологодской области, скорее всего, тот уровень социального положения, которого они достигли, на настоящий момент является «потолком», выше которого сложно подняться. В этом случае целесообразнее было бы говорить о мобильности внутри среднего класса – от верхних его групп к нижним и наоборот. Обменная мобильность показывает степень открытости группы – чем она меньше, тем группа более закрыта и доступ в нее затруднен [4, с. 205-212]. Данный показатель в страте среднего класса составляет всего 4%, что свидетельствует о её труднодоступности для перехода. Это вызывает опасения в отношении воспроизводства среднего класса и дальнейшего сокращения его численности.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что задача, поставленная в Стратегии социально-экономического развития Вологодской области на период до 2020 года, заключающаяся в увеличении доли среднего класса до 65% [14], – трудновыполнима. Для того чтобы повысить проницаемость границ среднего класса и уровень социальной мобильности, необходимо прежде всего снизить влияние факторов, сдерживающих перемещение людей из более низких страт в более высокие. Одним из главных «тормозов» роста среднего класса является низкий уровень доходов населения, который затрудняет доступность различных благ и удовлетворение потребностей индивидов. Кроме того, представителя среднего класса должен отличать высокий уровень культурного капитала, активный культурный досуг, отстаивание социально-политических позиций, наличие достижительных мотиваций, индивидуальная свобода и т.д.

Влияние ограничительных факторов приводит к тому, что социальные лифты работают только в отношении состоятельных или же очень одаренных людей, а для остального населения снижается уровень реального благосостояния и, соответственно, возможность перехода в более высокий социальный слой.

Таким образом, в России и СЗФО в частности средний класс как таковой в настоящее время слабо сформирован. Тем не менее в социальной структуре территориального сообщества присутствует прослойка людей (около 29%), которая отвечает тем или иным требованиям, позволяющим отнести их к среднему классу, хотя она очень неоднородна по своему составу, но при определенных условиях может стать основой для формирования крепкого среднего класса.

Для обособления категории «средний класс» в классическом её понимании в России в первую очередь необходимо преодолеть значительный разрыв между бедными и богатыми. Это возможно осуществить путём проведения следующих мероприятий в области социальной политики:

- уменьшение разрыва между сверхнизкими и сверхвысокими доходами;
- увеличение реального располагаемого дохода и минимального размера оплаты труда;
- повышение прожиточного минимума до уровня стоимости реальной потребительской корзины;
- разработка государственных механизмов регулирования цен на квартиры экономкласса и повышение доступности ипотеки для всех слоёв населения;
- введение прогрессивной шкалы налогообложения.

Однако одного повышения доходов недостаточно, требуется обеспечение доступа к качественному профессиональному

образованию, укрепление позиций малого и среднего бизнеса. Последнее возможно за счет перераспределения чистого продукта с помощью введения максимальной (предельной) нормы прибыли; введения норматива разделения прироста чистого дохода от бизнеса на прирост заработной платы и прирост прибыли; установления нормативных фондов оплаты труда, в том числе через установление в тарифных соглашениях и коллективных договорах социальных стандартов оплаты труда работников базовых профессий и др. [3].

Существенное значение в формировании среднего класса имеет социально-трудовая мобильность. Однако её повышению препятствуют неразвитость рынка жилья,

несовершенство системы жилищного кредитования и пенсионной системы (отсутствие крупного пенсионного капитала), институт регистрации и т.д. Для решения этих проблем необходимо снизить барьеры для мобильности населения: повысить эффективность функционирования образовательной системы, диверсифицировать производство, оптимизировать бюджетную сферу, стимулировать пенсионные накопления, развивать институты гражданского общества, т.е. проводить эффективную социально-экономическую политику. Только тогда у людей из более низких слоёв появится возможность «вступить» в средний класс, а у людей, относящихся к среднему слою, – стать полноценным средним классом.

Литература

1. Аврамова, Е.М. Средний класс эпохи Путина [Текст] / Е.М. Аврамова // *Общественные науки и современность*. – 2008. – № 1. – С. 28–36.
2. Аристотель. Политика [Текст] : монография / Аристотель. – М., 1997. – С. 148–151.
3. Бобков, В.Н. Кризис образования и науки в России – главный тормоз в ее переходе на стратегию инновационного развития / В.Н. Бобков, А.И. Субетто. – Кострома: КГУ им. Некрасова, 2010. – С. 25–31.
4. Буланова, М.А. Социальная мобильность работающей молодежи региона: социологический анализ [Текст] / М.А. Буланова // *Власть и управление на Востоке России*. – 2011. – № 3. – С. 205–212.
5. Гавров, С.Н. Социокультурная традиция и модернизация российского общества / С.Н. Гавров. – М.: МГУКИ, 2002. – 146 с.
6. Григорьев, Л. Российский средний класс: анализ структуры и финансового поведения. [Текст] / Л. Григорьев, А. Салмина, О. Кузина. – М.: ЭконИнформ, 2009. – 148 с.
7. Кузнецова, Е. Средний класс: западные концепции [Текст] / Е. Кузнецова // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2009. – № 2. – С. 19–28.
8. Коврыжко, В.В. Модернизационный вектор посткризисного развития российской экономики [Текст]: дис. на соиск. уч. ст. канд. экон. наук: 08.00.01 / В.В. Коврыжко. – Ростов-на-Дону, 2010. – 207 с.
9. Костюк, Р. Франсуа Олланд взял на себя обязательства перед Францией [Электронный ресурс] / Р. Костюк. – Режим доступа: <http://www.sensusnovus.ru/analytics/2012/02/09/12723.html> (дата обращения: 24.04.2014).
10. Модернизация России: условия, предпосылки, шансы: сборник статей и материалов. – Выпуск 2 / под ред. В.Л. Иноземцевой. – М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2009. – 272 с.
11. Модернизация экономики региона: социокультурные аспекты [Текст]: монография / А.А. Шабунова, К.А. Гулин, М.А. Ласточкина, Т.С. Соловьева. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2012. – С. 51.
12. Новиков, В. Почему министр должен получать как машинист асфальтоукладчика? / В. Новиков // *Невское время*. – 2013. – 21 ноября.
13. О концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года // *Собрание законодательства РФ*. – 2008. – № 47. – 24 ноября.
14. Орехова, И.М. Средний класс: проблемы самоидентификации [Текст] / И.М. Орехова // *Теория и практика общественного развития*. – 2011. – № 8. – С. 63–66 и др.

15. Осипов, Г.В. Социология и государственность (достижения, проблемы, решения) / Г.В. Осипов, В.Н. Кузнецов. – М.: Вече, 2005. – 568 с.
16. О стратегии развития социально-экономического развития Вологодской области на период до 2020 года: постановление Правительства Вологодской области от 28.06.2010 № 739 // Красный Север. – 2010. – № 95. – 28 авг.
17. Проценко, А. Средний класс и «дети бюджета» / А. Проценко // Труд. – 2014. – № 072. – 27 мая.
18. Путин, В.В. Россия сосредотачивается: вызовы, на которые мы должны ответить / В.В. Путин // Известия. – 2012. – 16 января.
19. Сенчагов, В.К. Экономическая безопасность России: Общий курс: учебник / под ред. В.К. Сенчагова. – 2-е изд. – М.: Дело, 2005. – 896 с.
20. Средний класс в современной России: 10 лет спустя / отв. ред. М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова; Ин-т социологии РАН. – М., 2014. – 221 с.
21. Добрынина, Е. Почему наш средний класс никак не может озолотиться или забронзоветь / Е. Добрынина // Российская газета. – 2014. – № 6393. – 30 мая.
22. Средний класс стран БРИКС: проблемы в настоящем и будущем [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dw.de> (дата обращения: 24.04.2014).
23. Соловьева, Т.С. Социальное самочувствие среднего класса в региональном социуме [Электронный ресурс] / Т.С. Соловьева // Современные научные исследования и инновации. – 2014. – № 6. – Июнь. – URL: <http://web.snauka.ru/issues/2014/06/34642> (дата обращения: 03.06.2014).
24. Соловьева, Т.С. Стратификация и социальная мобильность населения в регионах СЗФО: предварительные результаты исследования [Текст] / А.А. Шабунова, М.А. Ласточкина, Т.С. Соловьева // Сборник научных докладов и сообщений Ученого совета ИСЭРТ РАН. – Вып. 9. – Вологда, 2014. – С. 59-136.
25. Obama Pledges Push to Lift Economy for Middle Class [Электронный ресурс]. – The New York Times. – 2013. – 13 February. – Режим доступа: <http://www.nytimes.com/2013/02/13/us/politics/obama-delivers-state-of-the-union-address.html> (дата обращения: 25.04.2014).
26. Who is the Middle Class? Retrieved on 2006-07-25 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pbs.org/now/politics/middleclassoverview.html> (дата обращения: 24.04.2014).

Solov'eva T.S., Shabunova A.A.

Middle class in the regions of the Northwestern Federal District: expanded reproduction capabilities

Tat'yana Sergeevna Solov'eva – Junior Research Associate, Federal State-Financed Scientific Institution the Institute of Socio-Economic Development of Territories of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russia, sonnnata@bk.ru)

Aleksandra Anatol'evna Shabunova – Doctor of Economics, Associate Professor, Deputy Director, Head of the Department, Federal State-Financed Scientific Institution the Institute of Socio-Economic Development of Territories of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russia, aas@vscc.ac.ru)

Abstract. The priority of the government policy in the current economic and social situation is to maintain constant innovation development in all social spheres; therefore, the formation of middle class as the guarantee of social stability appears to be particularly relevant due to certain characteristic features of middle class representatives. These features include responsibility, high social activity and consciousness. Therefore, research into the size and structure of middle class is one of the main goals of modern sociology.

The article analyses the middle class in the region on the basis of sociological surveys conducted in 2008–2013 in the Vologda Oblast and in the Northwestern Federal District. The authors present approaches to studying and assessing the middle class, and make an attempt to determine its size. The article proposes an internal structure of the middle class in the region and draws a portrait of a typical representative of this

category. The authors have found out that social mobility of the middle class in the region is low due to a number of socio-economic factors; this fact hampers the growth of the middle class up to the quantity determined in the Strategy for Socio-Economic Development of the Vologda Oblast for the Period up to 2020.

Key words: social structure, middle class, self-identification, social mobility.

References

1. Avramova E.M. Srednii klass epokhi Putina [A Middle Class of the Putin Era]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity], 2008, no.1, pp. 28-36.
2. Aristotle. *Politika: Monografiya* [Politics: Monograph]. Moscow, 1997. Pp. 148-151.
3. Bobkov V.N., Subetto A.I. *Krizis obrazovaniya i nauki v Rossii – glavnyi tormoz v ee perekhode na strategiyu innovatsionnogo razvitiya* [Crisis of Education and Science in Russia – the Main Obstacle in its Transition to Innovation Development Strategy]. Kostroma: KGU im. Nekrasova, 2010. Pp. 25-31.
4. Bulanova M.A. Sotsial'naya mobil'nost' rabotayushchei molodezhi regiona: sotsiologicheskii analiz [Social Mobility of Employed Youth in the Region: Sociological Analysis]. *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], 2011, no.3, pp. 205-212.
5. Gavrov S.N. *Sotsiokul'turnaya traditsiya i modernizatsiya rossiiskogo obshchestva* [Socio-Cultural Tradition and Modernization of Russian Society]. Moscow: MGUKI, 2002. 146 p.
6. Grigor'ev L., Salmina A., Kuzina O. *Rossiiskii srednii klass: analiz struktury i finansovogo povedeniya* [Russian Middle Class: Analysis of the Structure and Financial Behavior]. Moscow: EkonInform, 2009. 148 p.
7. Kuznetsova E. Srednii klass: zapadnye kontseptsii [Middle Class: Wesnert Concepts]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 2009, no.2, pp. 19-28.
8. Kovryzhko V.V. *Modernizatsionnyi vektor postkrizisnogo razvitiya rossiiskoi ekonomiki: dis. na soisk. uch. st. kand. ekon. nauk: 08.00.01* [Modernization Vector of Post-Crisis Development of the Russian Economy: Ph.D. in Economics Thesis Abstract]. Rostov-on-Don, 2010. 207 p.
9. Kostyuk R. *Fransua Olland vzyal na sebya obyazatel'stva pered Frantsiei* [Francois Hollande Has Assumed Obligations to France]. Available at: <http://www.sensusnovus.ru/analytics/2012/02/09/12723.html> (accessed April 24, 2014).
10. *Modernizatsiya Rossii: usloviya, predposylki, shansy: sbornik statei i materialov. – Vypusk 2* [Modernization of Russia: Conditions, Prerequisites, Chances: Collection of Articles and Materials. Issue 2]. Ed. by V.L. Inozemtseva. Moscow: Tsentr issledovaniy postindustrial'nogo obshchestva, 2009. 272 p.
11. Shabunova A.A., Gulin K.A., Lastochkina M.A., Solov'eva T.S. *Modernizatsiya ekonomiki regiona: sotsiokul'turnye aspekty: monografiya* [Modernization of the Region's Economy: Socio-Cultural Aspects: Monograph]. Vologda: ISERT RAN, 2012. P. 51.
12. Novikov V. Pochemu ministr dolzhen poluchat' kak mashinist asfal'toukladchika? [Why Should a Minister's Income Be Equal to That of an Operator of an Automatic Paving Machine]. *Nevskoe vremya* [The Neva Time], 2013, November 21.
13. O kontseptsii dolgosrochnogo sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii na period do 2020 goda [On the Concept of Long-Term Socio-Economic Development of the Russian Federation for the Period up to 2020]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected Legislation of the Russian Federation], 2008, no.47, November 24.
14. Orekhova I.M. Srednii klass: problemy samoidentifikatsii [Middle Class: Problems of Self-Identification]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and Practice of Social Development], 2011, no.8. pp. 63-66 etc.
15. Osipov G.V., Kuznetsov V.N. *Sotsiologiya i gosudarstvennost' (dostizheniya, problemy, resheniya)* [Sociology and Statehood (Achievements, Problems, Solutions)]. Moscow: Veche, 2005. 568 p.
16. O strategii razvitiya sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Vologodskoi oblasti na period do 2020 goda: postanovlenie Pravitel'stva Vologodskoi oblasti ot 28.06.2010 № 739 [About the Strategy for Socio-Economic Development of the Vologda Oblast for the Period up to 2020: Resolution of the Vologda Oblast Government of June 28, 2010 No. 739]. *Krasnyi Sever* [The Red North], 2010, no.95, August 28.
17. Protsenko A. Srednii klass i "deti byudzhet" [Middle Class and "Children of the Budget"]. *Trud* [Labor], 2014, no.072, May 27.

18. Putin V.V. Rossiya sosredotachivaetsya: vyzovy, na kotorye my dolzhny otvetit' [Russia Muscles Up – the Challenges We Must Rise to Face]. *Izvestiya* [The News], 2012, January 16.
19. Senchagov V.K. *Ekonomicheskaya bezopasnost' Rossii: Obshchii kurs: uchebnik* [Economic Security of Russia: General Course: Textbook]. Ed. by V.K. Senchagov. 2nd edition. Moscow: Delo, 2005. 896 p.
20. *Srednii klass v sovremennoi Rossii: 10 let spustya* [The Middle Class in Contemporary Russia: 10 Years Later]. Executive Editors: M.K. Gorshkov, N.E. Tikhonova; In-t sotsiologii RAN. Moscow, 2014. 221 p.
21. Dobrynina E. *Pochemu nash srednii klass nikak ne mozhet ozolotit'sya ili zabronzovet'* [Why Can't Our Middle Class Make a Fortune or at least a decent Living]. *Rossiiskaya gazeta* [The Russian Newspaper], 2014, no.6393, May 30.
22. *Srednii klass stran BRIKS: problemy v nastoyashchem i budushchem* [The Middle Class in the BRICS Countries: Problems in the Present and Future]. Available at: <http://www.dw.de> (accessed April 24, 2014).
23. Solov'eva T.S. Sotsial'noe samochuvstvie srednego klassa v regional'nom sotsiume [Social Well-Being of the Middle Class in the Regional Society]. *Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovatsii* [Modern Scientific Research and Innovation], 2014, no.6, June. Available at: <http://web.snauka.ru/issues/2014/06/34642> (accessed June 03, 2014).
24. Shabunova A.A., Lastochkina M.A., Solov'eva T.S. Stratifikatsiya i sotsial'naya mobil'nost' naseleniya v regionakh SZFO: predvaritel'nye rezul'taty issledovaniya [Stratification and Social Mobility of the Population in the Regions of the NWF: Preliminary Results of a Study]. *Sbornik nauchnykh dokladov i soobshchenii Uchenogo soveta ISERT RAN* [Collection of Scientific Papers and Reports of ISEDT RAS Academic Council]. Issue 9. Vologda, 2014. Pp. 59-136.
25. Obama Pledges Push to Lift Economy for Middle Class. *The New York Times*, 2013, February 13. Available at: <http://www.nytimes.com/2013/02/13/us/politics/obama-delivers-state-of-the-union-address.html> (accessed April 25, 2014).
26. *Who is the Middle Class?* Available at: <http://www.pbs.org/now/politics/middleclassoverview.html> (accessed April 24, 2014).

УДК 314.5/.6(470-17), ББК 60.7(21)

© Попова Л.А., Барашкова А.С.

Развитие брачно-семейных отношений в северных регионах России*

**Лариса Алексеевна
ПОПОВА**

доктор экономических наук, доцент, зам. директора по научной работе,
Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми
научного центра Уральского отделения Российской академии наук (167982,
г. Сыктывкар, ГСП-2, ул. Коммунистическая, д. 26, popova@iespn.komisc.ru)

**Анастасия Спиридоновна
БАРАШКОВА**

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт региональной экономики Севера
Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Амосова
(677891, г. Якутск, ул. Петровского, д. 2, asbarashkova52@mail.ru)

Аннотация. В статье рассмотрены закономерности современного демографического развития северных регионов России. Раскрыто своеобразие динамики процессов брачности на Севере в послевоенный период и особенности брачно-семейных отношений в настоящее время. Более подробно проанализирована ситуация в двух крупных северных республиках: Республике Коми и Республике Саха (Якутия). Выявлены факторы, определившие значительное снижение брачности населения в 1990-х годах и относительную нормализацию брачно-семейных процессов в последние годы. Обозначены основные направления демографической политики в северных регионах.

Ключевые слова: северные регионы, воспроизводство населения, брачно-семейные отношения, уровень и структура брачности, демографическая политика.

* Статья подготовлена в рамках проекта конкурсных программ межрегиональных и межведомственных фундаментальных исследований УрО РАН «Демографическое развитие северных регионов России в условиях социально-экономической трансформации» (№ 12-С-7-1009).

В демографических исследованиях основное внимание традиционно уделяется процессам рождаемости и смертности. В то же время изучение закономерностей развития брачно-семейных отношений также является неотъемлемой частью демографического анализа: движение семьи включается в расширительную трактовку понятия «воспроизводство населения». Наличие тех или иных форм брака и семьи, а следовательно, отношений между мужчиной и женщиной, между супругами, между родителями и детьми обеспечивает устойчивость процесса воспроизводства населения и непрерывное его возобновление [1, с. 100]. Кроме того, все демографические процессы взаимосвязаны и взаимообусловлены. Тенденции развития брачно-семейных отношений во многом влияют не только на показатели рождаемости, но и на уровень смертности и степень миграционной подвижности населения.

В условиях затяжного демографического кризиса, из которого страна только-только выходит, но уже стоит на пороге очередного структурного понижения уровня рождаемости, исследование современной региональной специфики брачного поведения населения представляет несомненный интерес. В данной статье будут рассмотрены особенности развития брачно-семейных отношений в северных регионах России (субъектах федерации, территории которых целиком относятся к районам Крайнего Севера и приравненным к ним местностям). Более подробно будет проанализирована ситуация в двух крупных национальных республиках – Коми и Саха (Якутия), которые, с одной стороны, характеризуются рядом общих для Севера закономерностей демографического развития, а с другой – отличаются собственной спецификой, во многом обусловленной этническим составом населения и степенью завершенности демографического перехода у титульных этносов республик.

К общим для Севера закономерностям современного демографического развития следует прежде всего отнести значительные объемы убыли населения, обусловленные масштабным миграционным оттоком на протяжении последних двух с половиной десятилетий, и более высокие в связи с этим темпы постарения пока еще более молодого населения зоны Севера [2].

Процессы естественного движения населения северных территорий также заслуживают очень неоднозначной оценки, несмотря на кажущуюся относительную благополучность, которая находит отражение непосредственно в характере и динамике показателя естественного прироста в этих регионах в период российского демографического кризиса. В некоторых северных субъектах федерации естественная убыль населения началась несколько позже, чем по России в целом, и раньше завершилась. Например, в Республике Коми естественная убыль впервые была отмечена в 1993 г., на год позже, чем в целом по стране. А в 2011 г., наоборот, на год раньше, чем в России, в Коми был зафиксирован положительный естественный прирост, в городской местности республики – еще в 2008 г. При этом в депопуляционных северных регионах величина общего коэффициента естественной убыли, как правило, была заметно меньше среднероссийского уровня, исключение составляли только Республика Карелия и Архангельская область.

В некоторых северных регионах лишь отдельные территории со временем оказались охвачены естественной убылью. Например, в Республике Саха (Якутия) депопуляция впервые была отмечена в 1993 г. в Алданском и в 1995 г. в Усть-Майском улусах, а к 2006 г. она охватила восемь улусов из 35 [3]. И наконец, в ряде северных регионов на протяжении всего периода российской депопуляции сохранялся устойчивый естественный прирост. В Северо-

Таблица 1. Удельный вес населения моложе трудоспособного возраста и в трудоспособном возрасте в составе населения северных регионов России, по данным переписей населения, % [4; 5; 6]

Регион	1989 г.		2002 г.		2010 г.	
	Моложе трудоспособного возраста	В трудоспособном возрасте	Моложе трудоспособного возраста	В трудоспособном возрасте	Моложе трудоспособного возраста	В трудоспособном возрасте
Российская Федерация	24,5	57,0	18,1	61,3	16,2	61,6
Европейский Север						
Республика Карелия	25,6	58,4	18,0	62,9	16,0	61,2
Республика Коми	28,0	62,1	19,8	66,1	17,7	64,7
Архангельская область	26,6	58,0	18,7	62,7	16,7	61,6
в том числе Ненецкий АО	30,9	61,4	25,4	63,0	22,7	63,0
Мурманская область	27,4	64,0	18,1	68,4	16,2	65,5
Азиатский Север						
Ханты-Мансийский АО	33,2	63,3	22,8	70,4	20,4	69,0
Ямало-Ненецкий АО	32,8	65,2	24,9	70,5	22,0	70,2
Республика Тыва	37,3	54,9	33,9	59,8	30,5	59,7
Республика Саха (Якутия)	32,5	61,0	26,5	63,5	23,3	64,0
Камчатский край	28,2	66,5	18,8	68,9	17,1	65,6
Магаданская область	29,4	66,9	19,1	69,8	16,8	66,5
Сахалинская область	27,2	62,7	18,6	66,5	16,7	63,7
Чукотский АО	30,6	67,5	23,2	70,1	22,4	67,3

Западном федеральном округе это Ненецкий автономный округ Архангельской области. В Уральском ФО – Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа. В Сибирском ФО – Республика Тыва¹. В Дальневосточном ФО устойчивый естественный прирост характерен для Республики Саха (Якутия) в целом и Чукотского автономного округа, а с 2007 г. – для Камчатского края. В Республике Коми также есть территория, на которой в течение всего периода депопуляции сохранялся естественный прирост, – это городской округ Усинск.

В основе более позднего проявления и меньших масштабов естественной убыли

населения на Севере, а также сохранения на всем протяжении периода российской депопуляции положительного естественного прироста в ряде северных территорий лежат несколько причин.

Во-первых, это характерная для Севера более молодая возрастная структура населения (табл. 1), сохранение которой в условиях многолетнего отрицательного сальдо миграции объясняется не только накопленным в результате длительного миграционного притока возрастным потенциалом населения и различающимся по возрастному составу потокам по прибытию и по выбытию, но и относительно высокими уровнями рождаемости коренных народов Севера. При прочих равных условиях молодая возрастная структура обуславливает сравнительно более высокий общий коэффициент рождаемости и низкий – смертности. Поэтому повышенная величина общего

¹ К сожалению, нет возможности проанализировать ситуацию по Таймырскому (Долгано-Ненецкому) и Эвенкийскому автономным округам, поскольку демографическая информация по Красноярскому краю в последние годы дается лишь в целом по субъекту.

коэффициента смертности в Республике Карелия и Архангельской области, также характеризующихся молодой структурой населения, уже на уровне общих коэффициентов демонстрирует значительное неблагополучие в процессах смертности в этих регионах. При этом Карелия с 2003 г. отличается и пониженным общим коэффициентом рождаемости, т.е. существенные масштабы естественной убыли в период депопуляции здесь были обусловлены как смертностью, так и рождаемостью.

Во-вторых, это непосредственно сохранение у большинства коренных северных этносов повышенных уровней рождаемости по причине незавершенности демографического перехода: практически все регионы с положительным естественным приростом — это автономии с заметным процентом представителей коренных народов Севера.

В-третьих, это «вывоз смертности» с Севера в южные районы. В наибольшей степени он характерен для территорий с ресурсно-сырьевой направленностью экономики. Именно это обстоятельство прежде всего обуславливает повышенные показатели ожидаемой продолжительности жизни населения Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов, а также Усинского района Республики Коми, которые обеспечиваются как невысокой смертностью мужчин трудоспособного возраста от эндогенных причин вследствие их значительной территориальной ротации, так и низким вкладом смертности населения старших возрастов, в значительной степени покидающих Север. Для всех остальных северных территорий характерны более низкие значения продолжительности жизни населения, чем по России в целом.

Таким образом, меньшая глубина демографического кризиса на Севере России носит формальный характер, обусловленный молодой возрастной структурой

населения, незавершенностью демографического перехода у коренных народов Севера и «вывозом смертности» в южные регионы. В действительности же северные регионы отличаются большим неблагополучием ситуации в демографической сфере. К числу наиболее острых демографических проблем северных территорий относятся низкий уровень продолжительности жизни населения, особенно мужчин и особенно в сельской местности; молодая возрастная структура умирающих и значительная доля смертности от внешних причин и болезней экзогенной этиологии; низкий уровень рождаемости в традиционно русских северных областях и территориях с завершенным демографическим переходом у коренных этносов; взаимосвязь незавершенности демографического перехода у коренных народов Севера с неблагоприятными качественными характеристиками рождаемости (в частности, со значительным процентом внебрачных рождений) и высоким уровнем младенческой смертности [7].

Неблагоприятно можно оценить на Севере и брачно-семейные отношения в целом. Благодаря более молодой возрастной структуре с повышенным процентом населения в трудоспособном возрасте, который одновременно является и возрастом брачной активности, для северных регионов, как правило, характерен повышенный общий коэффициент брачности (табл. 2). Однако в некоторых территориях (например, в Республике Коми, Ненецком автономном округе, Республике Саха (Якутия)) уровень брачности в последние годы ненамного превышает среднероссийский уровень, а зачастую бывает и ниже. В Республике Карелия и Архангельской области общий коэффициент брачности стабильно ниже среднего по стране показателя. А в Республике Тыва его величина ниже среднероссийского уровня уже весьма существенно. С одной стороны, это

Таблица 2. Динамика общего коэффициента брачности населения северных территорий Российской Федерации в 2000–2011 гг., браков на 1000 человек населения [9; 10]

Регион	Год											
	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Российская Федерация	6,2	6,9	7,1	7,6	6,8	7,5	7,8	8,9	8,3	8,5	8,5	9
Европейский Север												
Республика Карелия	6,0	6,4	6,8	7,0	6,7	7,2	7,7	8,4	8,5	8,3	8,8	9
Республика Коми	5,7	7,3	7,3	7,7	6,2	7,5	7,7	8,7	8,0	8,6	9,0	10
Архангельская область	5,2	6,4	6,6	7,3	6,0	7,5	7,6	8,9	7,9	8,4	8,9	9
<i>в том числе</i>												
<i>Ненецкий АО</i>	6,2	7,0	7,3	6,9	5,1	6,3	7,6	8,9	8,4	8,0	8,1	8
Мурманская область	7,0	7,9	7,9	8,7	7,4	8,4	8,5	9,3	8,6	8,9	9,3	9
Азиатский Север												
Ханты-Мансийский АО	8,7	10,8	10,4	10,0	8,4	9,7	10,5	11,5	10,6	10,7	11,3	12
Ямало-Ненецкий АО	8,4	9,9	9,9	10,1	8,6	9,2	8,9	10,1	8,8	9,4	9,8	10
Республика Тыва	3,7	4,9	5,4	6,6	5,2	5,3	5,6	8,7	8,7	8,5	6,8	7
Республика Саха (Якутия)	6,1	7,7	7,8	8,2	6,8	7,4	7,4	8,4	7,8	8,5	8,7	9
Камчатский край	7,1	8,0	8,5	8,7	7,5	8,9	9,0	9,6	9,5	10,1	10,3	10
Магаданская область	7,4	8,3	8,9	9,0	7,4	8,8	9,1	10,0	9,8	9,5	9,6	10
Сахалинская область	6,2	6,9	7,6	8,0	7,2	8,2	8,8	9,7	9,6	9,7	9,9	9
Чукотский АО	6,9	7,8	9,7	9,3	9,5	10,0	9,7	10,0	9,7	10,1	9,1	7

обусловлено тем, что, в отличие от остальных территорий, относящихся к районам Крайнего Севера и приравненным к ним местностям, для молодой возрастной структуры населения Тывы (с высоким процентом детских возрастов) характерен относительно невысокий, ниже среднего по стране, удельный вес населения в трудоспособном возрасте (см. табл. 1). Но, кроме того, низкий общий коэффициент брачности коррелирует здесь с максимально высоким процентом внебрачных рождений, более чем в два раза превышающим средний по стране уровень, и низким уровнем общего коэффициента разводимости. Очевидно, что в этом регионе весьма сильно проявляются особенности брачно-семейного поведения коренного населения, оказывающие негативное влияние на уровень официальной регламентации брачных отношений.

Тенденции брачных процессов в северных регионах достаточно близки к общероссийским, но с некоторым отставанием по времени. В среднем по стране снижение уровня брачности началось почти сразу после войны, после существенного, но очень непродолжительного компенсационного подъема. В 1946 г. общий коэффициент брачности населения России вдвое превысил довоенную величину, однако в условиях чудовищного послевоенного дисбаланса полов уже со следующего года в брачных процессах наступил спад [8, с. 18–20]. В северных регионах в это время сложилась принципиально иная ситуация. Необходимость вовлечения в хозяйственный оборот природных богатств и в довоенный период обуславливала приток населения на Север. Однако в первое послевоенное десятилетие объемы миграционного прироста оказались небывалыми. И поскольку в составе

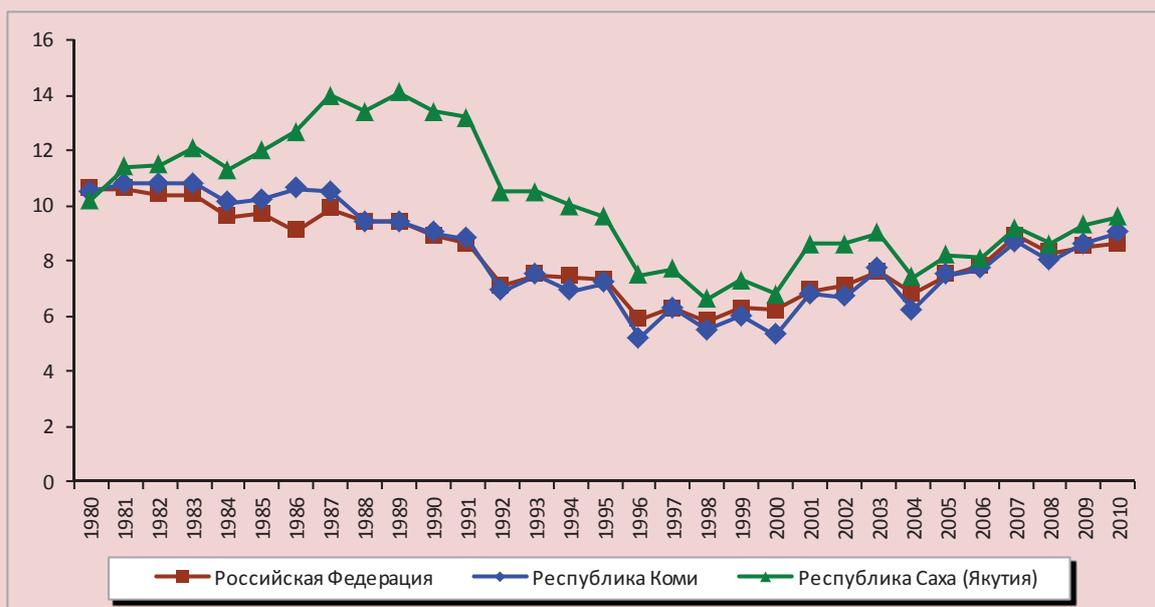
мигрантов по прибытию преобладали молодые, преимущественно неженатые мужчины, миграция существенно улучшала половозрастную и брачную структуру населения северных территорий, выгодно отличая ее от сложившейся по стране в целом.

В Республике Коми, например, в 1945 г. уровень общего коэффициента брачности также оказался в два с лишним раза выше, чем в довоенном 1940-м, – соответственно 10,7 и 4,6 на 1000 человек населения, но при этом он продолжал повышаться довольно высокими темпами все первое послевоенное десятилетие. Особенно значительные темпы роста были в первой половине 1950-х годов, характеризовавшихся максимальными объемами миграционного притока населения в республику. Достигнув в середине указанного десятилетия пиковых значений (28,4‰ в 1955 г.), по всей видимости, явившихся следствием «комсомольских» свадеб в районах нового освоения, уровень брачности в Коми начал постепенно снижаться. В течение

трех десятилетий эта тенденция имела медленный и плавный характер, углубляясь лишь в отдельные периоды, в основном в связи с неблагоприятными изменениями в возрастной структуре населения. Так, достижение брачных возрастов малочисленными поколениями, рожденными в годы войны, а также наблюдавшийся в это время миграционный отток определили низкие значения общего коэффициента брачности населения Республики Коми в 1960-х – начале 1970-х годов.

Очевидно, то же самое в это время было характерно и для Республики Саха (Якутия), поскольку к началу 1980-х годов величины общих коэффициентов брачности населения в Коми и Якутии практически сравнялись с общероссийским уровнем (рис. 1). В условиях относительно молодой возрастной структуры населения рассматриваемых регионов это свидетельствует о большей проблемности развития в них официальных брачно-семейных отношений в этот период.

Рисунок 1. Динамика общего коэффициента брачности населения Российской Федерации, Республики Коми и Республики Саха (Якутия) в 1980–2011 гг., браков на 1000 человек населения

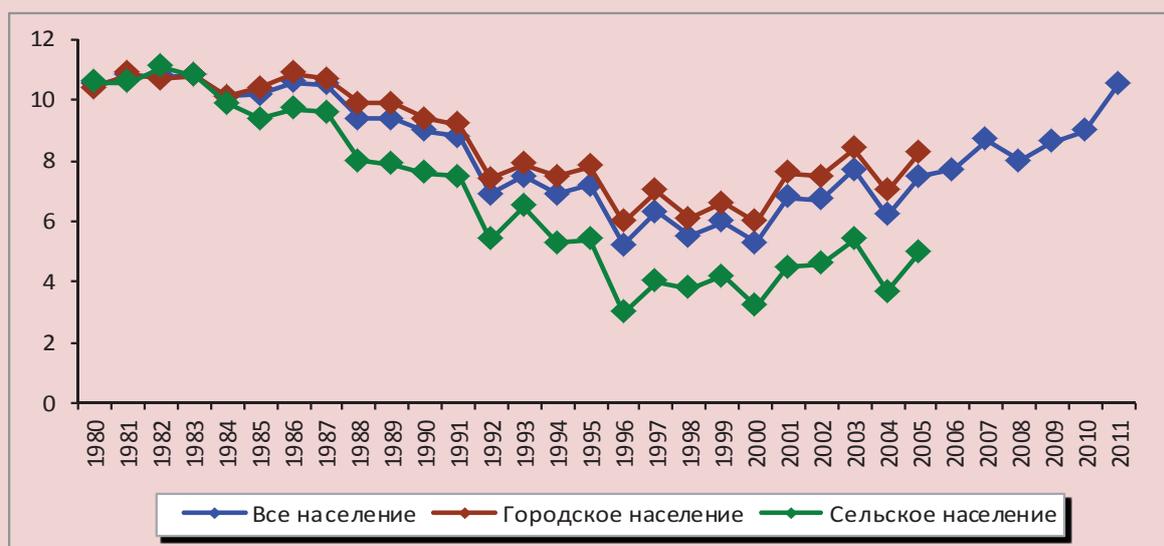
Первая половина 1980-х годов в северных регионах была отмечена некоторым улучшением ситуации в брачных процессах. Особенно сильно это видно по динамике показателя в Республике Саха (Якутия), где за 1980–1987 гг. прирост общего коэффициента брачности составил 37,3%. По всей видимости, это было одним из следствий Постановления 1981 г. «О мерах по усилению помощи семьям, имеющим детей» [11], которое сыграло заметную роль в нормализации демографической ситуации в стране в первой половине – середине 1980-х годов, особенно в регионах, отличавшихся повышенными уровнями рождаемости.

В Республике Коми заметного роста уровня брачности не было – наблюдалась скорее стабилизация его уровня. Хотя следует отметить, что в 1981–1983 гг. здесь также были отмечены максимальные с середины 1960-х годов показатели (10,8 браков на 1000 человек населения). Причем практически до 1991 г. общий коэффициент брачности в республике несколько превышал общероссийский уровень. Однако во

второй половине 1980-х годов темп снижения его уровня в Республике Коми вновь значительно ускорился (рис. 2). Основной причиной, как и два десятилетия назад, явилось уменьшение доли населения в активных брачных возрастах, обусловленное низким уровнем рождаемости 1960–1970-х годов и вновь начавшимся миграционным оттоком. А к концу 1980-х годов на брачные процессы стало накладываться отпечаток и начавшееся изменение стандартов брачно-семейного поведения населения вследствие докатившейся до России сексуальной революции, отшумевшей на Западе два десятилетия назад.

Демократизация социальных норм, регулирующих взаимоотношения между полами, обусловила постепенный отход от традиционных брачно-семейных норм, вызвав снижение возраста начала половой жизни, широкое распространение добрачных сексуальных отношений, пробных и фактических браков, рост числа браков, стимулированных добрачной беременностью невесты, рост удельного веса внебрачных рождений, происходящих как в факти-

Рисунок 2. Динамика общего коэффициента брачности в Республике Коми в 1980–2011 гг., браков на 1000 человек населения

ческих брачных союзах, так и в неполных семьях, а также омоложение рождаемости и официальной брачности.

В результате омоложения возрастной структуры брачности, т.е. перемещения основной массы браков в более молодые возраста, сопутствовавшего снижению ее уровня, в начале 1990-х годов даже у мужчин Республики Коми свыше половины браков стали заключаться в возрасте до 24 лет. Необходимо обратить внимание также на довольно значительное увеличение в эти годы в Коми возрастного коэффициента брачности сельских мужчин 20–24 лет, которое свидетельствует о некоторой нормализации процессов брачности в сельской местности вследствие смягчения здесь остроты проблемы «дефицита невест».

Характерное для республики значительное численное преобладание мужчин в возрастах максимальной брачности сильно затрудняет их активность на брачном рынке. Поэтому женские показатели брачности в Республике Коми традиционно выше мужских, особенно на селе. Однако на протяжении 1980-х и в начале 1990-х годов здесь наблюдалось заметное улучшение половых пропорций в наиболее активных брачных возрастах: если в 1981 г. на 100 мужчин 20–29 лет на селе приходилось 63 женщины, то через 10 лет – уже 76. В результате к началу 1990-х годов в Коми произошло существенное сокращение разницы между уровнями брачности сельских мужчин и женщин.

Смягчение половой диспропорции в возрастах максимальной брачной активности, приводящее к сближению мужских и женских брачных потенциалов, продолжалось и в дальнейшем. Так, еще через десять лет, в 2001 г., на 100 сельских мужчин 20–29 лет приходилось уже 89 женщин. Однако в начале 1990-х годов, в результате сильнейшего ухудшения социально-экономической ситуации, значительно снизился

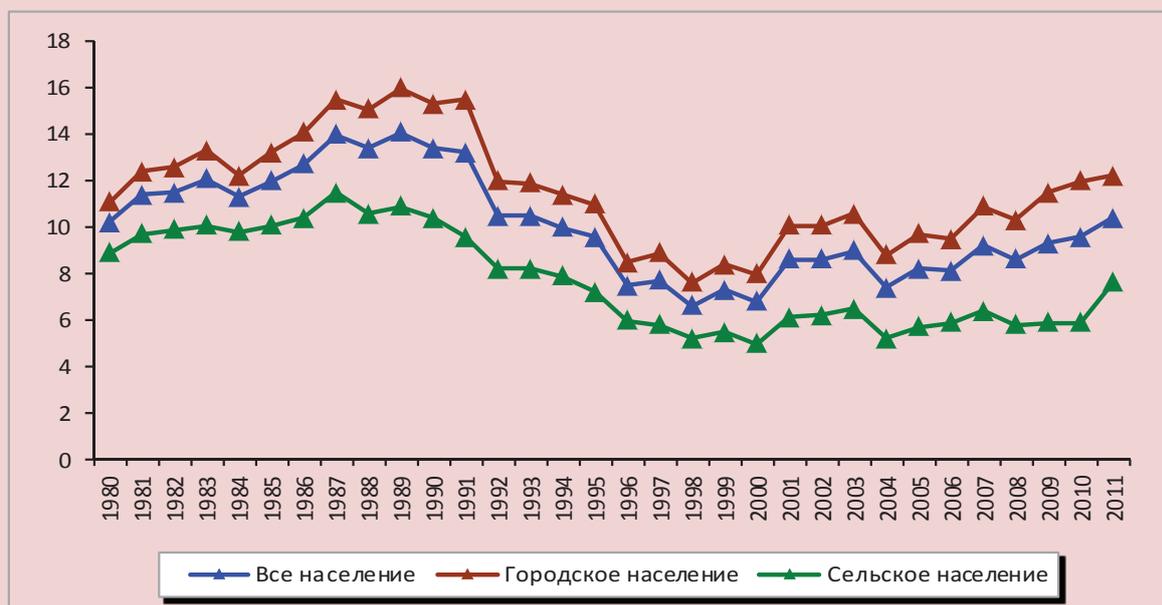
уровень реализации брачного потенциала населения, поэтому мужчинам не удалось в полной мере воспользоваться улучшением половых пропорций на брачном рынке.

Резкое снижение уровня жизни населения вследствие кризисных явлений в реформируемой российской экономике привело в начале 1990-х годов к массовому откладыванию демографических событий. Следует отметить, что брачность в случае заметного изменения внешних условий является наименее инерционным из демографических процессов. Ее уровень в огромной степени подвержен возмущающим воздействиям конфликтов и кризисов. Поэтому процессы брачности практически мгновенно отреагировали на ухудшение социально-экономической ситуации: в 1992 г. снижение ее уровня повсеместно имело провальный характер.

При этом уровень общего коэффициента брачности населения Республики Коми, который благодаря более молодой возрастной структуре населения практически на всем протяжении послевоенного периода превышал общероссийский уровень, с 1992 г. становится стабильно ниже его, несмотря на то, что возрастная структура населения республики продолжает оставаться сравнительно молодой.

В Республике Саха (Якутия) уровень брачности, значительно возросший на протяжении 1980-х годов, сохранялся достаточно высоким практически до 1991 г. Но с началом социально-экономических реформ он также резко сократился. В 1992 г. общий коэффициент брачности уменьшился на 20,5%. За 1991–1996 гг. убыль составила 43,2%, а к 1998 г., когда был зафиксирован минимальный уровень общего коэффициента брачности населения Якутии (6,6 браков на 1000 человек населения), уменьшение по сравнению с дореформенным 1991 г. было ровно в два раза (рис. 3).

Рисунок 3. Динамика общего коэффициента брачности в Республике Саха (Якутия) в 1980–2011 гг., браков на 1000 человек населения

Нестабильность социально-экономической ситуации, галопирующая буквально с первых дней «либерализации цен» инфляция заставили многие потенциальные брачные пары повременить со свадьбой. Безусловно, спад 1992 г. во многом был связан с закономерным снижением брачности високосного года. Хорошо известно, что в плане свадеб не только май, но и високосный год не пользуется популярностью в народе. В преддверии его наступления даже фиксируется заметное оживление брачных процессов в декабре месяце: лишь бы не начинать семейную жизнь в високосном году.

Однако помесечные числа заключенных в 1992 г. браков свидетельствуют, что наиболее заметное сокращение брачной активности наблюдается с апреля, когда в основном начали регистрироваться браки, окончательно запланированные уже в 1992 г. Причем с этого времени период цикла в брачной активности населения Коми и Якутии сократился в два раза. Снижение уровня брачности наблюдается теперь не

раз в четыре года, а в каждом четном году. По России в целом четырехлетний период цикла в основном сохранился.

На всем протяжении 1990-х годов уровень брачности населения Республики Коми и Республики Саха (Якутия) испытывал колебания, определенные убывающим трендом: каждый последующий спад был глубже предыдущего, а возрастание уровня становилось все незначительнее.

В первое десятилетие экономических реформ (1992–2001 гг.) средний уровень общего коэффициента брачности населения Республики Коми оказался более чем на треть ниже уровня предыдущего десятилетия (1982–1991 гг.). В сельской местности Коми он сократился наполовину, в городской – более чем на 30%. В Якутии общий коэффициент брачности в среднем за первое десятилетие реформ также на треть ниже уровня предыдущего десятилетия. В городской местности уменьшение было точно таким же, как и в Республике Коми, а в сельской оно оказалось не столь значительным, как в Коми, – 37%.

Еще более наглядно снижение степени реализации брачного потенциала населения в 1990-е годы демонстрирует динамика вероятности вступить в брак к определенному возрасту, которая рассчитывается по принципу суммарного демографического коэффициента – суммированием половозрастных коэффициентов брачности к определенному возрасту.

Такие расчеты в силу информационных ограничений мы смогли выполнить только для Республики Коми. При уровне брачности, характерном для 2001 г., вероятность вступить в брак к 50 годам (с учетом повторных браков) имели 76% мужчин и 81% женщин республики, в то время как десять лет назад – в 1991 г. – такой вероятностью характеризовались 98% мужчин и 121% женщин. К сожалению, расчет многих демографических показателей после 1996 г. невозможен по причине прекращения Росстатом разработки некоторых демографических данных (их перечень еще более расширился в 2006 г., что наглядно демонстрирует рисунок 2: за последние годы исследователям недоступны в Коми даже общие коэффициенты брачности отдельно по городскому и сельскому населению), поэтому нам не удалось оценить снижение вероятности вступления в первый брак в целом за рассматриваемое десятилетие.

Однако такую оценку можно сделать за начальный период социально-экономических реформ. Если при уровне брачности 1991 г. вероятность вступить к 50 годам в первый брак имели 75% мужчин и 90% женщин Республики Коми, то при уровне, характерном для середины десятилетия (для 1995 г.), возможность вступить к 50 годам в первый брак была лишь у 64% мужчин и 68% женщин. При этом, как уже отмечалось, с начала 1990-х годов все нечетные годы характеризуются повышенной брачной активностью населения, т.е. цифры и

по 2001 г., и по 1995 г. отражают далеко не самую неблагоприятную ситуацию тех лет.

Для современной брачной ситуации характерна более высокая степень реализации брачного потенциала населения. Как видно по рисункам, в начале 2000-х годов в Республике Коми и Республике Саха (Якутия), как и в целом по стране, намечилось возрастание уровня брачности: на всем протяжении минувшего десятилетия прослеживается явный возрастающий тренд. При этом после 2004 г. в северных республиках наблюдается и возврат к четырехлетнему периоду цикла брачной активности. К концу десятилетия показатели брачности населения Коми практически вернулись к уровню 1991 г., а в 2011 г. был зафиксирован уровень 1987 г., близкий к максимальным за последние десятилетия уровням начала 1980-х годов. В Якутии в 2011 г. пока наблюдается уровень 1992–1993 гг., но возрастание тоже очень заметное. Безусловно, во многом этот рост является следствием улучшения возрастной структуры брачных контингентов – достижения активных брачных возрастов относительно многочисленными поколениями, родившимися в середине – второй половине 1980-х годов. Однако в последние годы свой вклад начали вносить и государственные демографические инициативы, ориентированные на поддержку семейной рождаемости.

На рисунке 2 видно, что уровень общего коэффициента брачности сельского населения Республики Коми со второй половины 1980-х годов начинает заметно отставать от городского. В Республике Саха (Якутия), где уровень брачности сельского населения традиционно ниже городского показателя, со второй половины 1980-х годов также наблюдается нарастание разницы между городом и селом в реализации брачного потенциала (см. рис. 3).

Низкий уровень брачности в сельской местности Коми, безусловно, во многом является следствием значительного постарения сельского населения. Однако обращает на себя внимание тот факт, что с 1994 г. ниже городского уровня опустился даже и суммарный (к 50 годам) коэффициент брачности сельских женщин, который до этого оставался единственным сельским показателем брачности, выгодно отличавшимся от городского.

Как уже отмечалось, в основе хороших показателей брачности сельских женщин Коми лежали существовавшие в течение длительного времени очень благоприятные для них половые пропорции на брачном рынке. Сложившийся в сельской местности республики «дефицит невест» традиционно обуславливал здесь как пониженный уровень брачности мужского населения, так и высокую степень реализации женского брачного потенциала.

На протяжении последних трех десятилетий половые пропорции в сельской местности Республики Коми заметно выравнялись, что способствовало сближению мужских и женских брачных потенциалов, однако в 1990-е годы значительно уменьшилась степень их реализации. Тем не менее, даже в условиях снижения ниже городского уровня не только общего коэффициента брачности, но и женского суммарного (к 50 годам) показателя, уровень первой брачности сельского населения Коми все еще оставался выше городского. Если в городской местности вероятность вступления в первый брак в 1995 г. имели 62% мужчин и 66% женщин, то в сельской – 69% мужчин и 74% женщин, что свидетельствует о лучшей реализации сельскими жителями своего брачного потенциала. Повышенный уровень брачности городского населения республики обеспечивала повторная брачность – следствие его высокой разводимости.

Таким образом, ситуацию с официальной брачностью в сельской местности Коми, несмотря на уровень общего коэффициента, несущего на себе груз старой возрастной структуры, и вопреки сложившимся стереотипам, еще в середине 1990-х годов можно было считать более благополучной, чем в городской.

Однако факт более значительного снижения степени реализации брачного потенциала сельских жителей, выразившегося в существенном расхождении с конца 1980-х годов сельских и городских уровней брачности и в Коми, и в Якутии, требует объяснения. На наш взгляд, его можно рассматривать в качестве одного из свидетельств происходящих со второй половины 1980-х годов изменений в моделях брачно-семейного поведения населения России – расширения распространения фактических браков.

Дело в том, что фактическому браку, в отличие от внебрачной сексуальной связи при отсутствии устойчивых отношений семейного типа, являющейся более городским явлением, легче отвоевывать себе позиции у официально зарегистрированного брака именно в сельской местности. И особенно в Республике Коми, где свыше половины сельского населения составляют представители коренного этноса, для которого и в исторической перспективе, и в настоящее время характерна некоторая специфика брачно-семейного поведения, заключающаяся в признании фактических браков наравне с регламентированными в официальном порядке. Очевидно, что во второй половине 1980-х – начале 1990-х годов юридически не зарегистрированные фактические брачные союзы на селе вновь, как и в 1920–1930-е годы, вошли в широкую практику. А впоследствии они стали характерными и для городского населения, и прежде всего для повторных браков.

Динамика структуры брачности населения по предыдущему брачному состоянию также служит подтверждением широкого распространения с конца 1980-х годов фактических браков, поскольку отсутствие юридической регламентации брачных отношений традиционно более характерно для повторных браков, чем для первых. Буквально до начала 1990-х годов во всех возрастных группах, кроме самой младшей, и у мужчин, и у женщин Республики Коми наблюдался рост доли повторных браков.

Особенно четко этот рост прослеживался в городской местности, где на протяжении уже длительного времени доля вторичных браков в общем их числе была в полтора-два раза выше, чем аналогичная доля в сельской. Но с начала 1990-х годов на селе, а с середины десятилетия и в городской местности в составе официально зарегистрированных браков началось снижение удельного веса повторных браков, перешедшее затем в стабилизацию. Лишь в самые последние годы (с 2007–2008 гг.) в республике вновь наметилось увеличение доли повторных браков в общей структуре зарегистрированных браков.

По всей видимости, в условиях усиления внимания государства к демографическим проблемам, начало которого можно датировать Посланием Президента Федеральному собранию 2006 г. и в рамках которого довольно большое значение придается вопросам нормализации брачно-семейных отношений, зарегистрированный брак вновь начинает упрочивать свои позиции.

Важный момент, на который хотелось бы обратить внимание, — это соотношение уровней повторной брачности у женщин и у мужчин. Обычно мужчины вступают в повторные браки чаще женщин, что исследователи, как правило, объясняют такими психологическими моментами, как более высокие требования женщин к выбору нового брачного партнера при наличии

у них детей от первого брака, низкая конкурентоспособность женщин с детьми на брачном рынке и пр. При этом не уделяется должного внимания половым пропорциям.

Однако, по всей видимости, именно они в условиях преобладания женщин во многом обеспечивают большую частоту вторичных браков у мужчин. В Республике Коми половая диспропорция в пользу мужчин, сохраняющаяся почти до пенсионных возрастов, обуславливает высокую ценность на брачном рынке невест любого брачного состояния, вследствие чего вышеуказанная закономерность до недавних пор здесь не наблюдалась.

Но с начала 2000-х годов, в условиях значительного выравнивания половых пропорций и при все еще сохраняющемся численном преобладании мужчин в самых активных брачных возрастах, доля повторных браков у мужчин в Коми превысила аналогичный женский показатель. Очевидно, повышенные требования женщин к выбору нового мужа при наличии детей и пониженная конкурентоспособность женщин с детьми на брачном рынке также играют немаловажную роль в степени распространения вторичных браков у мужчин и женщин.

Как было отмечено, в конце 1980-х — начале 1990-х годов наблюдалось омоложение возрастной структуры брачности. На фоне снижения показателей практически во всех возрастных группах росли возрастные коэффициенты брачности в группе моложе 20 лет. Однако еще в первой половине 1990-х годов волна омоложения официальной брачности закончилась.

Так, в Республике Коми максимальная доля браков, заключенных до 18 лет, была зафиксирована в 1992 г. (1,2% у мужчин и 6,3% у женщин), а в возрастах до 24 лет в целом — в 1993 г. (соответственно, 53,8 и 64,2%). С 1994 г. снижение среднего возраста вступления в брак в Республике

Коми, как и в Республике Саха (Якутия) и по России в целом, сменилось его ростом. Особенно заметное увеличение доли браков после 25 лет наблюдается в самые последние годы. По всей видимости, в условиях усиления внимания государства и общества к проблемам семьи постепенно стали оформляться браки, которые ранее в силу тех или иных причин были отложены. В результате в 2009–2011 гг. в Коми удельный вес браков, заключенных в возрастах старше 25 лет, у мужчин превысил 72%, у женщин практически достиг 60%.

С другой стороны, принимая во внимание, что в большинстве развитых стран снижение среднего возраста вступления в брак сменилось его ростом еще в начале 1970-х годов, как только там схлынули волны активной стадии сексуальной революции, может быть, следует считать это закономерной исторической тенденцией, имеющей долговременный характер, способный повлечь за собой еще более значительное снижение интенсивности официальной брачности и дальнейший рост уровня окончательного безбрачия.

По-видимому, население все больше отходит от традиционной модели всеобщей ранней брачности. Половая жизнь молодежи начинается все раньше, а возраст вступления в брак повышается. При этом общественное мнение все более благосклонно относится к незарегистрированным бракам. И число их увеличивается, вытесняя часть официально зарегистрированных браков.

Иными словами, наблюдающееся в последнее время увеличение среднего возраста вступления в брак, как и существенное отставание сельских показателей брачности и стабилизация (до самого последнего времени) доли повторных браков, а также по-прежнему высокий удельный вес внебрачных рождений, около половины которых регистрируется по совместному

заявлению родителей, — свидетельствует о широком распространении юридически не регламентированных форм семьи. При этом модели формирующихся у молодежи демографических стандартов, характеризующиеся довольно значительной ориентацией современных молодых людей на незарегистрированные брачные отношения, ранним началом и высокой активностью добрачных сексуальных отношений, наблюдающихся на фоне недостаточной контрацептивной культуры и контрацептивной ответственности, способствуют дальнейшему усилению распространения альтернативных форм семейной организации.

Расширение распространения фактических браков подтверждается и сравнением результатов микропереписи населения 1994 г. и переписей 2002 и 2010 гг., согласно которому в течение второй половины 1990-х — начала 2000-х годов удельный вес мужчин брачного возраста, состоящих в незарегистрированном браке, увеличился в Коми с 6,3% в 1994 г. до 8,7% в 2002 г. и до 12,6% в 2010 г., женщин — соответственно с 5,5 до 7,6% и до 10,7% [12, 13]. При этом следует отметить, что в Республике Коми доля населения, состоящего в незарегистрированных брачных отношениях, заметно выше среднероссийского аналогичного показателя.

Уровень фактической брачности населения России в целом еще и в 2002 г. был ниже (6,1% мужчин и 5,1% женщин старше 16 лет, указавших свой брачный статус), чем уровень, характерный для Республики Коми в середине 1990-х годов. В 2010 г. фактическая брачность составляет в России у мужчин и женщин, соответственно, 8,4 и 6,9% [6], что ниже, чем было в Коми в 2002 г. В Республике Саха (Якутия) уровень фактической брачности населения также выше, чем в целом по стране. Удельный вес мужчин, состоящих в незарегистриро-

ванных брачных отношениях, увеличился в Якутии за 2002–2010 гг. с 8,0 до 10,6%, женщин – с 7,3 до 9,6% [6, 12].

Кроме того, и официально зарегистрированному браку зачастую предшествует либо фактический брачный союз, либо добрачная беременность, которая также является свидетельством наличия более или менее устойчивых добрачных отношений между будущими супругами.

С целью более подробного исследования некоторых аспектов официальной брачности населения, не получающих отражения в текущей статистике, в конце 2002 г. нами было проведено сплошное исследование всех случаев регистрации брака за 1992–2001 гг. в трех сельских населенных пунктах Республики Коми [14]. Критерием отбора именно сельских поселений послужила возможность получения здесь достоверной ретроспективной информации. В небольших населенных пунктах, где все друг друга знают, кроме параллельного анализа статистики браков и рождений, определенные сведения, например о существовании до официальной регистрации брака фактического брачного союза, о событиях, сопутствовавших формированию семьи, о дальнейшем ее развитии, можно почерпнуть из интервью со специалистами, регистрирующими демографические события.

Исследование показало, что в рассматриваемый период, по крайней мере, в сельской местности Республики Коми большинству официально зарегистрированных браков предшествовал фактический брачный союз той или иной продолжительности. Более 20% браков были оформлены уже после рождения совместных детей. Весьма значительная часть браков были зарегистрированы при условии добрачной беременности невесты (от 30 до 45%), которая считается одним из факторов дестабилизации семейной жизни.

Попутно было установлено, что далеко не все случаи внебрачных рождений попадают в статистику внебрачной рождаемости, которая в Коми, даже после шестилетнего снижения, составляет в 2011 г. 32,7%, а в сельской местности – 41,8% рождений, т.е. уровень внебрачной рождаемости, по сути, еще выше, чем его отражает официальная статистика. Регламентация фактических супружеских отношений зачастую является завершением процесса демографического развития семьи. Так, в нашем исследовании примерно в 40% зарегистрированных за десятилетие браков дети впоследствии уже не родились: или они были рождены будущими супругами до брака (как отмечалось выше, более чем в 20% браков), или уже не планировались по причине возраста супругов, наличия детей от предыдущих браков и т.д. (также почти 20% браков).

Таким образом, наряду с официально регламентированной формой семьи в последние два десятилетия в России широкое распространение получили юридически незарегистрированные браки, лишь часть из которых со временем оформляется официально. Для Республики Коми и Республики Саха (Якутия) это характерно в большей степени. И в еще большей мере это, очевидно, характерно для Республики Тыва, традиционно отличающейся низкими показателями брачности и очень высоким уровнем внебрачной рождаемости.

Известно, что не только неполная семья, но и фактический брак характеризуется меньшим числом детей в семье. Кроме того, фактический брак является менее устойчивым в плане разводимости: причины, препятствующие почему-либо официальной регистрации отношений, усиливают центробежные тенденции в нестабильном незарегистрированном брачном союзе. И это тоже способствует понижению показателей

рождаемости. Иными словами, сформировавшаяся на протяжении последних двух десятилетий семейная структура населения является весьма значимым фактором низкого уровня рождаемости.

И только в самое последнее время, в условиях усиления в 2006–2007 гг. внимания государства к проблемам в демографической сфере, наметилось улучшение в процессах официально зарегистрированной брачности. Наблюдающаяся в течение последнего десятилетия тенденция роста уровня брачности, которая в начале 2000-х годов была обусловлена главным образом улучшением возрастной структуры брачных контингентов, в последние годы усилилась «реализацией отложенных браков» — повышением интенсивности брачности в старших возрастах. На улучшение ситуации в брачно-семейной сфере указывает и снижение с 2006 г. доли внебрачных рождений в общей структуре рождений.

Это свидетельствует о том, что на тенденции развития брачно-семейных отношений можно оказывать позитивное воздействие. С этой целью необходимо усилить пропаганду возрождения семейных ценностей, расширить мероприятия по укреплению института семьи и духовно-нравственных традиций семейных отношений.

Для северных регионов России задача укрепления института семьи, возрождения и усиления духовно-нравственных традиций семейных отношений — это очень важный момент. Ведь во многом именно наблюдающийся в настоящее время в России кризис семейных ценностей, возобладание внесемейных интересов отвечают и за низкий уровень репродуктивных установок населения, и за недостаточную степень их реализации, и за то, что рождаемость все более становится «внесемейной деятельностью». А в северных регионах эти неблагоприятные моменты усиливаются более

существенной дезорганизацией семейной жизни как по причине значительного миграционного оборота населения (некоренное и особенно непостоянное население отличаются более низким уровнем социального контроля и самоконтроля — соответственно, в среде мигрантов повышенная вероятность разного рода девиаций, в том числе и в брачно-семейной сфере), так и по причине каких-то особенностей матримониального поведения коренных народов (будь то остаточные явления полигамии, как у тывинцев, или традиционно лояльное отношение к внебрачной рождаемости, как у коми, или дезорганизация брачно-семейных отношений на основе многолетней маргинализации некоторых коренных малочисленных народов Севера).

В заключение еще раз подчеркнем наиболее острые демографические проблемы конкретных северных регионов, требующие активизации региональных мер демографической политики.

- Практически перед всеми северными территориями России очень остро стоят проблемы смертности населения — прежде всего преждевременной мужской смертности от внешних причин, и особенно в сельской местности. Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий округа исключением в этом вопросе не являются: показатели продолжительности жизни населения в них также очень сильно отстают от характерных для развитых стран.

- В большинстве северных территорий России необходимо существенное снижение уровня младенческой смертности: в республиках Тыва и Саха (Якутия), в Ненецком, Ямало-Ненецком и Чукотском автономных округах, Камчатском крае, Магаданской и Сахалинской областях.

- Для Республики Карелия, Мурманской и Архангельской областей весьма

актуальны вопросы повышения уровня рождаемости. В последние годы количественные аспекты рождаемости приобрели значительную остроту также в Камчатском крае и Магаданской области.

- В республиках Карелия, Коми, Саха (Якутия) и Архангельской области требует внимания необходимость активизации брачных процессов населения и повышения доли рождений в зарегистрированном браке.

- Чрезвычайно значительный уровень внебрачной рождаемости, коррелирующий с высокими значениями коэффициента младенческой смертности, характерный для Республики Тыва, Ненецкого и Чукотского автономных округов, Камчатского края, Магаданской и Сахалинской областей, свидетельствует о важности для этих регионов решения проблемы повышения качества рождаемости.

- Для Магаданской области, Чукотского и Ханты-Мансийского автономных округов актуальны вопросы повышения стабильности семьи.

- А для Республики Тыва – в целом укрепление духовно-нравственных традиций семейных отношений и усиление официальной регламентации брачно-семейных процессов.

На наш взгляд, для регионов Российского Севера цель демографической политики следует определить как создание условий для устойчивого и качественного развития населения, для обеспечения стабильного естественного прироста на основе сближения показателя ожидаемой продолжительности жизни с общероссийским уровнем, повышения уровня и улучшения качественной структуры рождаемости, в основе которого лежит укрепление духовно-нравственных традиций семейных отношений.

Источники

1. Волков, А.Г. Семья – объект демографии / А.Г. Волков. – М.: Мысль, 1986.
2. Попова, Л.А. Северный вариант российской модели демографического старения / Л.А. Попова, Е.Н. Зорина // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2013. – № 2 (26). – С. 111-125.
3. Мостахова, Т. Совершенствование управления демографическими процессами в Республике Саха (Якутия) / Т. Мостахова, И. Веселкова // Федерализм. – 2009. – № 2. – С. 169-178.
4. Возрастной состав населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. – М., 1990.
5. Возрастно-половой состав и состояние в браке. – М., 2004. (Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.: в 14 т. / Федер. служба гос. статистики; Т. 2).
6. Всероссийская перепись населения 2010 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 31.05.2013).
7. Попова, Л.А. Особенности демографического развития северных территорий России / Л.А. Попова // Россия и современный мир. – М., 2010. – № 4. – С. 178-190.
8. Синельников, А.Б. Брачность и рождаемость в СССР / А.Б. Синельников. – М.: Наука, 1989.
9. Демографический ежегодник Республики Коми. 2010. – Сыктывкар, 2011. – С. 166-167.
10. Центральная база статистических данных [Электронный ресурс]. – URL: <http://cbsd.gks.ru/> (дата обращения: 31.05.2013).
11. Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР № 235 от 22 января 1981 г. «О мерах по усилению государственной помощи семьям, имеющим детей» // СП СССР, 1981. – № 13. – Ст. 75.
12. Возрастно-половой состав и состояние в браке. – М., 2004. (Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.: в 14 т. / Федер. служба гос. статистики; Т. 2).
13. Состояние в браке, образование. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Республика Коми. Том 2: стат. сб. / Комистат. – Сыктывкар, 2012.
14. Попова, Л.А. Современные особенности формирования и развития семьи в Республике Коми / Л.А. Попова // Семья в России: Науч. обществ.-политич. журн. – М., 2006. – № 1. – С. 25-39.

Popova L.A., Barashkova A.S.

Development of marriage and family relationships in the northern regions of Russia

Larisa Alekseevna Popova – Doctor of Economics, Associate Professor, Deputy Director for Science, Institute for Socio-Economic and Energy Problems of the North, Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences (26, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, 167982, Russia, popova@iespn.komisc.ru)

Anastasiya Spiridonovna Barashkova – Ph.D. in Economics, Leading Research Associate, Scientific-Research Institute of Regional Economy of the North, North-Eastern Federal University in Yakutsk (2, Petrovsky Street, Yakutsk, Russia, asbarashkova52@mail.ru)

Abstract. The article deals with the mechanism of modern demographic development in Russia's northern regions. The article studies the dynamics of marriage processes in the North in the post-war period, and reveals the current specifics of marriage and family relations. The authors analyze in more detail the situation in the two big northern republics: the Komi Republic and the Republic of Sakha (Yakutia). They identify factors that determined a significant decrease of marriage rate in the 1990s and the relative normalization of marital and family processes in recent years. The article outlines the main directions of demographic policies in the northern regions.

Key words: Northern regions, population reproduction, marriage and family relations, level and structure of nuptiality, demographic policy.

References

1. Volkov A.G. *Sem'ya – ob'ekt demografii* [Family – the Object of Demography]. Moscow: Mysl', 1986.
2. Popova L.A., Zorina E.N. Severnyi variant rossiiskoi modeli demograficheskogo stareniya [Russian Model of Population Ageing (in the Case of the Northern Regions)]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2013, no.2(26), pp. 111-125.
3. Mostakhova T., Veselkova I. Sovershenstvovanie upravleniya demograficheskimi protsessami v Res-publike Sakha (Yakutiya) [On the Improvement of Demographic Processes Governing in Sakha-Yakutiya Republic]. *Federalizm [Federalism]*, 2009, no.2. pp. 169-178.
4. *Vozrastnoi sostav naseleniya RSFSR po dannym Vsesoyuznoi perepisi naseleniya 1989 g* [Age Structure of the RSFSR Population according to the All-Union Population Census of 1989]. Moscow, 1990.
5. *Vozrastno-polovoi sostav i sostoyanie v brake (Itogi Vserossiiskoi pe-repisi naseleniya 2002 g.: v 14 t. T. 2)* [Age and Sex Composition and Marital Status (The Results of the All-Russian Population Census of 2002: in 14 Volumes. Volume 2)]. Feder. sluzhba gos. statistiki [Federal State Statistics Service]. Moscow, 2004.
6. *Vserossiiskaya perepis' naseleniya 2010* [All-Russian Population Census of 2010]. Available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (data obrashcheniya: 31.05.2013).
7. Popova L.A. Osobennosti demograficheskogo razvitiya severnykh territorii Rossii [Specifics of Demographic development of the Northern Territories of Russia]. *Rossiya i sovremennyyi mir* [Russia and Modern World], 2010, no.4, pp 178-190.
8. Sinel'nikov A.B. *Brachnost' i rozhdaiemost' v SSSR* [Marriage and Fertility in the USSR]. Moscow: Nauka, 1989.
9. *Demograficheskii ezhegodnik Respubliki Komi. 2010* [Demographic Yearbook of the Republic of Komi. 2010]. Syktyvkar, 2011. Pp. 166-167.
10. *Tsentral'naya baza statisticheskikh dannykh* [Central Statistical Database]. Available at: <http://cbsd.gks.ru/> (data obrashcheniya: 31.05.2013).
11. Postanovlenie TsK KPSS, Sovmina SSSR № 235 ot 22 yanvarya 1981 g. "O merakh po usileniyu gosudarstvennoi pomoshchi sem'yam, imeyushchim detei" [Resolution of the Central Committee of the CPSU, USSR Council of Ministers No. 235 of January 22, 1981 "On measures to strengthen public support for families with children"]. *SP SSSR* [Collection of Resolutions of the USSR], 1981, no.13, p.75.

12. *Vozrastno-polovoi sostav i sostoyanie v brake (Itogi Vserossiiskoi perepisi naseleniya 2002 g.: v 14 t. T. 2)* [Age and Sex Composition and Marital Status (The Results of the All-Russian Population Census of 2002: in 14 Volumes. Volume 2)]. *Feder. sluzhba gos. statistiki* [Federal State Statistics Service]. Moscow, 2004.
13. *Sostoyanie v brake, obrazovanie. Itogi Vserossiiskoi perepisi naseleniya 2010 goda. Respublika Komi. Tom 2: stat. sb.* [13. Marital Status and Education. The Results of the Population Census in 2010. Komi Republic. Volume 2: Statistical Collection]. Komistat. Syktyvkar, 2012.
14. Popova L.A. *Sovremennye osobennosti formirovaniya i razvitiya sem'i v Respublike Komi* [Modern Features of the Formation and Development of the Family in the Komi Republic]. *Sem'ya v Rossii: Nauch. obshchestv.-politich. zhurn.* [Family in Russia: Scientific Social and Political Journal], 2006, no.1, pp. 25-39.

Трансформация диспозиции гендерной власти в современных семьях как фактор институциональных изменений

**Елена Валерьевна
БАЗУЕВА**

кандидат экономических наук, доцент, ФГБОУ ВПО Пермский государственный национальный исследовательский университет (614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15; e-mail: bazueva.l@mail.ru)

Аннотация. В статье синтез инструментария институциональной теории и синергетики применен к анализу необходимости оптимизации действующей в современной экономике России системы институтов гендерной власти. Известно, что результативность функционирования проектируемых институтов определяется потребностью в таких изменениях у экономических агентов.

В этой связи внимание автора сосредоточено на изучении процессов трансформации традиционного типа диспозиции гендерной власти в российских семьях. Установлено, что для них характерно движение к более равномерному распределению функций по организации домашнего хозяйства. В результате в настоящее время в семьях наряду с традиционным типом гендерной власти выделены эгалитарный, когда учитываются интересы обоих супругов, наблюдается симметрия при распределении домашних обязанностей, и переходный (промежуточный) варианты гендерных взаимодействий между супругами.

Для определения эффективности воспроизводства данных типов гендерной власти в условиях современной экономики семья была рассмотрена в качестве закрытой и открытой системы. В первом случае на основе использования постулатов синергетики выделены два возможных типа гендерного взаимодействия в семье: согласованный – при условии когерентности условий диспозиций власти, определяемых институтом власти в лице ее главы и институтом внутренней власти, и несогласованный. С этих позиций традиционный и эгалитарный типы отнесены к согласованным. В переходном типе возможны оба варианта взаимодействий.

Определено количество семей, в которых реализуется каждый тип гендерного взаимодействия между супругами. Установлено, что в российских семьях усиливается процесс рассогласования диспозиции гендерной власти. Представление семьи в качестве открытой системы с внешними факторами воздействия позволило определить, что данная тенденция обусловлена некогерент-

ностью целей функционирования институтов гендерной власти в семье и институтов гендерной власти, находящихся на более высоких уровнях иерархии: власть социального окружения, власть организации, власть государства и региона. В таких условиях все основные механизмы, необходимые для институционализации норм поведения – устойчивости, координации, сопряжения, обучения и инерции, не соблюдаются, что подтверждает необходимость и готовность экономических агентов к модернизации системы институтов гендерной власти в экономике России.

Ключевые слова: система институтов; институциональные изменения; институты гендерной власти; гендерные отношения в семье.

Как было выявлено нами в [3, 5, 6], действующая в России система институтов гендерной власти¹ имеет очень низкое качество, не отвечает требованиям современной экономики и снижает эффективность функционирования всей социально-экономической системы. Следование установленным данной системой стандартам поведения (институциональным ролям) высокочрезмерно для экономических агентов на всех ее уровнях [2]. Все это обуславливает необходимость модернизации действующей системы институтов гендерной власти в направлении повышения степени ее эгалитарности².

На наш взгляд, для более точного определения возможных направлений оптими-

зации данной институциональной системы необходимо использовать накопленный в экономической теории инструментальный анализ институциональных изменений.

В этой связи напомним, что в настоящее время «существует значительное число различающихся в деталях структуризации процесса институционального проектирования», большинство из которых представляет собой частный случай общей логики процесса принятия решений и его принципов (см., например: [25, с. 18]).

На этом фоне выделяется подход О.С. Сухарева, который считает, что процесс институционального планирования должен быть основан на следующих принципах (критериях): установка цели; определение области приложения усилий; функциональное разнообразие; издержки действия институтов и агентов, возникающие при введении новых институтов; время функционирования института и время до его изменения, замещения, упразднения или коррекции; устойчивость к внешним изменениям и устойчивость к самопроизвольным мутациям, а также монетарное наполнение функционирования вводимого института.

Причем последний принцип – это не то же самое, что затраты на функционирование института, а скорее приращение монетарных возможностей, которые возникают или не возникают при введении данного института, или потребная величина денежного обеспечения в единицу времени, необходимая для наиболее эффективного функционирования института [24, с. 109].

¹ Согласно выбранной методологии исследования под институтом гендерной власти следует понимать особый вид социально-экономического института, который сформировался под влиянием объективных условий материального производства (общественного разделения труда) и который можно представить в виде системы относительно устойчивых властных отношений, закрепленных через систему законодательных актов, контрактов и неформальных правил, упорядочивающих формы взаимодействий субъекта и объекта власти и определяющих цели и варианты выбора модели их собственного жизнеповедения [3].

² Напомним, что система институтов гендерной власти эгалитарного типа предполагает ограниченность гендерной власти сферой свободы другого экономического агента, поэтому степень ее концентрации незначительна. Для нее характерны следующие черты: 1) равный доступ женщин и мужчин к производительным ресурсам и источникам получения дохода, включая управление государством; 2) распространение государственных льгот, связанных с уходом за детьми, на обоих родителей; 3) нивелирование действия гендерных стереотипов в экономике семьи и общества; 4) одинаковая отдача на человеческий капитал у мужчин и женщин; 5) гендерная экспертиза нормативно-правовых программно-целевых документов и управленческих решений.

Заметим, что приведенные выше критерии институционального планирования фактически соответствуют набору качественных характеристик эффективного функционирования института, иными словами, его функциональности. Не случайно автор уточняет, что применение данных принципов позволит снизить число и глубину дисфункций в экономике. Поэтому одним из начальных этапов институционального планирования должно быть «определение исходного институционального качества системы, степени ее дисфункциональности по базовым институтам (правилам), а также уточнение потребности в каких-то изменениях, институтах, включая и возможность заимствования институтов, перенесения их из иной социально-экономической среды» [24, с. 110].

Данный подход к этапам институционального проектирования был использован и в нашем исследовании. Уровень качества действующей в России системы институтов гендерной власти и издержки, связанные с ее функционированием для экономических агентов на всех ее уровнях, были изучены в ранее опубликованных наших работах [2–6], поэтому в этой статье мы подробнее остановимся на определении экономических агентов и величины их спроса на внедрение системы институтов гендерной власти эгалитарного типа. Подчеркнем, что согласно логике процесса институциональных изменений, предложенной Д. Нортон и развиваемой в настоящее время представителями институциональной экономической теории, именно степень совпадения намерений реформаторов в создании новых институтов и убеждений экономических агентов будет определять результативность функционирования проектируемого института [18, с. 80–93].

В этой связи напомним, что в современной экономике России максимальная степень концентрации гендерной власти

достигается на нижних уровнях иерархии системы институтов гендерной власти — в институте власти семьи в лице ее главы и институте внутренней власти (см. об этом подробнее [3]). Не случайно экономику семьи называют самым «гендеризированным социальным пространством» с наивысшей степенью взаимозависимости мужчин и женщин друг от друга, обусловленной их брачным статусом или кровным родством [16, с. 97].

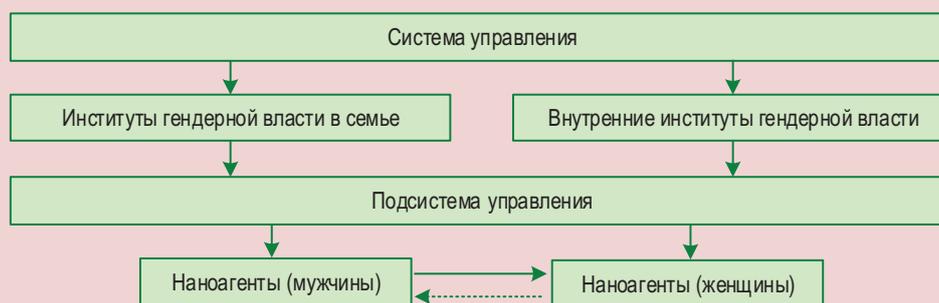
Однако, как справедливо отмечал Э. Тоффлер, новая цивилизация несет с собой не только новую экономику, новые политические конфликты, иные способы работать, любить и жить и сверх этого — измененное сознание и новые семейные отношения [26, с. 31, 34].

Так ли это на самом деле, посмотрим далее. Для этого семью и действующие в ней институты гендерной власти представим в виде закрытой системы, т.е. исключим воздействие внешних институтов гендерной власти на определение диспозиции власти внутри семьи. Схематично данный процесс взаимодействия отражен на *рисунке 1*.

Рисунок показывает, что цели жизнеповедения мужчин и женщин в семьях определяются системой управления, состоящей из института гендерной власти семьи в лице ее главы и внутренних институтов гендерной власти. Напомним, что каждый из них в соответствии с собственной диспозицией власти определяет институциональную роль, которую субъекты гендерного взаимодействия должны воплощать в жизнь в рамках действующей институциональной среды.

Содержание диспозиции гендерной власти главой семьи включает: 1) четкое разделение домашних обязанностей по признаку пола; 2) адекватность стереотипу кормильца семьи при выборе типа семьи, форм досуга и сферы профессиональной

Рисунок 1. Структура подчинения целей жизнеповедения мужчин и женщин в семье*

* Сплошной линией обозначены реальные связи властного воздействия, пунктиром – номинальные, характерные для незначительной части современных семей России.

деятельности объектом власти. Данный тип диспозиции гендерной власти в терминах ученых-гендерологов соответствует традиционному типу семьи, когда мужчина выступает в качестве субъекта гендерной власти, а женщина – ее объекта.

Следовательно, диспозиция гендерной власти предполагает следующее распределение ролей: мужчина – кормилец семьи, добытчик рыночного капитала, а женщина сосредоточивает усилия на накоплении «семейного» капитала. При этом допускается, что женщина может быть занята в общественном секторе экономики. Однако приоритетным для нее все же является ведение домашнего хозяйства. Необходимо отметить, что такое налаженное распределение домашних обязанностей с точки зрения Г. Беккера способствует стабильности брака, так как ожидаемая полезность от выполнения домашней работы у женщины больше, чем полезность от работы в рыночном производстве.

Это обусловлено, с одной стороны, более низкой заработной платой женщин на рынке труда, с другой стороны, неликвидностью работы по дому в результате отсутствия общепризнанных в обществе критериев оценки данного вида занятости. Следовательно, она представляет ценность только для конкретной семьи, что принци-

пиально отличает ее от такого типа ресурса, как деньги, который может предложить для обмена «кормилец».

Однако даже в конкретной семье цена времени, потраченного на ведение домашнего хозяйства, по сравнению с рабочим временем будет всегда ниже, т.к. данный вид занятости осуществляется в свободное от работы время (в выходные дни или по вечерам), когда «относительная значимость потерянных заработков оказывается ниже» [9, с. 171].

Тем не менее в настоящее время, как показывают многочисленные исследования, для российских семей характерен процесс трансформации данного типа диспозиции гендерной власти. Данный тренд подтверждают и результаты нашего лонгитюдного обследования семей Пермского края в период 2001–2011 годов³. Динамика распределения функций по организации домашнего хозяйства между членами семей респондентов представлена в *таблице 1*.

³ Лонгитюдное исследование «Социально-рыночная экономика семьи» было проведено по путеводителю, разработанному под руководством акад. АСО РФ И.Н. Новиковой в 2001, 2006, 2009 и 2011 гг. Ежегодно анкетированием было охвачено 300 жителей Пермского края, из них 35% – мужчины и 75% – женщины. Репрезентативность выборки обеспечивалась участием респондентов с разным уровнем образования, дохода, условий и места проживания, типа и формы семьи. Подробнее о методике данного исследования см. в [4].

Таблица 1. Динамика модернизации традиционного типа гендерной власти в семейной экономике в период 2001–2011 гг.

Виды распределения функций внутри домохозяйства	2001 г.	2006 г.	2009 г.	2011 г.
1. Существует четкое разделение труда по полу и возрасту	12,30	15,92	39,70	30,40
2. Вся семья участвует в домашних делах одинаково	41,04	46,02	31,90	48,63
3. Основная нагрузка падает на женщину – мать	41,90	34,36	26,06	15,90
4. Все хозяйственные работы выполняют в основном родители мужа или жены	0,00	2,42	0,00	3,13
5. Отец и мать предпочитают основную работу делать сами	4,76	1,38	2,34	1,94

Таблица позволяет констатировать, что для современных семей России и ее регионов характерно движение к более равномерному распределению функций по организации домашнего хозяйства, с одной стороны, за счет уменьшения доли семей, в которых данные функции выполняются только женщинами, и увеличения доли семей с четким гендерным разделением труда в семейной экономике; с другой стороны, за счет увеличения доли семей с пропорциональной нагрузкой у всех ее членов.

Волнообразное изменение представленных в таблице данных обусловлено динамикой показателей развития национальной экономики: на этапе умеренных темпов роста экономики России для семей характерно более равномерное распределение функций по организации семейной экономики, в т.ч. за счет увеличения возможностей получения данных услуг в общественном секторе. И наоборот, снижение уровня жизни домохозяйств увеличивает затраты времени работы в семейной экономике и у мужчин, и у женщин.

Далее осуществим детализированный анализ затрат времени на ведение домашнего хозяйства в семьях респондентов, который представлен в *таблице 2*. В ней ранжированы преобладающие позиции каждого члена семьи в зависимости от его вклада в выполнение домашних обязанностей. Таблица подтверждает сделанный ранее вывод о более пропорциональном распределении домашних обязанностей

в российских семьях за счет активизации участия мужчин и детей. В результате этого соотношение затрат времени у мужчин и женщин на выполнение домашних обязанностей за 10 лет сократилось почти в 2 раза – с 2,95 до 1,75.

Выделим *позитивные тренды* в перераспределении домашних обязанностей между супругами.

Первый: в 2 раза сократились гендерные диспропорции во времени, затрачиваемом на приготовление пищи и мытье посуды. Это связано, на наш взгляд, с сервисизацией экономики России и ее регионов, а именно с развитием сети заведений быстрого питания. При этом заметим, что внутри домохозяйства количество затрат времени на приготовление пищи у мужчин в период 2001–2011 гг. увеличилось на 9 минут в день, тогда как у женщин, напротив, сократилось на 9 мин. На наш взгляд, это хотя и незначительное, но все же позитивное изменение, которое постепенно может переломить традиционный гендерный стереотип «место женщины на кухне».

Второй тренд: сократилось соотношение затрат времени на покупку товаров и продуктов у мужчин и женщин. При этом у мужчин оно за 10-летний период увеличилось более быстрыми темпами, чем у женщин. Подобные изменения связаны с появлением сети супермаркетов и гипермаркетов, где супруги совместно, по западному образцу, закупают продукты на более длительный срок, например на неделю.

Таблица 2. Динамика внутрисемейного разделения труда в домохозяйствах респондентов, час. в день

Затраты времени	2001 г.				2006 г.				2009 г.				2011 г.							
	Женщины	Мужчины	Дети	Преобладающая позиция	Соотношение затрат времени, женщины / мужчины	Женщины	Мужчины	Дети	Преобладающая позиция	Соотношение затрат времени, женщины / мужчины	Женщины	Мужчины	Дети	Преобладающая позиция	Соотношение затрат времени, женщины / мужчины					
1. Покупка товаров	0,56	0,16	0,15	Жена	3,50	0,28	0,17	0,12	Жена	1,65	1,06	0,21	0,09	Жена	5,05	1,03	0,36	0,12	Жена	2,86
2. Приготовление пищи	1,25	0,14	0,13	Жена	8,92	0,54	0,19	0,17	Жена	2,84	1,27	0,22	0,08	Жена	7,14	1,14	0,23	0,10	Жена	4,96
3. Стирка, уход за одеждой	0,35	0,13	0,09	Жена	2,69	0,32	0,11	0,10	Жена	2,91	0,46	0,20	0,08	Жена	2,30	0,56	0,28	0,11	Жена	2,00
4. Уход за помещением	0,20	0,18	0,13	Жена	1,11	0,27	0,16	0,10	Жена	1,69	0,38	0,29	0,09	Жена	1,31	0,36	0,32	0,12	Жена	1,12
5. Уход за детьми	0,57	0,25	0,00	Жена	2,28	0,26	0,30	0,00	Муж	0,87	1,29	0,36	0,00	Жена	3,58	1,25	0,38	0,05	Жена	3,29
6. Другие виды труда	0,08	0,12	0,09	Муж	0,67	0,25	0,23	0,11	Жена	1,09	0,38	0,37	0,14	Жена	1,03	0,32	0,33	0,16	Муж	0,97
7. Оказание помощи родственникам	0,31	0,15	0,05	Жена	2,07	0,13	0,18	0,08	Муж	0,72	0,36	0,49	0,16	Муж	0,73	0,31	0,36	0,18	Муж	0,86
8. Всего	4,52	1,53	1,04	Жена	2,95	3,15	2,14	1,08	Жена	1,47	6,40	3,34	1,04	Жена	1,92	6,09	3,45	1,24	Жена	1,75

Третий: в современных семьях происходит постепенный «откат» от феминизации воспитания детей за счет становления института «нового отцовства». Как отмечает С.А. Орлянский, обязанности «нового отца» включают в себя уход за ребенком, заботу о нем, нравственное и интеллектуальное воспитание ребенка с момента его рождения. Однако, подчеркивает автор, он не является «домохозяином». Он работает, зарабатывает деньги, а после работы свободное время уделяет ребенку. Мужчина берет на себя часть домашних обязанностей, связанных с семейным общением, т.е. наряду с выполнением институциональной роли кормильца семьи он активно занимается воспитанием детей [20]. Так, количество времени на воспитание детей у мужчин в период 2001–2011 гг. увеличилось на 13 мин.

Тем не менее заметим, что интенсификация процесса маскулинизации воспитания детей, отмеченная нами в 2006 г., когда мужчины уделяли внимания своим детям даже на 4 мин. в день больше, чем мамы, замедлилась под воздействием мер государственной и региональной политики в области стимулирования рождаемости. Так, например, в результате внедрения регионального проекта «Предоставление пособий семьям, имеющим детей в возрасте от 1,5 до 5 лет, не посещающих муниципальные дошкольные образовательные учреждения» более 60% мам детей в возрасте до 5 лет не выходят на рынок труда после окончания отпуска по уходу за ребенком.

Четвертый тренд: данные осуществленных нами исследований опровергают оценки многих ученых, указывающих, что именно женщины в большей степени, чем мужчины, оказывают помощь родственникам. Так, начиная с 2006 г. именно мужчины, хотя и не значительно, «лидируют» по затратам времени на этот вид домашнего труда.

Пятый: в период 2001–2011 гг. незначительно сократилось соотношение временных затрат на стирку, шитье, уход за бельем, одеждой, обувью (с 2,69 до 2,00). При этом затраты времени на этот вид домашнего труда увеличились за 10 лет и у мужчин, и у женщин (на 16 и 21 минут соответственно). На наш взгляд, сдерживают снижение данного вида временных затрат слабое развитие сферы бытового обслуживания в регионах России и дороговизна стоимости уже существующих видов бытовых услуг.

Шестой: повышение уровня механизации семейной экономики сопровождается большим участием мужчин в уходе за помещением, мебелью и бытовыми приборами. Так, в 2011 г. мужчины и женщины затрачивали на этот вид домашней работы почти одинаковое количество времени (соотношение затрат времени составило 1,12).

В результате обозначенных выше положительных трендов в перераспределении домашних обязанностей между супругами ученые-гендерологи выделяют наряду с традиционным типом гендерных взаимодействий переходный и эгалитарный. В семьях с эгалитарной внутренней структурой наблюдается справедливое, пропорциональное, распределение семейных обязанностей, взаимозаменяемость супругов в решении бытовых проблем. При эгалитарных установках не существует гендерно-дифференцированных сфер ответственности, решения в семье принимаются демократично всеми ее членами.

Данный тип гендерного взаимодействия возможен только в условиях, приближенных к условиям конкурентного порядка, когда степень концентрации гендерной власти незначительна, т.к. она ограничена сферой свободы другого экономического агента. В этом случае субъектом гендерной власти становится рынок, а мужчины и женщины – рационально действующими индивидами на брачном рынке.

В аспекте методологии институциональной экономической теории это означает наличие эффективного брачного рынка, который присваивает всем участникам вмененные доходы или «цены», служащие стимулами для вступления в подходящие браки. «Вмененные цены» используются также при выборе «качества» будущего партнера.

Г. Беккер отмечает, что «мужчины и женщины более высокого качества вступают в брак с себе подобными, а не подбирают партнеров более низкого качества тогда, когда эти качества являются взаимодополняющими. Выбор по сходству оптимален, когда признаки являются взаимодополняющими, а выбор по различию — когда они являются взаимозаменяющими, т.к. партнеры высокого качества в первом случае усиливают, а во втором — дублируют характеристики друг друга».

Г. Беккер поясняет далее: «...Когда признаки являются взаимодополняющими, выигрыш от женитьбы на женщине данного качества больше для высококачественного мужчины, а когда они являются взаимозаменяющими — для низкокачественного» [9, с. 390]. Мы используем данную концепцию для изучения соотношения эгалитарных и традиционных типов гендерной власти в семье у женщин и мужчин.

В соответствии с гендерной методологией исследования мужчин и женщин, предпочитающих традиционную диспозицию гендерной власти, можно обозначить как низкокачественных. В свою очередь, мужчин и женщин, предпочитающих эгалитарный тип гендерного взаимодействия, — как высококачественных.

Согласимся с Г. Беккером в том, что критерием оптимальной сортировки экономических агентов на брачном рынке является набор равновесных доходов. В данном случае отсутствуют возможно-

сти формирования издержек, связанных с наличием элементов власти в транзакциях между ними (издержки подчинения и издержки отказа; см. об этом подробнее в [3]). Это становится возможным благодаря сокращению (или невозможности формирования) издержек подчинения и издержек отказа в результате нивелирования действия внутренних институтов гендерной власти у мужчин и у женщин, следствием функционирования которых является «занижение своей цены» на брачном рынке у женщин и, напротив, «завышение своей цены» у мужчин, когда женщины изначально выбирают мужчин более низкого качества (с традиционным типом диспозиции гендерной власти).

Не случайно Г. Беккер подчеркивал, что «некоторые участники выбирают себе партнеров худшего «качества», поскольку полагают, что партнеры «лучшего качества» слишком дороги» [9, с. 381], иными словами, им недоступны.

Определим далее количество женщин, у которых есть возможность осуществления оптимальной сортировки экономических агентов на брачном рынке по критерию равновесных доходов, а значит, формирования диспозиции гендерной власти эгалитарного типа. Начнем с того, что основным источником дохода и мужчин, и женщин в современной России является заработная плата, которая сегментирована по признаку пола.

Следовательно, необходимо определить экономических агентов, для которых независимая деятельность стала более эффективной. К ним, на наш взгляд, можно отнести долю женщин, занимающих руководящие должности с высоким уровнем заработной платы. Так, например, по данным мониторинга рынка труда топ-менеджеров в России (2000–2007 гг.), осуществленного Лабораторией исследований рынка труда ГУ ВШЭ, доля женщин

в назначениях на высшие руководящие должности стабильно росла — в российских компаниях данный показатель увеличился с 5,2% в 2000 г. до 20,1% в 2007 г., в иностранных компаниях — с 14 до 23,2% соответственно [20, с. 53].

К категории женщин, которые могут осуществлять независимую от мужа деятельность, на наш взгляд, можно отнести также женщин-работодателей. По данным обследования населения по проблемам занятости, их доля среди занятых женщин на российском рынке труда в период 2010–2012 гг. составляет около 1%. Кроме того, современные семьи со средним и высоким уровнем дохода коммерциализируют повседневность (заботу)⁴ за счет использования наемного труда (няни, домработницы). Так, например, по исследованиям О.Б. Савинской, в 2010 г. 16,1% респондентов прибегали к услугам нянь [15, с. 84].

Представляется, что тенденция к эгалитаризации гендерных взаимодействий между супругами будет только усиливаться, т.к. в настоящее время, по данным многочисленных исследований, доля граждан (особенно молодых) с установками на индивидуализм, ориентацией на прагматический идеал самодостаточной, успешной личности, способной самостоятельно добиться материального благополучия и социального статуса, увеличивается. Например, по данным Фонда «Общественное мнение», таких людей в России 18%⁵.

Напомним, что данные идеалы соответствуют характеристикам У-матрицы, основанной на высоком уровне автономии

защиты экономических агентов, т.е. приоритете Я над Мы, когда существует примат личности, ее прав и свобод по отношению к ценностям сообществ более высокого уровня. В таких условиях субъекты разобщены и могут функционировать самостоятельно, обособленно друг от друга [13]. Данная автономизация предполагает высокий уровень развития гражданского общества, который, по мнению многих ученых-гендерологов, является предпосылкой становления гендерно-паритетных отношений в национальной экономике.

Что касается третьего типа диспозиции гендерной власти, характерного для современных российских семей, — «переходного», то он, на наш взгляд, представляет промежуточный вариант гендерных взаимодействий между супругами, когда уменьшается действие института внутренней власти за счет снижения действия стереотипов положения и изменения гендерного статуса экономических агентов.

Для данного типа диспозиции гендерной власти характерно: 1) снижение степени концентрации гендерной власти мужчин в семейной экономике в результате большей их вовлеченности в домашнее хозяйство; 2) повышение роли женщин в принятии важных для семьи решений (матриархатная модель семьи).

Как мы считаем, в первом случае объектно-субъектный тип гендерного взаимодействия будет определяться в каждой семье индивидуально (биархатный тип диспозиции гендерной власти). В этой связи, например, В.А. Рамих отмечает, что «идеалы мужественности и женственности сегодня, как никогда, противоречивы: традиционные черты в них переплетаются с современными, они значительно полнее, чем раньше, учитывают многообразие индивидуальных вариаций. Общая тенденция развития в этой области заключается в ослаблении былой поляризации половых

⁴ Термин Е. Здравомысловой. См. об этом подробнее в [12].

⁵ Заметим, что именно этих респондентов специалисты Фонда назвали «людьми XXI века». Данная группа социальных активистов существенно отличается от остального населения России. Они проектируют свое будущее и проявляют способность к осознанному накоплению и мобилизации социальных и материальных ресурсов, демонстрируют самостоятельность и социальную устойчивость (см. об этом подробнее в [17]).

Таблица 3. Динамика приоритетов в формировании доходов в семьях, в %

Чьи доходы в семейном бюджете являются преобладающими?	2001 г.	2006 г.	2009 г.	2011 г.
1. Мужа	29,7	44,6	39,8	43,6
2. Жены	34,2	26,9	27,2	31,6
3. Детей	13,9	8,9	10,2	4,5
4. Родителей-пенсионеров	9,2	3,1	5,5	2,9
5. Поддержка родственников	8,6	2,2	2,4	1,51
6. Равнозначные	4,4	14,3	14,9	15,89

ролей и связанных с ними социокультурных стереотипов. В этих условиях социальные роли мужчины и женщины перестают казаться полярными, взаимоисключающими, открывается возможность разнообразных индивидуальных сочетаний» (цит. по [20]).

В матриархатном типе гендерной власти институциональные роли экономических агентов перераспределены, женщины в таких семьях выступают в качестве субъекта гендерной власти, а мужчины — ее объекта. В данном случае женщина становится основным добытчиком рыночного капитала, а накоплением специфического «семейного» капитала занимается в основном мужчина. Максимизация полезности достигается в том случае, когда у мужчины уровень заработной платы значительно ниже, чем у женщины⁶. По результатам нашего исследования таких семей в Пермском крае около 30% (табл. 3).

В матриархатном типе семьи распространена ситуация, когда в отпусках по уходу за ребенком уходят мужчины. По данным службы исследований компании «HeadHunter», доля таких семей в настоящее время в России составляет около 7% [8].

⁶ Кроме того, согласно институциональной экономической теории основанием специализации в накоплении рыночного или семейного капитала служат различия в уровне образования партнеров, который является определяющим фактором в формировании величины заработной платы. Однако в условиях современной России такое положение, как показывают статистические данные, пока не соблюдается.

Далее, для определения величины спроса на институты гендерной власти эгалитарного типа у экономических агентов используем один из основных постулатов синергетики, который предполагает, что в высокоэффективной синергетической системе должно быть неперемutable взаимодействие, т.е. когерентность поведения между ее отдельными компонентами [10, с. 387].

С этих позиций возможны два основных типа взаимодействий: 1) согласованный — при условии когерентности условий диспозиций власти, определяемых институтом власти в лице ее главы и институтом внутренней власти; 2) несогласованный — напротив, предполагающий их несоответствие. Представляется, что традиционный и эгалитарный типы гендерной власти в семье с этих позиций являются согласованными, в переходном типе возможны оба варианта взаимодействий.

При традиционном типе гендерного взаимодействия и женщины, и мужчины должны быть удовлетворены гендерно-дифференцированным разделением труда в семейной экономике. Как показывают результаты исследований, традиционную модель семьи предпочитают 26% респондентов, из них 15% девушек и 85% юношей [21]. При этом если эти данные обработать с использованием коэффициентов позиционного согласия, то консонансные позиции (согласованные модели гендер-

ного поведения) будут характерны только для 3% ответов респондентов. В связи с вышеизложенным и учитывая результаты других исследований, можно отметить, что традиционный тип гендерной власти устанавливается не более чем в 20–25% современных российских семей.

Модель эгалитарных отношений является гендерно-сбалансированной (согласованной), так как учитываются интересы обоих супругов, наблюдается симметрия при распределении домашних обязанностей. При этом выбор каждого члена семьи относительно того, на что тратить свое время (на работу в рыночном секторе или в домашнем хозяйстве), зависит от соотношения заработков на рынке труда, альтернативных издержек на производство благ в домашнем хозяйстве и эгалитарных установок поведения супругов. По нашим оценкам, доля таких семей в современной России составляет около 15%.

«Переходный» тип согласованных отношений наблюдается в семьях, где обоих супругов устраивает снижение степени концентрации гендерной власти мужчин в семейной экономике в результате большей их вовлеченности в домашнее хозяйство либо повышения роли женщин в принятии важных для семьи решений (матриархатная модель семьи).

Рассогласованность в переходном типе диспозиции гендерной власти может проявляться в случае, когда хотя бы один из супругов не удовлетворен участием в накоплении специфического рыночного или «семейного» капитала, т.е. внутренние установки наноагентов не совпадают с диспозицией гендерной власти, навязываемой им главой семьи. Согласно результатам многих исследований именно данный тип гендерных взаимодействий, к сожалению, характерен для большинства современных российских семей. По-видимому, отмечает М.Ю. Арутюнян, в противоречивом соче-

тании патриархальных (у мужчин) и эгалитарных (у женщин) гендерных соглашений как раз и заключается «гендерное несчастье» российских семей [1]. В результате особенно у молодых супругов отмечается низкая степень удовлетворенности браком и, как следствие, высокие значения коэффициента разводимости, по которым Россия занимает первое место в мире. Причем процесс рассогласования диспозиции гендерной власти в российских семьях только усиливается.

Так, например, контент-анализ 32 проективных сочинений «Моя будущая семья», осуществленный С.В. Заевым в 2005 г., показал, что почти для 40% респонденток более предпочтительными являются эгалитарные гендерные контракты в семье, где базой отношений выступают не материальный достаток и четкое разделение властных ресурсов, а высокий уровень психологической совместимости. В отличие от них, большинство юношей (75%) характеризуется традиционными представлениями об экономике семьи: ставя себя на место главы и кормильца, они взамен рассчитывают получить эмоционально-психологическую и сексуальную поддержку [11, с. 28–29].

Данные, полученные в ходе исследования Т.Г. Поспеловой и обработанные с использованием программы Кобра-КД⁷, свидетельствуют о том, что в 2008 г. уже 87% девушек стали предпочитать эгалитарный тип гендерного взаимодействия [21, с. 48].

Тем не менее для большинства женщин и мужчин, предпочитающих эгалитарный тип гендерной власти в семейной экономике, характерна рассогласованность в общей системе институциональных ролей, обусловленная некогерентностью диспозиции власти на каждом уровне иерархии системы институтов гендерной власти (см. об этом подробнее: [3, 5]).

⁷ Программа «Кобра-КД» разработана НИИКСИ СПбГУ специально для проведения более детального гендерного анализа социологической информации.

Например, как показывают итоги наших исследований гендерных характеристик личности⁸, осуществляемых начиная с 2011/2012 уч. г. ежегодно в качестве входного контроля знаний при изучении курса «Гендерология и феминология», большинство девушек и юношей, с одной стороны, считают, что стремление сделать карьеру, высокий профессионализм, успехи в бизнесе, лидерство в любой сфере должны быть характерны и для женщин, и для мужчин.

Кроме того, респонденты подчеркивают, что «традиция активного выдвижения мужчин на руководящие должности устарела и их должны занимать в равной степени и мужчины, и женщины», отрицая, что «женщина – прежде всего мать, важнейшее ее предназначение – рождение и воспитание детей. Эта роль – главнее всех других ее ролей».

С другой стороны, респонденты констатируют следующее: «Биологическая принадлежность к тому или иному полу доказывает, что возможности мужчины и женщины в различных сферах жизни неодинаковы, а следовательно, некоторые ограничения по признаку пола все-таки необходимы»; «Правильно считается, что существуют такие мужские сферы, в которых участие женщин должно быть ограничено (например, в политике, дипломатии и др.), и, как следствие, для женщины «самое главное – семья». Причем, судя по ответам, позиции девушек более противоречивы, чем юношей.

В результате ученые-психологи приходят к заключению, что для современных мужчин и женщин в России характерны кризисы гендерной идентичности личности: кризис достижения согласованности гендерной идентичности, кризис само-

актуализации гендерной идентичности, кризис внешнего подтверждения гендерной идентичности⁹, которые, по данным исследований С.Б. Кохановой, выявляются у 76% девушек и только у 30% юношей [14, с. 108].

Кроме того, возможен рассогласованный тип гендерного взаимодействия в матриархатных семьях. Например, когда в семье, где добытчиком основного капитала является женщина, предполагается, что мужчина, в меньшей степени занятый на рынке труда или не занятый вообще, должен выполнять определенные обязанности по ведению домашнего хозяйства в обмен на экономическую поддержку со стороны женщины. Однако в действительности, как показывают исследования, зависимые мужья выполняют тем меньше домашних дел, чем в большей степени они экономически зависимы от своих жен [7]. Эта закономерность в наибольшей степени проявляется в семьях с низким уровнем доходов. Соответственно, наблюдается явная рассогласованность в данном типе внутрисемейных отношений.

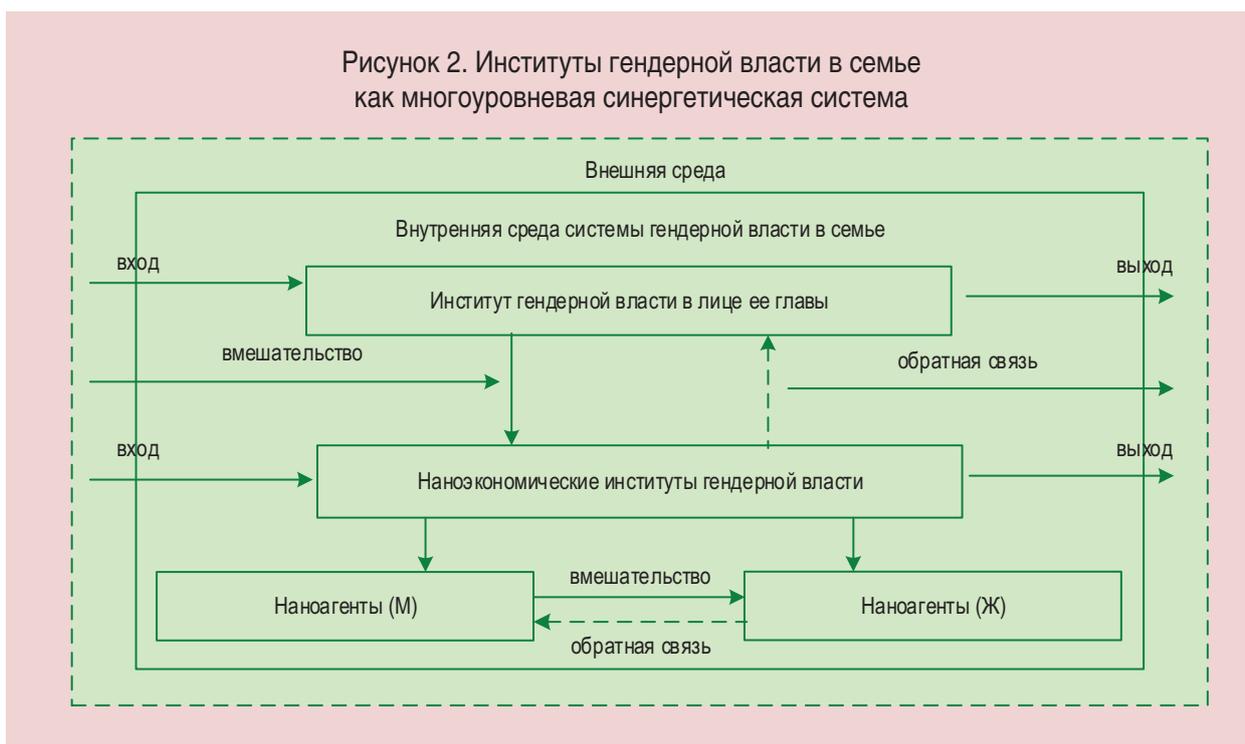
На наш взгляд, обозначенные выше переходные типы гендерных взаимодействий соответствуют текущим условиям и достигнутым результатам в развитии институтов гендерной власти либерального типа, для которых, как отмечалось нами в [3], характерна разветвленная сеть субъектов гендерной власти: мужчины, социальное окружение, организации и государство.

В данном случае семья уже выступает в качестве открытой системы с внешними факторами воздействия (*рис. 2*). Напомним, что именно благодаря интенсивному (потокному) обмену между веществом, энергией

⁸ В данном исследовании, проведенном с использованием опросника И.С. Клециной, приняли участие более 150 студентов юридического, экономического и философско-социологического факультетов ПГНИУ.

⁹ Гендерная идентичность – это представление (когнитивный компонент), отношение (аффективный компонент) и реализация в поведении (конативный компонент) личностью своего гендера в гендерном пространстве личностной бытийности: пространстве среды, деятельности, организма. См. об этом подробнее: [19, с. 151].

Рисунок 2. Институты гендерной власти в семье как многоуровневая синергетическая система

и информацией с окружающей средой в неравновесных условиях [10, с. 387] система институтов гендерной власти, согласно второму постулату синергетики, может стать высокоэффективной синергетической системой.

Получается, что тенденция к рассогласованности взаимодействия супругов внутри семьи обусловлена некогерентностью целей функционирования институтов гендерной власти в семье и институтов гендерной власти, находящихся на более высоких уровнях иерархии: власть социального окружения, власть организации, власть государства и региона (см. об этом подробнее: [3, 5]).

В таких условиях достичь равновесия значительно сложнее, т.к. нормы поведения дестабилизированы, следовательно, обладают низкой степенью устойчивости, отсутствует последовательность в их исполнении, увеличиваются транзакционные издержки, связанные с их применением, присутствует сложность сопряжения с другими правилами поведения; появляются

агенты, желающие изменить стереотипы гендерного поведения. Таким образом, все основные механизмы, необходимые для институционализации норм поведения, выделенные В.М. Полтеровичем – устойчивости, координации, сопряжения, обучения и инерции [22, с. 73-76], не соблюдаются.

Кроме того, с точки зрения воздействия на систему институтов гендерной власти социально-экономической системы в целом, как было установлено нами в [6], наиболее оптимальным для современного этапа развития общества является нивелирование концентрации гендерной власти в экономике семьи, что соответствует эгалитарному типу согласованного взаимодействия между супругами. Установление данного типа равновесия возможно только в адекватных институциональных условиях, что подтверждает необходимость и готовность экономических агентов к модернизации системы институтов гендерной власти в экономике России.

Литература

1. Арутюнян, М.Ю. Гендерные отношения в семье / М.Ю. Арутюнян // Валдай–96: материалы Первой российской летней школы по женским и гендерным исследованиям. – М.: МЦГИ, 1997. – С. 132-133.
2. Базуева, Е.В. Человеческий капитал Пермского края: гендерные особенности реализации / Е.В. Базуева // Экономика региона. – 2010. – №2. – С. 46-59.
3. Базуева, Е.В. Институциональный анализ системы гендерной власти в современной России / Е.В. Базуева // Экономический анализ: теория и практика. – 2011. – №19. – С. 9-20.
4. Базуева, Е.В. Гендерные особенности формирования бюджетов домохозяйств в Пермском крае (по результатам лонгитюдного исследования «Социально-рыночная экономика семьи») / Е.В. Базуева // Региональная экономика: теория и практика. – 2012. – №33. – С. 39-49.
5. Базуева, Е.В. Институциональная среда современной России: гендерный критерий эффективности / Е.В. Базуева // Вестник Пермского университета. Серия: Экономика. – 2011. – №2. – С. 48-60.
6. Базуева, Е.В. Эконометрический анализ взаимосвязи показателей национальной экономики и гендерного неравенства / Е.В. Базуева // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. – 2013. – №2. – С. 71-84.
7. Балабанова, Е.С. Домашний труд как символ гендера и власти / Е.С. Балабанова // Социологические исследования. – 2005. – №6. – С. 109-120.
8. Батенева, Т. Папа может... / Т. Батенева // Российская газета «Бизнес». – 2012. – №850. – 5 июня.
9. Беккер, Г. Человеческое поведение: экономический подход / пер. с англ.; Г. Беккер. – М.: ГУ ВШЭ, 2003. – 672 с.
10. Заковоротная, М.В. О философских проблемах управления социальными системами: состояние вопроса и перспективы / М.В. Заковоротная // Синергетика и проблемы теории управления / под ред. А.А. Колесникова. – М.: ФИЗМАТЛИТ, 2004. – С. 465-482.
11. Заев, С.В. Элементы контракта отношений в семейных представлениях молодежи / С.В. Заев // Личность как субъект экономического бытия: гендерный аспект. Гендерный анализ экономических отношений в семье, профессиональной деятельности, политике, сфере развлечений: матер. V Всерос. науч.-практ. семинара. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2005. – С. 24-29.
12. Няни: коммерциализация заботы // Новый быт в современной России: гендерные исследования повседневности: коллективная монография / под ред. Е. Здравомысловой, А. Роткирх, А. Темкиной. – СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009. – С. 94-137.
13. Кирдина, С.Г. X- и Y-экономики: Институциональный анализ / С.Г. Кирдина; Институт экономики. – М.: Наука, 2004. – 256 с.
14. Коханова, С.Б. Эмпирическое описание смысловых механизмов гендерной идентичности личности студенческой молодежи г. Армавира / С.Б. Коханова // Актуальные проблемы современной гендерологии. – Вып. 4: материалы 54 ежегодной научно-методической конференции преподавателей и студентов «Университетская наука – региону» (16 апреля 2009 г.). – Москва – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2009. – С. 101-109.
15. Мониторинг рынка труда топ-менеджеров в России (2000–2007 гг.) / Г.А. Лукьянов, С.Ю. Рошин, С.А. Солнцев, П.В. Травкин, Н.С. Успенский: препринт WP 15/2009/02 серия WP 15 Научные труды лаборатории исследований рынка труда. – М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2009. – 73 с.
16. Малышева, М.М. Современный патриархат. Социально-экономическое эссе / М.М. Малышева. – М.: Academia, 2001. – 352 с.
17. Модернизация семьи: установки людей-XXI [Электронный ресурс] // Демоскоп-Weekly. – 2011. – № 475-476. – 29 августа–11 сентября. – Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2011/0475/opros01.php> (дата обращения: 26.09.2012 г.).
18. Норт, Д. Понимание процесса экономических изменений / Д. Норт; пер. с англ. К. Мартынова, Н. Эдельмана. – М.: Изд. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики, 2010. – 256 с.
19. Ожигова, Л.Н. Психология гендерной идентичности личности / Л.Н. Ожигова. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2006. – 290 с.
20. Орлянский, С.А. Трансформация социальных ролей мужчин (по материалам социологического исследования: сравнительный анализ) / С.А. Орлянский // Актуальные проблемы современной гендерологии. – Вып. 3: материалы 53 ежегодной научно-методической конференции преподавателей и студентов «Университетская наука – региону» (16 апреля 2008 г.). – Москва – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2008. – С. 32-41.

21. Поспелова, Т.Г. О методах гендерного анализа социологической информации) / Т.Г. Поспелова // Актуальные проблемы современной гендерологии. – Вып. 4: материалы 54 ежегодной научно-методической конференции преподавателей и студентов «Университетская наука – региону» (16 апреля 2009 г.). – Москва – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2009. – С. 47-49.
22. Полтерович, В.М. Элементы теории реформ / В.М. Полтерович. – М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2007. – 447 с.
23. Савинская, О.Б. Ценность занятости и предпочтения в условиях труда матерей дошкольников / О.Б. Савинская // Женщина в российском обществе. – 2011.
24. Сухарев, О.С. Экономика будущего: теория институциональных изменений (новый эволюционный подход) / О.С. Сухарев. – М.: Финансы и статистика, 2011. – 432 с.
25. Тамбовцев, В.Л. Теории институциональных изменений: учеб. пособие / В.Л. Тамбовцев. – М.: ИНФРА-М, 2009. – 154 с.
26. Тоффлер, Э. Третья волна / Э. Тоффлер. – М.: АСТ, 1999. – 784 с.

Bazueva E.V.

Transformation of gender power disposition in modern families as a driving force of institutional changes

Elena Valer'evna Bazueva – Ph.D. in Economics, Associate Professor, Department of World Economics and Economic Theory, Federal State-Financed Educational Institution of Higher Professional Education “Perm State National Research University” (15, Bukirev Street, Perm, 614990, Russia, bazueva.l@mail.ru)

Abstract. The article uses the synthesis of the institutional theory tools and synergetics for analyzing the need to optimize the existing system of gender power institutions in the modern Russian economy. It is known that the performance effectiveness of the projected institutions is determined by the fact that economic agents are in need of such changes. In this regard, the article is focused on a study of the processes of transformation of the traditional type of gender power disposition in Russian families. It has been determined that they are characterized by a more equal distribution of functions in the organization of household. Therefore, currently, along with the traditional type of gender power, we define two more types: the egalitarian type, when the interests of both spouses are considered and there is symmetry in the distribution of household responsibilities, and the transitional type (interim version of gender interactions between spouses). The family was considered as a closed and an open system for determining the efficiency of reproduction of these gender power types in the modern economy. In the first case, using the synergy postulates, we can distinguish two types of gender interaction in the family: coordinated interaction – if the conditions of power disposition, defined by the power institution represented by the head of the family and the institute of internal power, are coherent; and uncoordinated interaction. From this perspective, traditional and egalitarian types were referred to coordinated types of interaction. The transitional type admits both variants of interactions. The author determined the number of families that implement each type of gender interaction between spouses. It is found that mismatch between gender power disposition in Russian families is increasing. The representation of a family as an open system with external influence factors has made it possible to determine that this trend is caused by the incoherence of the purposes of functioning of gender power institutions in the family and gender power institutions that are at higher levels of the hierarchy: the power of social environment, the power of an organization, the power of the state and region. In such conditions, all the basic mechanisms necessary for ensuring the institutionalization of behavior standards such as stability, coordination, integration, learning and inertia are not observed, which confirms the need and willingness of economic agents to modernize the gender power institutions in Russia's economy.

Key words: system of institutions; institutional changes; gender power institutions; gender relationships in the family.

References

1. Arutyunyan M.Yu. Gendernye otnosheniya v sem'e [Gender Relations in the Family]. *Valdai–96: materialy Pervoi rossiiskoi letnei shkoly po zhenskim i gendernym issledovaniyam* [Valdai–96: Proceedings of the First Russian Summer School on Studies of Women and Gender]. Moscow: MTsGI, 1997. Pp. 132–133.
2. Bazueva E.V. Chelovecheskii kapital Permskogo kraia: gendernye osobennosti realizatsii [The Human Capital of the Perm Region: Gender Peculiarities of Realization]. *Ekonomika regiona* [Economy of the Region], 2010, no.2, pp. 46–59.
3. Bazueva E.V. Institucional'nyi analiz sistemy gendernoi vlasti v sovremennoi Rossii [Institutional Analysis of Gender in Contemporary Russia]. *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika* [The Economic Analysis: Theory and Practice], 2011, no.19, pp. 9–20.
4. Bazueva E.V. Gendernye osobennosti formirovaniya byudzhetrov domokhozyaistv v Permskom krae (po rezul'tatam longitudnogo issledovaniya "Sotsial'no-rynochnaya ekonomika sem'i") [Gender-Related Specifics of Formation of Household Budgets in Perm Krai (on the Findings of a Longitudinal Study "Social and Market Economy of the Family")]. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika* [Regional Economics: Theory and Practice], 2012, no.33, pp. 39–49.
5. Bazueva E.V. Institucional'naya sreda sovremennoi Rossii: gendernyi kriterii effektivnosti [Institutional Environment in Modern Russia: Gender Criterion of Efficiency]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Ekonomika* [Bulletin of Perm University. Series: Economics], 2011, no.2, pp. 48–60.
6. Bazueva E.V. Ekonometricheskii analiz vzaimosvyazi pokazatelei natsional'noi ekonomiki i gendernogo neravenstva [Econometric Analysis of the Relationship between National Economic Indicators and Gender Inequality]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6: Ekonomika* [The Moscow University Herald. Series 6: Economics], 2013, no.2, pp. 71–84.
7. Balabanova E.S. Domashnii trud kak simvol gendera i vlasti [Housework as a Symbol of Gender and Power]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2005, no.6, pp. 109–120.
8. Bateneva T. Papa mozhet... [Dad Can...]. *Rossiiskaya gazeta "Biznes"* [Russian Newspaper "Business"], 2012, no.850, June 5.
9. Becker G. *Chelovecheskoe povedenie: ekonomicheskii podkhod* [The Economic Approach to Human Behavior]. Translated from English. Moscow: GU VShE, 2003. 672 p.
10. Zakovorotnaya M.V. O filosofskikh problemakh upravleniya sotsial'nymi sistemami: sostoyanie voprosa i perspektivy [On the Philosophical Issues of Management of Social Systems: Status and Prospects]. *Sinergetika i problemy teorii upravleniya* [Synergetics and the Issues of Management Theory]. Ed. by A.A. Kolesnikov. Moscow: FIZMATLIT, 2004. Pp. 465–482.
11. Zaev S.V. Elementy kontrakta otnoshenii v semeinykh predstavleniyakh molodezhi [Elements of Contract of Relations in a Family: the Views of Young People]. *Lichnost' kak sub"ekt ekonomicheskogo bytiya: gendernyi aspekt. Gendernyi analiz ekonomicheskikh otnoshenii v sem'e, professional'noi deyatel'nosti, politike, sfere razvlechenii: mater. V Vseros. nauch.-prakt. Seminara* [Personality as a Subject of Economic Life: the Gender Aspect. Gender Analysis of Economic Relations in Family, Career, Politics, Entertainment: Proceedings of the 5th All-Russia Research-to-Practice Seminar]. Krasnodar: Kubanskii gos. un-t, 2005. Pp. 24–29.
12. Nyani: kommersializatsiya zaboty [Babysitting: Commercialization of Care]. *Novyi byt v sovremennoi Rossii: gendernye issledovaniya povsednevnosti: kollektivnaya monografiya* [New Everyday Life in Contemporary Russia: Gender-Related Research into Everyday Life: Collective Monograph]. Ed. by E. Zdravomyslova, A. Rotkirkh, A. Temkina. Saint Petersburg: Izd-vo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2009. Pp. 94–137.
13. Kirdina S.G. *X- i Y-ekonomiki: Institucional'nyi analiz* [The X- and the Y-economies: Institutional Analysis]. Moscow: Nauka, 2004. 256 p.
14. Kokhanova S.B. Empiricheskoe opisaniye smyslovykh mekhanizmov gendernoi identichnosti lichnosti studentcheskoi molodezhi g. Armavira [Empirical Description of Semantic Mechanisms of Gender Identity of Personality in Students Living in the City of Armavir]. *Aktual'nye problemy sovremennoi genderologii. – Vyp. 4: materialy 54 ezhegodnoi nauchno-metodicheskoi konferentsii prepodavatelei i studentov "Universitetskaya nauka – region" (16 aprelya 2009 g.)* [Topical Issues of Modern Genderology. Vol. 4: Proceedings of the 54th Annual Research-and-Methodological Conference of Teachers and Students "University Science – to the Region" (April 16, 2009)]. Moscow – Stavropol: Izd-vo SGU, 2009. Pp. 101–109.
15. Luk'yanov G.A., Roshchin S.Yu., Solntsev S.A., Travkin P.V., Uspenskii N.S. *Monitoring rynka truda top-menedzherov v Rossii (2000–2007 gg.): preprint WP 15/2009/02 seriya WP 15 Nauchnye trudy laboratorii issledovaniya rynka truda* [The Monitoring of the Labor Market of Top Managers in Russia (2000–2007): Preprint WP

- 15/2009/02 series WP 15 Scientific Works of the Laboratory for Labor Market Research]. Moscow: Izd-vo GU VShE, 2009. 73 p.
16. Malysheva M.M. *Sovremenniy patriarkhat. Sotsial'no-ekonomicheskoe esse* [Modern Patriarchate. Socio-economic Essay]. Moscow: Academia, 2001. 352 p.
 17. Modernizatsiya sem'i: ustanovki lyudei-XXI [Modernization of the Family: Attitudes of People in the 21st Century]. *Demoskop-Weekly* [Demoscope Weekly], 2011, no.475-476, August 29 – September 11. Available at: <http://demoscope.ru/weekly/2011/0475/opros01.php> (Accessed September 26, 2012).
 18. North D. *Ponimanie protsessa ekonomicheskikh izmenenii* [Understanding the Process of Economic Change]. Translated from English by K. Martynov, N. Edel'man. Moscow: Izd. dom Gos. un-ta Vyshei shkoly ekonomiki, 2010. 256 p.
 19. Ozhigova L.N. *Psikhologiya gendernoi identichnosti lichnosti* [Psychology of Gender Identity of a Personality]. Krasnodar: Kubanskii gos. un-t, 2006. 290 p.
 20. Orlyanskii S.A. Transformatsiya sotsial'nykh rolei muzhchin (po materialam sotsiologicheskogo issledovaniya: sravnitel'nyi analiz) [Transformation of Social Roles of Men (on the Materials of Sociological Research: Comparative Analysis)]. *Aktual'nye problemy sovremennoi genderologii. – Vyp. 3: materialy 53 ezhegodnoi nauchno-metodicheskoi konferentsii prepodavatelei i studentov "Universitetskaya nauka – regionu" (16 aprelya 2008 g.)* [Topical Issues of Modern Genderology. Vol. 3: Proceedings of the 53rd Annual Research-and-Methodological Conference of Teachers and Students "University Science – to the Region" (April 16, 2008)]. Moscow – Stavropol: Izd-vo SGU, 2008. Pp. 32-41.
 21. Pospelova T.G. O metodakh gendernogo analiza sotsiologicheskoi informatsii [About the Methods of Gender-Related Analysis of Sociological Information]. *Aktual'nye problemy sovremennoi genderologii. – Vyp. 4: materialy 54 ezhegodnoi nauchno-metodicheskoi konferentsii prepodavatelei i studentov "Universitetskaya nauka – region" (16 aprelya 2009 g.)* [Topical Issues of Modern Genderology. Vol. 4: Proceedings of the 54th Annual Research-and-Methodological Conference of Teachers and Students "University Science – to the Region" (April 16, 2009)]. Moscow – Stavropol: Izd-vo SGU, 2009. Pp. 47-49.
 22. Polterovich V.M. *Elementy teorii reform* [Elements of the Theory of Reforms]. Moscow: ZAO "Izdatel'stvo "Ekonomika", 2007. 447 p.
 23. Savinskaya O.B. Tsennost' zanyatosti i predpochteniya v usloviyakh truda materei doshkol'nikov [Value of Employment and the Preferences in Working Conditions of Mothers of Preschool Children]. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve* [Woman in Russian Society], 2011.
 24. Sukharev O.S. *Ekonomika budushchego: teoriya institutsional'nykh izmenenii (novyi evolyutsionnyi podkhod)* [Economy of the Future: the Theory of Institutional Change (New Evolutionary Approach)]. Moscow: Finansy i statistika, 2011. 432 p.
 25. Tambovtsev V.L. *Teorii institutsional'nykh izmenenii: ucheb. Posobie* [The Theories of Institutional Change: Textbook]. Moscow: INFRA–M, 2009. 154 p.
 26. Toffler A. *Tret'ya volna* [The Third Wave]. Moscow: AST, 1999. 784 p.

Оценка профессиональной деятельности руководителя организации социальной сферы

**Лариса Осиповна
КОЧЕШКОВА**

кандидат педагогических наук, заведующий отделом,
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт
социально-экономического развития территорий Российской академии наук
(160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56 а, k.lar@mail.ru)

Аннотация. Оценка результативности управления организацией, а также профессиональной деятельности субъекта этого процесса – руководителя – является одной из важнейших задач современного менеджмента. Пока же чаще оцениваются результаты деятельности только организации в целом или ее сотрудников. Для этого применяется достаточно большое количество методов, разработаны вариативные технологии. Но в то же время еще в недостаточной степени распространена оценка результативности профессиональной деятельности руководителей организаций, не обозначены конкретные показатели этой процедуры, как правило, они не отражают специфических особенностей сферы, отрасли. В статье предложены показатели для оценки профессиональной деятельности руководителей учреждений социальной сферы (на примере отрасли здравоохранения), охарактеризованы уровни достижения результатов. Эмпирическая апробация показателей проходила в процессе двух исследований, проведенных сотрудниками ИСЭРТ РАН в 2013 году по усовершенствованным методикам – «Анализ условий функционирования и развития учреждений здравоохранения в контексте модернизации отрасли» и «Оценка качества и доступности медицинских услуг». Для их реализации применялся социологический опрос методом раздаточного анкетирования. В результате выполненных исследований было выдвинуто предложение об обязательном учете в процессе оценивания как самооценки руководителей, так и внешней оценки их деятельности со стороны потребителей услуг – населения. А также даны рекомендации органам государственной исполнительной власти, Департаменту здравоохранения Вологодской области, медицинским учреждениям для выработки решений в отношении совершенствования управленческого кадрового потенциала отрасли в целом и отдельных лечебно-профилактических учреждений.

Ключевые слова: управление, результативность, руководитель, оценка профессиональной деятельности, качество, показатели оценки.

Изучение результативности управления является одним из важнейших направлений в современном менеджменте, в основу которых закладываются такие подходы, как: «управление по целям» (management by objectives – MBO), «управление по результатам» (management by results – MBR), «система сбалансированных показателей» (balanced scorecard – BSC), «управление эффективностью» (performance management – PM), «всеобщее управление качеством» (total quality management – TQM).

Результативность зависит от групповых и индивидуальных результатов и определяется как «...способность добиваться определенного результата...» [10]. Она представляет собой комплексную категорию, включающую следующие показатели [там же]:

- действенность;
- экономичность;
- эффективность;
- качество (управления, процессов, предоставляемых услуг или производимых товаров, условий труда и т.п.);
- производительность;
- инновационность;
- сбалансированность интересов основных групп заинтересованных в делах организации лиц, что необходимо для укрепления ее позиций в обществе и т.д.

Нами результативность управления представляется как уровень достижения стратегической цели, качественных и количественных показателей. К сожалению, в теории и практике управления недостаточно внимания уделяется и непосредственно ее рассмотрению, и более подробному изучению показателей качества деятельности отдельных субъектов, в том числе руководителей организаций, оценке достигаемых ими профессиональных результатов.

Оценка деятельности работника – это систематическое изучение процесса труда

индивида и его достижений [15]. Она сводится к оценке результатов работы и факторов, определяющих степень достижения этих результатов.

Можно привести также еще одно определение используемого нами термина «оценка»: это анализ соответствия профессиональных и личных характеристик (компетенций) индивида требованиям должности, которую он занимает, при помощи определенных показателей [15].

Анализ теоретических источников по проблеме оценки деятельности руководителей организаций позволяет сделать вывод, что показатели деловой оценки классифицируются по трем категориям:

– характеристики личностных качеств: свойства личности рассматриваются как потенциал достижения цели конкретным работником;

– профессиональное поведение: мотивация к профессиональному развитию; непрерывное обучение; способность работать в команде и самостоятельно; способность принимать решения; готовность к принятию дополнительной нагрузки и ответственности; инициативность;

– результативность труда: производительность труда работника; квалификация; владение профессиональными навыками и т.п. [14].

Существует специфика оценки деятельности руководителя организации в связи с особенностями выполнения им своих профессиональных управленческих полномочий. Эта оценка выполняется:

1) через результативность и эффективность работы всей подведомственной системы;

2) оценку профессиональной деятельности руководителя как лидера коллектива, ведущего организатора процесса функционирования и развития отрасли, организации.

В первом случае для оценивания включаются такие объекты, как:

- качество управления отраслью, организацией (воздействие на основные и обслуживающие процессы);
- качество управления различными видами ресурсов (материальными, трудовыми, информационными и т.д.);
- качество управления функциональными областями (исследованиями и разработками, процессами, предоставлением услуг, финансами и др.).

Во втором случае рассматриваются показатели [5]:

1. Социальный портрет руководителя:
 - пол;
 - возраст;
 - образование;
 - стаж работы (в том числе в качестве руководителя);
 - выполняемые управленческие роли (человек, стоящий во главе отрасли, организации; руководитель коллектива; хозяйственник; исследователь; экспериментатор и т.д.);
 - количественный и качественный состав возглавляемых им коллективов;
 - самооценка;
 - профессиональные планы;
 - удовлетворенность работой;
 - социальное самочувствие (социальные и материальные условия жизни, степень удовлетворенности ими руководителя).
2. Уровень общей культуры.
3. Профессиональное выполнение управленческих действий (функций).
4. Выполнение дополнительных функций: культурно-просветительской; социальной; финансовой; юридической (правовой); хозяйственно-экономической; проектной, консалтинговой.
5. Рациональный стиль управления.
6. Авторитет внутриорганизационный, межорганизационный, в окружающем социуме.

7. Умение вести диалог с различными структурами (коммуникативные умения и навыки).

8. Способность воспринимать и генерировать новые идеи, активно участвовать в их реализации. Инновационная направленность деятельности.

9. Личный вклад в разработку перспектив развития отрасли, организации (наличие собственной обоснованной управленческой концепции как относительно целостной и устойчивой совокупности наиболее важных взглядов, представлений об управлении развивающейся отраслью, организацией и протекающими в ней процессами и т.п.).

10. Умение доводить начатые преобразования до конца.

В связи с вышесказанным категорию показателей деловой оценки «характеристики личностных качеств» необходимо дополнять оценкой руководителя как лидера коллектива, ведущего организатора процесса функционирования и развития отрасли, организации. А «результативность труда» – результативностью и эффективностью работы всей подведомственной системы и качеством управления.

В собственных исследованиях нами доказано, что результативность деятельности руководителей отраслей и организаций и качество управления могут достигаться по четырем уровням получения результатов:

I – уровень исполнительской деятельности;

II – уровень осознанной деятельности;

III – уровень преобразований системы управления;

IV – уровень авторской системы управления.

Их характеристику можно представить в виде следующей таблицы (табл. 1).

Как видно в таблице, переход с одного уровня на другой происходит непрерывно и постепенно – от уровня исполнитель-

Таблица 1. Характеристика уровней развития профессиональной компетентности и способности руководителя достигать результатов в деятельности

№ п/п	Уровень развития профессиональной компетентности и способности руководителя достигать результатов	Характеристика деятельности руководителя и достигаемых им результатов
1.	Уровень исполнительской деятельности (операционный уровень)	Начальный уровень развития профессиональной компетентности в управлении отраслью (организацией). Основу составляет зарождающийся опыт практической управленческой деятельности. Руководитель – исполнитель
2.	Уровень осознанной деятельности (тактический уровень)	Руководитель приобретает опыт управления. Действует на основе научного подхода к управлению и накопленного опыта осознанной практической деятельности. Его компетентность включает применение знаний в значительном диапазоне сложных и нестандартных работ, выполняемых в различных обстоятельствах. У него появляется автономность. Руководитель – автоном
3.	Уровень преобразований системы управления (стратегический уровень)	Деятельность руководителя творческая, преобразовательная; основывается на системном научном подходе и опыте решения стратегических проблем в управляемой им отрасли (организации). Руководитель – преобразователь, стратег
4.	Уровень авторской системы управления (исследовательский уровень)	Методологически обоснованное управление. Сочетание научных и профессиональных интересов. Инициативность в создании авторских моделей управления. Руководитель – исследователь
Источник: составлено автором.		

ской деятельности к осознанной деятельности, затем к преобразованию системы управления и, наконец, к уровню авторской системы управления. Более высокие результаты в деятельности достигаются поэтапно, на основе уже сформированных профессиональных и личностных характеристик, приобретенного опыта. Исследовательский уровень формируется, вырастает из ранее осуществлявшихся операционного, тактического и стратегического уровней. Повышается результативность управленческого труда, имеют положительную динамику изменения в профессиональном поведении, улучшается качество управления.

Эмпирическая апробация оценки деятельности руководителей и определение уровня достижения ими результатов были осуществлены на примере главных врачей и их заместителей учреждений здравоохранения Вологодской области в ходе двух исследований, проведенных сотрудниками

ИСЭРТ РАН в мае – июне и декабре 2013 года в рамках исследования качества управления в социальной сфере региона.

Исследования основывались на нормативных правовых актах и программных документах Российской Федерации и субъекта РФ – Вологодской области; материалах Федеральной службы государственной статистики и ее Территориального органа по Вологодской области, ведомственной статистики Департамента здравоохранения Вологодской области; базе данных мониторинга функционирования учреждений здравоохранения ИСЭРТ РАН (2001–2012 гг.) [2, 3, 17]. Применялся метод, при котором учитывались, во-первых, результаты самооценки руководителя и, во-вторых, оценки результативности его управленческой деятельности, высказанные потребителями услуг управляемого им учреждения – населением той или иной территории. Использовались две разработанные методики:

1. Для самооценки — «Анализ условий функционирования и развития учреждений здравоохранения в контексте модернизации отрасли». В основу методики положен социологический опрос руководителей городских и сельских лечебно-профилактических учреждений, который проводился методом раздаточного анкетирования. Респонденты оценивали 7 блоков вопросов, в том числе и определение показателей качества управленческой деятельности.

2. Для внешней оценки — «Оценка качества и доступности медицинских услуг». В основе этой методики лежит социологический опрос, но уже населения Вологодской области методом раздаточного анкетирования, при котором учитывались ответы в отношении блоков вопросов, напрямую определяющих результативность деятельности руководителей:

- открытость и доступность информации об организациях;
- комфортность условий и доступность получения услуг, в том числе для граждан с ограниченными возможностями здоровья;
- время ожидания в очереди на получение услуги.

И самооценка, и оценка касались в основном двух показателей: профессионального поведения и результативности труда.

В определении самооценки участвовали 43 главных врача сельских и городских учреждений здравоохранения Вологодской области. Рассматривая «портрет респондента», стоит выделить личностные и профессиональные характеристики участвовавших в опросе руководителей. Все они получили высшее медицинское образование, 55,8% респондентов закончили интернатуру и 11,6% — ординатуру. У многих руководителей — второе высшее профессиональное образование в области менеджмента (65,1%). В то же время можно

отметить, что ни один руководитель не заканчивал аспирантуру и не имеет ученой степени.

Наиболее значимыми для характеристики результативности деятельности руководителей, на наш взгляд, являются полученные от них ответы, связанные с таким показателем, как инновационность, объединяющим в единое целое и функционирование, и развитие медицинских учреждений.

Анализировался данный показатель через оценку модернизационных изменений в отрасли здравоохранения. В процессе реализации преобразований важно знать, насколько они востребованы и как оцениваются непосредственными участниками, в данном случае — учреждениями здравоохранения. Половина (51%) опрошенных главврачей оценили реформы и преобразования, проводившиеся в последние 3 года в сфере здравоохранения, положительно, из них 62% руководителей медицинских учреждений Вологды и Череповца и только 35% руководителей районных ЛПУ. Затруднились ответить 37% респондентов, причем преимущественно из числа главврачей районных ЛПУ (47%). Такая ситуация может быть связана с условиями работы сельских и районных медицинских учреждений, различающихся по уровню обеспечения деятельности.

В целом по опросу 54% респондентов (50% руководителей городских медицинских учреждений и 59% сельских ЛПУ) считают, что преобразования имеют в своей основе стратегическую цель — повышение качества и доступности медицинских услуг для населения. Наряду с этим отмечена и такая цель, как обеспечение экономии ресурсов здравоохранения (23,3% от числа всех опрошенных руководителей).

Особый интерес представляет видение главврачами направлений совершенствования условий функционирования мед-

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос: «Укажите, пожалуйста, какие первоочередные меры необходимо предпринять, чтобы Ваше учреждение не только осуществляло деятельность в режиме функционирования, но и могло бы развиваться?», %

Варианты ответа	Вологда, Череповец	Районы	Область
	в %	в %	в %
Сконцентрировать финансовые средства и кадровые ресурсы на приоритетных и инновационных направлениях развития медицинской науки	34,6	5,9	23,3
Внедрить стандарты оказания медицинской помощи и клинические протоколы	38,5	58,8	46,5
Разработать новые медицинские технологии профилактики, диагностики, лечения заболеваний и реабилитации больных, обосновать объемы их реализации, алгоритмы внедрения и контроля за применением	42,3	47,1	44,2
Сформировать систему корпоративной ответственности за качество оказываемой медицинской помощи	34,6	41,2	37,2
Оценивать результаты работы каждого члена медицинского коллектива в зависимости от эффективности и результативности его работы	65,4	70,6	67,4
Перейти на новые формы оплаты труда	53,8	76,5	62,8
Развивать высокотехнологичные виды медицинской помощи	34,6	17,6	27,9

Источник: составлено по результатам опроса главных врачей и их заместителей лечебно-профилактических учреждений Вологодской области, проведенного в мае – июне 2013 года сотрудниками отдела исследования уровня и образа жизни населения ИСЭРТ РАН.

учреждений. В конечном счете эти условия должны позволить им работать в режиме развития. В качестве первоочередных мер обеспечения развития медучреждений респонденты назвали ориентацию на результат, совершенствование форм оплаты труда, стандартизацию оказания медицинских услуг, разработку и внедрение новых медицинских технологий, контроль качества (табл. 2).

Однако стоит отметить, что при анкетировании руководителей медицинских учреждений оказались не востребовавшими вопросы научного обоснования и сопровождения развития отрасли здравоохранения:

- развитие фундаментальных и прикладных биомедицинских научных исследований (0%);
- планирование и прогнозирование биомедицинских научных исследований (0%);
- формирование рынка научных медицинских услуг на основе конкуренции научных организаций всех форм собственности (0%);

- сформированность инновационной инфраструктуры медицинской науки (2,3%);

- применение результатов фундаментальных исследований, направленных на расширение и углубление новых знаний о природе и человеке, этиологии, пато- и морфогенезе основных наиболее распространенных заболеваний человека и выполняемых на основе межведомственного взаимодействия (4,7%);

- создание системы внедрения результатов научно-технической деятельности в практику здравоохранения с использованием различных форм государственно-частного партнерства, поддержка малого и среднего бизнеса в медицинской науке (11,6%).

При анализе результатов исследования обозначился низкий уровень использования научного сопровождения развития медицинских учреждений. С одной стороны, это свидетельствует об инерционности кадрового состава: главврачи занижают роль исследовательского подхода в управлении учреждениями, а следовательно,

не осознают значимости его для обеспечения развития и совершенствования этого составляющего элемента своей профессиональной компетентности. С другой — об отсутствии институциональной основы медицинской научной деятельности: в Вологодской области нет медицинских высших учебных, научно-исследовательских учреждений.

Анализ ответов руководителей относительно опыта внедрения инновационных управленческих технологий, моделей управления в практику деятельности выявил еще одну проблему. Почти 32% руководителей ЛПУ региона признали, что такие технологии не применялись в их учреждениях. Руководители не развивают свою профессиональную компетентность именно как управленческую, ее уровень остается в рамках исполнительской деятельности. И только 39% респондентов можно рассматривать как тех, кто осуществляет осознанное управление и стремится к переходу к исследовательскому уровню и внедрению авторских систем управления.

Исходя из характеристики уровней достижения результатов деятельности

(см. табл. 1) и самооценки руководителей, можно сделать вывод, что главврачи ЛПУ Вологодской области и их заместители остаются на I уровне развития управленческой компетентности из четырех уровней, выделенных нами в начале данной статьи. И в большинстве своем они не стремятся развиваться, достигать более высоких результатов.

В подтверждение данного вывода стоит обратить внимание на то, как главные врачи и их заместители оценивают деятельность возглавляемых ими медицинских учреждений и отвечают на вопросы относительно условий работы медицинского учреждения и получаемых результатов.

Большинство главврачей считают, что условия, в которых осуществляется деятельность лечебно-профилактических учреждений, являются «удовлетворительными». Эта тенденция сохраняется на протяжении трех лет и в ближайшем будущем останется такой же. В городских ЛПУ в 2012 году по сравнению с 2010 г. условия улучшились (30,8% ответов свидетельствуют об этом), но к 2013 г. руководители стали в большей степени отмечать, что

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос: «Как Вы оцениваете в целом условия функционирования и развития своей организации в 2010–2013 гг.?», %

Вариант ответа	2010 г.		2011 г.		2012 г.		2013 г.	
	Вологда, Череповец	Районы						
Хорошие, способствуют нормальному функционированию и развитию	19,2	5,9	19,2	5,9	30,8	11,8	23,1	5,9
Удовлетворительные	42,3	41,2	46,2	35,3	26,9	52,9	26,9	58,8
Скорее удовлетворительные, чем неудовлетворительные	15,4	17,6	7,7	47,1	15,4	35,3	19,2	23,5
Скорее неудовлетворительные, чем удовлетворительные	19,2	35,3	19,2	11,8	19,2	0,0	11,5	5,9
Крайне неудовлетворительные	3,8	0,0	3,8	0,0	7,7	0,0	15,4	0,0
Затрудняюсь ответить	0,0	0,0	3,8	0,0	0,0	0,0	3,8	5,9
Источник: данные социологических исследований ИСЭРТ РАН, 2010–2013 гг.								

организациям приходится работать в условиях «скорее удовлетворительных, чем не удовлетворительных» (19,2% ответов). Ситуация же в районных учреждениях характеризуется как удовлетворительная и в ближайшее время не изменится (табл. 3).

Результаты деятельности ЛПУ оцениваются руководителями более высоко, чем условия (табл. 4). И опять же городские учреждения здравоохранения, по мнению их руководителей, имеют в настоящее время высокие показатели (так считают 57,7% главврачей). У районных ЛПУ удовлетворительные результаты – эта тенденция в ближайшей перспективе не изменится (64,7% ответов в 2010 г. против 58,8% в 2013 г.). Практически никто не характеризует результаты работы своего учреждения неудовлетворительно. Таким образом, по оценкам руководителей, они достигают

тех результатов, которые принципиально возможны в условиях ограниченного финансирования, слабого материально-технического обеспечения и низкого уровня заработной платы персонала.

Более 76% руководителей учреждений оценивают доступность медицинской помощи, оказываемой их учреждением населению, как удовлетворительную, хотя 11,8% главврачей районных учреждений здравоохранения дают неудовлетворительные оценки (табл. 5). Это свидетельствует о неравномерности развития сети ЛПУ и о доступности большего спектра услуг отрасли для городского населения.

Такая же ситуация складывается и в отношении оценок качества медицинской помощи: 53,8% городских руководителей и подавляющее большинство (94,1%) главврачей районных медицинских учреждений

Таблица 4. Распределение ответов на вопрос: «Оцените в целом результаты работы Вашей организации по оказанию услуг населению в 2010–2013 гг.», %

Вариант ответа	2010 г.		2011 г.		2012 г.		2013 г.	
	Вологда, Череповец	Районы						
Хорошие, способствуют нормальному функционированию и развитию	53,8	23,5	57,7	23,5	61,5	23,5	57,7	29,4
Удовлетворительные	38,5	64,7	38,5	64,7	30,8	64,7	30,8	58,8
Скорее удовлетворительные, чем неудовлетворительные	3,8	11,8	0,0	11,8	3,8	11,8	0,0	5,9
Скорее неудовлетворительные, чем удовлетворительные	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	3,8	0,0
Крайне неудовлетворительные	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Затрудняюсь ответить	3,8	0,0	3,8	0,0	3,8	0,0	7,7	5,9

Источник: данные социологических исследований ИСЭРТ РАН, 2010 – 2013 гг.

Таблица 5. Распределение ответов на вопрос: «Оцените, пожалуйста, уровень доступности для населения медицинской помощи, предоставляемой Вашей организацией», %

Вариант ответа	Вологда, Череповец	Районы	Область
Высокий	19,2	11,8	16,3
Удовлетворительный	76,9	76,5	76,7
Низкий	0,0	11,8	4,7

Источник: данные социологических исследований ИСЭРТ РАН, 2013 г.

характеризуют его как удовлетворительное, а четверть опрошенных (по общим данным по Вологодской области) утверждают, что качество услуг, оказываемых их учреждением, можно назвать высоким, но всё же не соответствующим мировым стандартам (табл. 6).

Ключевые проблемы, выделяемые руководителями учреждений здравоохранения, тоже свидетельствуют о том, что они не задумываются о развитии своих организаций за счет внедрения инноваций, а только обеспечивают текущее функционирование. Это, конечно, можно объяснить и объективными причинами, но для достижения эффективных результатов профессионалам необходимо принимать решение о том, как в существующих условиях достигать стратегической цели.

Среди основных проблем главврачами и их заместителями были традиционно отмечены:

- недостаток финансирования (70% опрошенных);
- недостаточное материально-техническое оснащение учреждений (63%);
- дефицит кадров (63%);
- низкая мотивация профессионалов (53% руководителей районных ЛПУ видят проблему именно в этом);
- высокие уровень спроса и нагрузка на учреждения (26% респондентов в среднем по области).

Не менее интересны и взаимосвязаны с обсуждаемыми проблемами результаты второго исследования, посвященного

оценке населением Вологодской области доступности и качества медицинских услуг, а значит, и внешней оценке результативности деятельности руководителей учреждений здравоохранения. В исследовании приняли участие 1500 человек, среди которых: жители г. Вологды – 385 чел., г. Череповца – 391 чел., районов – 724 чел. Кроме того, учитывались результаты опроса, полученные в исследованиях ИСЭРТ РАН в период с 2010 по 2012 г.

Судя по оценкам населения, уровень доступности медицинских услуг остается неизменным на протяжении длительного времени. Если сравнивать результаты анализа данных опроса в 2011 и в 2013 гг., то и тогда, и сейчас 77% жителей региона удовлетворены доступностью оказываемых им медицинских услуг. В то же время сумма низких оценок (22% для региона в целом) существенно превосходит сумму высоких (14%). Наиболее популярной является оценка «удовлетворительно» – так оценивают доступность медицинской помощи 63% жителей области (табл. 7).

Оценки жителей районов и крупных городов лежат в одной плоскости, но сельчане менее склонны давать высокие оценки доступности для них медицинской помощи, чем горожане (8% для муниципальных районов против 18% для г. Вологды и 13% для г. Череповца).

Жители региона обращают внимание на то, что наиболее распространёнными актуальными проблемами продолжают оставаться:

Таблица 6. Распределение ответов на вопрос: «Оцените, пожалуйста, качество медицинской помощи, предоставляемой Вашей организацией населению», %

Вариант ответа	Вологда, Череповец	Районы	Область
Высокое, соответствует мировому уровню	3,8	0,0	2,3
Высокое, но не соответствует мировым стандартам	38,5	5,9	25,6
Удовлетворительное	53,8	94,1	69,8
Источник: данные социологических исследований ИСЭРТ РАН, 2013 г.			

Таблица 7. Распределение ответов на вопрос: «Оцените, пожалуйста, в целом уровень доступности для Вас помощи, предоставляемой медицинскими учреждениями», % (2013 г.)

Варианты ответа	Вологда	Череповец	Районы	Область
Высокий	4,2	0,5	1,9	2,1
Довольно высокий	17,9	13,0	8,3	12,0
Удовлетворительный	54,8	66,5	65,2	62,9
Скорее низкий	15,8	12,3	14,6	14,3
Низкий	5,5	5,9	8,8	7,2
Медицинские услуги совершенно недоступны	1,0	0,5	0,4	0,6
Источник: данные социологических исследований ИСЭРТ РАН, 2013 г.				

1. Сложность попасть на приём к врачу в удобное время, без очереди (более половины жителей области до 2010 г., в 2012 и 2013 гг. их число снизилось до 50 и 36% соответственно).

2. Слабое использование информационно-коммуникационных технологий. Абсолютное большинство жителей региона (82%) не пользуются инфоматами для записи на приём к врачу и лишь чуть больше половины знают об их существовании. При этом 62% опрошенных признаются, что не имеют возможности записаться к нужному специалисту через Интернет.

3. Платность услуг. Одной из причин неудовлетворенности населения современным уровнем доступности медицинской помощи в 14% случаев стала необходимость оплачивать медицинские услуги. О распространённости коммерческих практик в сфере государственного здравоохранения свидетельствует существенная доля людей

(44%), расхodoвавших средства на лечение в текущем году. 37% жителей региона признаются, что им не приходилось тратить деньги во время лечения.

4. Кадровая проблема. На отсутствие нужных специалистов указало 34% населения в 2012 г. и 42% в 2013 г. Кроме того, люди по-прежнему обеспокоены грубостью в отношении к ним со стороны врачей (18% населения в 2012 г. и 13% в 2013 г.), невнимательностью (24% против 16% соответственно).

5. Территориальная удаленность учреждений здравоохранения. Это отмечено 7% жителей муниципальных районов и 1–2% жителей крупных городов (табл. 8).

Другой важнейшей для населения характеристикой медицинской помощи является её качество.

Оценки качества медицинских услуг населением Вологодской области за период реализации Программы модернизации

Таблица 8. Распределение ответов на вопрос: «Сколько времени обычно уходит на дорогу до ближайшего врача/фельдшера поликлиники?», % (2013 г.)

Варианты ответа	Вологда	Череповец	Районы	Область
До получаса	49,1	57,0	36,2	44,9
Около часа	32,2	34,5	34,9	34,1
От одного до двух часов	9,1	4,3	4,6	5,7
Свыше двух часов	2,1	0,8	6,9	4,1
Затрудняюсь ответить	7,5	3,3	17,4	11,2
Источник: данные социологических исследований ИСЭРТ РАН, 2013 г.				

Таблица 9. Распределение ответа на вопрос: «Как Вы оцениваете качество медицинского обслуживания?» (в % от числа опрошенных, 2013 г.)

Вариант ответа	Вологда	Череповец	Районы	Область
Очень хорошее	2,1	1,3	1,2	1,5
Довольно хорошее	24,4	18,7	11,9	16,9
Удовлетворительное	57,1	60,1	69,2	63,7
Плохое	14,0	16,1	15,1	15,1
Очень плохое	2,1	1,8	1,2	1,6

Источник: данные социологических исследований ИСЭРТ РАН, 2013 г.

(с 2011 по 2013 г.) претерпели заметные изменения. В 2011 г. 78% населения было в той или иной степени удовлетворено качеством оказываемых медицинских услуг, в 2013 г. эта цифра возросла до 82%. Оценку «удовлетворительно» дали 64% жителей области (табл. 9).

Различие в оценках качества медицинской помощи между населением крупных городов и муниципальных районов сводится к тому, что сельские жители менее склонны давать высокие оценки, чем жители городов Вологды и Череповца (13,1 и 46,5% соответственно).

Отвечая на вопросы о качестве и доступности медицинских услуг, население не дает однозначной оценки ни сложившейся в здравоохранении ситуации, ни результатов деятельности руководителей лечебно-профилактических учреждений. С одной стороны, мнения граждан прямо или косвенно указывают на структурные проблемы, сложившиеся в российском здравоохранении и на протяжении многих лет препятствующие росту доступности медицинской помощи. Но, с другой стороны, нельзя не заметить положительных изменений по ряду направлений деятельности ЛПУ, а также в отношении лояльности граждан к здравоохранению в целом и к каждому медицинскому учреждению в отдельности, а следовательно, и к деятельности руководителей, возглавляющих

эти учреждения. Причем главврачи могут решить обозначенные населением проблемы в сфере доступности и качества медицинских услуг и обеспечить пропаганду использования информационно-коммуникационных технологий, в частности инфоматов, для записи к нужному специалисту с целью уменьшения времени ожидания приема и сокращения очередей. В рамках профессиональной компетенции руководителей – улучшение ситуации с обеспечением медицинских учреждений кадрами, определением этических норм их взаимодействия с клиентами – потребителями услуг.

Повышению уровня доступности и качества услуг, предоставляемых медицинскими учреждениями, способствует также повышение профессиональной компетентности главврачей и их заместителей, их обязательный переход от операционного уровня достижения результатов, исполнительской деятельности, к исследовательскому уровню. Для этого необходимы непрерывное повышение квалификации и переподготовка в системе дополнительного профессионального образования, самообразование в области менеджмента, управления медицинским учреждением в современных условиях, совершенствование предлагаемых образовательных программ, использование вариативного и разноуровневого подходов к обучению.

Литература

1. Грищенко, К.С. Сравнительный анализ факторов, влияющих на эффективность функционирования системы здравоохранения / К.С. Грищенко // Проблемы экономики и менеджмента. – 2013. – № 1 (17). – С. 26-34.
2. Дуганов, М.Д. Оценка эффективности расходов на здравоохранение на региональном и муниципальном уровнях / М.Д. Дуганов. – М.: ИЭПП, 2007. – 192 с.
3. Калашников, К.Н. Организационно-экономические факторы управления региональной системой здравоохранения: монография / К.Н. Калашников, А.А. Шабунова, М.Д. Дуганов. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2012. – 153 с.
4. Качество услуги как объект управления [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://oophpt.ru/1174.html>.
5. Кочешкова, Л.О. Развитие инновационной компетентности руководителя сельской средней общеобразовательной школы: дис. на соиск. уч. ст. канд. пед. наук: 13.00.01 / Л.О. Кочешкова. – Ярославль, 2007. – 204 с.
6. Кочуров, Е.В. Оценка эффективности деятельности лечебно-профилактических учреждений: сравнительный анализ методов и моделей / Е.В. Кочуров // Вестник СПбГУ. – Сер. 8. – 2005. – № 3. – С. 100-120.
7. Методика оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации: протокол № 1 от 18 июля 2007 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.primorsky.ru/files/5584.doc>
8. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка (онлайн-версия) [Электронный ресурс] / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – Режим доступа: <http://www.classes.ru/all-russian/Russian-dictionary-Ozhegov-term-3715>.
9. Основные показатели деятельности учреждений здравоохранения Вологодской области за 1999, 2001, 2003, 2005, 2007, 2008, 2009 гг. / Департамент здравоохранения Вологодской области. – Вологда, 2000; 2002; 2004; 2006; 2007; 2008; 2009; 2010.
10. Оценка деятельности персонала. – Режим доступа: <http://www.vuzlib.org/beta3/html/1/5443/5478/>.
11. Показатели доступности и качества медицинской помощи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.9hospital.ru/pokazateli-dostupnosti-i-kachestva-med-pomoschi/pokazateli-dostupnosti-i-kachestva-meditsinskoj-pomoschi>.
12. Публичный доклад о результатах деятельности Департамента здравоохранения Вологодской области за 2012 г. – Вологда, 2013. – 30 с.
13. Публичный доклад о результатах деятельности Департамента здравоохранения Вологодской области за 2013 г. – Вологда, 2014. – 28 с.
14. Результативность управления [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://infomanagement.ru/lekcija/Rezultativnost_upravleniya. – Дата обращения: 16.01.13.
15. Словарь терминов антикризисного управления. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/anticris/72618>.
16. Чубарова, Т.В. Управление медицинскими учреждениями: методологические подходы и новые тенденции / Т.В. Чубарова // Управление здравоохранением. – 2000. – № 1. – С. 8-15.
17. Шабунова, А.А. Общественное здоровье и здравоохранение территорий / А.А. Шабунова, К.Н. Калашников, О.Н. Калачикова. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2010. – 284 с.
18. Gosudarstvennoe_upravlenie_zdravoohraneniem_v_Rossiiiskoi_Federacii.html#n_256.
19. Эффективность здравоохранения региона / кол. авт. под рук. д.э.н., проф. В.А. Ильина. – Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2006. – 192 с.: ил.

Kocheshkova L.O.

Assessment of performance of the head of a socially-oriented establishment

Larisa Osipovna Kocheshkova – Ph.D. in Pedagogy, Research Associate, Head of the Department, Federal State-Financed Scientific Institution the Institute of Socio-Economic Development of Territories of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russia, k.lar@mail.ru)

Abstract. The estimate of efficient corporate governance, as well as professional activity of the subject of this process – a Manager – is one of the most important tasks of modern management. Meanwhile, more often only the performance of an enterprise or its employees is evaluated. A number of methods are applied and optional technologies are developed. But at the same time the managers' professional activity is still assessed insufficiently, the specific indicators of this procedure are not identified; as a rule, they do not reflect specific features of the sphere and the industry. The paper proposes indicators to evaluate efficiency of the heads of socially-oriented establishments (on the example of the health sector), describes levels of results achievement. The empirical approbation of the indicators was held during two researches conducted by the ISEDT RAS in 2013 on the basis of the elaborated methods "Analysis of conditions for the functioning and development of health care institutions in the context of the industry modernization" and "Assessment of the quality and accessibility of medical services". The sociological survey method to distribute questionnaires was applied for their implementation. The research resulted in the proposal on mandatory accounting of managers' self-assessment and external evaluation of their activity on the part of services consumers – the population. The article offers recommendations to the state executive authorities, the Department of Health Care of the Vologda Oblast and medical institutions to make decisions regarding the improvement of the management of human resources sector in general and private medical institutions.

Key words: management, effectiveness, head, assessment of professional activity, quality, performance evaluations.

References

1. Grishchenko K.S. Sravnitel'nyi analiz faktorov, vliyayushchikh na effektivnost' funkcionirovaniya sistemy zdavookhraneniya [Comparative Analysis of the Factors Affecting the Efficient Functioning of the Health Care System]. *Problemy ekonomiki i menedzhmenta* [Issues of Economy and Management], 2013, no. 1 (17), pp. 26-34.
2. Duganov M.D. *Otsenka effektivnosti raskhodov na zdavookhranenie na regional'nom i munitsipal'nom urovnyakh* [Evaluation of Efficiency of Health Care Expenditures at the Regional and Municipal Levels]. Moscow: IEPP, 2007. 192 p.
3. Kalashnikov K.N., Shabunova A.A., Duganov M.D. *Organizatsionno-ekonomicheskie faktory upravleniya regional'noi sistemoi zdavookhraneniya: monografiya* [Organizational-Economic Factors in the Management of the Regional Health System: Monograph]. Vologda: ISERT RAN, 2012. 153 p.
4. *Kachestvo uslugi kak ob'ekt upravleniya* [Quality of Services as an Object of Management]. Available at: <http://oophpt.ru/1174.html>.
5. Kocheshkova L.O. *Razvitie innovatsionnoi kompetentnosti rukovoditelya sel'skoi srednei obshcheobrazovatel'noi shkoly: dis. na soisk. uch. st. kand. ped. nauk* [Development of Innovative Competence of the Head of Rural Secondary Schools; Ph.D. in Sociology Dissertation Abstract]. Yaroslavl', 2007. 204 p.
6. Kochurov E.V. Otsenka effektivnosti deyatel'nosti lechebno-profilakticheskikh uchrezhdenii: sravnitel'nyi analiz metodov i modelei [Estimation of the Performance of Treatment-and-Prevention Institutions: Comparative Analysis of Methods and Models]. *Vestnik SPbGU* [Vestnik of Saint Petersburg University]. Ser. 8. 2005, no. 3, pp. 100-120.

7. Metodika otsenki effektivnosti deyatel'nosti organov ispolnitel'noi vlasti sub"ektov Rossiiskoi Federatsii: protokol № 1 ot 18 iyulya 2007 g. [Method to Estimate the Performance of Enforcement Authorities of RF Subjects: Protocol no. 1 of July 18, 2007]. Available at: <http://www.primorsky.ru/files/5584.doc>
8. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka (onlain-versiya)* [Explanatory Dictionary of the Russian Language (Online Version)]. Available at: <http://www.classes.ru/all-russian/Russian-dictionary-Ozhegov-term-3715>.
9. Osnovnye pokazateli deyatel'nosti uchrezhdenii zdravookhraneniya Vologodskoi oblasti za 1999, 2001, 2003, 2005, 2007, 2008, 2009 gg. [Major Indicators of Activity of Health Care Institutions of the Vologda Oblast for 1999, 2001, 2003, 2005, 2007, 2008 and 2009]. *Departament zdravookhraneniya Vologodskoi oblasti* [Department of Health Care of the Vologda Oblast], Vologda, 2000; 2002; 2004; 2006; 2007; 2008; 2009; 2010.
10. *Otsenka deyatel'nosti personala* [Evaluation of Personnel Activity]. Available at: <http://www.vuzlib.org/beta3/html/1/5443/5478/>.
11. *Pokazateli dostupnosti i kachestva meditsinskoi pomoshchi* [Indicators of the Availability and Quality of Medical Care]. Available at: <http://www.9hospital.ru/pokazateli-dostupnosti-i-kachestva-med-pomoschi/pokazateli-dostupnosti-i-kachestva-meditsinskoy-pomoschi>.
12. *Publichnyi doklad o rezul'tatakh deyatel'nosti Departamenta zdravookhraneniya Vologodskoi oblasti za 2012 g* [Public Report on the Activities of the Department of Health Care of the Vologda Oblast in 2012]. Vologda, 2013. 30 p.
13. *Publichnyi doklad o rezul'tatakh deyatel'nosti Departamenta zdravookhraneniya Vologodskoi oblasti za 2013 g* [Public Report on the Activities of the Department of Health Care of the Vologda Oblast in 2013]. Vologda, 2014. 28 p.
14. *Rezul'tativnost' upravleniya* [Management Performance]. Available at: http://infomanagement.ru/lekciya/Rezultativnost_upravleniya (accessed January 16, 2013).
15. *Slovar' terminov antikrizisnogo upravleniya* [Glossary of Crisis Management]. Available at: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/anticris/72618>.
16. Chubarova T.V. Upravlenie meditsinskimi uchrezhdeniyami: metodologicheskie podkhody i novye tendentsii [Management of Medical Institutions: Methodological Approaches and New Trends]. *Upravlenie zdravookhraneniem* [Health Management], 2000, no. 1, pp. 8-15.
17. Shabunova A.A., Kalashnikov K.N., Kalachikova O.N. *Obshchestvennoe zdorov'e i zdravookhranenie territorii* [Public Health and Health Care of the Territory]. Vologda: ISERT RAN, 2010. 284 p.
18. Gosudarstvennoe_upravlenie_zdravoohraneniem_v_Rossiiiskoi_Federacii.html#n_256.
19. *Effektivnost' zdravookhraneniya regiona* [Efficiency of Health Care in the Region]. Group of authors under the guidance of Doctor of Economics, Professor V.A. Ilyin. Vologda: VNKTs TsEMI RAN, 2006. 192 p.

КРУГЛЫЙ СТОЛ: ОБЩЕСТВО И СОЦИОЛОГИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

УДК 316.42, ББК 60.52

© Морев М.В.

Актуальность социологического знания на современном этапе развития российского общества

**Михаил Владимирович
МОРЕВ**

кандидат экономических наук, научный сотрудник, зав. лабораторией, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, 379post@mail.ru)

Аннотация. В статье рассматриваются причины, которые обуславливают актуальность сведений, получаемых в ходе социологических исследований. Показана роль социологического знания как одного из ключевых факторов консолидации и развития современного российского общества.

Ключевые слова: социологическое знание, общественное развитие, консолидация, общественное мнение, государственное управление.

Современное российское общество стоит на пороге коренных преобразований. На наш взгляд, они затрагивают не столько экономическую, сколько культурно-нравственную, идеологическую сторону жизни. На этом этапе социологическая наука, те вопросы, которые она рассматривает, и те сведения, которые она может дать, играют особенно значимую роль. Говоря о том, что социологическое знание сегодня является одним из главных факторов развития страны, мы подразумеваем новый виток в развитии отечественной социологии, и этому есть несколько причин, о которых пойдет речь в данной статье.

Во-первых, опыт коренной ломки парадигмы развития Россия уже испытала в

1990-е гг., когда был разрушен Советский Союз. В то время у государства отсутствовала потребность в том, чтобы социологическая наука предоставляла сведения о восприятии населением действий властей, о его оценке проводимых ими реформ; не было четко сформулированного вопроса для научного сообщества. Социологические исследования, как правило, разрозненные, были зачастую подчинены маркетинговым целям. Последствия «лихих девяностых» до сих пор проявляются в развитии экономической и демографической ситуации, и во многом именно благодаря этому периоду социальное восприятие современных российских граждан, со всеми его проблемами, складывается именно

Насколько успешно, на Ваш взгляд, Президент РФ справляется с проблемами?
(в % от числа опрошенных)

Показатель	2000	2005	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	Изменение 2013 г. +/- к	
										2000 г.	2012 г.
<i>Укрепление международных позиций России</i>											
Успешно	42,3	47,9	58,4	55,1	49,5	49,9	46,2	43,1	45,6	+3	+3
Неуспешно	30,9	33,8	24,9	23,7	30,4	29,3	33,7	37,9	36,2	+5	-2
<i>Наведение порядка в стране</i>											
Успешно	31,4	41,9	53,2	48,2	39,1	41,1	36,6	35,4	39,4	+8	+4
Неуспешно	49,2	45,1	34,0	34,2	43,5	42,5	50,0	50,7	47,5	-2	-3
<i>Защита демократии, укрепление свобод граждан</i>											
Успешно	23,5	33,6	44,4	39,9	36,7	36,3	32,4	28,8	31,8	+8	+3
Неуспешно	43,8	47,0	37,0	35,9	41,5	42,6	48,3	52,3	51,0	+7	-1
<i>Подъем экономики, рост благополучия граждан</i>											
Успешно	25,6	35,1	47,2	36,7	31,6	33,5	30,7	28,5	31,3	+6	+3
Неуспешно	52,9	50,8	39,1	46,0	52,4	51,6	56,1	57,9	56,8	+4	-1
Источник: мониторинг общественного мнения ИСЭРТ РАН.											

так, а не иначе. Например, современное представление о развитии российского общества в основном связывается с усилением роли государства практически во всех ключевых сферах общественной жизни: социальной, экономической, культурной и т.д. (собственно, отсюда и возникает вопрос о том, как повысить эффективность государственного управления).

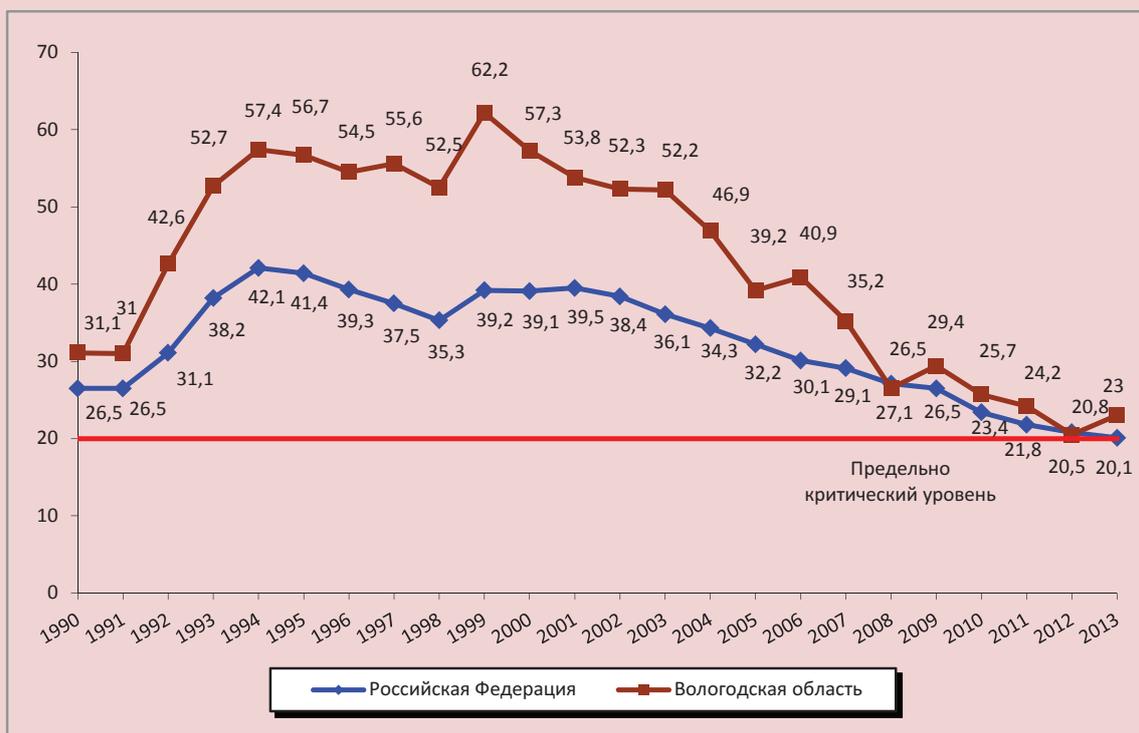
Антисоциальные результаты реформ 90-х гг. и вызванное ими обнищание населения стали основой для позитивной социально-политической тенденции российского социума: общество осознает социальную бесперспективность радикальных реформ и необходимость принятия нового пути развития, учитывающего интересы большинства российских граждан [4, с. 11].

Усиление вертикали власти, на что была ориентирована политика В. Путина во все периоды его президентства, нашло широкую общественную поддержку, что являлось логичным следствием «усталости» населения от экономической нестабильности и недоверия власти. Сильная власть была

востребована в начале 2000-х гг., что остается актуальным и в настоящее время. Не случайно деятельность главы государства по наведению порядка в стране и укреплению ее международных позиций всегда оценивалась выше, чем защита демократии и укрепление свобод граждан (таблица). Кроме того, по данным опросов ИСЭРТ РАН¹, в 2000–2013 гг. 20–28% населения Вологодской области считало приоритетными для Президента РФ проблемами наведение порядка в стране, 26–35% – укрепление международных позиций России. Лишь 6–10% жителей региона полагали, что главу государства волнует проблема

¹ Мониторинг общественного мнения ИСЭРТ РАН проводится с 1996 г. с периодичностью один раз в два месяца. Опрашивается 1500 респондентов старше 18 лет в городах Вологде и Череповце, в Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском, Шекснинском районах. Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением следующих условий: пропорций между городским и сельским населением; пропорций между жителями населённых пунктов различных типов (сельские населённые пункты, малые и средние города); половозрастной структуры взрослого населения области. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Ошибка выборки не превышает 3%.

Уровень смертности от самоубийств в России и Вологодской области (на 100 тыс. нас.)

Источник: База данных Федеральной службы государственной статистики (www.gks.ru).

демократических прав и свобод, однако на протяжении всего исследуемого периода поддержку деятельности Президента выражало более 60% жителей области.

Важно также отметить, что развал СССР стал прежде всего проблемой психологического характера. Об этом говорит резкий рост числа социальных патологий (в том числе среди молодежи), и в первую очередь самоубийств, уровень которых до сих пор превышает рамки предельно критического показателя, установленного Всемирной организацией здравоохранения (рисунок). Экономические последствия кризисов, нивелирующиеся гораздо быстрее, чем последствия социальной дезадаптации личности [3], имеют комплексный характер и находят свое отражение практически во всех сферах общественной жизни.

Низкий уровень доверия органам государственной власти, социальный атомизм,

социальная разобщенность, аполитичность широких слоев населения, низкий уровень развития гражданского общества, инертность гражданского и политического участия – это те проблемы, которые современное российское общество «унаследовало» от периода 90-х гг. Этих проблем можно было бы избежать, если бы у россиян сохранилось ощущение того, что они могут влиять на положение дел в стране, что они имеют свой голос и этот голос будет услышан в высших эшелонах власти. Именно эту задачу должна и могла бы решить социологическая наука, если бы в этом было заинтересовано государство.

Сегодня перед социологией и властью встают во многом схожие задачи. Неоднократные заявления В. Путина о необходимости укрепления властной вертикали, призывы к социальной консолидации, поиск национальной идеи, стремление

сделать более весомой роль общества в принятии управленческих решений — всё это свидетельствует о понимании властью того, что в настоящее время консолидация общества, преодоление психологического «разрыва» между населением и государством является единственной возможностью поддержания порядка в стране и сохранения доверия к действующему политическому курсу развития в целом (что особенно актуально в рамках модернизации, а также на фоне нестабильной обстановки на международной политической арене).

Во-вторых, социологическое знание, описывая взаимосвязи социальных процессов и явлений, происходящих в обществе, рассматривает субъективный фактор общественного развития, который, как отмечает Ж.Т. Тощенко, «играет существенную и все возрастающую роль среди факторов, определяющих содержание и вектор происходящих изменений во всем мире и в нашей стране» [6, с. 32].

Очевидно, что официальная статистика не дает полного представления о развитии общества. К примеру, многочисленные исследования доказывают, что макроэкономические показатели не всегда полно отражают реальную картину развития государства, высокий уровень дохода не всегда гарантирует удовлетворенность жизнью, а рост богатства не всегда сопровождается признаками возрастающего счастья [7, с. 137]. Но это общемировая практика. В России, и особенно на современном этапе общественного развития, роль «субъективного фактора» и, соответственно, социологического знания, отражающего его сущность, возрастает многократно. Этому способствуют как минимум три одновременно действующих фактора.

Первый из них — специфика русского менталитета. Как выразился Президент РФ В.В. Путин, в основе «нашего генного кода» лежат ценностные ориентиры, представ-

ление о высшем моральном предназначении самого человека, какого-то высшего морального начала [5]. В последние 20–25 лет эти ценностные ориентиры не были востребованы в российском обществе: в 90-е гг. — вследствие нестабильности экономической ситуации и специфики духовно-ценностных приоритетов того времени; в 2000-е гг. — по причине стремления общества к стабилизации в широком смысле этого слова (стабилизации экономики, уровня жизни, преодоления негативных тенденций в демографической ситуации, социальной сфере и т.д.).

Однако, будучи сущностными чертами национального характера, эти особенности не могли исчезнуть, а проявлялись и на латентном уровне. В результате, как отмечает М.К. Горшков, в пореформенной России концентрировался огромный социально-психологический ресурс, выступающий основой осуществления модернизационного прорыва, в котором столь остро нуждается сегодня российский социум [2, с. 6]. Лишь в настоящее время «генный код» российского общества (возвращаясь к словам Президента) отмечается как «одно из наших главных конкурентных преимуществ в сегодняшнем мире».

Осознание этого на всех уровнях власти является вторым фактором, актуализирующим востребованность социологического знания. Идеология, опирающаяся на научное знание, заслуживает положения реалистической. В противном случае она иллюзорна [8].

Третий фактор — фактор времени. В последние месяцы опросы общественного мнения фиксируют стремительный рост уровня поддержки населением деятельности главы государства. Позитивные тенденции (хотя и менее выраженные) отмечаются и в отношении других органов власти.

Однако очевидно, что общественное мнение сегодня во многом зависит от того, как развивается ситуация на Украине, какую политическую позицию занимает Президент в отношениях с Киевом, а также с США и некоторыми странами Западной Европы. Именно на этом фоне разворачиваются консолидационные процессы, отмечаемые российскими и зарубежными организациями, занимающимися изучением общественного мнения.

Другими словами, российское общество консолидируется в условиях наличия «угрозы извне», и чем больше эта угроза, чем больше в СМИ появляется информации об экономических санкциях Запада или вопиющих действиях киевских властей, тем более сплоченным становится российский социум, тем больше с его стороны поддержка официальных представителей государства, выступающих с осуждением политики Киева и с концептуальными идеями о противопоставлении западной и русской цивилизаций.

Но, на наш взгляд, ни одно государство не должно и не может строить долгосрочные планы и прогнозы, опираясь на те показатели официальной статистики и особенно те данные социологических опросов, которые имеют место в условиях ключевого воздействия факторов, не зависящих от внутренних политических решений. Консолидация российского общества под воздействием «внешнего фактора», которым на сегодня для России выступает ситуация на Украине, можно сказать, естественна и очевидна, но, как видится, это явление носит временный характер.

Для оценки действительного сближения государства и общества, а также представителей различных слоев социума необходимо анализировать ситуацию, когда государство сосредоточено на решении насущных проблем населения: повышении уровня и

качества жизни, социального развития и т.д. С этой точки зрения стоит взглянуть на тенденции общественного мнения в ретроспективе. Результаты социологических опросов показывают, что оценка деятельности органов власти до «украинских событий» была не такой позитивной. На протяжении 2000-х гг., когда население ставило перед властью вопросы не об отношениях с Западом, а о повышении зарплат и пенсий, уровень одобрения ключевых государственных институтов существенно не изменялся (рост поддержки составлял не более 5% в год), а в период президентства Д.А. Медведева даже снизился (с 76 до 64% — по данным ВЦИОМ, с 73 до 52% — по данным ИСЭРТ РАН). Начало третьего президентского срока В.В. Путина сопровождалось незначительным ростом уровня одобрения, но он оказался кратковременным. Как следствие, еще совсем недавно, на протяжении всего 2013 г., уровень одобрения В. Путина составлял 54–56% по данным ИСЭРТ РАН и 60–63% по данным ВЦИОМ, причем эта цифра существенно не изменялась.

Таким образом, данные социологических исследований предупреждают о том, что после урегулирования украинского кризиса вопросы обеспечения роста уровня жизни и преодоления неравенства, а также социальной защиты и социальной справедливости вновь вернуться и государству придется находить на них адекватные и решительные ответы, поскольку запас социального терпения россиян может оказаться уже не таким прочным, как в начале и середине 2000-х гг.

Одновременное воздействие вышеперечисленных факторов — специфики социологического знания, его востребованности со стороны органов власти и необходимости действовать «на перспективу» — позволяет говорить о наличии

условий, при которых социологическая наука может и должна стать ключевым звеном в посредничестве между государством и обществом и таким образом внести свой вклад в дальнейший процесс общественного развития. Как отметил в одном из своих выступлений директор ИС РАН М.К. Горшков, «мы привыкли к такой довольно мягкой формуле «социологическое сопровождение»... но я думаю, что недостаточно, надо более глубоко и серьезно смо-

треть на пути этого взаимодействия. Речь идет не о сопровождении, а о реальном, содержательном включении. И не тогда, когда надо разбираться с ошибками управленческих решений, а желательно на более ранних стадиях, когда это решение только вызревает... Речь идет о «социологическом соучастии», по крайней мере мы на этом термине в последнее время настаиваем, и я думаю, что в дальнейшем его надо будет даже усилить» [1].

Литература

1. Горшков, М.К. Актуальные проблемы современного российского общества: научные подходы и практика / М.К. Горшков: публичная лекция (г. Вологда, 20 июня 2014 г.).
2. Горшков, М.К. Российская социология и вызовы современного общества: вместо предисловия / М.К. Горшков // Россия реформирующаяся: Ежегодник – 2010. – Выпуск 9. – М.: Новый Хронограф, 2010. – С. 3-19.
3. Иванов, И. Необъявленная война [Электронный ресурс] / И. Иванов. – URL: <http://www.sakha.ru/sakha/smi/gazeta/yakutia/n29326/25-62.html>
4. Левашов, В.К. Россия на развилке социополитических траекторий развития / В.К. Левашов // Мониторинг общественного мнения. – 2011. – № 3 (103). – С. 5-23.
5. Прямая линия с Президентом РФ В.В. Путиным [Электронный ресурс]: стенограмма // Российская газета. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2014/04/17/liniya-site.html>
6. Тощенко, Ж.Т. Социальное настроение – феномен социологической теории и практики / Ж.Т. Тощенко // Социс. – 1998. – № 1. – С. 21-35.
7. Шабунова, А.А. Представления вологжан о счастье / А.А. Шабунова, М.В. Морев // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2013. – № 1. – С. 137-150.
8. Ядов, В.А. Стратегия социологического исследования [Электронный ресурс] / В.А. Ядов; Институт социологии РАН. – Режим доступа: <http://www.isras.ru/publ.html?id=585>

Morev M.V.

Importance of sociological knowledge at the present stage of development of the Russian society

Mikhail Vladimirovich Morev – Ph.D. in Economics, Research Associate, Head of the Laboratory, Federal State-Financed Scientific Institution the Institute of Socio-Economic Development of Territories of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russia, 379post@mail.ru)

Abstract. The article considers the reasons that determine the importance of data obtained in the course of sociological research. The author shows the role of sociological knowledge as one of the key factors in consolidation and development of modern Russian society.

Key words: sociological knowledge, social development, consolidation, public opinion, public administration.

References

1. Gorshkov M.K. *Aktual'nye problemy sovremennogo rossiiskogo obshchestva: nauchnye podkhody i praktika: publichnaya lektsiya (g. Vologda, 20 iyunya 2014 g.)* [Topical Issues of Modern Russian Society: Scientific Approaches and Practice: Public Lecture (Vologda, June 20, 2014)].
2. Gorshkov M.K. Rossiiskaya sotsiologiya i vyzovy sovremennogo obshchestva: vmesto predisloviya [Russian Sociology and the Challenges of Modern Society: in lieu of a Preface]. *Rossiia reformiruyushchayasya: Ezhegodnik* [A Reforming Russia: Yearbook], 2010, no.9, pp. 3-19.
3. Ivanov I. *Neob»yavlennoy voina* [Undeclared War]. Available at: <http://www.sakha.ru/sakha/smi/gazeta/yakutia/n29326/25-62.html>
4. Levashov V.K. Rossiya na razvilke sotsiopoliticheskikh traektorii razvitiya [Russia at the Bifurcation of Socio-Political Trajectories of Development]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya* [Public Opinion Monitoring], 2011, no.3(103), pp. 5-23.
5. Pryamaya liniya s Prezidentom RF V.V. Putinym: stenogramma [Televised Phone-In with President V.V. Putin: Transcript]. *Rossiiskaya gazeta* [The Russian Newspaper]: <http://www.rg.ru/2014/04/17/liniya-site.html>
6. Toshchenko J.T. Sotsial'noe nastroyeniye – fenomen sotsiologicheskoi teorii i praktiki [Social Mood – a Phenomenon of Sociological Theory and Practice]. *SOTSIS* [Sociological Studies], 1998, no.1, pp. 21-35.
7. Shabunova A.A., Morev M.V. Predstavleniya vologzhan o schast'e [Vologda Residents' Notions of Happiness]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, trends, Forecast], 2013, no.1, pp. 137-150.
8. Yadov V.A. *Strategiya sotsiologicheskogo issledovaniya* [Strategy of Sociological Research]. Available at: <http://www.isras.ru/publ.html?id=585>

УДК 316.43 (470.57), ББК 60.52(2Рос.Баш)

© Лавренюк Н.М.

Возможности социологического знания в снятии ограничений интеллектуального развития региона: опыт практического применения в Башкортостане

**Наталья Михайловна
ЛАВРЕНЮК**

кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник, Башкирский филиал Института социологии Российской академии наук, Государственное бюджетное научное учреждение Институт социально-политических и правовых исследований Республики Башкортостан, Федеральное бюджетное государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования Башкирский государственный университет

Аннотация. Процесс развития современного российского общества основан на интеллектуальном потенциале и его капитализации. Ключевую роль в этом сложном системном процессе играют знание и компетенции его развития. Компетентностные возможности социологического знания обязаны иметь опережающий перспективный характер накопления и эффективно применяться в регионах страны. Необходимость интеллектуального развития осознана государственными структурами. Для стимулирования этого процесса в регионах ведется разработка стратегических ориентиров и программных мероприятий. В Башкортостане в этом процессе задействованы социологи.

Ключевые слова: социологическое знание, интеллектуальное развитие региона, возможности и ограничения, практическое применение.

В современном развитии общества акцент переносится на накопление интеллектуального потенциала и его капитализацию. Это признается мировым сообществом. На первом этапе Всемирной встречи на высшем уровне в Женеве в 2003 г. при обсуждении противоречий формирования информационного общества как глобальной цели человечества

в третьем тысячелетии была принята «Декларация принципов», провозгласившая общее стремление и решимость строить ориентированное на интересы людей, открытое для всех и направленное на развитие информационное общество, в котором каждый мог бы создавать информацию и знания, иметь к ним доступ, пользоваться и обмениваться ими, чтобы

дать отдельным лицам, общинам и народам возможность в полной мере реализовать свой потенциал, содействуя устойчивому развитию и повышая качество своей жизни [1, с. 59-87]. Общественная деятельность людей становится все более интеллектуальной. Главным ресурсом человеческого развития становятся знания, которые будучи применимы в практической сфере с целью получения экономического, политического, культурного, научно-технического, социального результата и эффекта становятся инновациями, которые стимулируют прирост нового знания. Таким образом в обществе реализуется триада «знание—деньги—знание».

Поскольку социологическое знание объективно призвано соответствовать, а социологическое воображение — опережать процессы развития общества, постольку адекватным должен быть механизм привлечения инвестиций в социологию, приращения социологического знания и его превращения в социологические инновации, которые приведут к новому витку. В этом процессе на всех этапах существуют определенные ограничения.

Возможности социологического знания позволяют исследовать, прогнозировать и проектировать интеллектуальное развитие. Уникальность когнитивного социологического опыта кроется в потенциале ретроспективного и перспективного изучения сложных феноменов в рамках саморазвивающихся профессиональных компетенций социологов. Ограничения профессиональных компетенций заключены в феномене их полураспада и способностях социологов к анализу, диагнозу, прогнозу и управлению их использованием. Несмотря на определенную универсальность социологического знания, социологи в регионах лучше знают их специфику и особенности развития.

Республика Башкортостан — субъект Российской Федерации, который расположен на стыке Европы и Азии и обладает богатыми природными, инфраструктурными, человеческими, социокультурными и иными ресурсами. На протяжении последних ста лет в регионе, как и в стране в целом, наблюдается развитие образовательного потенциала взрослого населения. По данным ВПН-2010, уровень образования взрослого населения республики продолжает расти, но средние темпы роста ниже, чем в России и в Приволжском федеральном округе.

Существует разрыв между интеллектуальным потенциалом и его капитализацией, т.к. в Башкортостане наблюдается асимметрия между инновационной активностью хозяйствующих субъектов (место в первой десятке регионов РФ) и созданием передовых технологий и их использованием (место в четвертом десятке регионов РФ) [2].

Социологи Башкортостана вносят сильный вклад в интеллектуальное развитие населения. Становление социологической науки в Башкортостане связано с Н.А. Аитовым, который в начале 1960-х годов создал социологическую лабораторию в Уфимском авиационном университете.

По инициативе профессора Дж.М. Гилязитдинова с 1991 г. в Башкирском государственном университете ведется подготовка специалистов-социологов, с 1997 г. — магистрантов. К 2000 г. в регионе действовали четыре диссертационных совета по социологическим специальностям кандидатов и докторов наук: три — в Башкирском государственном университете, один — в Уфимском государственном авиационном техническом университете. Все это способствует развитию кадрового потенциала в области социологии.

В настоящее время сложился целый ряд социологических школ в вузах и научных структурах республики. Помимо подготовки кадров социально-гуманитарных направлений, реализуются теоретические и прикладные социологические исследования, публикуются их результаты.

Проводятся научно-практические конференции и иные мероприятия международного, всероссийского, межрегионального и республиканского статуса. При участии экспертов-социологов разрабатываются государственные программы и стратегии.

Возможности социологического знания и компетенций социологов реализуются и непосредственно для стимулирования интеллектуального развития региона. По инициативе Территориального центра инноваций и сотрудников сектора социального проектирования Центра изучения человеческого потенциала Института социально-политических и правовых исследований РБ в ноябре 2012 г. началась разработка проекта Стратегии развития рынка интеллектуальной собственности в Башкортостане. Министерством промышленности и инновационного развития Республики Башкортостан был сформирован экспертный совет и рабочая группа, но после нескольких совещаний работа была прекращена. Инициатива разработки государственного документа «снизу» не принесла результатов.

В январе 2014 г. благодаря Решению Совета Федерации по вопросам интеллектуальной собственности при Председателе Совета Федерации Федеральном Собрании и п. 2 «О разработке и внесении на утверждение в Правительство Республики Башкортостан проекта подпрограммы «Развитие рынка интеллектуальной собственности в Республике Башкортостан на 2014–2030 годы» Перечня поручений

Правительства РБ по итогам заседания Правительства РБ по вопросу «О развитии науки в Республике Башкортостан» (18 декабря 2013 г.) при участии коллег из Республики Татарстан в регионе разработан Проект концепции Подпрограммы развития рынка интеллектуальной собственности в Республике Башкортостан.

Концепция ориентирована на формирование идеологии разработки подпрограммы «Формирование и развитие рынка интеллектуальной собственности в Республике Башкортостан» и преследует решение ряда задач.

Задачи связаны с анализом уровня развития регионального рынка интеллектуальной собственности, с разработкой принципов организации системы стимулирования создания результатов инновационной деятельности на основе коммерциализации объектов интеллектуальной собственности, с формированием подходов к созданию системы коммерческого оборота объектов интеллектуальной собственности, с разработкой модели инфраструктуры и кадрового обеспечения развития рынка, с моделированием государственно-рыночного управления интеллектуальной собственностью и нормативно-правового регулирования, с проектированием механизма мониторинга формирования и развития рынка интеллектуальной собственности.

Несмотря на упоминание о развитии рынка интеллектуальной собственности в нескольких документах нормативно-правового поля Республики Башкортостан, которые уже приняты и реализуются или находятся в разработке («Стимулирование инновационной деятельности в Республике Башкортостан», «Стратегия инвестиционного развития Республики Башкортостан до 2020 года», проект «Стратегии развития научной и инновационной

деятельности Республики Башкортостан до 2020 года», «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности на 2014–2020 годы» (в настоящий момент не разработана), – не ясно, куда войдет подпрограмма «Формирование и развитие рынка интеллектуальной собственности в Республике Башкортостан».

Таким образом, в регионе существует не только достаточный потенциал для целевого интеллектуального развития, но и деструктивные ограничения, которые возможно снять посредством конструктивного диалога и интеграции усилий экспертов-ученых, представителей государственных структур власти и регионального сообщества.

Литература

1. Ленский, Б.В. Исследование и материалы / Б.В. Ленский. – М.: Наука, 2006.
2. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2013: статсборник / Росстат. – М., 2013. – 499 с.
3. Социологи Башкортостана: справочник. – Уфа: Восточная печать, 2012.

Lavrenyuk N.M.

Possibilities of sociological knowledge to promote intellectual development of the region: experience of practical application in the Republic of Bashkortostan

Natal'ya Mikhailovna Lavrenyuk – Ph.D. in Sociology, Associate Professor, Senior Research Associate, Bashkir Branch of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Federal State-Financed Scientific Institution the Institute of Socio-Political and Legal Researches of the Republic of Bashkortostan, Federal State-Financed Educational Institution of Higher Professional Education Bashkir State University.

Abstract. Development of modern Russian society is based on intellectual potential and its capitalization. Knowledge and competence of its development play a key role in this complex system process. Competence possibilities of sociological knowledge should have a prospective nature of accumulation and be effectively applied in the regions of the country. State bodies realize the need for intellectual development. Strategic targets and program activities are developing to stimulate this process in the regions. In the Republic of Bashkortostan sociologists are involved in this process.

Key words: sociological knowledge, intellectual development, possibilities and limitations, practical application.

References

1. Lenskii, B.V. *Issledovanie i materialy* [Research and Materials] / B.V. Lenskii. Moscow: Nauka, 2006.
2. *Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli. 2013: statsbornik* [Regions of Russia. Socio-Economic Indicators. 2013: Statistics Digest]. Rosstat, Moscow, 2013. 499 p.
3. *Sotsiologi Bashkortostana: spravochnik* [Sociologists of the Republic of Bashkortostan: Handbook]. Ufa: Vostochnaya pechat', 2012.

УДК 316.422, ББК 60.5

© Гужавина Т.А.

Доверие в контексте неэкономических факторов модернизационного развития

**Татьяна Анатольевна
ГУЖАВИНА**

кандидат философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник, лаборатория экономико-социологических исследований, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (162614, г. Череповец, пр. Победы, д. 78, Labch1@mail.ru)

Аннотация. В статье затрагивается проблема неэкономических факторов в модернизационном развитии региона, привлекающая к себе в последнее время всё большее внимание ученых. Значение этих факторов стало сегодня общепризнанным в экономической науке, изучением их занимается и социология. К числу неэкономических факторов в полной мере можно отнести и доверие. Оно предстает одним из «дорогих» неэкономических активов. На нем основаны многие экономические процессы, такие как инвестирование, банковская деятельность, маркетинг и т.д. Доверие можно рассматривать как комплексную реакцию на риск. Оно создает ту среду, в которой взаимодействуют различные экономические субъекты. На основе анализа общественного мнения жителей Вологодской области дается оценка уровня доверия в регионе. Автор приходит к выводу о необходимости повышения уровня доверительности в регионе. Это требует проведения определенной социальной политики. С этой целью может быть разработана программа мер, основанная на социально-экономической диагностике региона.

Ключевые слова: неэкономические факторы, модернизация, регион, доверие, социология.

Проблеме неэкономических факторов в развитии уделяется все больше внимания [1, 2, 3]. В экономической науке произошли в связи с этим принципиальные изменения. В последние десятилетия исследователи ориентируются на междисциплинарный подход и соединение экономических методов с методами других наук, что

позволило включить в анализ политические, правовые, психологические вопросы. Экономические исследования стали пересекаться с психологическими, культурологическими, политологическими, социологическими. «Неэкономические» переменные, включающие в себя действие социально-политических, инфраструктур-

ных, психологических, географических факторов, учитываются наряду с ключевыми экономическими детерминантами роста. Влияние неэкономических факторов выражено слабее, оно менее устойчиво, их действие неоднозначно. Состоялось признание факта ограниченности рациональности в поведении человека. Мейнстрим современной экономической науки признает, что человек использует не только рациональные модели поведения, но и другие установки, осуществляет ценностный выбор. Внимание неэкономическим факторам уделяют и социологи [2].

Среди многообразия неэкономических факторов выделим один — доверие. Он входит в число самых «дорогих» на сегодняшний день неэкономических активов.

Представляя собой совокупность социально обоснованных и социально подтвержденных ожиданий со стороны индивидов в отношении других индивидов, в отношении организаций, учреждений, в отношении норм и правил, составляющих фундаментальное содержание жизни, — доверие поддерживает устойчивость и интегрированность общества. Именно доверие обеспечивает важнейшие экономические процессы: инвестиции, сбережение, кредитование, фондовую деятельность, акционирование и т.д. Отсутствие доверия может блокировать эти сферы. Доверие тем более важно, поскольку модернизационные процессы в регионах приобретают свою специфику в силу имеющихся в них различий и особенностей, что позволяет говорить о плюральной модернизации.

Для анализа процессов, касающихся социального доверия, продуктивным будет использование полипарадигмального подхода, использующего ресурсы как классической и неоклассической социологии, так и постклассики — модерна. Наиболее подходящим исследовательским подходом

к изучению локальной среды выступает конструктивизм, который уделяет огромное внимание изучению сознания и поведения людей. Этот концепт позволяет рассмотреть пути создания людьми различных социальных феноменов, в том числе и доверия, которые институционализируются и превращаются в традиции.

Изучить различные аспекты доверия дают возможность конкретные социологические исследования, которые проводятся как на межстрановом, так и на национальном и региональном уровнях [5, 6]. Состояние социального доверия такого территориального сообщества, как жители Вологодской области, факторы, на него влияющие, изучает в ходе мониторинга общественного мнения ИСЭРТ РАН¹. Прежде всего отметим, что Вологодская область — это достаточно развитый в экономическом отношении регион, обладающий мощным индустриальным потенциалом. На ее территории проживает около 1 190 000 человек или почти 1% населения всей России.

Изучение феномена доверия идет на уровне институциональном и межличностном. Межличностное доверие мы рассматриваем как основание для институционального доверия. Но в данной статье оно не анализируется. Институциональное доверие наиболее отчетливо просматривается на примере доверия к государству, поскольку

¹ В статье использованы данные за период с 2000 по 2013 г. Опрос проводился ИСЭРТ РАН по репрезентативной выборке. Выборка целенаправленная, квотная. Репрезентативность обеспечивается соблюдением пропорций между сельским и городским населением, между жителями различных типов населенных пунктов (сельские населенные пункты, малые и средние города), половозрастной структурой населения. В выборке участвовали города Вологда и Череповец, а также Грязовецкий, Никольский, Тарногский, Великоустюгский, Бабаевский, Вожегодский, Кирилловский, Шекснинский районы. Всего опрошено 1500 человек в возрасте 18 лет и старше. Метод опроса — анкетирование по месту жительства респондентов. Ошибка выборки составляет 3%.

Распределение ответов на вопрос: «Определите, пожалуйста, свое отношение к действующим в стране институтам власти и общественным структурам» (варианты ответов «полностью доверяю» и «в основном доверяю»), в % от общего числа опрошенных

Вариант ответа	Дата опроса					
	2000–2006 гг. (среднее)	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2013 г.
Президент	51,1	60,3	65,2	51,6	56,7	44,6
Правительство	38,9	41,9	60,2	46,7	52,3	38,6
Совет Федерации	29,1	34,9	47,6	35,9	38,3	32,7
Государственная дума	24,5	29,5	42,0	33,5	34,8	31,1
Руководство области	30,8	40,6	48,6	34,9	41,1	36,4
Органы МСУ	26,6	32,3	40,9	33,1	34,3	31,6
Профсоюзы	26,5	28,6	35,9	28,1	30,2	25,3
Общественные организации	20,0	24,4	32,6	23,8	27,7	24,1
Политические партии	14,7	17,6	26,8	20,0	23,7	18,1

Источник: данные мониторинга экономического положения и социального самочувствия населения Вологодской области, ИСЭРТ, 2010–2013 гг.

ку именно оно генерирует и поддерживает те нормы и правила, которые организуют жизнь социума. На уровне регионального сообщества институциональное доверие проявляется также в доверии к региональной и местной власти (*таблица*).

Как показывает анализ данных опросов общественного мнения, все институты могут быть разделены на группы. В первую входят институты с высоким уровнем доверия, которые представлены Президентом и Правительством РФ. На уровне областных структур это Губернатор и Правительство области, представляющие собой ее руководство. Вторую группу, со средним уровнем, составляют представительные органы власти — Госдума и Совет Федерации. На местном уровне сюда можно отнести органы МСУ. Третью группу, с низким уровнем, составляют общественные организации, профсоюзы, партии.

Кроме того, очевидно, что наибольшее доверие у тех институтов, которые выполняют административные функции. Те же институты, которые призваны выразить интересы граждан, для них малопривле-

кательны. Остальные институты не менее важны для жизнедеятельности регионального сообщества, но их позиции ослаблены недостаточным уровнем доверия со стороны граждан. Это, в свою очередь, становится условием слабости регионального гражданского общества.

Влияние институтов исполнительной власти можно объяснить несколькими причинами.

Во-первых, это экономические возможности данных институтов, связанные с наличием материальных ресурсов и возможностью ими распорядиться.

Во-вторых, создание этими институтами норм и правил, а также возможности контроля за их исполнением с правом применения санкций.

В-третьих, создание этими институтами единого социального пространства, консолидация общества через постановку целей и задач, организацию их исполнения.

В-четвертых, историческая память, свидетельствующая о значимости данных институтов в кризисных ситуациях, которыми насыщена история страны.

В-пятых, политическая культура российского общества, которая тяготеет к патерналистскому типу и содержит в себе пока еще достаточно слабо выраженные признаки гражданского типа. Эти же факторы во многом объясняют низкий уровень других институтов.

Подводя некоторые итоги, отметим, что для оценки факторов неэкономического развития, наряду с экономическими, необходима комплексная социально-экономическая диагностика региона [4], в основу которой должны быть положены системный, структурно-функциональный, сравнительный анализ. Это позволило бы

не только оценить состояние региональной хозяйственной системы, выявить отклонения от нормального развития, но и выделить блокирующие факторы. Данная диагностика должна включить в себя экономическую диагностику рынка, оценку инфраструктурного обеспечения, характеристику социальных и хозяйствующих субъектов.

Среди методов диагностики незаменима роль социологических мониторинговых исследований. Все это позволит выявить факторы, определяющие устойчивое инновационное развитие, являющееся (обеспечивающее) источником модернизации региона.

Литература

1. Аузан, А.А. Социокультурные коды в экономическом анализе [Текст] / А.А. Аузан // Журнал Новой экономической ассоциации. — 2013. — № 1 (17). — С. 173-176.
2. Горшков, М.К. Об аксиоматической трактовке влияния неэкономических факторов на экономический рост [Текст] / М.А. Горшков // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2014. — № 3 (33). — С. 45-56.
3. Ипатов, П.Л. Неэкономические факторы роста национальной экономики: функциональное использование и развитие [Текст] / П.Л. Ипатов: автореф. дис. на соиск. уч. ст. докт. эконом. наук. — Санкт-Петербург, 2009.
4. Суржиков, М.А. Социально-экономическая диагностика региона как субъекта международной торговли [Электронный ресурс] / М.А. Суржиков. — Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-ekonomicheskaya-diagnostika-regiona-kak-subekta-> (дата обращения: 24.07.2014).
5. Edelman Trust Barometer. — Режим доступа: <http://www.edelman.com/insights/intellectual-property/2014-edelman-trust-barometer/trust-around-the-world/>
6. Левада-центр. — Режим доступа: <http://www.levada.ru/category/tegi/doverie>

Guzhavina T.A.

Trust in the context of non-economic factors in modernization development

Tat'yana Anatol'evna Guzhavina — Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, Leading Scientific Associate, Federal State-Financed Scientific Institution the Institute of Socio-Economic Development of Territories of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russia, Labch1@mail.ru)

Abstract. The article considers the problem of non-economic factors in modernization development of the region; in recent years this issue has attracted increasing attention of scientists. The importance of these factors has now become generally accepted in economic science; these factors are studied by sociology. Trust can also be considered a non-economic factor. It appears as one of the “expensive” non-economic assets. Many economic processes, such as investment banking, marketing, etc., are based on it. Trust can be

viewed as a comprehensive response to risk. It creates the environment in which various economic subjects interact. The article assesses the level of trust in the region on the basis of the analysis of public opinion of the Vologda Oblast residents. The author comes to the conclusion about the necessity to raise the level of trust in the region. It requires implementation of certain social policy. For this purpose a programme of measures can be developed based on socio-economic diagnostics of the region.

Key words: non-economic factors, modernization, region, trust, sociology.

References

1. Auzan A.A. Sotsiokul'turnye kody v ekonomicheskom analize [Sociocultural Codes in Economic Analysis]. *Zhurnal Novoi ekonomicheskoi assotsiatsii* [The Journal of the New Economic Association], 2013, no.1(17), pp. 173-176.
2. Gorshkov M.K. Ob aksiomaticheskoi traktovke vliyaniya neekonomicheskikh faktorov na ekonomicheskii rost [On the Axiomatic Interpretation of the Economic Factors' Impact on Economic Growth]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2014, no.3(33), pp. 45-56.
3. Ipatov P.L. *Neekonomicheskie faktory rosta natsional'noi ekonomiki: funktsional'noe ispol'zovanie i razvitiye: avtoref. dis. na soisk. uch. st. dokt. kon. nauk* [Non-Economic Factors in the Growth of National Economy: Functional Use and Development: Doctor of Economics Dissertation Abstract]. Saint Peterburg, 2009.
4. Surzhikov M.A. *Sotsial'no-ekonomicheskaya diagnostika regiona kak sub"ekta mezhdunarodnoi torgovli* [Socio-Economic Diagnostics of the Region as a Subject of International Trade]. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-ekonomicheskaya-diagnostika-regiona-kak-subekta-> (accessed July 24, 2014).
5. *Edelman Trust Barometer*. Available at: <http://www.edelman.com/insights/intellectual-property/2014-edelman-trust-barometer/trust-around-the-world/>
6. *Levada-tsentr* [Levada Center]. Available at: <http://www.levada.ru/category/tegi/doverie>

УДК316.334.52, ББК60.5(2Рос.Баш)

© Ирнazarов Р.И.

Социологические исследования в советское время в Республике Башкортостан

**Раши́т Исмаги́лович
ИРНАЗАРОВ**

доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Государственное бюджетное научное учреждение Институт социально-политических и правовых исследований Республики Башкортостан (г. Уфа, ул. Кирова, д. 15, irnazarov.rashit@yandex.ru)

Аннотация. В статье раскрывается процесс институционализации социологических исследований в советские годы в Республике Башкортостан, в частности вклад первых исследователей – профессоров Ф.Б. Садыкова и Н.А. Аитова.

Ключевые слова: общество, социология, социологические исследования, общественные отношения и процессы.

Говоря о соотношении общества и социологии, следует признать, что их взаимосвязь – самая тесная, непосредственная. Общество как таковое не может состояться без социологического обоснования; социологические доктрины «здравствуют» до тех пор, пока находят подтверждение в общественной организации. В этой связи не совсем корректно говорить, что советскому обществу была чужда социология – последняя была представлена марксизмом. Другое дело, что марксизмом, призванным «разрушить весь мир до основания», не совсем воспринимались социологические, особенно эмпирические, исследования, так как их результаты могли навредить усилиям «строить новый мир».

С созданием основ социализма его дальнейшее развитие, по логике вещей, должно происходить на основе совершенствования происходящих в нем жизненных процессов. К сожалению, в нашей стране партия не смогла в нужное время «вернуться» лицом к жизни. Испытывая «голод» в отвечающих потребностям реальной жизни идеях, она продолжала слепо следовать теории, выдвигая все новые и новые лозунги о строительстве коммунизма, вызывая тем самым у населения скептическое отношение к ценностям социализма.

Между тем важность изучения жизненных процессов становится все более и более настоятельной. В возрождение социологической науки в нашей стране значительный

вклад внесли ученые из Башкортостана. Одним из первых зачинателей является Фагим Бенияминович Садыков (род. в 1928 г. в с. Новомуслимово Мечетлинского района РБ, умер в 1998 г.), доктор философских наук, профессор, заведовавший кафедрой Башкирского государственного университета в 1969–90 гг. Еще в самом начале 50-х гг. он уделял большое внимание изучению проблем эффективности функционирования социальных институтов социалистического общества. В 1953 г. он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Роль советской науки в культурно-техническом подъеме рабочих». Это была одна из первых работ, написанных на базе конкретных социологических исследований [1].

С годами круг научных интересов Ф.Б. Садыкова расширяется до границ социалистического общества в целом. В 1968 г. он публикует работу «Единство народа и противоречия социализма», где наперекор господствовавшему тогда представлению о том, что социализму не присущи противоречия, доказывает, что противоречия присущи и социализму. Работа Ф.Б. Садыкова была осуждена идеологической комиссией во главе с секретарем ЦК КПСС М.А. Суловым как антисоветская, ревизионистская. По истечении нескольких десятилетий Ф.Б. Садыков напишет: «Многие идеи, выдвинутые мной в пятидесятые и шестидесятые годы и тогда официально осужденные, стали было претворяться в жизнь с началом перестройки... но оказалось поздно, зашедшие слишком далеко процессы загнивания верхушки номенклатуры и стагнация казарменного социализма уже исключали возможность кардинальных позитивных перемен в советском обществе» [1].

С середины 60-х гг. XX в. развитие социологической мысли в Башкортостане полностью переходит на научную основу,

т.е. происходит на основе исследовательской деятельности. Зачинателем исследований был профессор Нариман Абдрахманович Аитов [2], возглавлявший кафедру философии и научного коммунизма Уфимского авиационного института в 1964–1988 гг. По его инициативе в 1965 г. в УАИ создается первая в Башкортостане социологическая лаборатория.

Тематику исследований социологов Башкортостана составляли злободневные социальные проблемы, требующие научного осмысления и разработки на этой основе практических мер по их разрешению.

Одним из первых направлений социологических исследований в Башкортостане является разработка научно-практических вопросов социального планирования. Социальное планирование служит инструментом разрешения проблем социального развития трудовых коллективов, населенных пунктов, регионов. Оно предполагает проведение исследования и выработку рекомендаций по всем направлениям их жизнедеятельности. Поэтому уже на начальном этапе развития социологической науки в Башкортостане социологические исследования не ограничивались какой-то одной областью, а носили комплексный характер.

Так, например, планом социального развития города предусматривалась разработка мероприятий по таким направлениям, как: оптимизация половозрастной структуры населения; развитие экономики города; повышение благосостояния и улучшение быта населения; укрепление здоровья населения и развитие физической культуры и спорта; развитие образования; регулирование социальной структуры населения города и социальных отношений; рост культуры и духовных потребностей населения; борьба с преступностью; идеологическая работа. Результаты исследования

нашли практическое применение в составлении и реализации планов социального развития городов и сельскохозяйственных районов Башкортостана, а также других регионов: Набережные Челны (Татарстан), Камышин (Саратовская область), Магнитогорск и Миасс (Челябинская область), Сургут (Тюменская область).

Впоследствии ряд научных разработок, выполненных в рамках социального планирования, переросли в самостоятельные направления социологических исследований.

В целом в 60–80-е годы XX в. в Башкортостане проводились масштабные социологические исследования по широкому кругу социальных проблем, прочно утвердившиеся как самостоятельная отрасль научной деятельности. Произошло формирование вполне жизнеспособной башкирской социологической школы, получившей еще в то время признание не только в нашей стране, но и за рубежом.

Новый этап в развитии социологической науки в Башкортостане начался, как и во всей России, в начале 90-х годов.

Литература

1. Садыков, Ф.Б. Особенность советской цивилизации / Ф.Б. Садыков. – Уфа: Гилем, 1998. – С. 4.
2. Аитов, Н.А. Социальное развитие регионов / Н.А. Аитов. – М.: Мысль, 1985. – 220 с.

Irnazarov R.I.

Sociological research in the Soviet period in the Republic of Bashkortostan

Rashit Ismagilovich Irnazarov – Doctor of Sociology, Professor, Chief Research Associate, Federal State-Financed Scientific Institution the Institute of Socio-Political and Legal Research of the Republic of Bashkortostan (15, Kirov Street, Ufa, irnazarov.rashit@yandex.ru)

Abstract. The article reveals the process of institutionalization of sociological research in the Soviet period in the Republic of Bashkortostan, in particular, the scientific contribution of the first researchers – professors F.B. Sadykov and N.A. Aitov.

Key words: society, sociology, sociological research, social relations and processes.

References

1. Sadykov F.B. *Osobennost' sovetskoi tsivilizatsii* [Specifics of Russian Civilization]. Ufa: Gilem, 1998. P. 4.
2. Aitov N.A. *Sotsial'noe razvitie regionov* [Social Development of the Regions]. Moscow: Mysl', 1985. 220 p.

ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

УДК 332.1, ББК 65.04(2Рос-4Вол)

© Рохчин В.Е., Усков В.С.

Пути увеличения экономического оборота плодово-ягодной продукции в регионе

**Владимир Ефимович
РОХЧИН**

доктор экономических наук, профессор, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования Санкт-Петербургский государственный экономический университет (191023, г. Санкт-Петербург, ул. Садовая, д. 21, rohchin@mail.ru)

**Владимир Сергеевич
УСКОВ**

заместитель заведующего отделом, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, v-uskov@mail.ru)

Аннотация. Усиление самостоятельности регионов в решении задач социально-экономического развития территорий предопределяет все возрастающее их значение в вопросах поиска новых источников экономического роста и повышения на этой основе качества жизни населения, важной характеристикой которого выступает полноценное питание, в том числе потребление фруктов и ягод.

Особенно актуальной эта проблема является для Европейского Севера России, где развитие собственного производства плодово-ягодной продукции сдерживается природно-климатическими условиями. Для данных территорий источником роста экономики может стать формирование рынка плодово-ягодной продукции, имеющего значительный потенциал развития на основе вовлечения в экономический оборот ресурсов дикорастущих плодов и ягод, биологический запас которых в северных регионах весьма существенный.

В статье рассмотрены основные направления функционирования рынка плодово-ягодной продукции в северных регионах на основе развития сетевых интегрированных структур, обеспечивающих объединение сфер производства, переработки плодово-ягодного сырья, а также содействие со стороны органов власти в создании соответствующих условий для нормального функционирования рынка.

Ключевые слова: плодово-ягодная продукция, экономический рост, регион, территориально-производственный комплекс.

Вопросы активизации экономического роста и решение на этой основе задачи социально-экономического развития территории выступают в качестве приоритетных для региональных органов государственной власти. Направлением экономического роста является ориентация всего имеющегося потенциала на повышение конкурентоспособности и увеличение производства конкурентных товаров, эффективное и рациональное использование природных ресурсов [9]. Один из таких природных ресурсов представляют плоды и ягоды, производство которых имеет важное значение и для региональной экономики, и для повышения качества жизни населения.

Переход экономики Российской Федерации в начале 1990-х годов к рыночным отношениям самым негативным образом сказался на развитии плодово-ягодного подкомплекса АПК, выступающего основным поставщиком на рынок культивируемых плодов и ягод. Их производство было неустойчивым в течение всего пореформенного периода (рис. 1).

В условиях рыночных отношений большинство российских предприятий, специализирующихся на производстве плодово-ягодной продукции, стали убыточными. Тенденция спада производства наблюдается на предприятиях переработки плодово-ягодного сырья. На переработку поступает всего около 20% валового сбора плодов и ягод. В структуре выпускаемой продукции более 90% составляет переработка плодов и ягод на консервы и лишь 0,5% – быстрая заморозка и производство сухофруктов [2].

Серьезные проблемы присутствуют и в сфере, производящей средства производства для всех звеньев плодово-ягодного подкомплекса АПК. Отечественная техника отстает от зарубежных аналогов по производительности (в 2 раза), имеет больший удельный расход электроэнергии, воды, пара (на 12–18%) и металлоемкость (на 30–40%). Технический уровень машин для мойки тары, подготовки сырья и вспомогательных материалов для консервирования характеризуется как крайне низкий. Особенно тяжелая ситуация сложилась в

Рисунок 1. Валовое производство плодов и ягод в Российской Федерации в хозяйствах всех категорий, тысяч тонн [6]

плодово-ягодной консервной промышленности: большинство ее предприятий оснащены устаревшим оборудованием для фасовки продукции [2].

Вышеназванные проблемы привели к тому, что в настоящее время собственное производство не в полной мере удовлетворяет потребность населения страны в

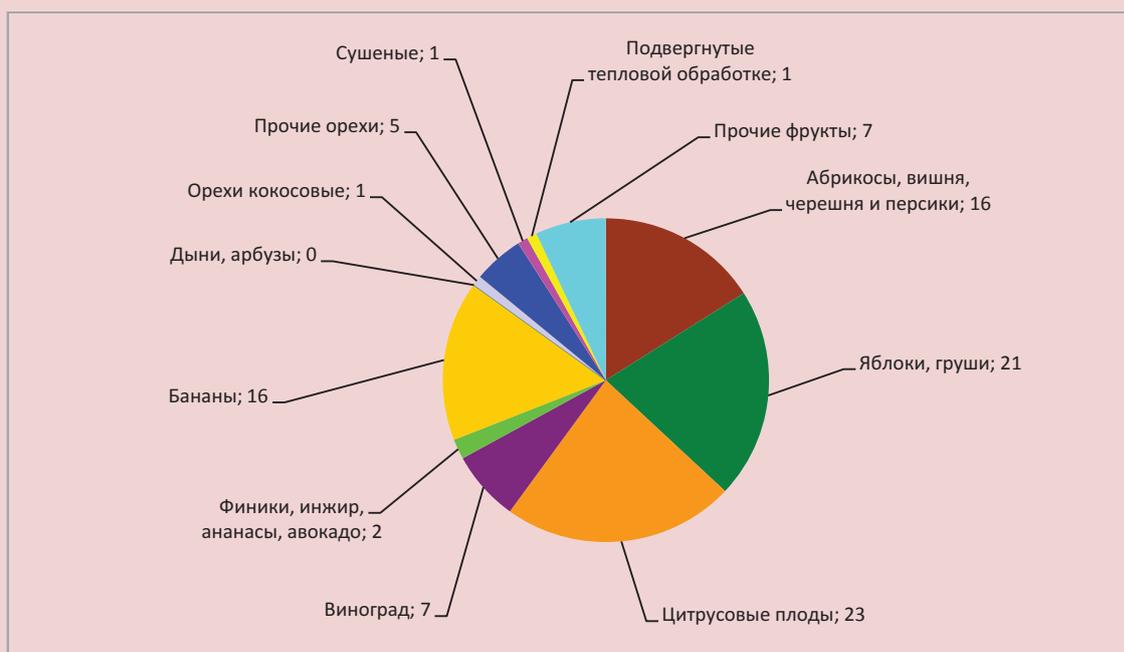
плодово-ягодной продукции, поскольку обеспечивает лишь 18–20 кг плодов и ягод в год на человека, или 25–30% минимально необходимого количества. Дефицит продукции покрывается ее импортом (рис. 2).

Основа импортных поставок фруктов – цитрусовые, яблоки, груши, абрикосы, персики, вишня, черешня и бананы (рис. 3).

Рисунок 2. Ресурсы и использование фруктов и ягод в Российской Федерации, тысяч тонн [6]

Рисунок 3. Товарная структура импорта фруктов и ягод в Россию в 2012 г., в % [8]

Но даже с учетом импорта фактическое потребление в РФ плодов и ягод в расчете на душу населения (в пересчете на свежие, без переработки на вино) составляет только 40–50% от рациональной нормы, рекомендованной Российской академией медицинских наук.

Основные причины недостаточного уровня обеспечения потребителей отечественной плодово-ягодной продукцией видятся в следующем.

Во-первых, это крайне низкая государственная поддержка сельского хозяйства и такой его отрасли, как плодово-ягодное растениеводство. Отсутствие инвестиций в отрасль, в создание и развитие сельскохозяйственной инфраструктуры, в том числе качественных хранилищ, приводит к тому, что Россия импортирует даже яблоки.

Во-вторых, — незрелость рынка продукции российских товаропроизводителей. Система сбыта отечественной продукции до сих пор не создана, в то время как каналы распределения иностранных фруктов и ягод работают эффективно. В результате существенные резервы развития отечественной плодово-ягодной сферы остаются неиспользованными.

Проблема обеспечения населения плодово-ягодной продукцией является особенно острой для жителей северных территорий России, в числе которых регионы Нечерноземной лесной зоны. Их природно-климатические условия не позволяют динамично развивать плодово-ягодное растениеводство, в связи с этим значительная часть плодово-ягодной продукции ввозится из-за рубежа и из южных регионов страны.

Вместе с тем даже в условиях Нечерноземной зоны имеется существенный потенциал для обеспечения населения плодово-ягодной продукцией. Хорошей сырьевой базой для этого могут служить значительные запасы дикорастущих ягод:

клюквы, брусники, черники, голубики, которые представляют заметный резерв в продовольственном балансе страны.

За последние годы в ней сложились три ведущих центра по заготовке и переработке дикоросов (*табл. 1*).

Вовлечение в экономический оборот традиционных местных природных ресурсов — дикорастущих ягод — следует рассматривать в качестве одного из источников роста экономики как региональной, так и территорий Европейского Севера России, где биологический запас брусники составляет 160 тыс. тонн в год, черники — 372, голубики — 37, клюквы — 214 тыс. тонн.

Следует подчеркнуть, что для освоения этих ресурсов необходима развитая система коммуникаций, позволяющая осуществлять закупку ягодного сырья на всех территориях региона.

В течение длительного периода времени основными заготовителями дикорастущих ягод были потребительская кооперация и предприятия лесной отрасли [4]. Однако их планы заготовок ягод крайне малы. Одна из главных причин, по которым лесное хозяйство утратило свои позиции на рынке дикорастущей пищевой продукции леса, стало разрушение прежней сбытовой системы.

Отметим, что, согласно прогнозам, реализация лесничествами планируемых объемов заготовки ягодных ресурсов позволит бюджетной системе Вологодской области получить дополнительные доходы. В среднем они составят около 4000 тыс. руб. в год (*табл. 2*). Суммарная величина поступлений в бюджет за период с 2014 по 2017 г. достигнет почти 16 млн. руб.

Однако нужно иметь в виду, что речь идет только о доходах, поступающих в бюджетную систему региона от заготовительной деятельности лесничеств, т.е. от организованных сборщиков. Вместе с тем более значительные объемы дикорастущих

Таблица 1. Ведущие регионы России по заготовке и переработке дикорастущих ягод

Регион	Особенности
Северо-Западный	Стимулом к развитию заготовок в Карелии, Псковской, Архангельской и других областях в значительной мере стали прямые инвестиции со стороны заинтересованных шведских, финских и норвежских компаний. Причины интереса иностранцев понятны: этот российский регион находится в непосредственной близости от границ стран, где потребление дикоросов (прежде всего – ягод) находится на очень высоком уровне. По сути, компании, традиционно занимавшиеся переработкой лесных ягод, всерьез занялись относительно дешевым российским рынком сырья. Сегодня в Карелии действуют уже до 40 компаний, занимающихся сбором дикоросов и поставкой их в страны Северной Европы. Все они работают на условиях полного финансирования со стороны западных партнеров. Но переработка дикорастущего сырья в регионе не получила развития: подавляющее большинство операторов этого рынка собирают ягоду и поставляют ее на экспорт «как есть». Возникла достаточно развитая система заготовительных пунктов, да и местное население активно вовлечено в процесс заготовки.
Центральный	Заготовители из Ивановской, Владимирской и других областей ориентируются на рынок Москвы. Свою заготовительную базу сформировало несколько крупных компаний, занимающихся консервированием грибов, ягод и соков: «Экопродукт», «Богородская трапеза», «Вимм-Билль-Данн». Лидером в регионе, по имеющимся данным, остается ивановская компания «Кантарелла», специализирующаяся на производстве замороженных ягод и грибов.
Сибирский	Доминирующие позиции пока принадлежат Томской области: местные заготовительные компании успешно работают уже и на Алтае, и в Красноярском крае. Кроме того, в регионе сложился круг компаний, которые позиционируют себя не только как заготовители, но и как переработчики сырья: удаленность от границ естественным образом стимулирует развитие более глубоких стадий переработки продукции на месте, чтобы свести к минимуму расходы при доставке продукции на внешние рынки. Этот фактор толкает сибирские компании и к более серьезной работе на внутреннем рынке.
Источник: Обзор российского рынка дикоросов и оборудование для их первичной переработки [Эл. ресурс]. – Реж. дост.: www.mt5k.tomsknet.ru/dikorosy.pdf	

Таблица 2. Прогнозные доходы бюджетной системы Вологодской области от заготовки ягод лесничествами [3]

Показатель	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	Итого за период 2014 – 2017 гг.
Планируемый объем заготовок ягод в лесничествах, тонн	499,2	504,3	509,2	514,3	2027,0
Средняя величина платы за заготовку ягод, руб.	4,84	4,84	4,84	4,84	–
Поступление доходов в бюджет от заготовки и сбора недревесных ресурсов, тыс. руб.	300	304	307	310	1221
Поступление доходов в бюджет от заготовки лесных пищевых ресурсов и лекарственных растений, тыс. руб.	3651	3691	3725,1	3765,3	14832,4
Всего поступлений в бюджет от заготовки и сбора недревесных ресурсов, лесных пищевых ресурсов и лекарственных растений, тыс. руб.	3951	3995	4032,1	4075,3	16053,4

ягод собираются местным населением и реализуются частично в пунктах приема районных отделений потребительской кооперации, а преимущественно – скупщикам ягод, и, следовательно, бюджет региона недополучает весьма существенную прибавку.

Приведенные данные позволяют утверждать, что в настоящее время вопрос, связанный с развитием инфраструктуры рынка, обеспечивающей реализацию пло-

дово-ягодной продукции, стоит в регионе весьма остро. За годы рыночных трансформаций произошло фактическое разрушение системы реализации ягодной продукции. Это вызвало уменьшение объемов продажи продукции государству, возникновение стихийных продовольственных рынков, формирование новых, преимущественно рыночных каналов реализации и рост удельного веса таких продаж.

Как показывают исследования, в современных условиях хозяйствования важное место в решении задачи повышения инновационности плодово-ягодного растениеводства и обеспечения на этой основе роста эффективности производства принадлежит поиску наиболее эффективных форм сотрудничества путем объединения сфер производства, переработки плодово-ягодного сырья, материально-технического обеспечения и других сфер обслуживания на основе развития интеграционных процессов.

Побудительным мотивом процессов интеграции является эффект за счет увеличения масштабов производства, соединения разрозненных стадий единого технологического процесса и возможности иметь законченный цикл производства, переработки и реализации разнообразной и конкурентоспособной продукции, а также достижения экономии ресурсов в совместной сфере деятельности, появления согласованности действий и более эффективной реализации продукции на рынке.

В условиях Вологодской области для стимулирования инновационной активности и вовлечения в экономический оборот ресурсов дикорастущих плодов и ягод целесообразно, на наш взгляд, сформировать как особую интегрированную структуру территориально-производственный комплекс, базирующийся на создании регионального некоммерческого партнерства – объединения физических и юридических лиц с целью взаимного сотрудничества при сохранении их самостоятельности и независимости.

Данная интегрированная структура может объединить разные субъекты хозяйственной деятельности, среди которых: инвесторы, посредники, лизинговые организации, заказчики, информационно-консультационные организации, органы государственной власти, инвестиционно-

инновационные институты, финансово-кредитные учреждения, страховые и научно-исследовательские организации и т.п.

Создание территориально-производственного комплекса – приоритетное направление развития региона (точка экономического роста), способствующее концентрации необходимых ресурсов на тех направлениях, которые приносят максимальную отдачу и повышают эффективность и конкурентоспособность продукции сельского хозяйства и перерабатывающих предприятий [1].

По нашему мнению, важным принципом формирования территориально-производственного комплекса является конкурентоспособность продукции и спрос на внешнем и внутреннем рынке. В настоящее время исследуемый рынок находится в стадии планомерного роста и имеет достаточно большой потенциал.

На российском рынке ягодной продукции наблюдается устойчивый спрос на неё. Так, за период с 2008 по 2012 г. объем реализации замороженных фруктов и ягод возрос на 37%. Всего в 2012 г. было реализовано 76 тыс. тонн замороженных фруктов и ягод. Судя по прогнозу, к 2015 г. объем реализации данной продукции достигнет 87,5 тонны.

Добавим, что за указанный период розничная цена на замороженные фрукты и ягоды увеличилась более чем на 50% (196,38 руб. за кг в 2012 г. против 128,96 руб. в 2008 г.), а к 2015 г. она составит 268,87 руб. за кг (рис. 4).

Плодово-ягодная продукция пользуется большим спросом и за рубежом. За период с 2007 по 1-е полугодие 2012 г. российскими предприятиями было экспортировано 35 847,4 т замороженных фруктов и ягод на сумму 132 252 тыс. долл. (рис. 5).

Принципиально важное значение для формирования территориально-производственного комплекса имеет наличие

Рисунок 4. Объем реализации замороженных фруктов и ягод и их розничная цена

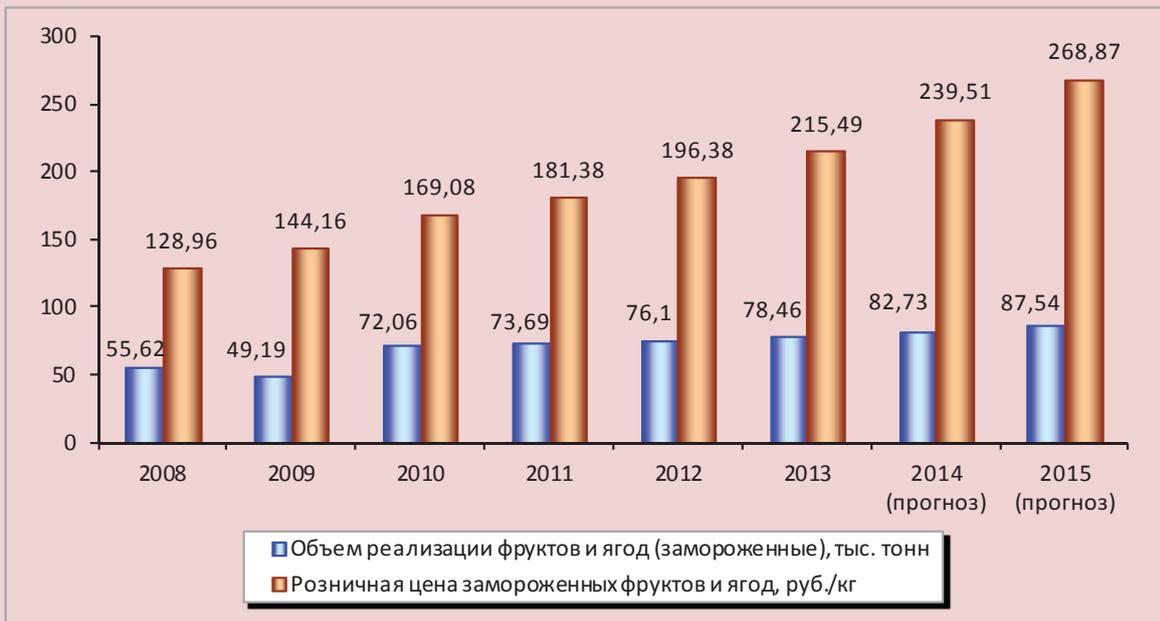
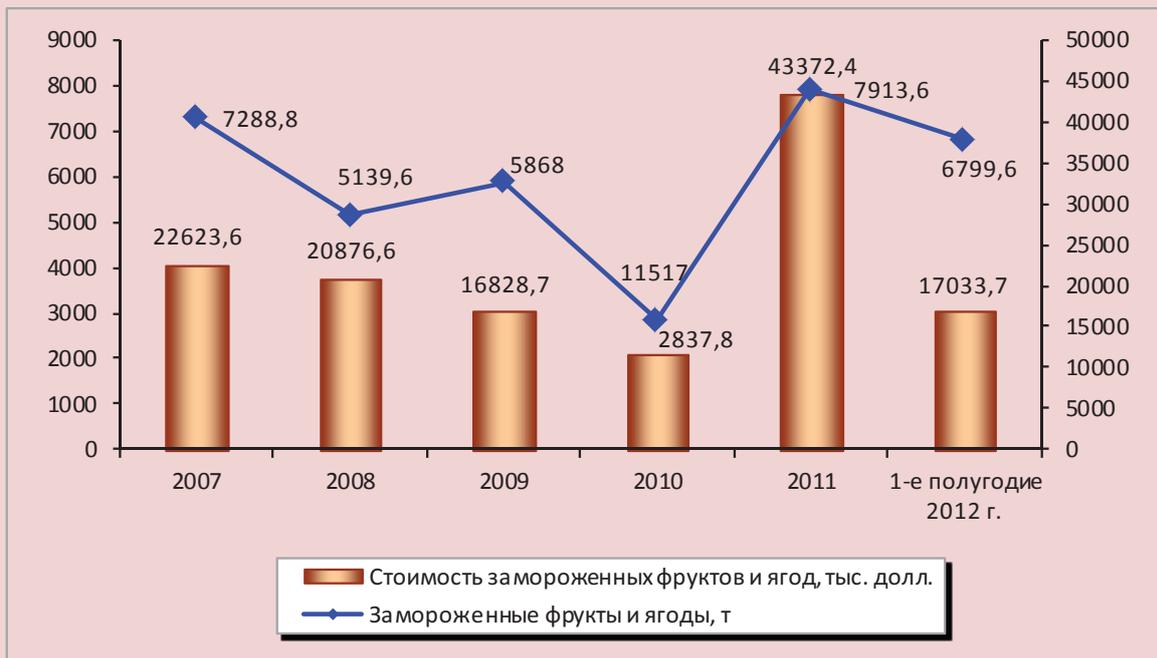

Рисунок 5. Объем экспорта замороженных фруктов и ягод и их розничная цена

основной компании, выпускающей на рынок готовую (несырьевую) продукцию. На наш взгляд, в Вологодской области как головную компанию плодово-ягодного территориально-производственного ком-

плекса следует рассматривать предприятие по переработке ягод – ООО «Вологодская ягода», имеющее мощности в г. Вологде, Усть-Кубинском и Великоустюгском районах.

В настоящее время оборот ООО «Вологодская ягода» достиг 8 млрд. руб. Предприятие имеет сеть заготовительных центров – стационарных точек, куда любой желающий может сдать ягоды. Есть свой банк, чтобы оперативно рассчитываться с населением за сданное сырье, собственная логистика – склады и автопарк.

За период с 2006 по 2012 г. предприятие «Вологодская ягода» увеличило оборот с 2,2 до 8 млрд. руб. (рис. 6).

В настоящее время ООО «Вологодская ягода» занимает ведущую позицию на российском рынке ягодной продукции. Доля предприятия на рынке замороженных ягод,

ягодного пюре, ягод в модифицированной газовой среде варьируется от 85 до 100% (табл. 3).

В целом объем производства и реализации плодово-ягодной продукции ООО «Вологодская ягода» имеет устойчивую тенденцию роста. Выручка от реализации продукции с каждым годом увеличивается, исключение составил только 2010 год, когда объемы реализации упали в связи с неблагоприятными погодными условиями, вызванными аномально жарким летом и, как следствие, резким снижением урожайности и сбора дикорастущих ягод.

Рисунок 6. Оборот ООО «Вологодская ягода», млрд. руб.

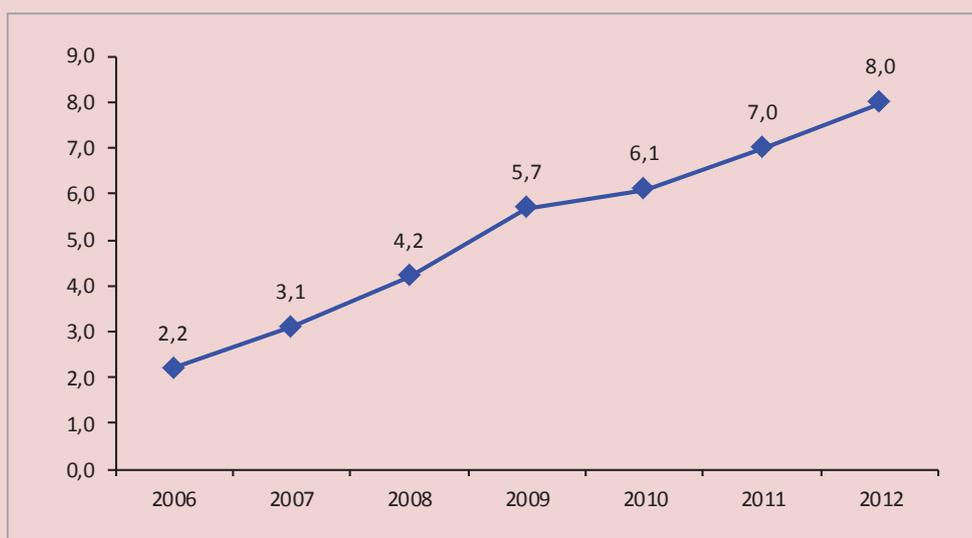

Таблица 3. Некоторые показатели деятельности ООО «Вологодская ягода»

Товар	Текущий объем производства, тонн/год	Доля ООО «Вологодская ягода» на российском рынке, %	
		дикорастущих ягод	культурных ягод
Замороженная ягода	35000	85	10
Ягодное пюре	4000	85	10
Концентрированное ягодное пюре	4000	-	-
Ягоды в модифицированной газовой среде	0,5	100	
Концентрированный сок культурных плодов и ягод	0,5	1	
Черника (фармацевтика)	4000	5	

Готовая продукция предприятия поступает и в торговые сети – «Ашан», «Метро», «Дикси», «Лента», «Глобус Гурмэ» и др., а полуфабрикаты – ягодные концентраты – продаются соковым, молочным, кондитерским и фармацевтическим компаниям. Основные потребители продукции ООО «Вологодская ягода» – наиболее крупные покупатели такой готовой продукции, как свежая и замороженная ягода, концентрированные соки и пюре, – ОАО «Лебедянский», ОАО «Вимм-Биль-Данн Напитки», ООО «Агрона Фрут – Данон», ООО «СКФрут» и другие намерены и в дальнейшем продолжать сотрудничество с предприятием, а в связи с устойчивым ростом российского рынка соков и детского питания (в 2009 г. рост потребления составил 18,5%) предполагают наращивать закупки исходного сырья для производства соков и сокосодержащих продуктов.

Таким образом, ООО «Вологодская ягода» имеет шансы стать головной компанией создаваемого плодово-ягодного территориально-производственного комплекса. В число его участников могут войти специализированные садоводческие и малые перерабатывающие предприятия региона, например ООО «Вологодский комбинат пищевых продуктов леса», крупнейший производитель культивируемых плодов и ягод СХПК «Племзавод Майский».

Участниками сетевых структур выступают малые предприятия. В настоящее время приобретают актуальность те из них, которые расположены в небольших городах и сельских поселениях и занимаются переработкой сельскохозяйственной продукции из имеющегося местного сырья и дикоросов. Эти производства играют ключевую роль в реализации таких социальных задач, как повышение уровня занятости, создание новых рабочих мест, улучшение качества жизни населения. Вместе с тем

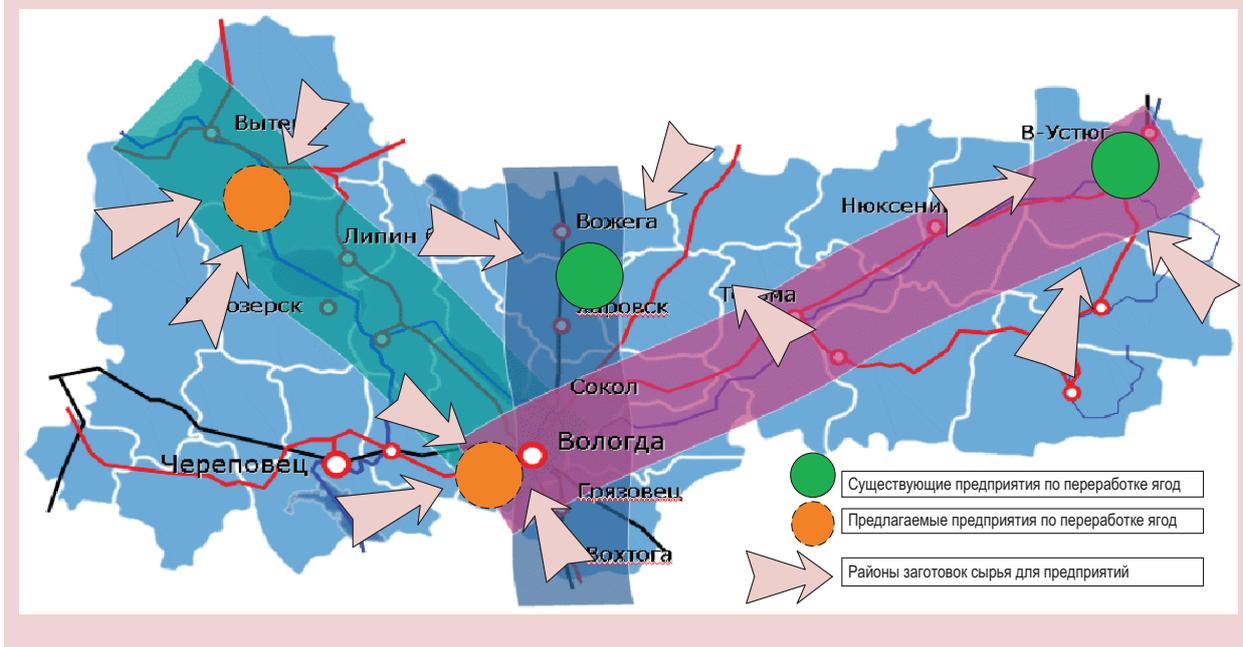
они решают проблему устойчивой поставки продукции по ценам, доступным для различных социальных слоев населения. О важности этой роли предприятий малого бизнеса свидетельствует тот факт, что производство ими консервированных грибов, овощей и фруктов достигает 45–50% общего объема производства [7].

Наличие существенных запасов дикорастущих ягод практически во всех районах Вологодской области позволяет создать сеть малых предприятий по переработке ягодного сырья, в частности, в г. Вытегре, г. Красавино и п. Майский.

Переработка ягод на месте снизит себестоимость продукции за счет уменьшения транспортных издержек. Целесообразность создания малых предприятий по переработке ягод отмечается и в Стратегии социально-экономического развития Вологодской области на период до 2020 года. Данные предприятия следует создавать в коридорах развития области (рис. 7): западном – «Кириллов–Белозерск–Липин Бор–Вытегра»; северном – «Вохтога–Грязовец–Сокол–Харовск–Вожега»; восточном – «Тотьма–Нюксеница–Великий Устюг». Коридоры развития расположены вдоль крупнейших транспортных магистралей, что обеспечивает доступ всех участников хозяйственных комбинаций к региональному (локальному) рынку сбыта и максимальный охват всех районов области.

Кроме того, подобная схема размещения предприятий даст импульс развитию потребительской кооперации как одного из ключевых элементов инфраструктуры рынка ягодной продукции. Следовательно, в коридорах развития необходимо вести планомерную работу по формированию инженерных, транспортных, информационных, социальных и административных инфраструктур.

Рисунок 7. Возможные места создания малых предприятий по переработке ягод в рамках существующих коридоров развития Вологодской области

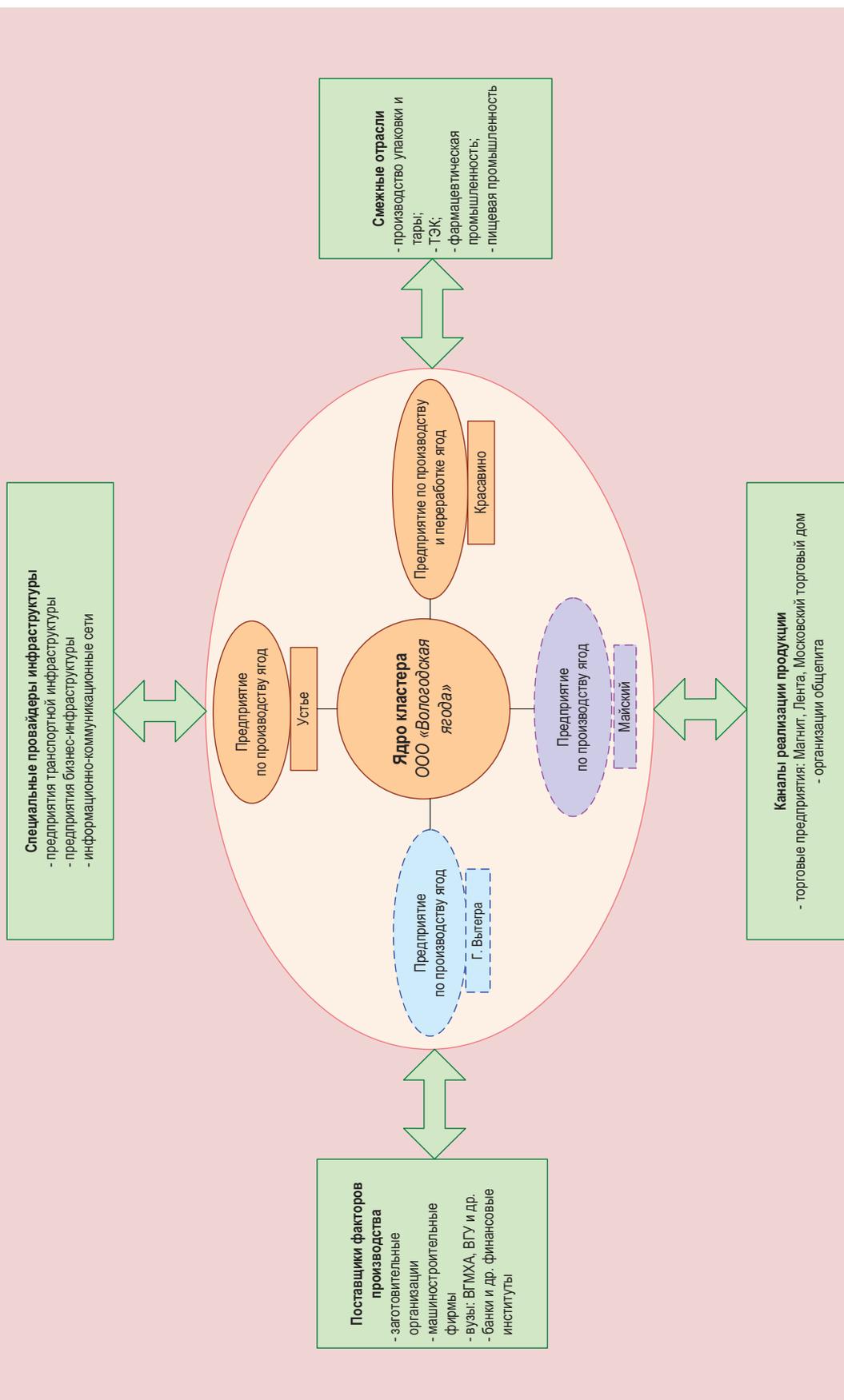
С учетом особенностей экономики территорий в структуру плодово-ягодного территориально-производственного комплекса региона должны быть, по возможности, встроены личные подсобные хозяйства, являющиеся главным производителем культурных и сборщиками дикорастущих ягод. Несмотря на то, что они не могут стать основой прогресса отрасли в силу мелкотоварности производства и ограниченности ресурсов для модернизации, их отличает максимально рациональное использование имеющихся ресурсов и высокий уровень личной заинтересованности в результатах труда. Поддержка личных подсобных хозяйств носит скорее социальное, нежели экономическое, значение и предполагает постепенную эволюцию более успешных из них в предприятия малого и среднего бизнеса.

Одними из наиболее эффективных с точки зрения стимулирования интеграции субъектов плодово-ягодного рынка выступают транспортно-распределительные

центры, позволяющие проводить анализ, аккумуляцию и перераспределение потоков товарно-материальных ценностей внутри региона, между отдельными предпринимательскими структурами внутри территориально-производственного комплекса. Создание в регионе сети транспортно-распределительных центров на основе реализации механизмов государственно-частного партнёрства обеспечит синергетический эффект за счёт экономии затрат предпринимательских структур при совместном использовании инфраструктуры и специального оборудования и приведёт к росту и превращению потенциальных сетевых интеграционных структур в сильные и устойчивые [5].

Обеспечивать квалифицированной рабочей силой предприятия территориально-производственного комплекса могут Вологодская государственная молочнохозяйственная академия имени Н.В. Верещагина, Вологодский государственный университет и др. Как видится, данные вузы

Рисунок 8. Состав плодово-ягодного территориально-производственного комплекса Вологодской области

совместно внесут свою лепту в научно-технологическое обеспечение производства и переработки плодово-ягодной продукции в предлагаемом комплексе. Подобное взаимодействие особенно важно в контексте необходимости создания инновационной системы и инфраструктуры для производства конкурентоспособной плодово-ягодной продукции.

Обновлять материально-техническую базу и технологии производства позволит участие в данном комплексе машиностроительных фирм, научно-исследовательских институтов.

Внешними партнерами плодово-ягодного территориально-производственного комплекса выступают органы государственной власти различного уровня, инновационная инфраструктура, система высшего профессионального образования. Сформировать благоприятную внешнюю среду для его создания должны, в частности, региональные и муниципальные органы власти. На региональном уровне необходима соответствующая корректировка социально-экономической стратегии развития Вологодской области, определение места плодово-ягодного территориально-производственного комплекса как одного

из ориентиров приоритетного развития. В то же время требуется разработка адекватной системы мер государственного регулирования и поддержки отрасли. На начальном этапе создания плодово-ягодного территориально-производственного комплекса весьма важна организующая роль органов власти.

В общем виде структуру плодово-ягодного территориально-производственного комплекса в Вологодской области можно представить следующим образом (рис. 8).

Развитие плодово-ягодного территориально-производственного комплекса, по нашим расчетам, будет характеризоваться к 2020 г. следующими показателями (табл. 4). Кроме того, до 2020 г. перерабатывающие предприятия, которые войдут в его состав, внесут в бюджет порядка 430–450 млн. руб.

Увеличению экономического оборота дикорастущих ягод в северных территориях будет способствовать также содействие со стороны органов власти в формировании инфраструктуры локального рынка плодово-ягодной продукции путем создания условий для обеспечения нормального функционирования рынка, включающих:

Таблица 4. Основные показатели развития плодово-ягодного территориально-производственного комплекса в Вологодской области (по расчетам автора)

Доля на рынке	Вид рынка					
	Мировой		Российский		Региональный (СЗФО)	
	Факт 2012 г.	План 2020 г.	Факт 2012 г.	План 2020 г.	Факт 2012 г.	План 2020 г.
Быстрозамороженные ягоды, овощи и грибы, %	1,5	2,2	9	14	73	91
Концентрированные ягодные соки и пюре, %	3	5	53	71	62	89
Концентрированные овощные соки и пюре, %	0	1	0	11	0	24
Объем производства замороженных ягод, т	Факт 2012 г.			План 2020 г.		
	39 000			94 200		
Численность работающих на предприятиях по переработке ягодного сырья, в том числе:						
	– постоянно			580		
– временно	1700			4000		

- согласование текущих и перспективных направлений развития региональной и национальной экономики;
- обеспечение бюджетного и товарно-денежного равновесия;
- разработку законодательства, обеспечивающего правовую основу и защиту интересов всех субъектов локального рынка плодов и ягод;
- создание необходимых условий и контроль в целях обеспечения свободной и добросовестной конкуренции на рынке;
- обеспечение рационального и правомерного товародвижения.

Ввиду того что методы государственного регулирования процессов формирования инфраструктуры рынка плодов и ягод носят многоаспектный характер, их реализацию должны осуществлять соответствующие законодательные, исполнительные, контролирующие и другие органы государственной власти.

На наш взгляд, это будет способствовать формированию и устойчивому развитию локального рынка плодово-ягодной продукции, превращению его в источник роста региональной экономики.

Литература

1. Глотко, А.В. Формирование и развития кластера садоводства в региональном АПК [Электронный ресурс] / А.В. Глотко. – Режим доступа: <http://oldvak.ed.gov.ru/common/img/uploaded/files/vak/2010/announcements/economich/12-04/GlotkoAV.doc>
2. Куликов, И.М. Оптимизация размещения предприятий плодово-ягодного подкомплекса АПК в Центральном федеральном округе РФ на период 2009–2012 гг. [Текст] / И.М. Куликов, С.М. Медведев, В.Ф. Урусов // Садоводство и виноградарство. – 2009. – № 3. – С. 25-32.
3. Лесной план Вологодской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.forestvologda.ru/page/wood_plan
4. Милосердов, В.В. Этапы развития Российской кооперации: взлеты и падения [Текст] / В.В. Милосердов, К.В. Милосердов // Экономика сельского хозяйства и перерабатывающих предприятий. – 2012. – № 4. – С. 10-16.
5. Морозов, Н.М. Агропромышленные кластеры малой формы [Текст] / Н.М. Морозов, М.А. Конаков // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2009. – № 2. – С. 30-33.
6. Сельское хозяйство, охота и охотничье хозяйство, лесоводство в России. 2011: стат. сб. / Росстат. – М., 2011. – 446 с.
7. Серегин, С.Н. Принципы и особенности территориального размещения производственной базы пищевой промышленности России [Текст] / С.Н. Серегин, О.Н. Каширина, К.В. Колончин // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2012. – № 5. – С. 12-19.
8. Таможенная статистика внешней торговли России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ved-stat.ru/pub/81-fruitimport>
9. Цибульникова, М.Р. Развитие методологии учета и оценки природных ресурсов на региональном уровне (на примере Томской области) [Электронный ресурс] / М.Р. Цибульникова. – Режим доступа: <http://www.lib.tsu.ru/mminfo/000063105/341/image/341-243.pdf>

Rokhchin V.E., Uskov V.S.

Ways to enhance the economic turnover of fruit and berry production in the region

Vladimir Efimovich Rokhchin – Doctor of Economics, Professor, Federal State-Financed Institution of Higher Professional Education “Saint Petersburg State University of Economics” (21, Sadovaya Street, Saint Petersburg, 191023, Russia, rohchin@mail.ru)

Vladimir Sergeevich Uskov – Deputy Head of the Department, Federal State-Financed Scientific Institution the Institute of Socio-Economic Development of Territories of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russia, v-uskov@mail.ru)

Abstract. Enhancement of the regions' self-sufficiency in handling their socio-economic development issues predetermines their increasing importance in the search for new sources of economic growth and improvement of the quality of life, an important characteristic of which is nutrition, including the consumption of fruit and berries.

This issue is particularly relevant for the European North of Russia, where the development of its own fruit and berry production is constrained by climatic conditions. These territories can find a source of economic growth in the formation of the fruit and berry market with a significant potential for development based on the resources of wild fruits and berries that the northern regions are rich in.

The article describes the main spheres of functioning of the fruit and berry market in the northern regions through the development of integrated network structures that promote integration of fruit and berry production and processing, as well as support on the part of the authorities in creating appropriate conditions for the normal functioning of the market.

Key words: fruit and berry production, economic growth, region, territorial-industrial complex.

References

1. Glotko A.V. *Formirovanie i razvitiya klastera sadovodstva v regional'nom APK* [Formation and Development of Horticulture Cluster in the Regional Agroindustrial Complex]. Available at: <http://oldvak.ed.gov.ru/common/img/uploaded/files/vak/2010/announcements/economich/12-04/GlotkoAV.doc>
2. Kulikov I.M., Medvedev S.M., Urusov V.F. Optimizatsiya razmeshcheniya predpriyatii plodovo-yagodnogo podkompleksa APK v Tsentral'nom federal'nom okruge RF na period 2009–2012 gg. [Optimization of the Placement of Companies of Fruit and Berry Complex of AIC in the Central Federal District of the Russian Federation for the Period of 2009–2012]. *Sadovodstvo i vinogradarstvo* [Horticulture and Viticulture], 2009, no.3, pp. 25-32.
3. *Lesnoi plan Vologodskoi oblasti* [The Forest Plan of the Vologda Oblast]. Available at: http://www.forestvologda.ru/page/wood_plan
4. Miloserdov V.V., Miloserdov K.V. Etapy razvitiya Rossiiskoi kooperatsii: vzlety i padeniya [Stages of Development of Russian Cooperation: the Ups and Downs]. *Ekonomika sel'skogo khozyaistva i pererabatyvayushchikh predpriyatii* [Economics of Agriculture and Processing Enterprises], 2012, no.4, pp. 10-16.
5. Morozov N.M., Konakov M.A. Agropromyshlennye klasteri maloi formy [Small Agroindustrial Clusters]. *Ekonomika sel'skokhozyaistvennykh i pererabatyvayushchikh predpriyatii* [Economics of Agricultural and Processing Enterprises], 2009, no.2, pp. 30-33.
6. *Sel'skoe khozyaistvo, okhota i okhotnich'e khozyaistvo, lesovodstvo v Rossii. 2011: stat. sb.* [Agriculture, Hunting and Hunting Sector, Forestry in Russia: Statistical Digest]. Rosstat. Moscow, 2011. 446 p.
7. Seregin S.N., Kashirina O.N., Kolonchin K.V. Printsipy i osobennosti territorial'nogo razmeshcheniya proizvodstvennoi bazy pishchevoi promyshlennosti Rossii [Principles and Specifics of Spatial Location of the Production Base of the Food Industry]. *Ekonomika sel'skokhozyaistvennykh i pererabatyvayushchikh predpriyatii* [Economics of Agricultural and Processing Enterprises], 2012, no.5, pp. 12-19.
8. *Tamozhennaya statistika vneshnei torgovli Rossii* [Customs Statistics of Russia's Foreign Trade]. Available at: <http://www.ved-stat.ru/pub/81-fruitimport>
9. Tsibul'nikova M.R. *Razvitie metodologii ucheta i otsenki prirodnikh resursov na regional'nom urovne (na primere Tomskoi oblasti)* [Development of the Methodology for Accounting and Valuation of Natural Resources at the Regional Level (Case Study of the Tomsk Oblast)]. Available at: <http://www.lib.tsu.ru/mminfo/000063105/341/image/341-243.pdf>

Условия и факторы движения сельхозтоваропроизводителей по инновационному пути развития

**Павел Михайлович
СОВЕТОВ**

доктор экономических наук, профессор, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования Вологодская молочнохозяйственная академия им. Н.В. Верещагина (160555, г. Вологда, пос. Молочное, ул. Шмидта, д. 2, market3@molochnoe.ru, sovetovpm@yandex.ru)

**Светлана Анатольевна
ВОЛКОВА**

аспирант кафедры менеджмента и маркетинга, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования Вологодская молочнохозяйственная академия им. Н.В. Верещагина (160555, г. Вологда, пос. Молочное, ул. Шмидта, д. 2, wolfsveta2008@yandex.ru)

**Надежда Павловна
СОВЕТОВА**

кандидат экономических наук, доцент, зав. кафедрой менеджмента, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования Вологодский государственный университет (160035, г. Вологда, ул. Ленина, д. 15, n777777@yandex.ru)

Аннотация. В статье рассмотрены итоги анкетного опроса, проведенного в 2011–2013 гг. кафедрой управления производством ФГОУ ВПО «Вологодская государственная молочнохозяйственная академия им. Н.В. Верещагина» при поддержке Департамента сельского хозяйства, продовольственных ресурсов и торговли Вологодской области в рамках осуществляемого исследования проблемы перехода агроэкономики к инновационному типу развития. Представлены и систематизированы мнения руководителей сельскохозяйственных предприятий региона о трудностях, условиях и возможностях активизации инновационно-инвестиционной деятельности сельскохозяйственных организаций.

Ключевые слова: инновации, востребованность инноваций, инновационная активность.

Актуальность задач повышения конкурентоспособности современного сельского хозяйства, функционирующего в условиях международного разделения труда и формирования новых рынков, многократно возрастает в связи с состоявшимся вступлением Российской Федерации во Всемирную торговую организацию (ВТО). Для сельхозтоваропроизводителей становится очевидной необходимость повышения конкурентоспособности не только выпускаемой продукции, но и условий ее производства, гарантирующих выпуск качественной и безопасной продукции, удовлетворяющей и даже превосходящей требования потребителя. Привычная в 2000-е годы тактика достижения экономического роста на основе сложившегося ассортимента выпускаемой продукции и задействования простаивающих мощностей, основных фондов и имеющихся технологий сейчас и далее не может обеспечить необходимой конкурентоспособности предприятий.

Конкурентоспособность, конечно же, зависит от уровня эффективности использования ресурсов и интенсификации производства, но, чтобы производить конкурентоспособную продукцию в условиях членства РФ в ВТО, нужно повышать ее качество, выпускать новые, пользующиеся спросом виды продукции в соответствии с требованиями глобализирующегося рынка. Для этого необходимы обновление основных производственных фондов, их реконструкция и создание новых производственных мощностей, переход на прогрессивные технологии. Все это требует инвестиций, которые выступают основным фактором экономического роста, его главным двигателем.

В условиях, когда качество экономического роста выступает приоритетным и возрастает по мере перехода к производству новой продукции на модернизируемых производственных мощностях, важнейшим

направлением использования инвестиций становится вложение средств в инновации. И сегодня в Российской Федерации, казалось бы, нет недостатка в призывах развивать экономику страны на основе инноваций. Модель инновационного развития страны обозначена в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации [4], результатом чего должно стать создание инновационной экономики. Со стороны структур государственной власти и управления множатся заверения о поддержке финансирования инновационной деятельности.

Однако официальная статистика не показывает роста спроса на инновации и увеличения объемов инновационной продукции, в том числе обрабатывающих производств, являющихся фундаментом конкурентоспособности экономики. Интенсивного технологического перевооружения отечественной промышленности не происходит и, к тому же, в отличие от всех других индустриально развитых стран, не сокращается доля низкотехнологичного сектора в структуре добавленной стоимости. Лишь около 10% предприятий страны, как и десятилетие назад, осуществляют технологические инновации, тогда как в ФРГ этот показатель составляет 60% [2]. Отсюда логично постулируется некоторыми исследователями проблемы освоения модели инновационного развития экономики суждение о том, что частные собственники предприятий не хотят или не могут финансировать инновационный процесс [2].

Такое мнение опирается на солидную базу эмпирической доказательности, но статистика показывает, что в отдельных отраслях и предприятиях, находящихся в тех же условиях функционирования, средства на принятие и реализацию стратегии инновационного развития все же изыскиваются. Здесь мы пока не акцентируем внимание на характеристиках выпускаемой иннова-

ционной продукции, выступающей новой для внутреннего или внешнего рынка либо не имеющей аналогов на мировом рынке.

Понятно, что выпуск инновационной продукции подобного рода не всегда удается освоить и с малыми затратами осуществить. Вместе с тем имеется ряд предприятий – имитаторов инноваций, т.е. тех, которые, не тратя средств на исследования, быстро перенимают чужие разработки и развивают производства, осваивая новую для себя продукцию, уже производимую в индустриально развитых странах. Чаще всего предприятия, имитирующие инновации, преимущественно специализируются в продовольственном и сырьевом секторах регионов. Нетрудно предположить, что имитационная модель продвижения инноваций в сельскохозяйственное производство, испытывающее третье десятилетие подряд хронический инвестиционный голод, выступит реальной формой проявления интереса агробизнеса к инновациям и их освоению в условиях действия на территории Российской Федерации правил Всемирной торговой организации.

И сейчас, в ситуации обострения конкуренции, открытости экономики РФ для транснациональных корпораций и действия правил ВТО, сельхозтоваропроизводителям придется из года в год улучшать производственные процессы и качество продуктов, остающихся конкурентоспособными, повышать производительность труда. В существующих условиях хозяйствования, производства и обращения очень важен, на наш взгляд, именно такой подход, ибо далеко не все сельскохозяйственные организации имеют потенциал для инновационного развития и возможности в мгновение ока развернуть высокотехнологичные производства. Имитационный подход к инновациям, как показывают проводимое исследование и регулярные контакты с руководителями

и специалистами АПК, поддерживается и разделяется ими, так как не противоречит задачам укрепления базовых условий воспроизводства и улучшения общего климата для агробизнеса.

Агроэкономической науке и практике управления АПК известны сильные и слабые стороны существующей в сельском хозяйстве инновационной системы, которые можно рассматривать с разных точек зрения, но воспринимать ее потенциал следовало бы, прежде всего, как реальную базу имеющихся, основанных на научных знаниях конкурентных преимуществ, использовать которые необходимо лучшим образом в интересах достижения устойчивости и роста расширенного воспроизводства в аграрной сфере.

Собственно в этом и состояла одна из опорных точек концепции предпринятого нами в 2011–2013 гг. исследования факторов и условий инновационного развития агроэкономики региона на примере Вологодской области.

Цель одного из этапов научного исследования – выявление и обобщение мнений руководителей сельскохозяйственных предприятий региона о трудностях, возможностях и перспективах инновационного развития. Для этого был осуществлен анкетный опрос руководителей сельскохозяйственных организаций, в ходе которого им предлагалось ответить на специальный набор вопросов, позволяющих выявить факторы, стимулирующие или сдерживающие инновационно-инвестиционную активность производителей продукции земледелия и животноводства. Анкеты распространялись среди руководителей сельскохозяйственных предприятий, специализирующихся на производстве продукции молочного скотоводства и расположенных практически во всех административно-территориальных районах региона.

Перечень предприятий был согласован с руководством и экономической службой Департамента сельского хозяйства, продовольственных ресурсов и торговли области. Общее количество хозяйств, от которых поступили заполненные анкеты, составило 52 единицы. Этот охват отражает более 24% генеральной совокупности сельскохозяйственных организаций молочного скотоводства, расположенных на территории области, что позволяет говорить о высокой репрезентативности и достоверности проведенного опроса.

При постановке задачи принимались во внимание сложившаяся уязвимость отечественной агроэкономики [1] и существующие группы текущих и долгосрочных проблем (экономических, демографических, социальных), а также общие условия и особенности функционирования сельского хозяйства. Первый год членства Российской Федерации в ВТО, как вполне очевидно, диктует предприятиям необходимость не только повышения конкурентоспособности выпускаемой продукции, но и создания условий ее производства, гарантирующих выпуск качественной и безопасной продукции, удовлетворяющей и даже превосходящей требования потребителя. Сейчас, в силу масштабного и продолжительного давления импорта продовольствия в условиях глобализации и открытости экономики, наиболее остро (можно сказать, критически) стоит проблема конкурентоспособности продукции отечественного АПК на внутреннем рынке. И здесь нельзя ограничиваться лишь подъемом сельскохозяйственного производства.

Негативные демографические тенденции в сельской местности, нашедшие свое проявление в снижении рождаемости и росте смертности сельского населения, высокая безработица, низкий уровень доходов указывают на необходимость перехода к инновационному пути развития всей

сельской экономики. Здесь же, в рамках первого этапа исследования, мы ограничиваемся отображением и рассмотрением позиций ее ключевого звена – сельского хозяйства – в интерпретации взглядов руководителей сельхозорганизаций на трудности и возможности реализации модели инновационного развития агроэкономики.

Обобщение и структуризация данных анкетного опроса отчетливо показывает, что руководители сельхозорганизаций не отрицают важности и значимости разработки стратегии инновационного развития агроэкономики, оценивая как растущий, развивающийся рынок инноваций в АПК, где научно-технические новинки весьма дорогостоящие и их предложение со стороны отечественной науки могло быть, на их взгляд, значительно шире. При этом главным препятствием к инновационному рывку в развитии сельскохозяйственного производства они вполне обоснованно считают ограничение спроса на инновации, проистекающее из постигшей агроэкономику рукотворной «аграрной трагедии» (по выражению Л.И. Абалкина, 2009).

Поэтому отнюдь не случайно только 13% из числа опрошенных руководителей сельхозорганизаций заявляют о той или иной степени готовности начать перевод сельскохозяйственного производства на инновационный этап развития, 42% – допускают в перспективе возможность такого перехода, но 45% – сообщают об отсутствии условий для реализации этой перспективы. Отметим в этой связи, что ориентация на интенсификацию сельскохозяйственного производства обозначена отчетливо в ответах лишь 5% респондентов. Большинство руководителей (57,5%) оценивают степень загруженности имеющихся производственных мощностей на уровне 70–80%, а 32% – характеризуют уровень использования производственного потенциала не выше 40–60%.

Конечно, приводимые данные все же не следует понимать как дистанцирование руководителей сельхозорганизаций от решения задач инновационного развития сельскохозяйственного производства. Большинство опрошенных руководителей в настоящее время в той или иной степени осуществляют внедрение инноваций (рис. 1).

Наибольший уровень востребованности инновационных проектов, если судить по числу заявивших об этом сельхозорганизаций, участвовавших в их реализации, обнаруживают те из них, что связаны с приобретением техники нового поколения (29%), улучшением породности животных (19%), несколько меньше – с освоением новой технологии производства (17%), использованием улучшенных сортов растений, гибридов, кроссов (16%) и совсем немного (9%) – с использованием модифицированных материалов (удобрений, гербицидов, кормовых добавок и т.д.). Освоение производства продуктов генной инженерии и выпуск принципиально новых видов продукции лишь предполагает в обозримом будущем.

Следует подчеркнуть, что руководители сельхозорганизаций реально и весьма критически рассматривают свои действия в области осуществляемой инновационной деятельности. Так, лишь 22% опрошенных руководителей оценивают деятельность возглавляемых ими предприятий в части внедрения инновационных технологий в животноводстве на пять баллов (по десятибалльной шкале). Все респонденты оценивают уровень внедрения инновационных технологий в растениеводстве ниже пяти баллов, в том числе на четыре-пять баллов – соответственно 12 и 5%. При этом на 10%-ный уровень удовлетворения потребности в элитных семенах указывают 37,5% ответивших руководителей, а на 80–90%-ную обеспеченность – не более 4% сельхозтоваропроизводителей, и никто из них не достиг полной обеспеченности. Половина сельхозтоваропроизводителей имеет 12%-ный уровень удовлетворения потребности в элитных семенах.

Достижение полномасштабности решения задачи приобретения племенного скота характерно для 11% сельхозтоваропроизво-

Рисунок 1. Инновационные проекты, в реализации которых участвовали сельхозорганизации Вологодской области в 2006–2010 гг., в %

дителей, на 90% она решена в 5,6% сельхозорганизаций. Имеют возможность лишь наполовину удовлетворить потребности в племенном скоте 22% сельхозтоваропроизводителей, а 44% респондентов – только в пределах 10–15%.

Руководителей сельхозорганизаций, принявших участие в опросе, отличает прагматизм позиций относительно запуска инновационной активности, неразрывно связанный с задачами формирования базовых условий расширенного воспроизводства. В первую очередь, это задачи обновления материально-технической базы сельскохозяйственных предприятий, с тем чтобы у них была возможность производить конкурентоспособную продукцию. Во-вторых, это меры, направленные на организацию производства новой (не имеющей аналогов) продукции.

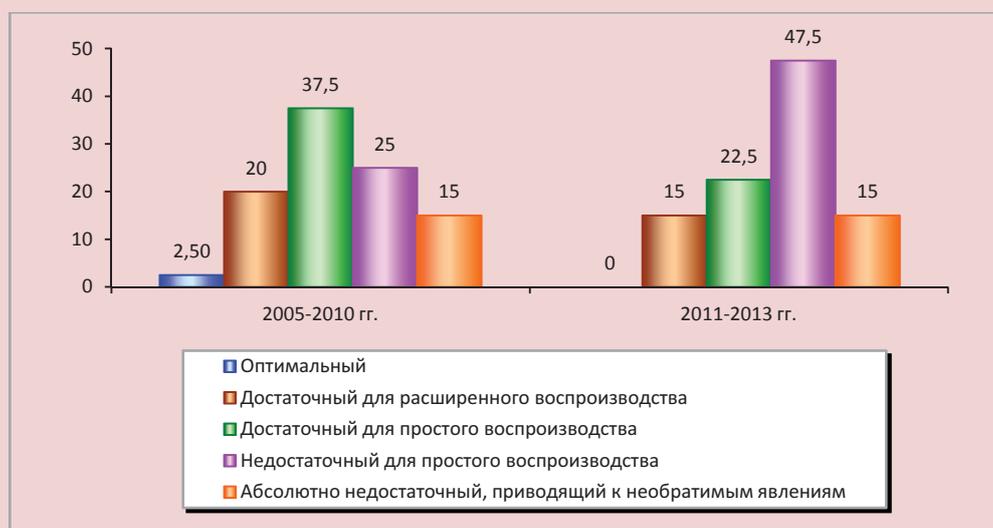
Логичной в этой связи представляется присущая руководителям сельскохозяйственных предприятий озабоченность состоянием и заменой основных фондов. Так, за пятилетие (2006–2010 гг.) только 7,1% участников опроса осуществили в полном объеме обновление основных фондов вза-

мен выбывших, 33% смогли компенсировать их выбытие всего лишь наполовину, а 42% – в пределах одной трети выбывших.

Руководители сельхозорганизаций продолжают безудержно доказывать, что капитальные вложения, направляемые на приобретение перспективной ресурсосберегающей техники и технологий, вложения в человеческий капитал, развитие инфраструктуры, являются необходимым, основным источником экономического роста. Именно они определяют возможность повышения эффективности использования земельных, трудовых и других производственных ресурсов, а в конечном счете – конкурентоспособность продукции сельского хозяйства.

Объем капитальных вложений в развитие производственных мощностей, по мнению 37,5% участников опроса, был в 2005–2010 гг. достаточным лишь для простого воспроизводства (рис. 2); 25% опрошенных считают его недостаточным для простого воспроизводства. Только 20% респондентов признали уровень капитальных вложений достаточным для расширенного воспроизводства.

Рисунок 2. Оценка уровня капитальных вложений в развитие производственных мощностей (в % от числа ответов участвовавших в опросе руководителей сельхозорганизаций Вологодской области)

Характерно, что, отвечая на вопрос о результатах хозяйственной деятельности своих предприятий за 2011–2013 гг., все респонденты указывают на рост степени неудовлетворенности запросов на капитальные вложения, недостаточность объемов капиталовложений для обеспечения простого и расширенного воспроизводства.

Отмечаемое официальной статистикой продолжительное и масштабное сокращение объемов строительства производственных объектов в сельском хозяйстве подтверждается соответствующими оценками участвовавших в опросе руководителей сельхозорганизаций. О реализации намеченных планов строительства производственных объектов в отрасли животноводства в рассматриваемый период заявили только 15% респондентов. Перечень и весомость причин, сдерживающих капиталовложения в сельское хозяйство (в интерпретации участников опроса), приведены на *рисунке 3*.

В ответах опрошенных руководителей сельхозорганизаций прослеживается взаимосвязь задач роста инновационной активности и инвестирования капиталовложений в сельском хозяйстве, где инвестиции выступают условием и предпосылкой перехода к инновационному типу развития сельскохозяйственного производства. Обнаруживается корреляция в оценках руководителями возможностей перехода к инновационной модели развития с уровнем инвестиционного обеспечения агроэкономики.

Так, 15% опрошенных руководителей сельхозорганизаций считают достаточным объем капиталовложений для расширенного воспроизводства и практически столько же руководителей (13,6%) заявляют о наличии возможностей у возглавляемых ими сельскохозяйственных предприятий для перехода к инновационной модели развития. Соответственно, необеспечен-

Рисунок 3. Причины, сдерживающие капиталовложения в сельское хозяйство (в % от числа ответов участвовавших в опросе руководителей сельхозорганизаций Вологодской области)

ность капиталовложениями, трактуемая как «абсолютно недостаточная», вызывает отрицательное суждение о возможностях инновационного развития. Объем капиталовложений, недостаточный для простого воспроизводства, формирует ответ об оценках возможностей инновационного развития «скорее нет, чем да», тогда как параметры капиталовложений, считающиеся достаточными для простого воспроизводства, формируют ответ «скорее да, чем нет» (рис. 4).

По мнению респондентов (рис. 5), ключевым фактором, побуждающим к переходу к инновационной модели развития сельскохозяйственного производства, является необходимость повышения конкурентоспособности (30% от общего числа опрошенных). В этой же тональности звучат и 23% ответов руководителей, указавших на обострение конкуренции на рынке и озабоченных фактом вступления РФ во Всемирную торговую организацию (17%), нестабильностью факторов внешней среды (15%).

Рисунок 4. Оценка существующих возможностей для перехода к инновационной модели развития сельскохозяйственного производства Вологодской области (по результатам анкетного опроса руководителей предприятий), в %

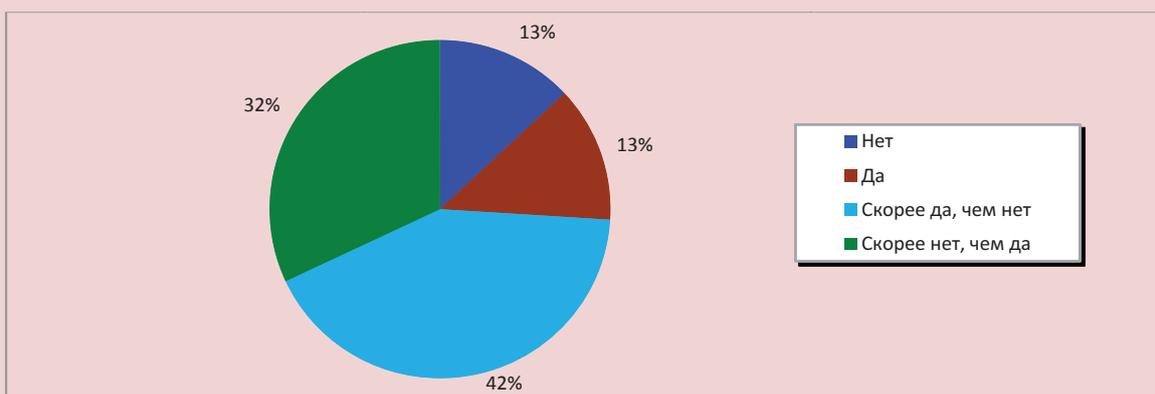
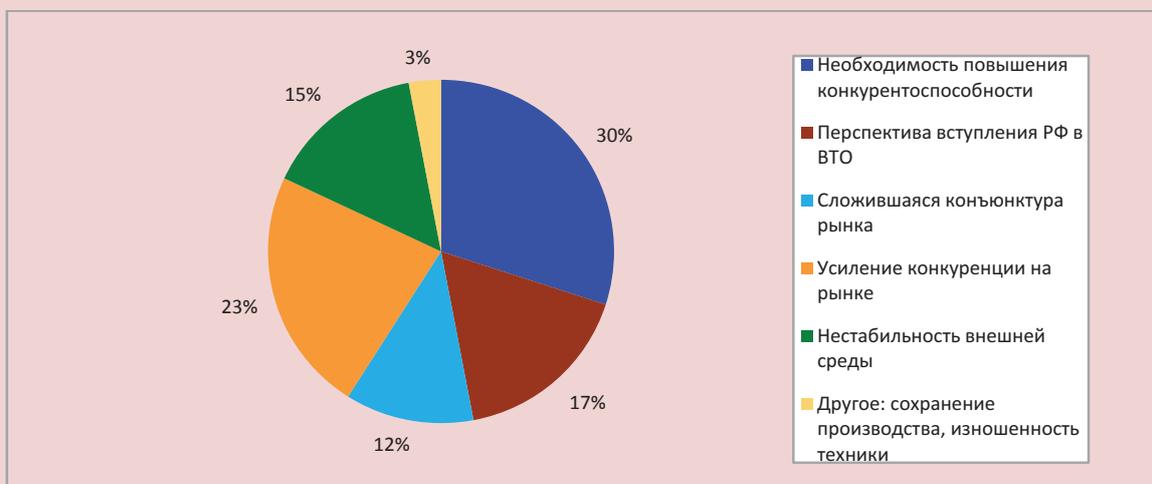

Рисунок 5. Факторы, побуждающие к переходу к инновационной модели развития сельскохозяйственного производства Вологодской области (по результатам анкетного опроса руководителей), в %

Руководители сельскохозяйственных предприятий понимают, насколько сложным будет процесс перехода к инновационной модели развития в ситуации социально-экономической нестабильности. Потребуется напряжение всех имеющихся и привлечение дополнительных материальных, трудовых и интеллектуальных ресурсов, четкое представление множества рисков и ожидаемых результатов, организация целевого управления инновациями, подготовка и адаптация персонала к нововведениям. Понятно, что самостоятельно, без масштабной поддержки и систематизированного участия государства, здесь не обойтись.

Поэтому не случайно руководители сельхозорганизаций ставят на первое место (41% опрошенных) задачу усиления государственной поддержки сельского хозяйства как главное условие активизации инновационной деятельности. На втором месте (рис. 6) по степени важности и зна-

чимости — необходимость разработки и реализации специальных целевых программ инновационного развития (30%). Несколько менее и приблизительно в равных долях оценивается важность задач формирования системы информационно-консультационного сопровождения нововведений, увеличения объемов финансирования аграрной науки, совершенствования форм и механизмов взаимодействия науки и производства. Пока лишь 1% опрошенных подчеркнута значимость создания венчурных фондов с участием государства.

Обращение руководителей сельхозорганизаций к государству за поддержкой не следует понимать как просьбу о неограниченном финансировании затрат на инновации за счет государственного бюджета. Речь идет о государственном протекционизме инновационного развития сельскохозяйственного производства, подобном тому, что зарождался в начальный период «новой экономической политики» СССР

Рисунок 6. Значимость задач и условий перехода к инновационной модели развития сельскохозяйственного производства (по результатам анкетного опроса руководителей), в %

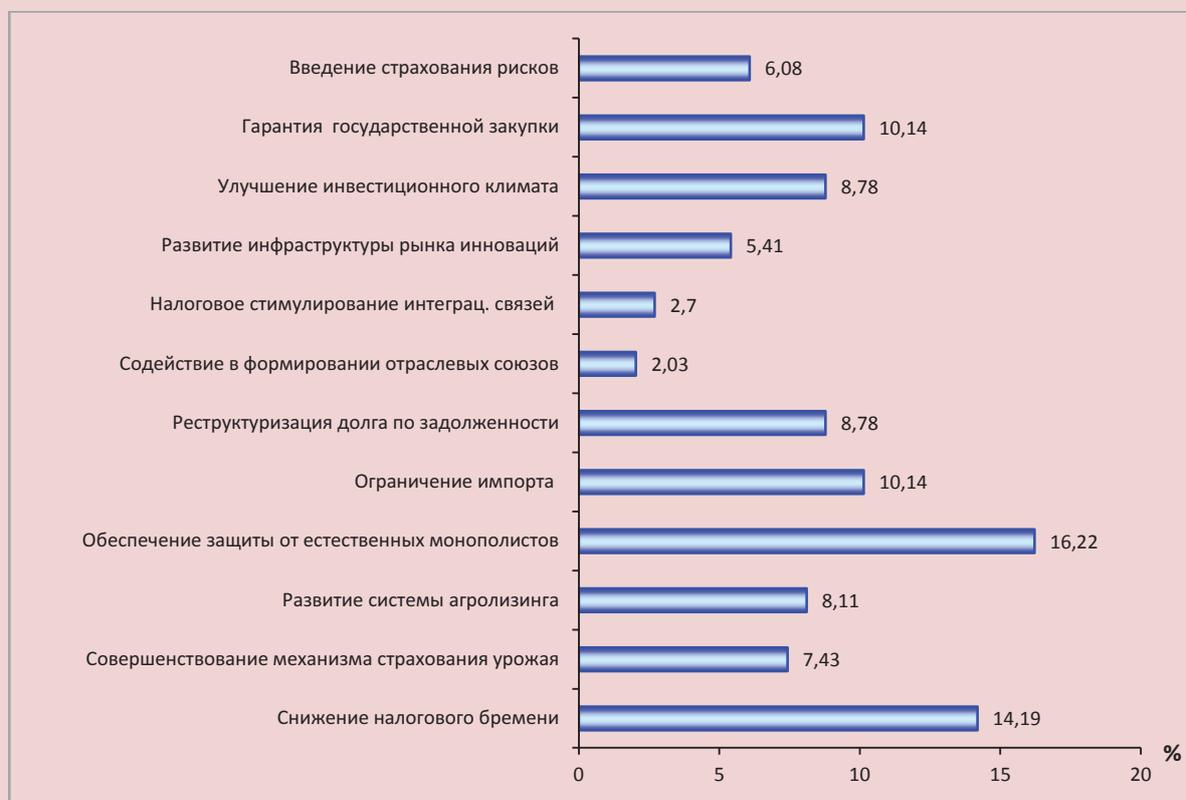

и получил затем, в послевоенное время, развернутое под флагом государственно-патернализма в отношении сельского хозяйства результативное применение в индустриально развитых странах. И не только в них. Сейчас же отечественным сельхозтоваропроизводителям остается ностальгически вспоминать о крупномасштабных государственных инвестициях в агропромышленное производство в период 1976–1991 гг. и мечтать о «неоНЭПе».

Сельхозтоваропроизводители хотели бы видеть наяву и ощущать постоянно, «все-рьёз и надолго», реальную государственную поддержку инновационного развития сельскохозяйственного производства. По их мнению, наиболее важным направлением государственной политики содействия инновациям в АПК является обеспечение

защиты от давления естественных монополий, посредников или переработчиков и снижение налогового бремени для товаропроизводителей (рис. 7). Подчеркивается важность ограничения импорта сельскохозяйственной техники, сырья и продовольствия, а также гарантий государственной закупки сельхозпродукции, произведенной по новой технологии. В оценках респондентов отмечаются как весьма значимые мероприятия государства, направленные на развитие инфраструктуры рынка инноваций и лизинговых отношений при внедрении новой техники и высокопродуктивных пород животных, страхование рисков нововведений и налоговое стимулирование интеграционных связей между сельхозорганизациями, предприятиями переработки и торговли (агрохолдинги) на условиях

Рисунок 7. Выбор руководителями сельскохозяйственных организаций направлений государственной политики содействия инновациям, в %

взаимной выгоды, содействие в формировании отраслевых союзов сельскохозяйственных производителей. В связи с этим взгляд руководителей сельхозорганизаций на государственную поддержку инновационного развития сельскохозяйственного производства представляется весьма содержательным и дифференцированным.

При этом руководители сельхозорганизаций не пытаются переложить ответственность на государство и уйти в сторону от решения задач инновационного развития сельскохозяйственного производства. Им не свойственно отрицание своих обязанностей по осуществлению нововведений. Небезосновательно полагая, что успех перехода сельхозорганизаций и в целом агроэкономики к инновационной модели развития будет определяться в первую очередь знаниевым активом и уровнем профессионализма кадров, они критически рассматривают квалификацию и готовность персонала к освоению нововведений, прогнозируют инновационную активность работников и начинают работу по формированию и развитию инновационного потенциала кадров.

Руководители сельхозорганизаций, участвовавшие в опросе, отмечают относительно невысокий уровень восприимчивости имеющегося управленческого персонала к нововведениям. По мнению руководителей, 25% управленческого персонала положительно воспринимает нововведения и готово активно проводить инновации в жизнь, но 50% — обнаруживает низкую и среднюю готовность к их осуществлению. Только 6% руководителей уверены в том, что специалисты способны грамотно выразить позитивность результатов инноваций как для всего предприятия, так и для его работников, а также имеют достаточные полномочия, мотивацию и заинтересованность в осуществлении инновационных

проектов на предприятии. Пока лишь каждый десятый руководитель считает, что специалисты предприятия могут толково разъяснить производственному персоналу необходимость и реалистичность нововведений. Никто из участников опроса не поставил высший балл менеджменту за его способности выполнить диагностику факторов реализуемости и успешности инновационных проектов.

Отсюда становится очевидной, несомненной и неотложной необходимостью не только повышения квалификации работников до уровня, потребного для самостоятельного освоения инновационных технологий, но и обязательного обучения управленческих кадров основам инновационного менеджмента, а персонала — организационному поведению в условиях инновационного развития экономики.

Основная часть опрошенных руководителей сельхозорганизаций (72,5%) полагают необходимым в настоящее время вводить обучение производственного персонала действиям по внедрению инновационных проектов, 17,5% — не отрицают этой необходимости. Остальные (10%) не считают данное мероприятие важным и неотложным.

Предпринятое изучение мнений руководителей сельхозорганизаций позволяет выяснить вопросы, связанные с решением проблем инновационного развития, на уровне предприятия, т.е. основного звена экономики, и посмотреть, как складывается там проблемная ситуация, выявить имеющиеся трудности и составить представление о факторах влияния на инновационную активность в агроэкономике.

Обобщая результаты проведенного нами анкетного опроса, подчеркнем следующее:

1. Руководители сельхозорганизаций оценивают рынок инноваций в АПК как

растущий, развивающийся, где научно-технические новинки весьма дорогостоящие и их предложение со стороны отечественной науки могло бы быть, на их взгляд, значительно шире. При этом не должны оставаться без внимания инновационные проекты в организации управления производством, маркетингом и социальными технологиями формирования инновационно активного менеджмента.

2. Продвижение инноваций в сельскохозяйственное производство является, по мнению опрошенных, объективной необходимостью, вызываемой задачами повышения его эффективности и обеспечения продовольственной безопасности страны, достижения высокого уровня конкурентоспособности выпускаемой продукции в новых институциональных условиях хозяйствования, проистекающих из открытости экономики и членства Российской Федерации в ВТО.

3. Спрос на инновации в сельском хозяйстве, как утверждают руководители сельхозорганизаций, ограничен сложившейся уязвимостью отечественной агроэкономики и существующими группами текущих и долгосрочных проблем (экономических, демографических, социальных), а также общими условиями и особенностями функционирования сельскохозяйственного производства. Тем самым объясняется его относительно невысокая восприимчивость к инновациям и, соответственно, низкая приоритетность инновационной деятельности в принятых стратегиях развития сельскохозяйственных предприятий.

4. Вместе с тем руководители сельхозорганизаций не дистанцируются от решения задач инновационного развития сельскохозяйственного производства и в настоящее время большинство из числа опрошенных в той или иной степени осуществляют внедрение инноваций.

Однако 45% респондентов сообщают об отсутствии условий для полномасштабного перехода сельскохозяйственного производства к инновационному этапу своего развития.

5. Инновационная активность сельхозтоваропроизводителей, как полагают руководители, должна развиваться не посредством «броска в инновации», подобного «броску в рынок» 1992 г., а на основе формирования базовых условий расширенного воспроизводства. Акцентируется внимание на взаимосвязи задач роста инновационной активности и инвестирования капиталовложений в сельском хозяйстве, где инвестиции выступают условием и предпосылкой перехода к инновационному типу развития сельскохозяйственного производства.

6. Процесс перехода к инновационной модели развития агроэкономики в существующей ситуации социально-экономической нестабильности видится руководителям сельскохозяйственных предприятий очень сложным и ответственным, требующим напряжения всех имеющихся и привлечения дополнительных материальных, трудовых и интеллектуальных ресурсов, четкого представления во всей полноте и содержательности множества рисков, прогнозирования ожидаемых результатов, организации целевого управления инновациями, подготовки и адаптации персонала к нововведениям.

Отсюда следует вполне обоснованное утверждение, что самостоятельно, без масштабной поддержки и систематизированного участия государства, невозможно осуществить переход к инновационной модели развития сельскохозяйственного производства. Требуется разработка и законодательное утверждение стратегии инновационного развития агроэкономики.

Литература

1. Агеева, С.Д. Перспективы инновационной России. Две позиции, или Взгляд изнутри и извне / С.Д. Агеева // ЭКО. – 2011. – № 11. – С. 11-14.
2. Алексеев, А. Инновационный потенциал реального сектора: неутраченные иллюзии? / А. Алексеев, Н. Кузнецова // Экономист. – 2013. – № 12. – С. 12-26.
3. Козловская, О.В. Анализ мер государственной поддержки в сфере инновационной деятельности в регионах – членах АИРР / О.В. Козловская, Е.Н. Акерман // ЭКО. – 2013. – № 11. – С. 65-85.
4. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года [Электронный ресурс]: утверждена распоряжением Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р // КонсультантПлюс.
5. Кузнецова, Т. Конкуренция, инновации и стратегия развития российских предприятий (результаты эмпирических исследований) / Т. Кузнецова, В. Рудь // Вопросы экономики. – 2013. – №12. – С. 86-108.
6. Советов, П.М. Факторы и условия перехода к инновационному типу развития агроэкономики / П.М. Советов, С.А. Волкова, Н.П. Советова // Научное обозрение. – 2014. – № 2. – С. 219-228.
7. Советова, Н.П. Структурно-сопоставимая оценка инновационного потенциала региона / Н.П. Советова // Проблемы современной экономики. – 2014. – №2 (50). – С. 254-257.

Sovetov P.M., Volkova S.A., Sovetova N.P.

Conditions and factors promoting the movement of agricultural producers towards innovation-based development

Pavel Mikhailovich Sovetov – Doctor of Economics, Professor at the Management and Marketing Department, Federal State-Financed Educational Institution of Higher Professional Education “Vologda State Dairy Farming Academy Named after N.V. Vereshchagin” (2, Schmidt Street, settlement of Molochnoye, Vologda, 160555, Russia, market3@molochnoe.ru, sovetovpm@yandex.ru)

Svetlana Anatol'evna Volkova – Graduate Student at the Management and Marketing Department, Federal State-Financed Educational Institution of Higher Professional Education “Vologda State Dairy Farming Academy Named after N.V. Vereshchagin” (2, Schmidt Street, settlement of Molochnoye, Vologda, 160555, Russia, wolfsveta2008@yandex.ru)

Nadezhda Pavlovna Sovetova – Ph.D. in Economics, Associate Professor, Head of the Management Department, Federal State-Financed Educational Institution of Higher Professional Education “Vologda State University” (15, Lenin Street, Vologda, 160035, Russia, n7777777@yandex.ru)

Abstract. The article considers the results of a questionnaire survey carried out in 2011–2013 by the Department of Production Management at the Vologda State Dairy Farming Academy Named after N.V. Vereshchagin. The survey was supported by the Vologda Oblast Department of Agriculture, Food Stocks and Trade in the framework of ongoing research into the issues of transition of agricultural economy to innovation development. The authors present and systematize the opinions of the heads of the region's agricultural enterprises concerning the challenges and opportunities of innovation-investment activity of agricultural organizations.

Key words: innovation, demand for innovations, innovation activity.

References

1. Ageeva S.D. Perspektivy innovatsionnoi Rossii. Dve pozitsii, ili vzglyad iznutri i izvne [Prospects of Innovation-Driven Russia. Two Positions, or a Look from Inside and Outside]. *EKO* [All-Russian Economic Journal], 2011, no.11, pp. 11-14.

2. Alekseev A., Kuznetsova N. Innovatsionnyi potentsial real'nogo sektora: neutrachennye illyuzii? [Innovation Potential of the Real Sector: Illusions Not Lost?]. *Ekonomist* [Economist], 2013, no.12, pp. 12-26.
3. Kozlovskaya O.V., Akerman E.N. Analiz mer gosudarstvennoi podderzhki v sfere innovatsionnoi deyatel'nosti v regionakh – chlenakh AIRR [Analysis of Measures of State Support in the Sphere of Innovation Activity in Regions Members of the Association of Innovation Regions of Russia]. *EKO* [All-Russian Economic Journal], 2013, no.11, pp. 65-85.
4. Kontseptsiya dolgosrochnogo sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii na period do 2020 goda: utvuzhdena rasporyazheniem Pravitel'stva RF ot 17.11.2008 № 1662-r [The Concept for Long-Term Socio-Economic Development of the Russian Federation for the Period up to 2020: Approved by the Resolution of the Government of the Russian Federation of November 17, 2008 No. 1662-R]. *Konsul'tantPlyus* [ConsultantPlus].
5. Kuznetsova T., Roud V. Konkurentsiya, innovatsii i strategiya razvitiya rossiiskikh predpriyatii (rezul'taty empiricheskikh issledovaniy) [Competition, Innovation and Strategy: Empirical Evidence from Russian Enterprises]. *Voprosy ekonomiki* [Economic Issues], 2013, no.12, pp. 86-108.
6. Sovetov P.M., Volkova S.A., Sovetova N.P. Faktory i usloviya perekhoda k innovatsionnomu tipu razvitiya agroekonomiki [Factors and Conditions Promoting the Transition to Innovation Type of Development for Agro-Economics]. *Nauchnoe obozrenie* [Scientific Review], 2014, no.2, pp. 219-228.

УДК 338.43(470.12), ББК 65.32-983.1(2Рос-4Вол)

© Чекавинский А.Н., Селименков Р.Ю.

Моделирование продовольственной безопасности региона

**Александр Николаевич
ЧЕКАВИНСКИЙ**

научный сотрудник, и.о. заведующего лабораторией,
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт
социально-экономического развития территорий Российской академии наук
(160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, Chan@bk.ru)

**Роман Юрьевич
СЕЛИМЕНКОВ**

кандидат экономических наук, заместитель заведующего отделом,
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт
социально-экономического развития территорий Российской академии наук
(160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, rus_vscc@mail.ru)

Аннотация. В статье рассмотрены показатели, с помощью которых можно оценить состояние продовольственной безопасности региона. С учетом имеющихся в научной литературе подходов обоснованы оптимальные и критические значения коэффициентов достаточности потребления и экономической доступности продуктов питания. На основе обработки статистических данных по Вологодской области построены экономико-математические модели, которые отражают влияние различных факторов на продовольственную безопасность. Установлено, что основными из них являются среднедушевой объем ввоза и собственного производства продуктов питания, уровень интенсивности сельского хозяйства и экономической активности населения, а также удельный вес жителей с доходами ниже прожиточного минимума. Для каждой из факторных переменных составлены трендовые модели, с помощью которых методом экстраполяции рассчитаны прогнозные значения показателей и определены параметры коэффициентов достаточности потребления и экономической доступности продовольствия. С учетом выявленных взаимосвязей определены ключевые направления региональной политики, позволяющие повысить продовольственную безопасность Вологодской области.

Ключевые слова: продовольственная безопасность региона, экономико-математическая модель, достаточность потребления и экономическая доступность продовольствия.

В условиях повышения открытости экономики России становятся весьма актуальными вопросы выявления угроз экономической безопасности и обоснования механизмов их нейтрализации. Особую значимость приобретает продовольственный аспект безопасности. Это обусловлено, прежде всего, тем, что, поскольку потребление продуктов питания является первоочередной жизненной необходимостью населения, создание условий для обеспечения его продовольствием соответствующего качества в нужном объеме и доступного по цене выступает одной из приоритетных задач деятельности органов власти всех уровней.

Анализ данных статистики позволяет утверждать, что используемые в практике государственного и муниципального управления инструменты в настоящее время не обеспечивают в полной мере приемлемый уровень продовольственной безопасности России. Так, хотя каждый её житель имеет возможность приобретения продовольствия, он во многом поддерживается за счет импорта. В 2013 г. в общем объеме потребляемых ресурсов молока доля импорта составляла почти 24%, по мясу – 23% (рис. 1). На некоторые продукты

питания спрос наполовину удовлетворяется за счет поставок из-за рубежа. Следовательно, меры по развитию конкуренции на внутреннем рынке, таможенно-тарифному регулированию, стимулированию роста производства сельхозпродукции не позволяют снизить риски возникновения дефицита продовольствия вследствие прекращения (снижения объемов) импорта.

По-прежнему обостряют продовольственную безопасность страны проблемы в сферах, обеспечивающих хранение, переработку и продвижение продуктов питания до населения. Как указано в Стратегии развития пищевой и перерабатывающей промышленности России на период до 2020 года [5], производственные мощности мукомольно-крупяной, хлебопекарной, сахарной, молочной и мясной промышленности в основном морально и физически устарели (износ оборудования составляет 70–80%), используются менее чем наполовину.

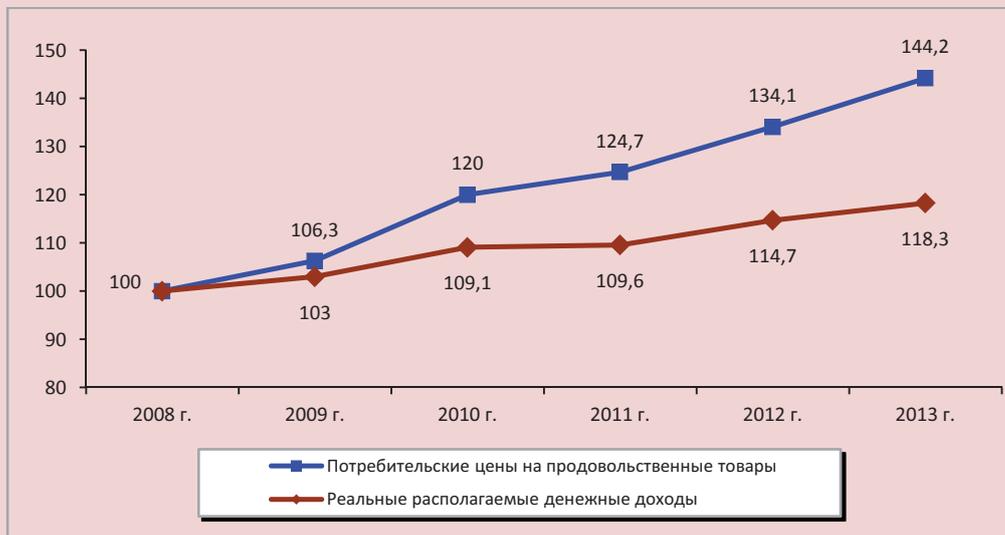
Экономическая доступность продовольствия в целом остается низкой. Это во многом обусловлено превышением темпов роста цен на него по сравнению с темпами роста реальных денежных доходов населения, что приводит к снижению их

Рисунок 1. Удельный вес импорта продовольствия в России в общем объеме потребления, %

Источник: рассчитано по данным продовольственных балансов Росстата.

Рисунок 2. Темпы роста потребительских цен на продовольственные товары и реальных располагаемых денежных доходов населения России, в % к 2008 г.

Источник: рассчитано по данным Росстата.

покупательной способности (рис. 2). Следовательно, органам государственного и муниципального управления необходимо в ближайшее время решать задачу по расширению возможностей граждан в приобретении качественных продуктов питания.

Существуют и другие проблемы обеспечения продовольственной безопасности страны, которые требуют от органов власти всех уровней принятия адекватных и своевременных мер. В частности, необходимо снизить степень монополизации агропродовольственного рынка иностранными компаниями¹, исключить возможность получения ими земель сельхозназначения².

¹ В 2012 году, по данным Минсельхоза России [8], иностранным компаниям принадлежало почти 60% рынка переработки молока, 70% рынка соковой продукции, более 80% рынка замороженных овощей, фруктов и пивоварения и около 90% рынка плодоовощных консервов.

² По данным, размещенным на российском аграрном портале [2], шведский инвестиционный фонд «Black Earth Farming» через дочернюю российскую фирму «Агроинвест» контролирует около 300 тыс. га в Центральном Черноземье, датская компания «Trigon Agri» – 100 тыс. га в Пензенской и Самарской областях, казахстанская компания «Иволга-холдинг» – около 500 тыс. га.

Вместе с тем еще одной важной проблемой для управления продовольственной безопасностью на региональном уровне является отсутствие математической модели для оценки и прогнозирования ее состояния, позволяющей учитывать комплекс факторов спроса и предложения на региональном продовольственном рынке. Решению этой проблемы и посвящена данная статья.

Обобщение ряда работ российских ученых [1, 4] дало возможность определить совокупность условий, при выполнении которых обеспечивается продовольственная безопасность на региональном уровне. Они заключаются в способности системы производства, хранения, переработки, оптовой и розничной торговли продуктами питания обеспечивать стабильно и равномерно в течение года потребности всех социальных групп населения в объемах потребления, отвечающих научно обоснованным медицинским нормам. При этом, что также важно, хозяйствующие

субъекты, участвующие в производстве и реализации продовольствия, должны функционировать в режиме расширенного воспроизводства.

Следовательно, важнейшим требованием обеспечения продовольственной безопасности региона является достаточность потребления основных продуктов питания. Ее уровень, на наш взгляд, может быть оценен с помощью коэффициента ($K_{\text{дм}}$), который представляет собой соотношение между фактическим объемом потребления i -го продукта питания (Π_{ϕ}) и объемом, соответствующим рациональным нормам ($\Pi_{\text{н}}$)³:

$$K_{\text{дм}} = \frac{\Pi_{\phi}}{\Pi_{\text{н}}} . \quad (1)$$

В случае если значение коэффициента составляет единицу, можно говорить об *оптимальном уровне* достаточности потребления продовольствия. *Критическим* он станет тогда, когда величина коэффициента достаточности ($K_{\text{дм}}$) окажется меньше, чем отношение количества потребления i -го продукта питания по медицинским нормам к соответствующему объему в минимальной потребительской корзине.

Выполненные нами расчеты показывают, что нижняя граница коэффициента достаточности в 2012 г. составляла: для картофеля – 0,85, молока – 0,87, мяса и мясопродуктов – 0,74, овощей – 0,80, яиц – 0,79.

Еще одно важное требование обеспечения продовольственной безопасности региона заключается в экономической доступности продуктов питания для населения. Ее уровень можно измерить с помощью индекса ($K_{\text{дн}}$), который представляет собой соотношение стоимости потребительской (продовольственной) корзины ($C_{\text{нк}}$) и среднедушевого дохода населения (D):

$$K_{\text{дн}} = \frac{C_{\text{нк}}}{D} \times 100. \quad (2)$$

Нижней границей доли расходов на приобретение продуктов питания в бюджете домохозяйств будем считать 10% (*оптимальный уровень*). Этот уровень характерен для среднестатистического жителя США и таких развитых стран, как Великобритания, Швейцария [7]. Если стоимость минимального набора продуктов питания в объеме расходов колеблется в интервале от 10 до 20%, можно считать экономическую доступность продовольствия *средней*. Такой уровень наблюдается во Франции, Испании, Италии, Португалии. Если доля расходов на питание превышает 20%, но не более 30%, то это свидетельствует о невысоком уровне жизни населения, а следовательно, о низкой экономической доступности продовольствия (Латвия, Эстония).

В случае, когда соотношение составляет более 30%, наблюдаются существенные трудности в приобретении продуктов питания, т.е. можно констатировать *критический* уровень их экономической доступности (Беларусь, Украина, Молдавия).

Таким образом, моделируя значения вышеназванных коэффициентов, можно прогнозировать уровень продовольственной безопасности территории, выявлять резервы его повышения.

Степень влияния различных факторов на динамику коэффициента достаточности потребления продовольствия определена нами в ходе проведения корреляционно-регрессионного анализа данных официальной статистической отчетности по Вологодской области за 2000–2011 годы. Результаты расчетов позволяют утверждать, что наибольшее влияние на достижение оптимального уровня данного коэффициента оказывают такие факторы, как размер посевной площади (для картофеля), поголовье коров и птицы (для молока и яйца).

³ Рациональные нормы потребления пищевых продуктов утверждены Приказом Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 2 августа 2010 г. № 593 н.

Таблица 1. Результаты моделирования коэффициента достаточности потребления продуктов питания

Уравнение модели	Условные обозначения	Коеф. детерминации
$K_{карт} = -0,512 - 0,039 \times X_1 + 0,002 \times X_2 - 0,003 \times X_3 + 0,007 \times X_4 + 88,105 \times X_5 - 0,002 \times X_6$	$K_{карт}$ – коэффициент удовлетворения душевой потребности картофеля, % X_1 – ввоз картофеля, включая импорт, кг/чел. X_2 – производство картофеля, кг/чел. X_3 – производственное потребление картофеля, кг/чел. X_4 – вывоз картофеля, включая экспорт, кг/чел. X_5 – посевная площадь картофеля, га/чел. X_6 – урожайность картофеля, ц/га	0,995
$K_{мол} = 0,051 + 0,002 \times X_1 + 0,002 \times X_2 - 0,003 \times X_3 - 0,0014 \times X_4 + 2,320 \times X_5 + 0,00003 \times X_6$	$K_{мол}$ – коэффициент удовлетворения душевой потребности молока, % X_1 – ввоз молока, включая импорт, кг/чел. X_2 – производство молока, кг/чел. X_3 – производственное потребление молока, кг/чел. X_4 – вывоз молока, включая экспорт, кг/чел. X_5 – поголовье коров, голов/чел. X_6 – удой на 1 корову, кг	0,735
$K_{мяс} = -0,070 + 0,012 \times X_1 + 0,014 \times X_2 - 0,487 \times X_3 - 0,012 \times X_4 - 0,173 \times X_5 + 0,0002 \times X_6$	$K_{мяс}$ – коэффициент удовлетворения душевой потребности мяса, % X_1 – ввоз мяса, включая импорт, кг/чел. X_2 – производство мяса, кг/чел. X_3 – производственное потребление мяса, кг/чел. X_4 – вывоз мяса, включая экспорт, кг/чел. X_5 – поголовье КРС, голов/чел. X_6 – среднесуточный привес КРС, грамм	0,994
$K_{яйц} = 0,013 + 0,004 \times X_1 + 0,004 \times X_2 - 0,007 \times X_3 - 0,004 \times X_4 + 0,025 \times X_5 + 0,0002 \times X_6$	$K_{яйц}$ – коэффициент удовлетворения душевой потребности яйца, % X_1 – ввоз яиц, включая импорт, кг/чел. X_2 – производство яиц, кг/чел. X_3 – производственное потребление яиц, кг/чел. X_4 – вывоз яиц, включая экспорт, кг/чел. X_5 – поголовье птицы, голов/чел. X_6 – средняя яйценоскость, ц/га	0,994

Общий вид экономико-математических моделей представлен в *таблице 1*. Все они описывают существенную долю объясненной вариации, являются значимыми по F-критерию Фишера.

Из полученных уравнений видно, что довести до оптимального уровня объем среднедушевого потребления молока, мяса и яиц можно либо за счет увеличения их ввоза, либо наращивания собственного производства, либо ускорения интенсификации агробизнеса в регионе.

На экономическую доступность продовольствия, как свидетельствуют результаты регрессионного анализа, наибольшее

влияние оказывают факторы, характеризующие уровень жизни населения. Так, при увеличении на 1% доли жителей с доходами ниже прожиточного минимума коэффициент доступности станет больше на 1,48%, а при росте потребительских цен на 1% – на 0,01%. Повышение экономической активности населения будет положительно отражаться на уровне их доходов и благосостоянии, что в целом при прочих равных условиях позволит снизить остроту доступности продовольствия. Об этом, в частности, свидетельствует полученное нами уравнение регрессии:

$$K_{\text{дн}} = 27,853 + 1,482 \times X_1 + 0,011 \times X_2 - 0,528 \times X_3, \quad (3)$$

где:

$K_{\text{дн}}$ – коэффициент экономической доступности продуктов питания, %;

X_1 – доля населения с доходами ниже прожиточного минимума, %;

X_2 – индекс потребительских цен, %;

X_3 – уровень экономической активности населения, %.

Учтенные в модели расчета коэффициента экономической доступности факторы с вероятностью 95% обуславливают 98% объясненной вариации. По всем статистическим параметрам уравнение регрессии является значимым.

Прогнозирование значений коэффициента достаточности и коэффициента экономической доступности на основе полученных экономико-математических моделей возможно при экстраполяции трендов входящих в них факторных переменных. Уравнения трендов описываются линейной, полиномиальной, степенной и логарифмической функциями.

Результаты прогнозных расчетов свидетельствуют о том, что, если исходить из сложившихся ретроспективных тенденций, среднелюдиной объем производства картофеля в Вологодской области в 2014 году может сократиться по сравнению с 2011 годом на 28%, мяса и мясопродуктов – на 0,7% (табл. 2). При этом возможен рост производства молока и молочных продуктов на 2,1%, яиц – на 2,7%. Уровень экономической активности населения и индекс потребительских цен в прогнозном периоде значительно не изменятся. Доля населения с доходами ниже прожиточного минимума к 2014 году может увеличиться с 17,1 до 21,7%.

После подстановки прогнозных значений факторных переменных в полученные уравнения регрессии были определены значения коэффициентов достаточности

потребления и коэффициента экономической доступности продовольствия. Проведенные расчеты позволяют заключить, что среднелюдиной объем потребления картофеля в перспективе будет снижаться и достигнет критического уровня – 83% от физиологической нормы (табл. 3). Молока и мяса, а также продуктов их переработки в рационе среднестатистического вологжанина будет больше. Объем потребления яиц в прогнозном периоде существенно не изменится и останется на уровне, который на 24% превышает физиологическую норму. Экономическая доступность продовольствия в перспективе снизится ввиду существенного увеличения доли населения с доходами ниже прожиточного минимума.

Резюмируя результаты выполненных измерений, можно прийти к заключению о том, что для обеспечения продовольственной безопасности Вологодской области органам государственного и муниципального управления целесообразно первоочередное внимание уделить повышению экономической доступности продовольствия. Многие в этих направлениях уже делается. Так, с 2012 года во всех муниципальных образованиях действует акция «Желтый ценник», по которой устанавливается минимальная наценка на социально значимые продукты питания. Судя по информации органов местного самоуправления, в данной акции приняли участие 1422 организации розничной торговли (наибольшее количество участников в г. Вологде – 177, г. Череповце – 145 и Вытегорском районе – 105).

Развивается проект «Дисконтная карта «Забота», предусматривающий скидки на товары для определенных категорий граждан. Если на начало 2012 года в проекте участвовало 4 муниципалитета, то на конец – уже 10 муниципальных образований, в которых такие скидки предоставляли 1037 организаций торговли и услуг. Крупные

Таблица 2. Прогноз значений факторных переменных, используемых в моделях при расчете коэффициента достаточности потребления и коэффициента экономической доступности продовольствия

Показатель (факторная переменная)	Уравнение тренда	Факт	Прогноз			2014 г. к 2011 г., %
		2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	
Ввоз картофеля, кг/чел.	$y = -0,314\ln(x) + 1,935$	1,4	1,1	1,1	1,1	78,6
Производство картофеля, кг/чел.	$y = 384,5x^{-0,324}$	222,3	167,7	163,7	160,1	72,0
Производственное потребление картофеля, кг/чел.	$y = 222,7x^{-0,476}$	64,4	65,6	63,3	61,3	95,2
Вывоз картофеля, кг/чел.	$y = 0,368x^2 - 6,981x + 40,241$	12,2	11,7	14,7	18,3	150,0
Посевная площадь картофеля, га/чел.	$y = 0,024x^{-0,167}$	0,016	0,016	0,015	0,015	93,8
Урожайность картофеля, ц/га	$y = 1,103x^2 - 17,92x + 184,47$	140,3	137,8	149,7	163,7	116,7
Ввоз молока, включая импорт, кг/чел.	$y = -2,185x^2 + 33,82x - 38,66$	41,4	38,6	36,0	33,6	81,2
Производство молока, кг/чел.	$y = 0,413x^2 - 8,963x + 421,43$	372,2	374,7	376,9	379,9	102,1
Производственное потребление молока, кг/чел.	$y = -1,695x + 62,46$	40,8	40,4	38,7	37,0	90,7
Вывоз молока, кг/чел.	$y = -2,638x^2 + 37,99x + 64,09$	133,6	122,3	111,9	102,4	76,6
Поголовье коров, голов/чел.	$y = -0,0038x + 0,115$	0,072	0,066	0,062	0,058	80,6
Удой на 1 корову, кг	$y = 3005x^{0,209}$	5127,0	5144,3	5224,8	5300,9	103,4
Ввоз мяса, кг/чел.	$y = 2,0385x + 8,79$	35,8	35,3	37,3	39,4	110,1
Производство мяса, кг/чел.	$y = -0,222x + 43,79$	40,8	40,9	40,7	40,5	99,3
Производственное потребление мяса, кг/чел.	$y = 0,0005x + 0,078$	0,08	0,08	0,08	0,08	100,0
Вывоз мяса, кг/чел.	$y = -1,108\ln(x) + 7,131$	5,3	4,3	4,2	4,1	77,4
Поголовье КРС, голов/чел.	$y = -0,0078x + 0,244$	0,154	0,143	0,135	0,127	82,5
Среднесуточный привес КРС, грамм	$y = 13,963x + 415,41$	583,7	596,9	610,9	624,9	107,1
Ввоз яйца, шт./чел.	$y = 49,98\ln(x) - 8,998$	119,4	119,2	122,9	126,4	105,9
Производство яйца, шт./чел.	$y = 6,648x + 415,25$	501,3	501,7	508,3	515,0	102,7
Производственное потребление яйца, шт./чел.	$y = -0,117x^2 + 2,137x + 19,37$	25,3	27,3	26,3	25,0	98,8
Вывоз яйца, шт./чел.	$y = 9,924x + 148,71$	279,3	277,7	287,7	297,6	106,6
Поголовье птицы, голов/чел.	$y = 0,011x + 3,337$	3,6	3,48	3,49	3,50	97,2
Средняя яйценоскость, шт.	$y = 1,273x + 292,56$	322,0	309,1	310,4	311,7	96,8
Доля населения с доходами ниже прожиточного минимума, %	$y = 0,152x^2 - 2,723x + 28,36$	17,1	18,6	20,0	21,7	4,6
Индекс потребительских цен, %	$y = 118,8x^{-0,0407}$	106,4	107,0	106,7	106,4	0,0
Уровень экономической активности, %	$y = 66,30x^{0,017}$	69,5	69,3	69,4	69,5	0,0

Таблица 3. Прогнозные значения коэффициента достаточности потребления и экономической доступности продовольствия

Наименование показателя	2011 г. (факт)	2012 г.	2013 г.	2014 г.	Оптимальный уровень	2014 г. к 2011 г., %
Коэффициент достаточности потребления картофеля	1,00	0,86	0,84	0,83	0,85-1	83,0
Коэффициент достаточности потребления молока	0,69	0,70	0,71	0,72	0,87-1	104,3
Коэффициент достаточности потребления мяса	0,95	0,96	0,99	1,02	0,74-1	107,4
Коэффициент достаточности потребления яиц	1,23	1,22	1,23	1,24	0,79-1	100,8
Коэффициент экономической доступности продовольствия	19,2	20,1	22,1	24,5	10	127,6

торговые операторы, сетевые компании также предлагают различные программы лояльности.

Для стимулирования потребительского спроса, увеличения объемов реализации продукции сельхозтоваропроизводителей и перерабатывающих предприятий регулярно проводятся сельскохозяйственные ярмарки, на которых жители могут приобрести необходимые продукты по более низким, чем в магазинах и торговых сетях, ценам. В 2011 году только в г. Вологде данные мероприятия посетило около 326 тыс. чел.оувек. При этом цены на молочную продукцию были на 5–15% ниже средних по городу, на овощи и фрукты – на 30–50%.

В то же время целесообразно дополнительно активизировать работу по повышению экономической активности населения. По мнению ряда ученых [6], в связи с этим требуется расширить объем проводимых мероприятий в таких направлениях, как:

- создание новых рабочих мест и поощрение самозанятости населения;
- формирование условий для привлечения иностранной рабочей силы с учетом перспективных потребностей экономики в трудовых ресурсах;

- повышение территориальной мобильности трудовых ресурсов;
- реализация программ содействия социальной адаптации и повышения конкурентоспособности молодежи.

Наряду с вышеперечисленными важно реализовать комплекс мер по снижению доли населения с доходами ниже прожиточного минимума. Для решения этой проблемы, по мнению Л.В. Костылевой [3], магистральными направлениями деятельности власти могут быть:

- введение прогрессивной шкалы налогообложения;
- внедрение системы межотраслевого регулирования заработной платы.

Безусловно, необходимым условием обеспечения продовольственной безопасности региона является и стимулирование развития сельскохозяйственного производства, перевод его на интенсивный путь развития (эти вопросы рассмотрены в отдельных публикациях авторов статьи⁴).

Таким образом, только при реализации всеми органами власти и бизнеса комплекса мероприятий возможно достигнуть оптимального уровня достаточности потребления и экономической доступности продуктов питания.

Литература

1. Гумеров, Р.Р. К разработке методолого-теоретических проблем исследования продовольственной безопасности России / Р.Р. Гумеров // Российский экономический журнал. – 2003. – № 7. – С. 9–26.
2. Иностранцы начали скупку земли в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://agroobzor.ru/article/a-141.html>
3. Костылева, Л.В. Неравенство населения России: тенденции, факторы, регулирование: монография / под рук. д.э.н., проф. В.А. Ильина. – Вологда: Институт социально-экономического развития территорий РАН, 2011. – 223 с.
4. Костяев, А.И. Национальная и региональная продовольственная безопасность / А.И. Костяев, М.У. Тимофеев // Региональная экономика: стабилизация и развитие: сб. науч. труд. – Т. 1. – М.: ВНИЭТУСХ, 2000. – С. 500–517.

⁴ См., например: Ускова Т.В., Селименков Р.Ю., Чекавинский А.Н. Агропромышленный комплекс региона: состояние, тенденции, перспективы: монография. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. – 136 с.

5. Об утверждении Стратегии развития пищевой и перерабатывающей промышленности России на период до 2020 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 апреля 2012 г. № 559-р // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
6. Проблемы эффективности государственного управления. Чел.овеческий капитал территорий: проблемы формирования и использования: монография / Г.В. Леонидова, К.А. Устинова, А.В. Попов, А.М. Панов, М.А. Головчин, Т.С. Соловьева, Е.А. Чекмарева; под общ. ред. А.А. Шабуновой. – Вологда: Институт социально-экономического развития территорий РАН, 2013. – 184 с.
7. Рейтинг стран Европы по доле расходов семей на продукты питания [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://giarating.ru/infografika/20131224/610604016.html>
8. Участие иностранного капитала в пищевой промышленности России: анализ ситуации, возможные последствия и пути решения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mex-consult.ru/d/77622/d/uchastie-innostrannogo-kapitala-v-pischevoy-promylenosti-rossii_analiz.pdf
9. Чекавинский, А.Н. Продовольственная безопасность Вологодской области: состояние и проблемы / А.Н. Чекавинский // Вопросы территориального развития. – 2013. – № 3. – С. 1-7. – Режим доступа: <http://vtr.vssc.ac.ru/?module=Articles&action=view&aid=2860>

Chekavinskii A.N., Selimenkov R.Y.

Modelling of food security in the region

Aleksandr Nikolaevich Chekavinskii – Research Associate, Acting Head of the Laboratory, Federal State-Financed Scientific Institution the Institute of Socio-Economic Development of Territories of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russia, Chan@bk.ru)

Roman Yur'evich Selimenkov – Ph.D. in Economics, Deputy Head of the Department, Federal State-Financed Scientific Institution the Institute of Socio-Economic Development of Territories of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russia, rus_vssc@mail.ru)

Abstract. The article considers indicators that can be used for evaluating the condition of food security in the region. Given the approaches existing in scientific literature, the authors substantiated optimal and critical values of the ratios of sufficiency of consumption and affordability of food. Statistical data on the Vologda Oblast were processed and on this basis economic-mathematical models were built, which reflect the influence of various factors on food security. The authors have determined that the main factors include the per capita volume of import and domestic production of food, the level of intensity of agriculture and economic activity of population, and the proportion of residents with incomes below the subsistence level. Trend models were composed for each of the factor variables; these models, with the help of extrapolation method, were used for calculating forecast values and determining the parameters of the coefficients of sufficiency of consumption and economic affordability of food. The revealed relationships helped identify key areas of regional policy that contribute to improvement of food security in the Vologda Oblast.

Key words: food security in the region, economic-mathematical model, sufficiency of consumption and economic accessibility of food.

References

1. Gumerov R.R. K razrabotke metodologo-teoreticheskikh problem issledovaniya prodovol'stvennoi bezopasnosti Rossii [About the Development of Methodological and Theoretical Problems in the Study of Food Security in Russia]. *Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal* [Russian Economic Journal], 2003, no.7, pp. 9-26.
2. *Inostrannye kompanii nachali skupku zemli v Rossii* [Foreign Companies Started to Purchase Land in Russia]. Available at: <http://agroobzor.ru/article/a-141.html>
3. Kostyleva L.V. *Neravenstvo naseleniya Rossii: tendentsii, faktory, regulirovanie: monografiya* [Inequality of Russia's Population: Trends, Factors, and Regulation: Monograph]. Under the supervision of V.A. Ilyin, Doctor of Economics, Professor. Vologda: Institut sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya territorii RAN, 2011. 223 p.

4. Kostyaev A.I., Timofeev M.U. Natsional'naya i regional'naya prodovol'stvennaya bezopasnost' [National and Regional Food Security]. *Regional'naya ekonomika: stabilizatsiya i razvitie: sb. nauch. trud* [Regional Economy: Stabilization and Development: Collected Scientific Articles]. Vol. 1. Moscow: VNIETUSKh, 2000. Pp. 500-517.
5. Ob utverzhdenii Strategii razvitiya pishchevoi i pererabatyvayushchei promyshlennosti Rossii na period do 2020 goda: rasporyazhenie Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 17 aprelya 2012 g. № 559-r [On Approval of the Strategy for Development of Food and Processing Industries of Russia for the Period up to 2020: Resolution of the Russian Federation Government of April 17, 2012 No. 559-r]. *Spravochno-pravovaya sistema "Konsul'tantPlyus"* [Legal-Reference System "ConsultantPlus"].
6. Leonidova G.V., Ustinova K.A., Popov A.V., Panov A.M., Golovchin M.A., Solov'eva T.S., Chekmareva E.A. Problemy effektivnosti gosudarstvennogo upravleniya. Chelovecheskii kapital territorii: problemy formirovaniya i ispol'zovaniya: monografiya [Public Administration Efficiency. Human Capital of Territories: Problems of Formation and Use: Monograph]. Under general editorship of A.A. Shabunova. Vologda: Institut sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya territorii RAN, 2013. 184 p.
7. *Reiting stran Evropy po dole raskhodov semei na produkty pitaniya* [Rating of European Countries by the Share of Household Expenditure on Food]. Available at: <http://riarating.ru/infografika/20131224/610604016.html>
8. *Uchastie inostrannogo kapitala v pishchevoi promyshlennosti Rossii: analiz situatsii, vozmozhnye posledstviya i puti resheniya* [Participation of Foreign Capital in Russia's Food Industry: Analysis of the Situation, Possible Consequences and Solutions]. Available at: http://mcx-consult.ru/d/77622/d/uchastie-innostrannogo-kapitala-v-pischevoy-promylenosti-rossii_analiz.pdf
9. Chekavinskii A.N. Prodovol'stvennaya bezopasnost' Vologodskoi oblasti: sostoyanie i problem [Food Security of the Vologda Oblast: Condition and Problems]. *Voprosy territorial'nogo razvitiya* [Territorial Development Issues], 2013, no.3, pp. 1-7. Available at: <http://vtr.vscc.ac.ru/?module=Articles&action=view&aid=2860>

УДК 332.14, ББК 65.49

© Смиреникова Е.В., Кармакулова А.В.

Оценка проработанности стратегических и программных документов, регулирующих вопросы развития туризма в северных регионах России*

**Елена Владимировна
СМИРЕННИКОВА**

кандидат географических наук, старший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Архангельский научный центр Уральского отделения Российской академии наук (163000, г. Архангельск, ул. Садовая, д. 3, esmirennikova@yandex.ru)

**Анна Вячеславовна
КАРМАКУЛОВА**

аспирант, младший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Архангельский научный центр Уральского отделения Российской академии наук (163000, г. Архангельск, ул. Садовая, д. 3, karmy-anny@yandex.ru)

Аннотация. Авторами проведен критический анализ 26 стратегических и программных документов федерального и регионального значения, регулирующих развитие сферы туризма, на предмет выделения в них проблем и целевых ориентиров развития туризма, а также рисков реализации программ развития туризма. Разработана методика оценки проработанности указанных документов с применением балльных и экспертных методов оценки. На основе этой методики проведена оценка стратегических и программных документов северных регионов России, даны методические рекомендации по формированию региональных программ развития туризма.

Ключевые слова: стратегическое и программное управление, туризм, социально-экономическое развитие, северные регионы России.

* Статья подготовлена в рамках проекта № 12-П-47-2013 (программа Президиума РАН) «Разработка стратегических ориентиров развития и институтов освоения северных, полярных и арктических территорий».

В связи с провозглашением в стране перехода к экономике инновационного типа регионы Севера России¹, традиционно являющиеся ресурсоориентированными, столкнулись с проблемой поиска путей ухода от сырьевой модели экономики. Одним из основных и наиболее перспективных направлений диверсификации необходимо признать создание и развитие конкурентоспособного туристического комплекса.

Северные регионы России обладают значительным туристско-рекреационным потенциалом. На их территории сосредоточены уникальные природные и рекреационные ресурсы, объекты национального и мирового культурного и исторического наследия, отмечаются важные экономические, культурные, общественные события. Всё это, в сочетании с фактором неизведанности, способствует созданию новых туристических продуктов, удовлетворяющих потребность в путешествиях в более отдаленные, менее известные и малодоступные места.

Развитие туризма в рассматриваемых регионах способно оказать положительное влияние на сохранение и поддержку коренных малочисленных народов Севера (КМНС). С закрытием в реформенный период большинства коллективных хозяйств, в которых трудились представители КМНС, многие из них так и не смогли приспособиться к переменам и найти подходящую работу, пополнив ряды безработных. Развитие туризма предоставляет богатые возможности для трудоустройства КМНС, способствуя при этом сохранению

их самобытной культуры (участие в организации этнических туров, производстве сувенирной продукции и др.).

Однако основным социальным эффектом от формирования в северных регионах конкурентоспособного туристического комплекса необходимо признать значительный вклад в развитие предпринимательства, различных видов самозанятости населения и создание рабочих мест. Это приобретает особую актуальность, если учитывать сложную демографическую обстановку в данных регионах: отрицательный естественный прирост и значительный миграционный отток населения.

На сегодняшний день одним из основных механизмов управления развитием туризма как в регионах, так и в стране в целом являются стратегические и программные документы. Тем не менее в большинстве регионов Севера процесс программно-стратегического управления носит сугубо формальный характер. Наблюдается недостаточная проработанность стратегий и программ, которые нередко имеют расплывчатую, неконкретную формулировку целей, не соответствующих выработываемым мероприятиям. Вырисовывается очевидное проблемное поле. Стратегические планы и программы, принимаемые региональными властями, зачастую являются декларативными, а не работающими документами [35]. Иницируя работу над стратегиями и программами, исполнительные власти субъектов Российской Федерации вынуждены опираться на опыт своих соседей. Однако без детального изучения и оценки множества вариантов сложно определить, какой документ является удачным примером, а какой требует серьезных доработок.

Хотя туристическая деятельность признана одной из приоритетных отраслей экономики и важнейшим инструментом повышения уровня и качества жизни

¹ К северным регионам Российской Федерации относятся регионы, территория которых полностью располагается в районах Крайнего Севера и местностях, приравненных к ним: Архангельская, Мурманская, Магаданская, Сахалинская области, республики Карелия, Коми, Саха (Якутия), Тыва, Ненецкий, Ямало-Ненецкий, Ханты-Мансийский, Чукотский автономные округа, Камчатский край.

граждан, использование богатого туристического потенциала в России по различным оценкам не превышает 15–17% [1].

Низкая эффективность использования имеющихся уникальных природных и культурно-исторических ресурсов, слабое развитие туристической инфраструктуры, а также несформированность конкурентоспособных туристических продуктов позволяют предположить недостаточную эффективность существующего управления развитием туризма на федеральном и в особенности на региональном уровнях. Кроме того, вследствие значительной дифференциации социально-экономического развития и имеющегося у регионов туристического потенциала роль региональных властей в управлении развитием туризма заметно возрастает. Все это предопределило необходимость критического анализа, а также разработки методики оценки стратегических и программных документов регионального уровня, регулирующих вопросы развития сферы туризма.

В настоящее время на государственном уровне разработан ряд рекомендаций по оценке стратегических и программных документов. Так, согласно Приказу Министерства регионального развития РФ [26] критериями оценки Стратегии являются:

- качество проработки основных проблем социально-экономического развития субъекта Российской Федерации, оценки внешних и внутренних факторов и сценарного анализа;
- соответствие приоритетных направлений, целей и задач деятельности органов государственной власти субъекта Российской Федерации по реализации Стратегии выявленным приоритетным направлениям развития субъекта Российской Федерации в целом;
- качество оценки основных ограничений и адекватности ресурсов, доступных органам государственной власти субъекта

Российской Федерации, целям и задачам, декларируемым в рамках Стратегии;

- степень согласования Стратегии со стратегиями развития отраслей Российской Федерации и стратегическими документами соседних субъектов Российской Федерации.

Главный недостаток такого подхода – отсутствие количественно измеримых результатов оценки, а значит, и возможности проведения сопоставлений.

В Порядке разработки и реализации федеральных целевых программ, утвержденном Постановлением Правительства РФ от 26 июня 1995 г. № 594 [25], отмечено, что проекты федеральных целевых программ представляются для оценки в Министерство экономического развития РФ, которое при их рассмотрении обращает особое внимание:

- на приоритетный характер проблемы, предлагаемой для программного решения;
- обоснованность, комплексность и экологическую безопасность программных мероприятий, сроки их реализации;
- привлечение прежде всего внебюджетных средств, средств бюджетов субъектов Российской Федерации для реализации целевой программы в увязке с возможностями ее государственной поддержки за счет средств федерального бюджета;
- эффективность механизма осуществления целевой программы;
- социально-экономическую эффективность целевой программы в целом, ожидаемые конечные результаты реализации целевой программы и ее влияние на структурную перестройку экономики России.

Как видно из представленных критериев, вопросам освещения проблем и обоснованности целей при оценке федеральных целевых программ уделено еще меньше внимания, нежели при оценке стратегий.

Как и в предыдущем документе, выделенные критерии не имеют количественного выражения, что является серьезным недостатком.

Интересы научного сообщества сосредоточены по большей части на решении проблем оценки результатов реализации стратегических и программных документов [2, 3], а также вклада этих документов в развитие того или иного социально-экономического процесса или явления [27]. Таким образом, на сегодняшний день не сформулировано методического инструментария, позволяющего количественно оценить проработанность стратегических и программных документов в части комплексности освещения в них проблем и обоснованности целей.

Для оценки проработанности региональных стратегических и программных документов, которая, на наш взгляд, служит залогом их успешной реализации, были отобраны 10 основных критериев. Для их цифровой оценки предполагается использование балльных методов. Эти методы позволяют сопоставить между собой разнообразные критерии проработанности документов и найти такой сводный показатель, с помощью которого все многообразие изучаемых критериев сводится к единой величине – баллам [4]. Преимущество балльных методов перед другими методами оценки заключается в ясности интерпретации результатов: в большинстве случаев, чем более грамотно составлен документ, тем выше сумма баллов.

Критериями проработанности стратегических и программных документов, регулирующих вопросы развития туризма в регионе, являются:

1. Выделение туризма в стратегии социально-экономического развития региона в качестве приоритета социально-экономического развития.

Стратегия социально-экономического развития региона играет ключевую роль в разработке стратегических решений, нацеленных на его развитие в долгосрочной перспективе и достижение конкурентных преимуществ с учетом возможных изменений во внешней среде. Выделение туризма в качестве приоритетного направления развития позволяет региону разрабатывать соответствующие программы и координировать усилия всех органов исполнительной власти, ответственных за реализацию данного направления.

В случае выделения в стратегии туризма в качестве приоритетного направления социально-экономического развития рассматриваемому региону присваивается 1 балл. В противоположном случае – 0 баллов (*табл. 1*).

2. Освещенность проблем развития туризма в Стратегии социально-экономического развития региона.

3. Освещенность проблем развития туризма в программе развития туризма региона.

Обозначенные в стратегических и программных документах проблемы развития туризма должны быть выявлены на основе комплексного анализа туристического потенциала региона и взаимоувязаны с проблемами, выделенными в стратегических и программных документах федерального уровня. Это позволит грамотно разрабатывать целевые ориентиры развития туризма, а также координировать действия федеральных и региональных властей по их устранению.

В стратегических и программных документах федерального уровня (Государственная программа РФ «Развитие культуры и туризма на 2013–2020 гг.» [18], Федеральная целевая программа «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011–2018 годы)» [13],

Таблица 1. Оценка проработанности стратегических и программных документов, регулирующих вопросы развития туризма северных регионов России

Регион	Выделение туризма в Стратегии в качестве приоритета социально-экономического развития		Освещенность проблем развития туризма в Стратегии		Освещенность проблем развития туризма в Программе		Комплексность в постановке целей ориентиров развития туризма в Стратегии		Комплексность в постановке целей ориентиров развития туризма в Программе		Согласованность проблем развития туризма, обозначенных в Стратегии		Согласованность целей ориентиров развития туризма, обозначенных в Программе и Стратегии		Соответствие целей ориентиров развития туризма обозначенным в Программе		Соответствие целей ориентиров развития туризма обозначенным в Программе		Учет рисков в Программе развития туризма		
	Без учета вес.	С учетом вес.	Без учета вес.	С учетом вес.	Без учета вес.	С учетом вес.	Без учета вес.	С учетом вес.	Без учета вес.	С учетом вес.	Без учета вес.	С учетом вес.	Без учета вес.	С учетом вес.	Без учета вес.	С учетом вес.	Без учета вес.	С учетом вес.	Без учета вес.	С учетом вес.	
Архангельская область	1	0,18	0,5	0,015	1	0,06	0	0	0	0,23	0,02	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
НАО	0	0	0,5	0,015	0	0	1	0,05	0	0	0	0	0	0,025	0	0	0	0	0	0	0
Республика Карелия	1	0,18	1	0,03	0	0	1	0,05	1	0,23	0,04	1	0,09	0,5	0,025	0,5	0,095	1	0,08	0,08	0,08
Республика Коми	1	0,18	0,5	0,015	1	0,06	1	0,05	1	0,23	0	0	0,09	0	0	0	0,19	0	0	0	0
Мурманская область	1	0,18	0	0	0,5	0,03	0	0	1	0,23	0	0	0,045	0	0	0	0,19	1	0,08	0,08	0,08
ХМАО	0	0	0,5	0,015	0	0	1	0,05	1	0,23	0	0	0,045	0,5	0,025	0	0	0	0	0	0
ЯНАО	0	0	0	0	1	0,06	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0,095	0	0	0	0	0
Республика Тыва	1	0,18	0,5	0,015	1	0,06	1	0,05	0,5	0,115	0,02	0,5	0,045	0,5	0,025	1	0,19	0	0	0	0
Республика Якутия	1	0,18	1	0,03	1	0,06	1	0,05	1	0,23	0,04	1	0,09	1	0,05	1	0,19	1	0,08	0,08	0,08
Камчатский край	1	0,18	1	0,03	1	0,06	0,5	0,025	0,5	0,115	0,02	0,5	0,09	0,5	0,025	1	0,19	0	0	0	0
Магаданская область	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0,045	0	0	0	0	1	0,08	0,08	0,08
Сахалинская область	1	0,18	0	0	1	0,06	0,5	0,025	0,5	0,115	0	0	0,09	0	0	1	0,19	0	0	0	0

«Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период до 2015 года» [23]) нами были выделены пять основных, наиболее острых и требующих скорейшего решения проблем развития туризма, характерных для всех субъектов Российской Федерации:

– недостаточно развитая туристская инфраструктура;

– невыгодные экономические условия для привлечения инвестиций в туристскую инфраструктуру, отсутствие готовых инвестиционных площадок, наличие административных барьеров;

– дефицит квалифицированных кадров;

– недостаточная реклама туристских возможностей как на зарубежных направляющих рынках, так и внутри страны;

– несовершенство законодательства в сфере туризма.

В ходе проведения оценки проработанности стратегических и программных документов, регулирующих вопросы развития туризма в регионе, было установлено, что если в стратегии или программе отмечена одна из пяти выделенных на федеральном уровне проблем, то документ получает значение 0,2 (1/5); если две из пяти выделенных проблем, то – 0,4 (2/5) и т.д. Далее все полученные значения были проранжированы методом равных интервалов на три группы, в результате чего стратегическим документам, имеющим значение от 0 до 0,13, было присвоено 0 баллов; от 0,14 до 0,27 – 0,5 балла; от 0,28 до 0,4 – 1 балл. Программным документам, имеющим значение в интервале от 0 до 0,26, было присвоено 0 баллов; от 0,27 до 0,53 – 0,5 балла; от 0,54 до 0,8 – 1 балл (см. табл. 1).

4. Комплексность в постановке целевых ориентиров развития туризма в стратегии социально-экономического развития региона.

5. Комплексность в постановке целевых ориентиров развития туризма в программе развития туризма региона.

Постановка целей представляет собой первичную фазу процесса управления. От правильной постановки целей во многом зависит возможность достижения желаемого результата. В федеральных стратегических и программных документах нами были выделены шесть наиболее часто встречающихся целевых ориентиров развития туризма, актуальных и значимых для всех субъектов Российской Федерации:

- развитие и совершенствование туристской инфраструктуры, в том числе сопутствующей (транспорт, общественное питание, индустрия развлечений и др.);

- повышение инвестиционной привлекательности территорий;

- развитие системы подготовки кадров в сфере туризма (включая высшее и среднее профессиональное образование, повышение квалификации и подготовку кадров);

- рекламно-информационное, имиджевое продвижение России как страны, благоприятной для туризма, на мировом и внутреннем туристских рынках;

- совершенствование нормативного правового регулирования в сфере туризма;

- создание туристско-рекреационных и автотуристских кластеров.

В ходе проведения оценки проработанности стратегических и программных документов, регулирующих вопросы развития туризма в регионе, было установлено, что если в стратегии или программе отмечен один из шести выделенных целевых ориентиров, то документ получает значение 0,16 (1/6); если два из шести выделенных ориентиров, то – 0,33 (2/6) и т.д. Далее все полученные значения были проранжированы методом равных интервалов на три группы, в результате чего стратегическим документам, имеющим значение от 0,17

до 0,39, было присвоено 0 баллов; от 0,4 до 0,61 – 0,5 балла; от 0,62 до 0,83 – 1 балл. Программным документам, имеющим значение в интервале от 0 до 0,22, присваивается 0 баллов; от 0,23 до 0,44 – 0,5 балла; от 0,45 до 0,66 – 1 балл (см. табл. 1).

6. Согласованность проблем развития туризма, обозначенных в стратегии социально-экономического развития и программе развития туризма региона.

7. Согласованность целевых ориентиров развития туризма, обозначенных в стратегии социально-экономического развития и программе развития туризма региона.

Стратегия социально-экономического развития региона является определяющим документом, на основе которого происходит разработка программ, регулирующих развитие той или иной сферы жизнедеятельности региона. Это предопределяет тот факт, что выделенные проблемы и цели развития туризма в стратегии и программе в обязательном порядке должны согласовываться между собой для результативной и скоординированной работы органов исполнительной власти.

При оценке согласованности проблем/целевых ориентиров для каждого нормативно-правового документа рассчитывалось соотношение, в котором в числителе располагаются согласованные в стратегии и программе проблемы/целевые ориентиры, а в знаменателе – общее количество выделенных в региональных документах проблем/целевых ориентиров. Далее все полученные значения были проранжированы методом равных интервалов на три группы, в результате чего стратегическим документам, имеющим значение от 0 до 0,17, было присвоено 0 баллов; от 0,18 до 0,33 – 0,5 балла; от 0,34 до 0,5 – 1 балл. Программным документам, имеющим значение в интервале от 0 до 0,26, присваивается

0 баллов; от 0,27 до 0,53 – 0,5 балла; от 0,54 до 0,8 – 1 балл.

8. Соответствие целевых ориентиров проблемам развития туризма, обозначенным в стратегии социально-экономического развития региона (табл. 2).

9. Соответствие целевых ориентиров проблемам развития туризма, обозначенным в программе развития туризма региона.

Разработка целевых ориентиров развития туризма в регионе должна быть основана на всестороннем и комплексном анализе состояния регионального туристско-рекреационного комплекса. Выделенные в ходе анализа проблемы должны быть учтены при постановке целей и задач развития туризма в регионе. При оценке согласованности проблем и целевых ориентиров для каждого нормативно-правового документа рассчитывалось соотношение, в котором в числителе располагаются проблемы и целевые ориентиры, согласованные между собой в стратегии или программе, а в знаменателе – общее количество выделенных в региональных документах проблем и целевых ориентиров. Далее все полученные значения были проранжированы методом равных интервалов на три группы, в результате чего стратегическим и программным документам, имеющим значение от 0 до 0,266, было присвоено 0 баллов; от 0,267 до 0,533 – 0,5 балла; от 0,534 до 0,8 – 1 балл (см. табл. 1).

10. Учет рисков в программе развития туризма региона.

Учет рисков реализации программного документа является одним из обязательных разделов при его составлении. Грамотный учет рисков позволяет разработать стратегию их минимизации и заложить дополнительные средства на ее реализацию. Поскольку некоторые риски ставят под угрозу успешность реализации всей программы, то управление рисками является

Таблица 2. Соответствие проблем и целевых ориентиров развития туризма в стратегических и программных документах, регулирующих вопросы развития туризма в северных регионах России

Регион	Документ	Недостаточно развитая туристская инфраструктура	Развитие и совершенствование туристской инфраструктуры	Невыгодные экономические условия для привлечения инвестиций в туристскую инфраструктуру	Повышение инвестиционной привлекательности территории	Дефицит квалифицированных кадров в сфере туризма	Развитие системы подготовки кадров в сфере туризма	Недостаточная реклама туристских возможностей	Рекламно-информационная, имиджевое продвижение территории	Несовершенство законодательства в сфере туризма	Совершенствование нормативно-правового регулирования в сфере туризма	Создание туристско-рекреационных кластеров
Архангельская область	Стратегия [29]	•			•							
	Программа [21]	•	•		•	•	•	•				•
НАО	Стратегия [24]	•	•		•							
	Стратегия [10]	•	•		•				•			•
Республика Карелия	Программа [7]	•	•		•				•			•
	Стратегия [34]	•	•		•				•			•
Республика Коми	Программа [6]	•	•		•				•			•
	Стратегия [31]		•									
Мурманская область	Программа [17]		•						•			
	Стратегия [12]		•						•			•
ХМАО	Программа [15]				•							•
	Стратегия [33]											•
ЯНАО	Программа [16]	•							•			
	Стратегия [32]	•	•						•			•
Республика Тыва	Программа [22]	•	•						•			•
	Пр. соц.-экон. развит. [8]	•	•						•			•
Республика Якутия	Программа [5]	•	•						•			•
	Стратегия [30]	•	•						•			•
Камчатский край	Программа [19]	•	•						•			
	Стратегия [9]								•			
Магаданская область	Программа [14]								•			
	Стратегия [11]		•						•			
Сахалинская область	Программа [20]	•	•						•			

Условные обозначения: «•» – выделение проблем и целевых ориентиров развития туризма в стратегических и программных документах, регулирующих вопросы развития туризма в северных регионах России.

основой управления всей программой. В случае если Программа развития туризма учитывает риски ее реализации, то рассматриваемому региону присваивается 1 балл. В случае если риски не учтены – 0 баллов (см. табл. 1).

Следующим этапом оценки проработанности составления стратегических и программных документов, регулирующих вопросы развития туризма в северных регионах, после выбора критериев является определение их вклада в проработанность рассматриваемых документов путем вычисления весовых коэффициентов. Весовые коэффициенты определяют вклад критерия в конечный результат и указывают долю его вклада по сравнению с другими критериями. Весовые коэффициенты критериев проработанности указанных стратегических и программных документов рассчитываются нами на основе экспертного мнения, под которым понимается мотивированное экспертное суждение.

Для проведения экспертной оценки были выбраны 20 экспертов из числа сотрудников министерств и ведомств Правительств Архангельской области. Эксперты способом прямого оценивания расставляли весовые коэффициенты в долях единицы для каждого критерия: чем больше вклад критерия в проработанность документов, тем выше весовой коэффициент. Затем весовые коэффициенты были усреднены путем нахождения среднего арифметического. Результаты расчетов весовых коэффициентов позволили установить, что наибольший вклад в проработанность стратегических и программных документов, регулирующих вопросы развития туризма в регионе, имеют критерии «Комплексность в постановке целевых ориентиров развития туризма в Программе», «Соответствие целевых ориентиров проблемам развития туризма, обозначенным в Программе» и «Выделение туризма в Стратегии в качестве

приоритета социально-экономического развития», а наименьший – «Освещенность проблем развития туризма в Стратегии» (рис. 1).

В результате оценки северным регионам были присвоены баллы по каждому из 10 критериев. Затем для корректировки их значения в зависимости от значимости критерия балл каждого региона был умножен на выявленный весовой коэффициент соответствующего критерия (см. табл. 1).

Таким образом, проведенная оценка позволила составить рейтинг северных регионов по проработанности рассматриваемых стратегических и программных документов (рис. 2).

По результатам оценки наибольшей проработанностью отличаются документы Республики Саха (Якутия), Карелия и Коми, наименее проработанными – Ненецкого, Ямало-Ненецкого автономных округов и Магаданской области.

Проведенный анализ и оценка проработанности стратегических и программных документов позволили разработать методические рекомендации по формированию региональных программ развития туризма в субъектах Севера Российской Федерации:

1. В связи с административной реформой и внедрением процедуры управления по результатам необходима повсеместная разработка на региональном уровне государственных программ развития туризма. На сегодняшний день именно государственные программы становятся основным механизмом реализации политики в той или иной сфере, постепенно вытесняя другие виды программ (региональные, федеральные целевые и т.д.).

2. Необходимо обеспечить преемственность стратегических и программных документов, касающихся развития туризма, в части согласования приоритетных направлений и целевых ориентиров феде-

Рисунок 1. Весовые коэффициенты критериев оценки проработанности стратегических и программных документов, регулирующих вопросы развития туризма в регионе

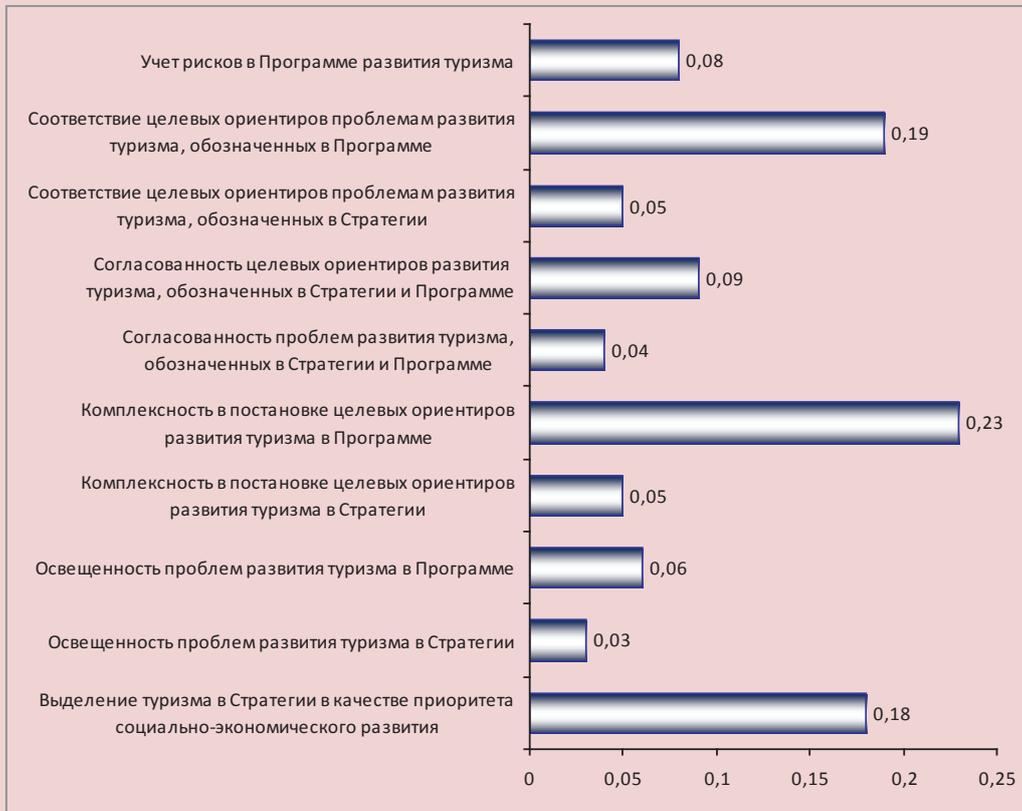

Рисунок 2. Рейтинг северных регионов России по проработанности стратегических и программных документов, регулирующих вопросы развития туризма в регионе

рального и регионального уровня. Это позволит сформировать единое туристическое пространство на территории Российской Федерации с вовлечением в процесс содействия развитию туризма всех уровней управления.

3. Необходимо разрабатывать программные документы развития туризма отдельно от других сфер, таких как, например, культура и спорт.

4. Необходимо обеспечить комплексный анализ проблем развития туризма на региональном уровне с учетом проблем, выделенных федеральными стратегическими и программными документами в сфере туризма. Это будет способствовать формированию системы целей и задач, соответствующей принципу единообразия. При этом достигается соответствие поставленных целевых ориентиров выделенным проблемам.

5. Необходимость обязательного выявления, оценки и учета рисков реализации программных документов регионального уровня в сфере туризма. Для этого возможно использовать перечень рисков, обозначенных в Государственной программе РФ «Развитие культуры и туризма на 2013–2020 гг.».

6. При принятии стратегических или программных документов на федеральном уровне необходимо обеспечить своевременную разработку региональных стратегий и программ со сроками действия федеральных документов. Это позволит обеспечить преемственность нормативно-правовой базы

и увеличить финансовые возможности для реализации программных мероприятий на региональном уровне.

7. Для повышения эффективности программного регулирования развития туризма необходимо выделение и развернутая характеристика следующих структурных блоков программы: конкурентные преимущества, проблемы, целевые ориентиры развития туризма в регионе, риски реализации программных мероприятий.

Сформированные на основе научного анализа и оценки рекомендации по разработке региональных программ развития туризма в субъектах Севера России позволят повысить эффективность развития туризма через совершенствование процедур планирования и управления процессами развития. Внедрение устойчивой системы оценки позволит северным регионам обеспечить преемственность своей политики в сфере развития туризма, сделать оценку неотъемлемой процедурой регионального управления. Кроме того, данная оценка позволит дать научно обоснованное заключение относительно того, какой документ может быть использован в качестве примера и ориентира при разработке программ развития туризма в соседних регионах. Это, в свою очередь, способно стабилизировать экономическую ситуацию, смягчить социальные проблемы, выступить реальным фактором сохранения, воспроизводства природного и культурно-исторического потенциала территорий [28].

Литература

1. Ахобадзе, Д. Т. Организационно-экономические механизмы реализации стратегических приоритетов развития туризма и рекреации на Северо-Западе России / Д. Т. Ахобадзе // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2009. — № 2 (6). — С. 107-126.
2. Баранова, И. В. Сравнительная оценка эффективности программ развития и поддержки малого предпринимательства в г. Новосибирске / И. В. Баранова // Вестник Томского Государственного университета. — 2009. — № 322. — С. 133-137.
3. Евстафьева, Е. Ю. Разработка оценочных критериев эффективности и результативности областных государственных целевых программ на примере областной государственной целевой программы

- «Молодым семьям – доступное жилье» на 2005–2019 годы / Е. Ю. Евстафьева // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2011. – № 4. – С. 123–127.
4. Коробов, В. Б. Классификационные методы решения эколого-экономических задач: монография / В. Б. Коробов, А. Г. Тутыгин. – Архангельск: Поморский университет, 2010. – 309 с.
 5. О государственной программе Республики Саха (Якутия) «Развитие внутреннего и въездного туризма на территории Республики Саха (Якутия) на 2012–2016 годы»: указ Президента Республики Саха (Якутия) от 12 октября 2011 года № 978 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sakha.gov.ru> (дата обращения: 22.12.2013).
 6. О долгосрочной республиканской целевой программе «Въездной и внутренний туризм на территории Республики Коми (2013–2015 годы)»: постановление Правительства Республики Коми от 28.09.2012 г. № 427 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gkomi.ru> (дата обращения: 20.12.2013).
 7. О долгосрочной целевой программе «Развитие туризма в Республике Карелия на 2012–2015 годы»: постановление Правительства Республики Карелия от 06.12.2012 № 372-П // Собрание законодательства РК. – 2012. – № 12 (Ч. II). – Дек. – Ст. 2220.
 8. О Программе социально-экономического развития Республики Саха (Якутия) на период до 2025 года и основные направления до 2030 года: постановление Государственного Собрания Республики Саха (Якутия) от 28.03.2012 № 1283 – IV [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sakha.gov.ru> (дата обращения: 25.12.2013).
 9. О Стратегии социального и экономического развития Магаданской области на период до 2025 года: закон Магаданской области от 11.03.2010 года № 1241-ОЗ [Электронный ресурс] // Информационно-справочная система «Кодекс». – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/895249692> (дата обращения: 25.12.2013).
 10. О Стратегии социально-экономического развития Республики Карелия до 2020 года: постановление Законодательного Собрания Республики Карелия от 24.06.2010 № 1755-IV ЗС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gov.karelia.ru> (дата обращения: 20.12.2013).
 11. О Стратегии социально-экономического развития Сахалинской области на период до 2025 года: постановление Правительства Сахалинской области от 28.03.2011 №99 (ред. от 15.01.2014) // Губернские новости. – 2011. – № 72 (3759).
 12. О Стратегии социально-экономического развития Ханты-Мансийского автономного округа – Югры до 2020 года и на период до 2030 года: распоряжение Правительства Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 22.03.2013 г. № 101-рп [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.depeconom.admhmao.ru> (дата обращения: 25.12.2013).
 13. О федеральной целевой программе «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011–2018 годы)»: распоряжение Правительства РФ от 27.12.2012 № 2567-р. // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 34. – Ст. 4966.
 14. Об областной целевой программе «Развитие физической культуры, спорта и туризма в Магаданской области на 2010–2015 годы»: постановление администрации Магаданской области от 10.12.2009 № 643-па (ред. от 04.10.2012) // Магаданская правда. – 2009. – № 149 (20113). – 16 дек.
 15. Об утверждении ведомственной целевой программы «Развитие внутреннего и въездного туризма в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре на 2013–2015 годы»: приказ Департамента природных ресурсов и несырьевого сектора экономики Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 20 сентября 2012 г. № 417-п [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.depprirod.admhmao.ru> (дата обращения: 22.12.2013).
 16. Об утверждении ведомственной целевой программы «Развитие внутреннего и въездного туризма в Ямало-Ненецком автономном округе на период 2012–2014 годов»: постановление Правительства ЯНАО от 23.12.2011 № 1037-П // Красный Север. Спецвыпуск. – 2012. – № 1/5. – 2 янв.
 17. Об утверждении ведомственной целевой программы «Развитие туризма в Мурманской области на 2012–2015 годы»: приказ Министерства экономического развития Мурманской области от 27.09.2013 № ОД-160 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mines.gov-murmansk.ru> (дата обращения: 22.12.2013).
 18. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие культуры и туризма» на 2013–2020 годы: распоряжение Правительства РФ от 27.12.2012 № 2567-р. // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 2. – Ст. 105.
 19. Об утверждении долгосрочной краевой целевой программы «Развитие внутреннего и въездного туризма в Камчатском крае на 2013–2015 годы»: Постановление Правительства Камчатского края от 26.11.2012 № 525-П (ред. от 17.12.2013) // Официальные ведомости. – 2012. – № 455. – 29 нояб.

20. Об утверждении долгосрочной целевой программы «Развитие внутреннего и въездного туризма в Сахалинской области на 2013–2018 годы»: постановление Правительства Сахалинской области от 28.01.2013 № 31 // Губернские ведомости. – 2013. – № 31 (4199). – 20 февр.
21. Об утверждении долгосрочной целевой программы Архангельской области «Развитие внутреннего и въездного туризма в Архангельской области на 2011–2013 годы»: постановление Правительства Архангельской области от 14.09.2010 № 262-пп. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pomorland.pro> (дата обращения: 25.12.2013).
22. Об утверждении республиканской целевой программы «Развитие туризма в Республике Тыва в 2011–2013 годах»: постановление Правительства Республики Тыва от 23.12.2010 № 595 // Тувинская правда. Спецвыпуск. – Приложение 13. – 2011. – 19 апр.
23. Об утверждении «Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2015 года»: приказ Федерального агентства по туризму от 6 мая 2008 г. № 51 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.russiaotourism.ru> (дата обращения: 25.12.2013).
24. Об утверждении «Стратегии социально-экономического развития Ненецкого автономного округа на перспективу до 2030 года»: постановление Собрания депутатов НАО от 22.06.2010 № 134-сд // Сборник нормативных правовых актов Ненецкого автономного округа. – 2010. – № 19.
25. О реализации Федерального закона «О поставках продукции для федеральных государственных нужд (вместе с «Порядком разработки и реализации федеральных целевых программ и межгосударственных целевых программ, в осуществлении которых участвует Российская Федерация», «Порядком закупки и поставки продукции для федеральных государственных нужд», «Порядком подготовки и заключения государственных контрактов на закупку и поставку продукции для федеральных государственных нужд»): постановление Правительства РФ от 26.06.1995 № 594 (ред. от 28.03.2014) // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 28. – Ст. 2669.
26. Об утверждении Требований к стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации: приказ Минрегиона РФ от 27.02.2007 № 14 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
27. Сорокина, Н.Ю. Оценка трудового потенциала региона в процессе разработки и реализации стратегии социально-экономического развития / Н.Ю. Сорокина // Известия Тульского Государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2011. – № 1-2. – С. 33-43.
28. Степанова, С. В. Стратегические подходы к управлению туризмом в муниципальных образованиях Республики Карелия / С. В. Степанова, И. В. Чубиева // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2009. – № 1 (5). – С. 89-96.
29. Стратегия социально-экономического развития Архангельской области до 2030 года: одобрена распоряжением администрации Архангельской области № 278-ра/48 от 16.12.2008 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dvinaland.ru/economy/strategy/> (дата обращения: 25.12.2013).
30. Стратегия социально-экономического развития Камчатского края до 2025 года: утв. постановлением Правительства Камчатского края от 27.07.2010 № 332-П [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.geec.rushydro.ru/file/main/geec/company/law/Development_strategy_Kamchatskiy_kray_2025.pdf. Дата обращения: 25.12.2013.
31. Стратегия социально-экономического развития Мурманской области до 2020 года и на период до 2025 года: одобрена постановлением Правительства Мурманской области от 25.12.2013 № 768–ПП/20 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://minec.gov-murman.ru/content/strat_plan/sub02/sub02/ (дата обращения: 25.12.2013).
32. Стратегия социально-экономического развития Республики Тыва до 2020 года: одобрена постановлением Правительства Республики Тыва от 30.01.2012 № 28 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mert.tuva.ru/directions/socio-economic-development/news/31.html> (дата обращения: 25.12.2013).
33. Стратегия социально-экономического развития Ямало-Ненецкого автономного округа до 2020 года: утв. постановлением Законодательного Собрания Ямало-Ненецкого автономного округа от 14.12.2011 г. № 839 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://de.gov.yanao.ru/component/content/article/263> (дата обращения: 25.12.2013).
34. Стратегия экономического и социального развития Республики Коми на период до 2020 года: одобрена постановлением Правительства Республики Коми от 27.03.2006 г. № 45 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rkomu.ru/services/strategia/> (дата обращения: 25.12.2013).
35. Makovkina, S. A. Problematics of evaluation of strategic plans of social and economic development in the russian cities / S. A. Makovkina // Вопросы управления. – 2009. – № 3.

Smirennikova E.V., Karmakulova A.V.

Estimation of elaboration of strategic and program policy documents regulating questions of tourism development in northern regions of Russia

Elena Vladimirovna Smirennikova – Ph.D. in Geography, Senior Research Associate, Federal State-Financed Scientific Institution Arkhangelsk Scientific Centre, the Ural Branch of Russian Academy of Sciences (3, Sadovaya Street, Arkhangelsk, 163000, Russia, esmirennikova@yandex.ru)

Anna Vyacheslavovna Karmakulova – Junior Research Associate, Graduate Student, Federal State-Financed Scientific Institution Arkhangelsk Scientific Centre, the Ural Branch of Russian Academy of Sciences (3, Sadovaya Street, Arkhangelsk, 163000, Russia, karmy-anny@yandex.ru)

Abstract. The authors performed critical analysis of 26 strategic and program documents of federal and regional significance, governing the development of tourism, to allocate problems and targets of the development of tourism and risks of realization of the tourism development programs. The authors used scoring and expert evaluation methods to develop the technique, which estimates the elaboration of strategic and policy documents governing the development of tourism. The developed technique is used for evaluation of strategic and program documents of the northern regions of Russia. The guidelines for the establishment of regional tourism development programs are given.

Key words: strategic and program management, tourism, socio-economic development, the northern regions of Russia.

References

1. Akhobadze D. T. Organizatsionno-ekonomicheskie mekhanizmy realizatsii strategicheskikh prioritetov razvitiya turizma i rekreatsii na Severo-Zapade Rossii [Economic-organizing Mechanisms of Strategy Priority to Develop Tourism and Recreation in the North-West of Russia]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2009, no. 2 (6), pp. 107-126.
2. Baranova I. V. Sravnitel'naya otsenka effektivnosti programm razvitiya i podderzhki malogo predprinimatel'stva v g. Novosibirsk [Comparative Evaluation of Efficiency of the Programs to Develop and Support of Small Business in the City of Novosibirsk]. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], 2009, no. 322, pp. 133-137.
3. Evstaf'eva E. Yu. Razrabotka otsenochnykh kriteriev effektivnosti i rezul'tativnosti oblastnykh gosudarstvennykh tselevykh programm na primere oblastnoi gosudarstvennoi tselevoi programmy "Molodym sem'yam – dostupnoe zhil'e" na 2005–2019 gody [Development of the Assessment Indicators of Efficiency and Effectiveness of Regional State Programs on the Case Study of the Regional State Target Program "Affordable Housing for Young Families" for 2005–2019]. *Izvestiya Irkutskoi gosudarstvennoi ekonomicheskoi akademii* [Izvestiya of Irkutsk State Economics Academy], 2011, no. 4, pp. 123-127.
4. Korobov V. B., Tutygin A. G. *Klassifikatsionnye metody resheniya ekologo-ekonomicheskikh zadach: monografiya* [Classification Methods to Solve Ecological and Economic Problems: Monograph]. Arkhangel'sk: Pomorskii universitet, 2010. 309 p.
5. *O gosudarstvennoi programme Respubliki Sakha (Yakutiya) "Razvitie vnutrennego i v"ezdnoho turizma na territorii Respubliki Sakha (Yakutiya) na 2012–2016 gody": ukaz Prezidenta Respubliki Sakha (Yakutiya) ot 12 oktyabrya 2011 goda № 978* [On the State Program of the Republic of Sakha (Yakutia) "Development of Domestic and Inbound Tourism in the Sakha (Yakutia) Republic for 2012–2016": the Decree of the President of the Sakha (Yakutia) Republic of October 12, 2011, no. 978]. Available at: <http://sakha.gov.ru> (accessed December 22, 2013).
6. *O dolgosrochnoi respublikanskoi tselevoi programme "V"ezdnoi i vnutrennii turizm na territorii Respubliki Komi (2013–2015 gody)": postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Komi ot 28.09.2012 g. № 427* [On the Long-Term Republican Target Program "Inbound and Domestic Tourism in the Komi Republic (2013–2015)": Decree of the Government of the Komi Republic of September, 28, 2012, no. 427]. Available at: <http://rkomi.ru> (accessed December 20, 2013).

7. O dolgosrochnoi tselevoi programme “Razvitie turizma v Respublike Kareliya na 2012–2015 gody”: postanovlenie Pravitel’stva Respubliki Kareliya ot 06.12.2012 № 372-P [On the Long-Term Target Program “Tourism Development in the Republic of Karelia for 2012–2015”: Decree of the Government of the Republic of Karelia of December 6, 2012, no. 372-P]. *Sobranie zakonodatel’stva RK* [Collection of Legislation of the Republic of Karelia], 2012, no. 12 (Part II), December. 2220 p.
8. O Programme sotsial’no-ekonomicheskogo razvitiya Respubliki Sakha (Yakutiya) na period do 2025 goda i osnovnye napravleniya do 2030 goda: postanovlenie Gosudarstvennogo Sobraniya Respubliki Sakha (Yakutiya) ot 28.03.2012 № 1283 – IV [On the Program for Social-Economic Development of the Sakha (Yakutia) Republic for the Period up to 2025 and Basic Trends to 2030: Decree of the State Assembly of the Sakha (Yakutia) Republic of March 28, 2012, no. 1283 – IV]. Available at: <http://sakha.gov.ru> (accessed December 25, 2013).
9. O Strategii sotsial’nogo i ekonomicheskogo razvitiya Magadanskoj oblasti na period do 2025 goda: zakon Magadanskoj oblasti ot 11.03.2010 goda № 1241-OZ [On the Strategy for Social and Economic Development of the Magadan Oblast for the Period up to 2025: Law of the Magadan Oblast of March 11, 2010, no. 1241-OZ]. *Informatsionno-spravochnaya sistema “Kodeks”* [Legal-Reference System “Kodeks”]. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/895249692> (accessed December 25, 2013).
10. O Strategii sotsial’no-ekonomicheskogo razvitiya Respubliki Kareliya do 2020 goda: postanovlenie Zakonodatel’nogo Sobraniya Respubliki Kareliya ot 24.06.2010 № 1755-IV ZS [On the Strategy for Socio-Economic Development of the Republic of Karelia up to 2020: Decree of the Legislative Assembly of the Republic of Karelia of June 24, 2010, no. 1755-IV ZS]. Available at: <http://www.gov.karelia.ru> (accessed December 20, 2013).
11. O Strategii sotsial’no-ekonomicheskogo razvitiya Sakhalinskoj oblasti na period do 2025 goda: postanovlenie Pravitel’stva Sakhalinskoj oblasti ot 28.03.2011 №99 (red. ot 15.01.2014) [On the Strategy for Socio-Economic Development of the Sakhalin Oblast for the Period up to 2025: Decree of the Government of the Sakhalin oblast of March 28, 2011, no. 99 (Amended January 15, 2014)]. *Gubernskie novosti* [Provincial News], 2011, no. 72 (3759).
12. O Strategii sotsial’no-ekonomicheskogo razvitiya Khanty-Mansiiskogo avtonomnogo okruga – Yugry do 2020 goda i na period do 2030 goda: utv. rasporyazheniem Pravitel’stva Khanty-Mansiiskogo avtonomnogo okruga – Yugry ot 22.03.2013 g. № 101-rp [On the Strategy for Socio-Economic Development of Khanty–Mansi Autonomous Okrug – Ugra to 2020 and for the Period up to 2030: Approved by the Decree of the Government of Khanty-Mansi Autonomous Okrug - Ugra of March 22, 2013, no 101-rp]. Available at: <http://www.depeconom.admhmao.ru> (accessed December 25, 2013).
13. O federal’noi tselevoi programme “Razvitie vnutrennego i v”ezdnoho turizma v Rossiiskoi Federatsii (2011–2018 gody)”: rasporyazhenie Pravitel’stva RF ot 27.12.2012 № 2567-r [On the Federal Target Program “Development of Domestic and Inbound Tourism in the Russian Federation (2011–2018)”: Decree of the Government of the Russian Federation of December 27, 2012, no. 2567-r]. *Sobranie zakonodatel’stva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2012, no. 34, p. 4966.
14. Ob oblastnoi tselevoi programme “Razvitie fizicheskoi kul’tury, sporta i turizma v Magadanskoj oblasti na 2010–2015 gody”: postanovlenie administratsii Magadanskoj oblasti ot 10.12.2009 № 643-pa (red. ot 04.10.2012) [On the Regional Target Program “Development of Physical Culture, Sport and Tourism in the Magadan Oblast for 2010–2015”: Decree of the Administration of the Magadan Oblast of December 10, 2009, no. 643-pa (Amended October 4, 2012)]. *Magadanskaya Pravda* [Magadan Truth], 2009, no. 149 (20113).
15. Ob utverzhdenii vedomstvennoi tselevoi programmy “Razvitie vnutrennego i v”ezdnoho turizma v Khanty-Mansiiskom avtonomnom okruge – Yugre na 2013–2015 gody”: prikaz Departamenta prirodnykh resursov i nesyrv’evogo sektora ekonomiki Khanty-Mansiiskogo avtonomnogo okruga – Yugry ot 20 sentyabrya 2012 g. № 417-p [On the Approval of the Departmental Target Program “Development of Domestic and Inbound Tourism in Khanty-Mansi Autonomous Okrug - Ugra for 2013–2015”: Decree of the Department of Natural Resources and Non-Primary Sector of Khanty-Mansi Autonomous Okrug - Ugra of September 20, 2012, no. 417-p]. Available at: <http://www.depprirod.admhmao.ru> (accessed December 22, 2013).
16. Ob utverzhdenii vedomstvennoi tselevoi programmy “Razvitie vnutrennego i v”ezdnoho turizma v Yamalo-Nenetskom avtonomnom okruge na period 2012–2014 godov”: postanovlenie Pravitel’stva YaNAO ot 23.12.2011 № 1037-P [On Approval of the Departmental Target Program “Development of Domestic and Inbound Tourism in Yamalo-Nenets Autonomous Okrug for 2012–2014”: Decree of the Government of YNAO of December 23, 2011, no. 1037-P]. *Krasnyi Sever. Spetsvyпуск* [Red North. Special Bulletin], 2012, no. 1/5. January, 2.
17. Ob utverzhdenii vedomstvennoi tselevoi programmy “Razvitie turizma v Murmanskoj oblasti na 2012–2015 gody”: prikaz Ministerstva ekonomicheskogo razvitiya Murmanskoj oblasti ot 27.09.2013 № OD-160 [On Approval of the Departmental Target Program “Tourism Development in the Murmansk Oblast for 2012–2015”: Decree of the Ministry of Economic Development of the Murmansk Oblast of September 27, 2013, no. OD-160]. Available at: <http://minec.gov-murman.ru> (accessed December 22, 2013).

18. Ob utverzhdenii gosudarstvennoi programmy Rossiiskoi Federatsii “Razvitie kul’tury i turizma” na 2013–2020 gody: rasporyazhenie Pravitel’sтва RF ot 27.12.2012 № 2567-р [On Approval of the State Program of the Russian Federation “Development of Culture and Tourism” for 2013–2020: Decree of the RF Government of December, no. 2567-р]. *Sobranie zakonodatel’sтва RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2012, no. 2, p. 105.
19. Ob utverzhdenii dolgosrochnoi kraevoi tselevoi programmy “Razvitie vnutrennego i v”ezdnoogo turizma v Kamchatskom krae na 2013–2015 gody”: Postanovlenie Pravitel’sтва Kamchatskogo kraja ot 26.11.2012 № 525-P (red. ot 17.12.2013) [On Approval of the Long-Term Regional Target Program “Development of Domestic Tourism in Kamchatka Krai for 2013–2015”: Decree of the Government of Kamchatka Krai of November 26, 2012, no. 525-P]. *Ofitsial’nye Vedomosti* [Official Bulletin], 2012, no. 455. November, 29.
20. Ob utverzhdenii dolgosrochnoi tselevoi programmy “Razvitie vnutrennego i v”ezdnoogo turizma v Sakhalinskoj oblasti na 2013–2018 gody”: postanovlenie Pravitel’sтва Sakhalinskoj oblasti ot 28.01.2013 № 31 [On Approval of the Long-Term Target Program “Development of Domestic and Inbound Tourism in the Sakhalin Oblast for 2013–2018”: Decree of the Government of the Sakhalin Oblast of January 28, 2013, no. 31]. *Gubernskie vedomosti* [Municipal Bulletin], 2013, no. 31 (4199). February, 20.
21. *Ob utverzhdenii dolgosrochnoi tselevoi programmy Arkhangel’skoj oblasti “Razvitie vnutrennego i v”ezdnoogo turizma v Arkhangel’skoj oblasti na 2011–2013 gody”: postanovlenie Pravitel’sтва Arkhangel’skoj oblasti ot 14.09.2010 № 262-pp.* [On Approval of the Long-Term Target Program of the Arkhangel’sk Oblast “Development of Domestic and Inbound Tourism in the Arkhangel’sk Oblast for 2011–2013: Decree of the Government of the Arkhangel’sk Oblast of September 14, 2010, no. 262-pp.]. Available at: <http://www.pomorland.pro> (accessed December 25, 2013).
22. Ob utverzhdenii respublikanskoi tselevoi programmy “Razvitie turizma v Respublike Tyva v 2011–2013 godakh”: postanovlenie Pravitel’sтва Respubliki Tyva ot 23.12.2010 № 595 [On Approval of the Republican Target Program “Tourism Development in the Tyva Republic for 2011–2013”: Decree of the Government of the Tyva Republic of December 23, 2010, no. 595]. *Tuvinskaya pravda. Spetsvyпуск* [Tyva Truth. Special Bulletin]. Appendix 13, 2011. April, 19.
23. Ob utverzhdenii “Strategii razvitiya turizma v Rossiiskoi Federatsii na period do 2015 goda”: prikaz Federal’nogo agentstva po turizmu ot 6 maya 2008 g. № 51 [On Approval of the Strategy for Tourism Development in the Russian Federation for the Period up to 2015: Order of the Federal Agency for Tourism of May 6, 2008, no. 51]. Available at: <http://www.russiatourism.ru> (accessed December 25, 2013).
24. Ob utverzhdenii “Strategii sotsial’no-ekonomicheskogo razvitiya Nenetskogo avtonomnogo okruga na perspektivu do 2030 goda”: postanovlenie Sobraniya deputatov NAO ot 22.06.2010 № 134-sd [On Approval of the “Strategy for Socio-Economic Development of Nenets Autonomous Okrug for the Period up to 2030”: Decree of the Assembly of Deputies of Nenets Autonomous Okrug of June 22, 2010, no. 134-sd]. *Sbornik normativnykh pravovykh aktov Nenetskogo avtonomnogo okruga* [Collection of Normative Legal Acts of the Nenets Autonomous Okrug], 2010, no. 19.
25. O realizatsii Federal’nogo zakona “O postavkakh produktsii dlya federal’nykh gosudarstvennykh nuzhd (vmeste s “Poryadkom razrabotki i realizatsii federal’nykh tselevykh programm i mezhgosudarstvennykh tselevykh programm, v osushchestvlenii kotorykh uchastvuet Rossiiskaya Federatsiya”, “Poryadkom zakupki i postavki produktsii dlya federal’nykh gosudarstvennykh nuzhd”, “Poryadkom podgotovki i zaklyucheniya gosudarstvennykh kontraktov na zakupku i postavku produktsii dlya federal’nykh gosudarstvennykh nuzhd”): postanovlenie Pravitel’sтва RF ot 26.06.1995 №594 (red. ot 28.03.2014) [On Implementation of the Federal Law “On Deliveries of Products for Federal State Needs (together with “Procedure of Development and Implementation of Federal Target Programs and Inter-State Target Programs, in the Implementation of which the Russian Federation Is Involved”, “Procedure of purchase and Delivery of Products for Federal State Needs”, “Order of Drafting and Conclusion of State Contracts for Purchase and Delivery of Products for Federal State Needs”): Decree of the Government of the Russian Federation of June 26, 1995, no. 594 (Amended March 28, 2014). *Sobranie zakonodatel’sтва RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 1995, no. 28, p. 2669.
26. Ob utverzhdenii Trebovaniy k strategii sotsial’no-ekonomicheskogo razvitiya sub”ekta Rossiiskoi Federatsii: prikaz Minregiona RF ot 27.02.2007 №14 [On Approval of Requirements to the Strategy for Socio-Economic Development of the Russian Federation: Order of Ministry for Regional Development of the Russian Federation of February 27, 2007, no. 14. *Spravochno-pravovaya sistema “Konsul’tant Plyus”* [Legal-Reference System “Consultant Plus”].

27. Sorokina N.Yu. Otsenka trudovogo potentsiala regiona v protsesse razrabotki i realizatsii strategii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya [Estimate of Labor Potential of the Region in the Process of Development and Implementation of the Strategy for Socio-Economic Development]. *Izvestiya Tul'skogo Gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki* [News of the Tula State University. Economic and Law Sciences], 2011, no. 1–2, pp. 33–43.
28. Stepanova S. V., Chubieva I. V. Strategicheskie podkhody k upravleniyu turizmom v munitsipal'nykh obrazovaniyakh Respubliki [Strategical Approach to Management of Tourism in Municipal District of Republic of Karelia] *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2009, no. 1 (5), pp. 89–96.
29. *Strategiya sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Arkhangel'skoi oblasti do 2030 goda: odobrena rasporyazheniem administratsii Arkhangel'skoi oblasti № 278-ra/48 ot 16.12.2008 g.* [Strategy for Socio-Economic Development of the Arkhangelsk Oblast up to 2030: Approved by the Decree of the Arkhangelsk Oblast Administration, no 278-ra/48 of December 16, 2008]. Available at: <http://www.dvinaland.ru/economy/strategy/> (accessed December 25, 2013).
30. *Strategiya sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Kamchatskogo kraya do 2025 goda: utv. postanovleniem Pravitel'stva Kamchatskogo kraya ot 27.07.2010 № 332-P* [Strategy for Socio-Economic Development of Kamchatka Krai up to 2025: Approved by the Decree of the Kamchatka Krai Government of July 27, 2010, no. 332-P]. Available at: http://www.reec.rushydro.ru/file/main/reec/company/law/Development_strategy_Kamchatskiy_kray_2025.pdf. (accessed December 25, 2013).
31. *Strategiya sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Murmanskoi oblasti do 2020 goda i na period do 2025 goda: odobrena postanovleniem Pravitel'stva Murmanskoi oblasti ot 25.12.2013 № 768-PP/20* [Strategy for Socio-Economic Development of the Murmansk Oblast up to 2020 and for the Period up to 2025: Approved by the Decree of the Government of the Murmansk Oblast of December 25, 2013, no. 768-PP/20]. Available at: http://minec.gov-murman.ru/content/strat_plan/sub02/sub02/ (accessed December 25, 2013).
32. *Strategiya sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Respubliki Tyva do 2020 goda: odobrena postanovleniem Pravitel'stva Respubliki Tyva ot 30.01.2012 № 28* [Strategy for Socio-Economic Development of the Tyva Republic up to 2020, Approved by the Decree of the Government of the Tyva Republic of January 30, 2012, no. 28]. Available at: <http://www.mert.tuva.ru/directions/socio-economic-development/news/31.html> (accessed December 25, 2013).
33. *Strategiya sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga do 2020 goda: utv. postanovleniem Zakonodatel'nogo Sobraniya Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga ot 14.12. 2011 g. № 839* [Strategy for Socio-Economic Development of Yamalo-Nenets Autonomous Okrug up to 2020: Approved by the Decree of the Legislative Assembly of Yamalo-Nenets Autonomous Okrug of December 14, 2011, no. 839]. Available at: <http://de.gov.yanao.ru/component/content/article/263> (accessed December 25, 2013).
34. *Strategiya ekonomicheskogo i sotsial'nogo razvitiya Respubliki Komi na period do 2020 goda: odobrena postanovleniem Pravitel'stva Respubliki Komi ot 27.03. 2006 g. № 45* [Strategy for Economic and Social Development of the Komi Republic for the Period up to 2020, Approved by the Decree Of the Government of the Republic of Komi of March 27, 2006, no. 45]. Available at: <http://rkomi.ru/services/strategia/> (accessed December 25, 2013).
35. Makovkina S. A. Problematics of Evaluation of Strategic Plans of Social and Economic Development in the Russian Cities. *Voprosy upravleniya* [Management Issues], 2009, no. 3.

Моделирование экономических систем с помощью аппарата сетей Петри

**Павел Валерьевич
СКОРОДУМОВ**

кандидат технических наук, заведующий лабораторией интеллектуальных и программно-информационных систем, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий РАН (160014 г. Вологда, ул. Горького 56 а), доцент кафедры автоматiki и вычислительной техники Вологодского государственного университета (160035, г. Вологда, ул. Ленина, 15, e-mail: spv.vsc@gmail.com)

Аннотация. Моделирование является сегодня одним из важнейших инструментов исследования сложных систем. В поведении современных экономических систем одновременно присутствуют компоненты непрерывной и дискретной природы. В качестве аппарата исследования сложных экономических систем в статье предлагается использовать формализм вложенных гибридных сетей Петри.

Автором приведены основные подходы имитационного моделирования, понятия классических сетей Петри, модифицированного аппарата вложенных гибридных сетей Петри, преимущества их использования для моделирования систем. Представлено понятие универсальной системы имитационного моделирования.

На основе рассмотренных подходов выдвинуто предложение о разработке универсальной системы имитационного моделирования на базе модифицированного аппарата сетей Петри.

Ключевые слова: сложная система, модель, имитационное моделирование, сети Петри, универсальная система имитационного моделирования.

Современные экономические системы обладают одновременно структурной и поведенческой сложностью. Существующее понятие уровня сложности определяется количеством элементов того или иного вида, их связей и взаимосвязей, «отношений порядка» между ними [2]. Поведенческую сложность можно связать с поведением системы во времени и присутствием в экономических системах процессов управ-

ления. Под управлением системой понимают процесс, ориентирующий некоторую систему на достижение определенной цели [2]. В общем случае поведение системы во времени является непрерывным, в то время как управляющие процессы имеют дискретную природу. Сложные системы, объединяющие в себе компоненты непрерывного и дискретного характера, называют гибридными.

Одним из способов исследования окружающих нас систем служит моделирование. *Моделирование* — это процесс отражения реальной (или планируемой) деятельности организации при помощи специальной методологии [8]. Модель представляет реальный или абстрактный объект, который заменяет объект исследования в процессе его изучения, находясь в отношении сходства с последним. Наиболее естественная и важная сфера применения моделирования — анализ сложных систем, в том числе социотехнических (производственных, финансовых и т. д.) [11].

В настоящее время самым эффективным методом исследования экономических систем считается имитационное моделирование [4].

В нём сформировались три основных подхода: дискретно-событийное моделирование, системная динамика и агентное моделирование [11].

Аппарат системной динамики обычно оперирует непрерывными во времени процессами, а дискретно-событийное и агентное моделирование используются для дискретных во времени процессов. Системная динамика предполагает максимальный уровень абстракции модели, дискретно-событийное моделирование отражает абстракции низкого и среднего уровня. Агентное моделирование может применяться на любом уровне модели любого масштаба [11].

Дискретно-событийное моделирование обязано своим рождением Дж. Гордону. В начале 1960-х годов он спроектировал и реализовал на мэйнфреймах IBM систему GPSS. Основной объект в этой системе — пассивный транзакт (заявка на обслуживание), который может определенным образом представлять собой работников, детали, сырье, документы, сигналы и т.п.

Перемещаясь по модели, транзакты становятся в очереди к одноканальным и многоканальным устройствам, захватывают и освобождают их, расщепляются, уничтожаются и т.д. [11].

Как методология системная динамика была предложена в 1961 году Дж. Форрестером в качестве инструмента исследования информационных обратных связей в производственно-хозяйственной деятельности. Процессы, происходящие в реальном мире, в системной динамике представляются в терминах накопителей и потоков между ними. Системно-динамическая модель описывает поведение системы и ее структуру как множество взаимодействующих обратных положительных и отрицательных связей и задержек. Математически такая модель выглядит как система дифференциальных уравнений [11].

Агентное моделирование предполагает работу с децентрализованной моделью. В такой модели нет единой точки, определяющей поведение системы в целом. Агентная модель состоит из множества индивидуальных объектов (агентов) и их окружения. Поведение системы описывается на индивидуальном уровне; глобальное поведение рассматривается как результат совокупной деятельности агентов, каждый из которых сообразно собственному «уставу» существует в общей среде, взаимодействует с ней и другими агентами [11].

Если абстрактному представлению системы поставить в соответствие определенные графические примитивы и связать их линиями, несущими определенную логику, то получится некая сеть — графический образ процесса. Сетевые методы описания и анализа процессов хороши тем, что используемые в них абстракции близки к интуитивным представлениям о процессах [5].

Одним из популярных графических средств исследования систем являются сети Петри (СП). Они позволяют описывать и анализировать длительность выполнения и взаимодействие операций внутри процессов разного уровня с целью выявления узких мест производственно-экономических систем, а также определять величины и резервы сокращения затрат человеческих, финансовых и других ресурсов на выполнение этих процессов. Основные преимущества использования СП в моделировании заключаются в следующем: 1) процесс, определенный в терминах СП, имеет ясное и четкое представление; 2) наглядность графики построения сети, благодаря которой все ее определения и алгоритмы легко воспринимаются; 3) возможность использования различных методов анализа [7].

В то же время популярность СП вызвана удачным представлением различных типов объектов, присутствующих во многих моделируемых системах, и «событийным» подходом к моделированию. СП обладают наилучшими возможностями для описания взаимосвязей и взаимодействий параллельно работающих процессов [5].

СП являются мощным инструментом исследования систем благодаря возможности описания многих классов дискретных, асинхронных, параллельных, распределенных, недетерминированных систем, наглядности представления их работы, развитию математическому и программному аппарату анализа. СП разрабатывались специально для моделирования тех систем, которые содержат параллельно взаимодействующие компоненты, например аппаратное и программное обеспечение ЭВМ, гибкие производственные системы, а также социальные и биологические системы [5].

В общем виде СП [3] представляет собой двудольный ориентированный граф:

$$N = (P_N, T_N, F_N), \quad (1)$$

где P_N – конечное множество позиций;
 T_N – конечное множество переходов, такое, что $P_N \cap T_N = \emptyset$;
 F_N – функция инцидентности, задающая кратность дуг,

$$F_N : (P_N \times T_N) \cup (T_N \times P_N) \rightarrow \text{Nat}$$

(Nat – множество натуральных чисел, дополненное нулем).

В СП позиции соответствуют условиям, а переходы – событиям. Динамика поведения моделируемой системы отражается в функционировании сети в виде совокупности действий, называемых срабатыванием переходов. Действующие в СП соглашения о правилах выполнения переходов выражают логические взаимосвязи между условиями и событиями в моделируемой системе.

Изменение состояния сети связано с механизмом изменения маркировок позиций. Начальное состояние СП задается с помощью начальной маркировки ее позиций. Маркировка сети заключается в присвоении позициям числовых значений (меток, маркеров, фишек). Метки представляют собой набор атрибутов (числа, переменные). Выполнение условия изображается разметкой (маркировкой) соответствующего места, а именно помещением числа n фишек (маркеров) в эту позицию. Переход может сработать, если выполнены все условия реализации соответствующего события. Для этого задаются специальные правила или процедуры перехода [3, 6].

Обыкновенные сети Петри, несмотря на широту своего использования, не позволяют проводить исследования сложных систем, включающих в себя одновременно дискретные и непрерывные компоненты. В работе [9] был предложен аппарат вложенных гибридных сетей Петри (ВГСП), объединяющий формализмы гибридных и вложенных сетей Петри.

ВГСП можно определить следующим набором [10]:

$$NHPN = \{Atom, Lab, SN(HPN), (EN_1, \dots, EN_k), \Lambda\}. \quad (2)$$

$Atom = Var \cup Con$ – множество атомов, состоящее из множеств имен переменных и имен констант; $Lab = Lab_v \cup Lab_h$ – множество меток, служащих для вертикальной и горизонтальной синхронизации переходов;

(EN_1, \dots, EN_k) ($k \geq 1$) – конечный набор обыкновенных СП; Λ – функция пометки переходов элементами из множества Lab .

$SN(HPN)$ – системная сеть в составе ВГСП, представляющая собой гибридную сеть Петри (ГСП):

$$HPN = (P, T, Pre, Post, D, C,). \quad (3)$$

$P = P_d \cup P_c$ – множество дискретных и непрерывных позиций;

$T = T_d \cup T_c \cup T_k \cup T_e$ – множество дискретных, непрерывных, переходов квантования и экстраполяции;

$Pre, Post$ – матрицы инцидентности, характеризующие множество дуг;

$D: T_d \rightarrow R^+$ – функция, определяющая интервалы задержки для дискретных временных переходов;

$C: T_c \rightarrow R_0^+ \times R_\infty^+$ – функция, определяющая пропускную способность непрерывных переходов.

Интересным вопросом, возникающим при исследовании систем с помощью СП, является введение в систему понятия времени. В аппарате ВГСП возможно использование понятий глобального и локального времен.

Первое представляет собой внешнее для системы время, с которым последняя связана понятием шага моделирования, позволяющим оценивать временное изменение состояния системы относительно внешних систем.

Второе используется для определения задержек срабатывания дискретных пере-

ходов и пропускной способности непрерывных переходов ВГСП. Все дискретные переходы делятся на мгновенно срабатывающие, детерминированные временные и экспоненциально детерминированные. Деление связано с определением интервала задержки для переходов. Для непрерывных переходов вводится понятие пропускной способности, которое отражает скорость перемещения через переход непрерывного потока фишек.

Маркировка сети назначает для каждой дискретной позиции целое число фишек с учетом их потенциала, а для каждой непрерывной позиции – присутствует в ней сигнал или нет.

В аппарат ВГСП введены характерные для СП высокого уровня понятие веса дуги и ингибиторные дуги.

Существенным добавлением в аппарат является возможность использования дробных и отрицательных значений для веса исходящей из перехода дуги. При использовании отрицательного веса дуги следует говорить о потенциале фишек, находящихся в этой позиции. Независимо от трактовки маркировки сети уравнение динамики сети не меняется.

Динамика поведения ВГСП описывается следующими четырьмя типами шагов срабатывания:

1. Системно-автономный шаг – это срабатывание перехода системной сети в соответствии с правилами для ГСП, при этом элементные сети рассматриваются как фишки, не имеющие собственной структуры.

2. Элементарно-автономный шаг меняет только внутреннее состояние (маркировку) элементной сети, не меняя ее местонахождение в системной сети.

3. Шаг горизонтальной синхронизации используется для синхронизации переходов в двух элементных сетях, находящихся в одной позиции системной сети.

4. Шаг вертикальной синхронизации используется для синхронизации перехода в системной сети с некоторыми переходами элементных сетей.

Для описания динамики поведения ВГСП используется следующее уравнение:

$$M_k = M_{k-1} + C(p, t)U_k. \quad (4)$$

M – матрица маркировки сети;

U_k – управляющий вектор определяет множество переходов готовых к срабатыванию в текущий момент времени;

$C(p, t)$ – результирующая матрица инцидентности ВГСП. Элемент матрицы инцидентности, расположенный на пересечении строки, обозначенной позицией p_i , и столбца, обозначенного переходом t_j , принимает значение NumM, NumM или 0, когда переход t_j имеет входящую дугу из позиции p_i , исходящую дугу в позицию p_i или не имеет соединения с позицией p_i (где NumM – количество удаляемых, добавляемых меток). Величина NumM определяется исходя из типов позиции и перехода, а также веса дуги, их соединяющей.

Модифицированный аппарат вложенных гибридных сетей Петри расширяет область применения классических СП и уже существующих расширений, позволяя исследовать гибридные системы со сложной структурой как единое целое.

Представление отдельных частей системы в виде ВСП дает возможность упростить восприятие большой и громоздкой СП, сделать модель системы более наглядной и понятной, позволяет моделировать многокомпонентные структуры различной сложности, в том числе и системы с элементами обслуживания.

Введение новых переходов квантования и экстраполяции, понятия веса дуги, разрешающих и запрещающих дуг, модифицированных правил работы с ними делает предлагаемый формализм более мощным и выразительным средством описания не только гибридных систем, но и различных математических функций и алгоритмов.

Присутствие в экономико-математических моделях материального, финансового и социального факторов требует применения разнообразных инструментов на соответствующем модельном уровне. Так, производственно-технологические модели (традиционно рассматриваемые как системы массового обслуживания) неплохо моделируются дискретно-событийными средствами типа GPSS; финансовые модели хорошо вписываются в рамки системной динамики; для имитационного моделирования трудовых ресурсов может быть полезен агентный подход [11].

Имитационное моделирование систем, в которых находят комплексное применение все нотации и высокие компьютерные технологии, сегодня является наиболее перспективной и быстро развивающейся сферой применения имитационного моделирования для бизнеса и корпораций [4].

Концепция универсальной системы моделирования позволяет сэкономить время разработки и реализации имитационной модели, сделать процесс самого моделирования более простым и доступным. При этом сокращается вероятность возникновения ошибок в ходе создания моделей из-за недостаточного знания языковых средств, невнимательности в работе с большими объемами информации и т.д. [1].

Концепция универсальной системы имитационного моделирования основывается на принципах простоты, модульности, универсальности [1].

Первый предполагает минимум знаний пользователя о системе моделирования и, как следствие, в минимум трудозатрат.

Второй принцип предусматривает наличие общих для различных классов систем моделей – готовых модулей.

Третий отражает способность охватить сложные многоуровневые объекты произвольной структуры, элементы которых являются динамическими системами в широком понимании.

Существующие системы моделирования можно условно разделить на две группы: системы, использующие классические языки моделирования (GPSS, iThink Analyst, Arena), и специализированные системы, ориентированные на решение задач имитационного моделирования какой-то конкретной узкой предметной области. Достоинства одной группы систем моделирования являются одновременно недостатками другой. Создание системы, охватывающей наибольший спектр реальных объектов, и прежде всего систем, продуктом которых является управление, вызывает сегодня значительный интерес [1].

Опираясь на всё вышесказанное, можно сделать вывод о целесообразности постро-

ения универсальной системы имитационного моделирования на базе модифицированного аппарата ВГСП. Выделим преимущества, которыми будет обладать новая система:

1. Реализация ее на принципах имитационного моделирования.
2. Объединение всех положительных черт СП.
3. Возможность построения моделей на базе различных расширений СП.
4. Объединение в ней всех нотаций имитационного моделирования.
5. Реализация ее на принципах концепции универсальной системы имитационного моделирования.
6. Возможность применения в исследованиях самых разнообразных объектов.

Литература

1. Духанов, А.В. Имитационное моделирование сложных систем: курс лекций / А.В. Духанов, О.Н. Медведева. – Владимир : ВГУ, 2010. – 118 с.
2. Кобелев, Н.Б. Основы имитационного моделирования сложных экономических систем / Н.Б. Кобелев. – М. : Дело, 2003. – 336 с.
3. Котов, В.Е. Сети Петри / В.Е. Котов. – М. : Наука, 1984. – 160 с.
4. Лычкина, Н.Н. Динамическое имитационное моделирование развития социально-экономических систем и его применение в информационно-аналитических решениях для стратегического управления [Электронный ресурс] / Н.Н. Лычкина. – Режим доступа : <http://strategybusiness.ru/dinamika-soczialno-ekonomicheskix-sistem/dinamicheskoe-imitacionnoe-modelirovanie-razvitiya-soczialno-ekonomicheskix-sistem-i-ego-primenenie-v-informacionno-analiticheskix-resheniyax-dlya-strategicheskogo-upravleniya.html>.
5. Мальков, М.В. Сети Петри и моделирование [Электронный ресурс] / М.В. Мальков, С.Н. Малыгина. – Режим доступа : <http://cyberleninka.ru/article/n/seti-petri-i-modelirovanie>.
6. Питерсон, Дж. Теория сетей Петри и моделирование систем / Дж. Питерсон. – М.: Мир, 1984. – 264 с.
7. Полещук, Н.А. Моделирование затрат в экономических системах с помощью сетей Петри [Электронный ресурс] / Н.А. Полещук. – Режим доступа : http://www.marketing-mba.ru/article/v4_11/Paliashchuk.pdf.
8. Репин, В.В. Процессный подход к управлению. Моделирование бизнес-процессов / В.В. Репин, В.Г. Елиферов. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. – 544 с.
9. Скородумов, П.В. Моделирование сложных динамических систем на базе вложенных гибридных сетей Петри / П.В. Скородумов // Системы управления и информационные технологии: научно-технический журнал. – Москва; Воронеж : Научная книга, 2008. – С. 182-187.
10. Скородумов, П.В. Моделирование технологических процессов в терминах сетей Петри / П.В. Скородумов // Научные аспекты инновационных исследований: материалы I Междунар. науч.-практ. конф. – Самара: ООО «Инсома-пресс», 2013. – С. 30-34.
11. Чернышова, Н.Н. Имитационное моделирование бизнес-процессов: учеб.-метод. пособие / Н.Н. Чернышова. – Нижний Новгород: НГУ им. Лобачевского, 2010. – 28 с.

Skorodumov P.V.

Modeling of economic systems with Petri nets

Pavel Valeryevich Skorodumov – Ph.D. in Engineering, Head of the Laboratory for Intelligent and Software-Information Systems at the Federal State-Financed Scientific Institution the Institute of Socio-Economic Development of Territories of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russia.); Associate Professor at the Department of Automatics and Computer Engineering at the Vologda State University (15, Lenin Street, Vologda, 160035, Russia), spv.vsc@gmail.com.

Abstract. Modeling is one of the most important tools to study complex systems. Components of both continuous and discrete nature are present in the behavior of contemporary economic systems. The article uses formalism of nested hybrid Petri nets as a tool to study complex economic systems.

The author describes basic approaches of simulation modelling, concepts of classical Petri nets, modified means of nested hybrid Petri nets, benefits of their use for systems modeling. The article presents the concept of a universal system of simulation modeling.

On the basis of considered approaches the article proposes to develop a universal system of simulation modeling on the basis of the modified machine Petri nets.

Key words: Complex system, model, simulation modeling, Petri nets, universal system of simulation modeling.

References

1. Dukhanov A. V., Medvedeva O. N. *Imitatsionnoe modelirovanie slozhnykh sistem: kurs lektii* [Simulation Modeling of Complex Systems: a Course of Lectures]. Vladimir: VGU, 2010. 118 p.
2. Kobelev N. B. *Osnovy imitatsionnogo modelirovaniya slozhnykh ekonomicheskikh sistem* [Bases for Simulation Modeling of Complex Economic Systems]. Moscow: Delo, 2003. 336 p.
3. Kotov V. E. *Seti Petri* [Petri Nets]. Moscow: Nauka, 1984. 160 p.
4. Lychkina N. N. *Dinamicheskoe imitatsionnoe modelirovanie razvitiya sotsial'no-ekonomicheskikh sistem i ego primenenie v informatsionno-analiticheskikh resheniyakh dlya strategicheskogo upravleniya* [Dynamic Simulation Modeling of Socio-Economic Systems and its Application in Information-Analytical Solutions for Strategic Management]. Available at: <http://strategybusiness.ru/dinamika-sotsialno-ekonomicheskix-sistem/dinamicheskoe-imitatsionnoe-modelirovanie-razvitiya-sotsialno-ekonomicheskix-sistem-i-ego-primenenie-v-informatsionno-analiticheskix-resheniyax-dlya-strategicheskogo-upravleniya.html>.
5. Mal'kov M. V., Malygina S. N. *Seti Petri i modelirovanie* [Petri Nets and Modeling]. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/seti-petri-i-modelirovanie>.
6. Peterson J. *Teoriya setei Petri i modelirovanie sistem* [Petri Net Theory and the Modelling of Systems]. Moscow: Mir, 1984. 264 p.
7. Poleshchuk N. A. *Modelirovanie zatrat v ekonomicheskikh sistemakh s pomoshch'yu setei Petri* [Cost Modelling in Economic Systems Using Petri Nets]. Available at: http://www.marketing-mba.ru/article/v4_11/Paliashchuk.pdf.
8. Repin V. V., Eliferov V. G. *Protsessnyi podkhod k upravleniyu. Modelirovanie biznes-protsessov* [Process Approach to Management. Modeling of Business Processes]. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber, 2013. 544 p.
9. Skorodumov P. V. Modelirovanie slozhnykh dinamicheskikh sistem na baze vlozhennykh gibridnykh setei Petri [Modeling of Complex Dynamic Systems on the Basis of Nested Hybrid Petri Nets]. *Sistemy upravleniya i informatsionnye tekhnologii: nauchno-tekhnicheskii zhurnal* [Management Systems and Information Technologies: Research and Technology Journal]. Moscow; Voronezh: Nauchnaya kniga, 2008, pp. 182-187.
10. Skorodumov P. V. Modelirovanie tekhnologicheskikh protsessov v terminakh setei Petri [Modeling of Technological Processes in Terms of Petri Nets]. *Nauchnye aspekty innovatsionnykh issledovaniy: materialy I Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Scientific Aspects of Innovation Research: Materials of the First International Research-to-Practice Conference]. Samara: OOO "Insoma-press", 2013, pp. 30-34.
11. Chernyshova N.N. *Imitatsionnoe modelirovanie biznes-protsessov: ucheb.-metod. posobie* [Simulation Modeling of Business Processes: Study Guide]. Nizhnii Novgorod: NGU im. Lobachevskogo, 2010. 28 p.

ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ

Письмо из Библиотеки Конгресса США

Германский и славянский отдел
Секция «Россия»

Профессору В.А. Ильину
Институт социально-экономического
развития территорий
Российской академии наук

22 июля 2014 г.

Уважаемый Владимир Александрович,

Обращаюсь к Вам от имени директора Библиотеки Конгресса США доктора Джеймса Биллингтона (James Billington). Благодарим Вас за предложение посылать в нашу библиотеку англоязычную версию Вашего журнала «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз».

Мы выписываем русскоязычную версию журнала с 2012 года через нашего поставщика и будем очень рады, если Вы будете посылать нам англоязычную версию. Она станет ценным дополнением для наших читателей, не знающих русского языка.

Также благодарим за ссылки на электронную версию Вашего журнала.

Мы благодарим Вас за помощь в пополнении фондов нашей библиотеки в это непростое время экономии бюджетов.

*С уважением,
Кали Р. Коллинз (Kali R. Collins)
И.о. руководителя сектора*

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Предлагаемые статьи должны содержать результаты исследований, обладающие новизной и практической направленностью, являться доступными по форме изложения для широкого круга читателей, соответствовать научной направленности журнала (экономические и социологические науки).

Статья должна, как правило, содержать следующие аспекты: цель работы; метод и методологию проведения работы; её результаты; область применения результатов; выводы. Выводы могут сопровождаться рекомендациями, предложениями, гипотезами, вытекающими из содержания статьи. При представлении в статье результатов социологических исследований необходимо указать следующую информацию: сведения о методологии и методике; дату, место (территорию) и организацию, проводившую исследование; структуру генеральной совокупности; тип, объем и ошибку выборки; описание методов сбора и анализа данных. Данную информацию следует изложить в одном из следующих вариантов: в специальном разделе (параграфе) статьи; непосредственно в тексте; в сноске. При оформлении таблиц важно пояснить, как считаются проценты: от числа ответивших на данный вопрос или от совокупности опрошенных. Пристатейный список литературы должен быть представительным, демонстрировать профессиональный кругозор и качественный уровень исследований авторов. Работы в пристатейном списке располагаются в алфавитном порядке сначала на русском, затем на английском (или любом другом – на латинице) языке. При ссылке в тексте даётся номер работы в квадратных скобках.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведённых фактов, цитат, статистических и социологических данных, имён собственных, географических названий и прочих сведений, а также за то, чтобы в статье не содержалось данных, не подлежащих открытой публикации.

Приводимые в таблицах (графиках) стоимостные показатели, относящиеся к разным временным периодам, представляются, как правило, в сопоставимой оценке. Если в таблицах (графиках) содержатся сравнительные данные по отдельным территориям, видам экономической деятельности и т.п., то они представляются в ранговом порядке с указанием периода, по которому производится ранжирование.

Объём статьи – не более 40 000 знаков (1 а.л.), включая пробелы и сноски, для докторов и кандидатов наук (в том числе при соавторе, не имеющем учёной степени) и не более 20 000 знаков (0,5 а.л.) – для остальных авторов. Исключения по объёму возможны только по предварительной договорённости с редакцией.

Автор представляет текст статьи и сопроводительные сведения в печатном виде по почте (один экземпляр, на одной стороне листа) и идентичные материалы по электронной почте. Печатный вариант обязательно подписывается автором (авторами).

Текст статьи направляется в формате MS Word в соответствии со следующими параметрами: гарнитура Times Roman, размер шрифта – 14 кегль, межстрочный интервал – 1,5, сноски в порядке упоминания в тексте в конце текста арабскими цифрами. Графики и диаграммы для электронного варианта статьи выполняются в программе MS Excel и даются отдельным файлом, который должен содержать не только сами графические материалы, но и исходные данные (таблицы). Блок-схемы оформляются в формате MS Word или MS VISIO-2003.

Статье должен быть присвоен **индекс УДК** (располагается до заголовка статьи).

Статью должны сопровождать **аннотация** (600 – 700 знаков; предполагается описание следующих позиций: формулировка проблемы, указание методики исследования и источников информации, характеристика основных результатов исследования, варианты решения проблемы) и **ключевые слова на русском и английском языках, библиографические списки**.

К статье прилагаются (отдельным файлом) **сведения об авторах статьи**, содержащие: заголовок статьи (**на русском и английском языках**), фамилию, имя, отчество (полностью), учёную степень, учёное звание, полное название и адрес организации – места работы, занимаемую должность, телефон и факс, адрес электронной почты, почтовый адрес для переписки.

К электронному варианту статьи прилагается **цветная фотография автора (авторов)** размером 4×6 см в формате tif (предпочтительно) или jpeg разрешением 300 dpi.

В соответствии с требованиями Гражданского кодекса РФ между авторами и редакцией журнала должен быть заключён Лицензионный договор с приложением к нему Акта приёма-передачи произведения. Эти документы, составленные по приведённой ниже форме и подписанные всеми авторами статьи, представляются в редакцию вместе с текстом статьи. Подписанный редакцией экземпляр договора будет направлен авторам по почте вместе с авторским экземпляром номера журнала.

Рукописи следует направлять **Почтой России** по адресу: 160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а, ИСЭРТ РАН, редакция журнала, с пометкой «для публикации в журнале «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз», а также **на электронный адрес: common@vscs.ac.ru.**

Факс: 8(8172)59-78-02. Тел.: 8(8172)59-78-31.

При полной или частичной перепечатке рукописей в другом издании обязательна ссылка на журнал.

Все рукописи подлежат рецензированию. Если у рецензента возникают вопросы, статья возвращается на доработку. Датой поступления статьи считается дата получения редакцией окончательного варианта статьи. Редакция оставляет за собой право внесения редакторских изменений и сокращений, не искажающих смысла статьи.

С 2010 года в журнале открыта рубрика «Молодые исследователи», в которой публикуются рукописи аспирантов. Статья должна быть без соавтора, заверена научным руководителем, рекомендована научной организацией, за которой закреплён аспирант.

Внимание! В случае несоблюдения указанных требований статья редакцией не рассматривается.

С электронной версией журнала можно ознакомиться по адресу: <http://esc.vscs.ac.ru>.

Лицензионный договор № _____

г. Вологда

« _____ » _____ 20__ года

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук, именуемое в дальнейшем «Лицензиат», в лице _____, действующего на основании доверенности _____, с одной стороны, и _____, именуемый(ая) в дальнейшем «Лицензиар», с другой стороны, именуемые в дальнейшем «Сторона/Стороны», заключили настоящий договор (далее — «Договор») о нижеследующем.

1. Предмет Договора

1.1. По настоящему Договору Лицензиар предоставляет Лицензиату неисключительные права на использование статьи _____

_____ (наименование, характеристика передаваемых Издателю материалов) именуемой в дальнейшем «Произведение», в обусловленных договором пределах и на определенный договором срок.

1.2. Лицензиар гарантирует, что он обладает исключительными авторскими правами на передаваемое Лицензиату Произведение.

2. Права и обязанности Сторон

2.1. Лицензиар предоставляет Лицензиату на срок 5 (Пять) лет следующие права:

2.1.1. право на воспроизведение Произведения (опубликование, обнародование, дублирование, тиражирование или иное размножение Произведения) без ограничения тиража экземпляров. При этом каждый экземпляр Произведения должен содержать имя автора Произведения;

2.1.2. право на распространение Произведения любым способом;

2.1.3. право на переработку Произведения (создание на его основе нового, творчески самостоятельного произведения) и право на внесение изменений в Произведение, не представляющих собой его переработку;

2.1.4. право на публичное использование Произведения и демонстрацию его в информационных, рекламных и прочих целях;

2.1.5. право на доведение до всеобщего сведения;

2.1.6. право переуступить на договорных условиях частично или полностью полученные по настоящему договору права третьим лицам без выплаты Лицензиару вознаграждения.

2.2. Лицензиар гарантирует, что Произведение, права на использование которого переданы Лицензиату по настоящему Договору, является оригинальным произведением Лицензиара.

2.3. Лицензиар гарантирует, что данное Произведение никому ранее официально (т.е. по формально заключённому договору) не передавалось для воспроизведения и иного использования.

2.4. Лицензиар передает права Лицензиату по настоящему Договору на основе неисключительной лицензии.

2.5. Лицензиар обязан предоставить Лицензиату Произведение в печатной/электронной версии для ознакомления. В течение 60 (Шестидесяти) рабочих дней, если Лицензиатом не предъявлены к Лицензиару требования или претензии, связанные с качеством (содержанием) или объёмом предоставленной для ознакомления рукописи Произведения, Стороны подписывают Акт приёма-передачи Произведения.

2.6. Дата подписания Акта приёма-передачи Произведения является моментом передачи Лицензиату прав, указанных в настоящем Договоре.

2.7. Лицензиат обязуется соблюдать предусмотренные действующим законодательством авторские права, права Лицензиара, а также осуществлять их защиту и принимать все возможные меры для предупреждения нарушения авторских прав третьими лицами.

2.8. Территория, на которой допускается использование прав на Произведение, не ограничена.

3. Ответственность Сторон

3.1. Лицензиар и Лицензиат несут в соответствии с действующим законодательством РФ имущественную и иную юридическую ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязательств по настоящему Договору.

3.2. Сторона, ненадлежащим образом исполнившая или не исполнившая свои обязанности по настоящему Договору, обязана возместить убытки, причинённые другой Стороне, включая упущенную выгоду.

4. Конфиденциальность

Условия настоящего Договора и дополнительных соглашений к нему конфиденциальны и не подлежат разглашению.

5. Заключительные положения

5.1. Все споры и разногласия Сторон, вытекающие из условий настоящего Договора, подлежат урегулированию путём переговоров, а в случае их безрезультатности указанные споры подлежат разрешению в суде в соответствии с действующим законодательством РФ.

5.2. Настоящий Договор вступает в силу с момента подписания обеими Сторонами настоящего Договора и Акта приема-передачи Произведения.

5.3. Настоящий Договор действует до полного выполнения Сторонами своих обязательств по нему.

5.4. Срок действия настоящего Договора автоматически продлевается на каждый следующий пятилетний срок, если ни одна из сторон не выступила с инициативой его расторжения не позднее, чем за один месяц до истечения срока его действия.

5.5. Расторжение настоящего Договора возможно в любое время по обоюдному согласию Сторон, с обязательным подписанием Сторонами соответствующего соглашения об этом.

5.6. Расторжение настоящего Договора в одностороннем порядке возможно в случаях, предусмотренных действующим законодательством, либо по решению суда.

5.7. Любые изменения и дополнения к настоящему Договору вступают в силу только в том случае, если они составлены в письменной форме и подписаны обеими Сторонами настоящего Договора.

5.8. Во всём, что не предусмотрено настоящим Договором, Стороны руководствуются нормами действующего законодательства РФ.

5.9. Настоящий Договор составлен в двух экземплярах, имеющих одинаковое содержание и равную юридическую силу, по одному для каждой из Сторон.

6. Реквизиты Сторон

Лицензиат:

ИСЭРТ РАН
ИНН 3525086170 / КПП 352501001
160014 г. Вологда, ул. Горького, 56а
УФК по Вологодской области (ИСЭРТ РАН
лиц. сч. 20306Ц32570)
Р/с 40501810400092000001
ГРКЦ ГУ Банка России по Вологодской
области, г. Вологда
БИК 041909001, ОКПО 22774067
ОКАТО 1940100000

_____/_____/_____
подпись

Лицензиар:

Ф.И.О. _____

Дата рождения: _____
Домашний адрес: _____

Паспорт: серия _____ номер _____
выдан _____
когда выдан _____
ИНН _____
Свидетельство государственного пенсионного страхования _____

_____/_____/_____
подпись ф. и. о. полностью

ИНФОРМАЦИЯ О ПОДПИСКЕ

Уважаемые коллеги!

Предлагаем Вам оформить подписку на журнал
«**Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз**».

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт социально-экономического развития территорий РАН» (ИСЭРТ РАН).

В журнале публикуются результаты исследований по оценке эффективности функционирования региональных социально-экономических систем Северо-Западного федерального округа России, секторов экономики субъектов округа и муниципальных образований по направлениям:

- стратегия развития;
- региональная экономика;
- социальное развитие;
- внешнеэкономические отношения;
- информационная экономика;
- проблемы расширенного воспроизводства и др.

Журнал включён в **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**.

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России №6/6 от 19 февраля 2010 года журнал включён в Перечень ведущих научных изданий, рекомендуемых для публикации основных результатов диссертаций на соискание учёной степени доктора и кандидата наук.

Главная цель издания – предоставление широким слоям научной общественности и практическим работникам возможности знакомиться с результатами научных исследований в области научного обеспечения региональной экономики, принимать участие в обсуждении этих проблем.

Редакционная коллегия, осуществляющая независимую экспертизу научных статей, состоит из ведущих ученых ряда регионов России.

Журнал выходит 6 раз в год.

Журнал включён в межрегиональную часть каталога российской прессы «Пресса России»: подписной индекс **41319**.

Каталожная цена одного номера журнала составляет 250 руб. (без учёта доставки). Подготовленный подписной бланк приведён в приложении.

Ф. СП-1	Министерство связи РФ												
	АБОНЕМЕНТ на <u>газету</u> журнал										41319		
	(индекс издания)												
	«Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз»												
	(наименование издания)										Количество комплектов:		
	на 20__ год по месяцам:												
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	
	Куда												
	(почтовый индекс)						(адрес)						
Кому													
(фамилия, инициалы) Тел.													
Доставочная карточка													
ПВ		место литер		на <u>газету</u> журнал		41319							
(индекс издания)													
«Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз»													
(наименование издания)													
Стоимость		подписки		руб.		коп.		Количество комплектов					
		пере-адресовки		руб.		коп.							
на 20__ год по месяцам:													
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12		
Куда													
(почтовый индекс)						(адрес)							
Кому													
(фамилия, инициалы)													

Редакционная подготовка

Л.Н. Воронина

Оригинал-макет

Т.В. Попова, А.А. Воробьева

Корректор

Н.С. Киселева

Подписано в печать 28.08.2014.

Дата выхода в свет 29.08.2014.

Формат 60×84^{1/8}. Печать цифровая.

Усл. печ. л. 31,3. Тираж 500 экз. Заказ № 237.

Цена свободная.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство ПИ № ФС77-49490 от 20 апреля 2012 г.

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт социально-экономического развития территорий
Российской академии наук (ИСЭРТ РАН)

Адрес издателя и редакции:

160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а,

телефон (8172) 59-78-03, факс (8172) 59-78-02, e-mail: common@vscc.ac.ru